



ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

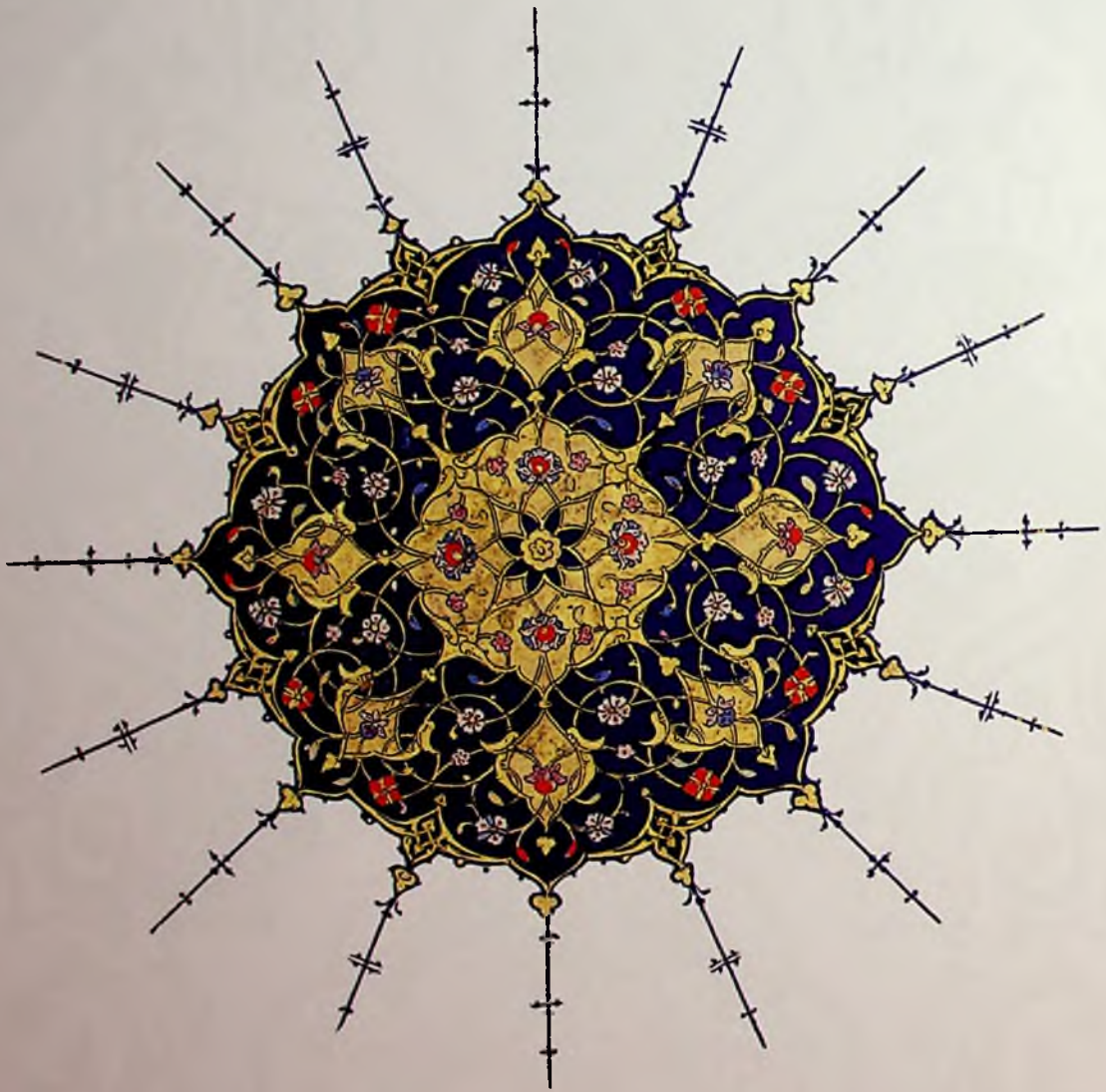


АЛИШЕР НАВОИЙ АСАРЛАРИ
XV-XVI АСРЛАР КИТОБАТ САНЪАТИ
ДУРДОНАЛАРИДА

THE WORKS OF ALISHIR NAVA'I IN FINE BOOKS
OF THE 15TH- 16TH CENTURIES

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛИШЕРА НАВОИ В ШЕДЕВРАХ
КНИЖНОГО ИСКУССТВА XV-XVI ВЕКОВ





**ЎЗБЕКИСТОН
МАДАНИЙ МЕРОСИ**
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА

**АЛИШЕР НАВОИЙ АСАРЛАРИ
XV-XVI АСРЛАР КИТОБАТ САНЪАТИ
ДУРДОНАЛАРИДА**

(РОССИЯ МИЛЛИЙ КУТУБХОНАСИ ТЎПЛАМИДАН,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

**THE WORKS OF ALISHIR NAVA'I IN FINE BOOKS
OF THE 15TH-16TH CENTURIES**

(FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA,
SAINT PETERSBURG, RUSSIA)

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛИШЕРА НАВОИ В ШЕДЕВРАХ
КНИЖНОГО ИСКУССТВА XV-XVI ВЕКОВ**

(ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

V



«SILK ROAD MEDIA» • «EAST STAR MEDIA»

TOSHKENT • 2020

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўғрисида» туркумига кирувчи «Алишер Навоий асарлари XV–XVI асрлар китобат санъати дурдоналарида (Санкт-Петербург, Россия)» китоб-альбомида буюк ўзбек шоири Алишер Навоийнинг XV–XVI асрларга оид ва Россия миллий кутубхонасининг фахри хисобланган нодир қўлёзмаларидан намуналар келтирилмоқда. Дунёнинг турли музейлари ҳамда шахсий коллекцияларда сақланган дурдоналар Ўзбекистоннинг ноёб моддий ва бадиий маданий меросини тўлиқ ҳолда акс эттирди.

Ушбу наشر нафақат олим ва тадқиқотчилар, балки Ўзбекистоннинг бой маданий меросига қизиқувчи барча маҳаллий ва хорижий ўқувчилар, ёш авлод вакиллари учун мўлжалланган. Жаҳонда ўхшаш йўқ ушбу лойиҳа мустақиллик йилларида яратилган имкониятлар ва Ўзбекистон Республикаси Президентини Шавкат Мирзиёевнинг ўзбек халқининг маданий, тарихий ва интеллектуал меросини асраб-авайлаш, бойитиш ҳамда янада қўлайлиги масалаларига бўлган шахсан эътибори тўғрисида амалга оширилмоқда.

Мазкур альбом ўқувчилари наشرга илова қилинган махсус хужжатли фильмлар ёзилган диск ёрдамида Ўзбекистоннинг бой маданияти ва санъати ҳақида ўз тасаввурларини янада кенгайтиришлари мумкин. Шунингдек саҳифаларда 3D-форматида қўйилган визуал маълумотларни олиш учун планшет ёки смартфонда сканерлашга мўлжалланган махсус ёрлиқлар мавжуд.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўғрисида» туркуми Ўзбекистоннинг ноёб тарихий-маданий меросининг бошқа намуналарига бағишланган китоб-альбомларни чоп этишни ҳам назарда тутиди.

The book-album “The Works of Alishir Navai in Fine Books of the 15th–16th centuries (Saint Petersburg, Russia)” from the series “The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections” presents the manuscripts of eminent Uzbek poet Alishir Navoi dating from the 15th–16th centuries. The Russian National Library is proud of these masterpieces. They fully convey the unique heritage of the material and artistic culture of Uzbekistan kept in various museums and private collections all over the world.

The publication is intended not only for members of the academic research community, but also for broad local and foreign audiences, as well as the younger generation interested in the rich cultural heritage of Uzbekistan. The project without any analogue in the world has been carried out due to favourable conditions created in the years of Independence and to the personal attention of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to such issues as the careful preservation, enrichment and augmentation of tangible and intangible cultural heritage of the Uzbek people.

The readers of the book- albums may broaden their notion of the rich culture and art of Uzbekistan and watch the documentary on the disk attached to the book-album. The pages are also marked with special tags for scanning with a tablet or smartphone to get additional visual information in 3D-format.

The multivolume series “The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections” is about to continue publishing other books dedicated to the unique masterpieces of the historical and cultural legacy of Uzbekistan.

В книге-альбоме «Произведения Алишера Навои в шедеврах книжного искусства XV–XVI веков (из собрания Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург, Россия)» из серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» представлены редкие образцы рукописей великого узбекского поэта Алишера Навои XV–XVI веков. Эти шедевры, являющиеся предметом гордости Российской Национальной библиотеки, в полной мере отражают уникальное наследие материальной и художественной культур Узбекистана, хранящееся в различных музеях и частных коллекциях по всему миру.

Издание рассчитано не только на представителей научно-исследовательских кругов, но и на широкую отечественную и зарубежную аудиторию, представителей молодого поколения, интересующихся богатым культурным наследием Узбекистана. Проект, аналогов которого нет в мире, осуществляется благодаря условиям, созданным в годы независимости, и личному вниманию Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева вопросам бережного сохранения, обогащения и приумножения исторического, культурного и интеллектуального наследия узбекского народа.

Читатели смогут расширить свое представление о богатой культуре и искусстве Узбекистана, ознакомившись со специально снятым документальным фильмом, диск с которым прилагается к книге-альбому. Также на страницы нанесены специальные метки для сканирования планшетом или смартфоном для получения дополнительной визуальной информации в 3D-формате.

Многотомная серия «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» предусматривает публикацию и других книг-альбомов, посвященных уникальным образцам историко-культурного наследия Узбекистана.



- © «Uzbekistan Today» ахборот агентлиги, Тошкент, 2020.
- © «Zamon Press Info» nashriyot uyi МЧЖ, Тошкент, 2020.
- © «Darakchi inform servis» МЧЖ, Тошкент, 2020.
- © Россия миллий кутубхонаси, 2020.
- © Ф.Ф. Абдухоликов – туркум муаллифи, лойиҳа раҳбари, Э.В. Ртвеладзе – лойиҳанинг илмий раҳбари
- © О.В. Васильева – матн муаллифи, тузувчи, 2020.



«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ ЖАҲОН ТЎПЛАМЛАРИДА» ЛОЙИҲАСИ ҲАҚИДА

*Китоб – устоз... Китоб мутолаасининг ҳар бир сонияси
сени донишмандлик ҳазинаси билан ошно эта олади.*

Алишер Навоий



Ўзбекистон – дунё тамаддуни тарихида ёркин из қолдирган буюк давлатлар вориси. Асрлар давомида унинг заминида ажойиб меъморчилик, санъат ва адабиётга оид асарлар яратилган бўлиб, улар ханузгача бутун дунёдаги Ўзбекистон халқлари маданияти ихлосмандларини хайратга солиб келмоқда. Ушбу меросни ҳаққоний ва ҳар томонлама ўрганиш нафақат Ўзбекистон, балки бутун жаҳоннинг муҳим вазифаси ҳисобланади, зотан мамлакатимиз маданияти бутун инсониятнинг бойлигидир.

Ўзбекистон Республикаси давлат мустақиллигини қўлга киритгач, бу соҳада кўплаб ишлар амалга оширилди. Шу билан бирга, мамлакатимиз ривожланишининг янги босқичида маданий тараққиёт ва меросимизни сақлаш борасидаги улкан муаммоларни ҳал қилишда янги стратегиялар очилди. Мамлакат Президенти Шавкат Мирзиёев ўзбек халқининг тарихий, маданий ва маънавий меросини асраб-авайлаш, бойитиш ва янада кўпайтириш, ёш авлодни умуминсоний ва миллий кадриятлар асосида тарбиялаш масалаларини давлат сиёсати даражасига кўтарди. Мамлакатда хорижда сақланаётган Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, келгусида қўлёзма бойликларни сақлаш, тадқиқ этиш ва тарғиб қилиш тизимини такомиллаштириш, моддий ва маданий мерос объектларини сақлаш соҳаси фаолиятини тубдан яхшилаш каби жуда муҳим ташаббуслар амалга оширилмоқда. Доимий равишда республикамизнинг ноёб маданияти, халқимизнинг тикланаётган гўзал ва пурхикмат анъаналарини намойиш этадиган тадбирлар ўтказилмоқда. Улар орасида Халқаро халқ амалий санъати фестивали (Қўқон), Халқаро бахшичилик санъати фестивали (Термиз) ва Халқаро мақом санъати фестивали (Шаҳрисабз)ни мисол келтириш мумкин. Янги ташаббусларнинг амалга оширилиши туфайли кейинги уч йил ичида маданий ҳаётнинг кўплаб



Халқаро мақом санъати анжумани.
Шахрисабз ш.

The Maqom Art International Forum,
Shakhrisabz.

Международный форум искусства
макома, г. Шахрисабз.



Халқаро бахшичилик санъати фестивали. Термиз ш.
Bakhshi International Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.



Халқаро хунармандчилик фестивали. Кўқон ш.
The International Festival of Folk Applied Arts in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства,
г. Коканд.

сохаларида, шунингдек, жамиятда рўй бераётган ижобий ўзгаришларга халқаро ҳамжамият эътиборини жалб қилиш борасида сезиларли натижаларга эришилди.

Бугун мамлакатимиз жаҳонга юз тутмоқда. Бу сиёсат қўшни давлатлар билан муносабатларда, сайёҳлик соҳаси ва гуманитар йўналишларда кўзга ташланади. Жамият ҳаётининг ҳар томонлама янгилалиши фуқаролик жамиятининг фаоллашувига олиб келади, бу эса миллий уйғониш, ўз тарихи ва маданиятини англашдан бошланади.

Ушбу икки муҳим омил – халқаро майдонда очиклик сиёсати ва ижтимоий фаол кучларнинг вужудга келиши мамлакатимиз ҳаётида янги, ажойиб воқелик – «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» мультимедиа лойиҳасининг пайдо бўлишига олиб келди. Жамоат, нодавлат ва халқаро ташкилотлар, ижтимоий аҳамиятга молик тадбиркорлик тузилмалари унинг ташаббускорлари бўлдилар.

Лойиҳа асоси ушбу қадимий ўлкада яратилган, аммо баъзи бир хо-

Одри Азуле, ЮНЕСКО Бош директори:

«Мерос – бизнинг авлодларимиз ва жамиятимиз ўртасидаги боғлиқлик. У келажак авлодларга етказилиши, бутун дунё билан бўлиши керак бўлган нарсадир. Бу умуминсоний мерос бўлиб, биз қон-қонимизда бунини ҳис қиламиз, шунинг учун ушбу меросни асраб-авайлашда барча саъй-ҳаракатларни амалга оширишимиз керак. Бу нафақат Ўзбекистон, балки бутун инсоният учун муҳимдир».

А. Алексеев, тарих фанлари доктори, Россия миллий кутубхонаси қўлёзмалар бўлими мудири:

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси ўз кўлами билан кишини ҳайратга солади. Унинг муаллифлари юксак вазифа деб аталишга тўла ҳақли олижаноб, беназир ғоядан илҳом ола билганлар. Чунончи Ўзбекистоннинг бутун дунё музейларида сақланаётган маданий ҳазиналарини мисқоллаб тўплаб, уларни ўзбек халқининг асрлар давомидаги маданий ижоди хилма-хиллигини акс эттирувчи бир қатор бекиёс альбомлар туркумида жамлаб тақдим этганлар».

латлар сабаб ҳозирда чет элда – Россия давлати, Европа мамлакатлари ва Осиё, Америка, Африкадаги турли музейлар ва шахсий тўпламларда сақланаётган Ўзбекистон маданий мероси дурдоналарини каталоглаштириш ва билишга йўналтирилган. Булар археологик артефактлар, ноёб миниатюраларга эга нодир қўлёзмалар, турли хил амалий санъат буюмларидир. Бу каби вазифаларни ҳали дунёнинг бирон бир мамлакати ўз олдига қўймаган. Инчунун, маданий мерос ҳақида тўлиқ маълумот йиғиш унинг чинакам аҳамиятини баҳолаш имконини беради.

Лойиҳа бутун дунё бўйлаб кенг халқаро илмий алоқаларни ўрнатишни назарда тутди. Унинг фаол ютуқлари хорижда тобора тан олинмоқда. Олдимизда энг йирик музей ва кутубхоналар, шахсий коллекциялар эшиклари очилмоқда. Ҳар бир янги қадам билан биз билим йўлида олға одимлаймиз.

Тўпланган материаллар китоб-альбом шаклида нашр этилади. Уларнинг ҳар бири маълум бир хорижий тўпламда ёки бирор бир мамлакат тўпламларидаги Ўзбекистон моддий ва маънавий меросига бағишланган. Нашрлардан жаҳон миқёсида тан олинган дурдона асарлар, шунингдек, кенг жамоатчилик ва мутахассисларга унчалик маълум бўлмаган ёки умуман номаълум намуналар ўрин олган. Матн уч тилда – ўзбек, инглиз ва рус тилларида берилган бўлиб, имкон қадар кенг китобхонлар аудиториясини қамраб олиш мақсад қилинган.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси мультимедиа эканлигини ҳисобга олиб, нашр этилган китоб-альбомлар матнига қўшимча равишда махсус тайёрланган видеофильм дисклари илова қилинган. Лойиҳанинг суратга олиш гуруҳи тўпламлари китоб саҳифаларида акс этган мамлакатлар ва музейларда фильмлар устида иш олиб бормоқда.

Шу билан бирга, Ўзбекистон ноширлик амалиётида биринчи марта китоб-альбомларда китобхонга тўплам ёки маълум бир мавзу ҳақида қўшимча визуал маълумотларни олиш имконини берадиган кенгайтирилган вокелик услубидан фойдаланилди. Планшет ёки смартфон ёрдамида махсус белгиларни сканерлаш орқали экранда объектнинг 3D-форматидаги модели, шунингдек, тегишли видео пайдо бўлади. Бундай янгиликлар ўсиб келаётган ёш авлоднинг кенг доирасини илмий-оммабоп адабиётларга жалб қилиш имконини беради.

Лойиҳа нашр-ахборот фаолияти билан чекланиб қолмайди. Бугунги кунда у ўз ишидаги ёндашувлар уйғунлигини акс эттирувчи бир нечта янги йўналишларни бирлаштиради. Кенг кўламли нашриёт дастуридан ташқари, фильмлар ва телевизион дастурларни яра-

тиш, халқаро конгресслар, медиа тадбирлар ўтказилмоқда, янги ғоялар ва йўналишлар ишлаб чиқилмоқда. Мисол учун, «Ўзбекистон обидаларидаги битиклар» серияси аллақачон халқаро миқёсда тан олинган, ҳозирда эса «Ўзбекистон фан ва маданияти олимлар асарларида» нашр сериясини чоп этиш режалаштирилган бўлиб, бу йўналиш илгари яратилган, аммо илм-фан учун жуда катта қизиқиш касб этган, ҳозир-гача ноёб ҳисобланган монографиялар қайта нашр этилишини кўзда тутди. Шунингдек, «Ўзбекистон археологик ёдгорликлари картографияси», «Ўзбекистон архитектура ёдгорликлари картографияси», «Ўзбекистон маҳаллалари» лойиҳаларини ҳам алоҳида таъкидлаш жоиз. «Ўзбекистон ёзма ёдгорликларининг 100 дурдонаси» йўналиши доирасида тадқиқотчиларга осон бўлиши учун илмий ва бадиий нуқтаи назардан жуда қадрли кўлёзмаларнинг факсимиллари нашр этилмоқда.

Умуман олганда, «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасини Янги Ўзбекистоннинг ташриф қоғози деб аташ мумкин. Бу фуқаролик жамияти, жамоат, давлат ва халқаро ташкилотлар, ижтимоий аҳамиятга молик тадбиркорлик тузилмалари, оммавий ахборот воситалари ва дунёнинг турли мамлакатларидаги олимларнинг савий-ҳаракатлари бирлашуви маърифат ва таълим соҳаларида мисли кўрилмаган

**Михаил Пиотровский,
Давлат Эрмитажи
директори (Россия):**

«Қадимги тарих ва маданият ҳозирги дунёда хотиранинг бир тўлкинидир. Ушбу Лойиҳа фуқароларнинг ташаббускорлиги, нотижорат ва маданий муассасаларнинг ёрқин уйғунлигини топа билди. Бу маданий концепцияга оид ёдгорликлар қандай йиғилгани, қандай чоп этилгани, одамлар бутун дунёда мавжуд бўлган маданий меросга қай даражада ғамхўрлик қилаётганига ёрқин бир мисолдир».



**Сайид Абдулҳаким Жузжони,
профессор (Швеция):**

«Ўзимнинг ўзбек илдизларим ва аждодларим билан доимо фахрланаман. Мен Швецияда яшайман, лекин ҳар доим хаёлан Ўзбекистондаман. Президент Шавкат Мирзиёевга алоҳида миннатдорчилик билдирмоқчиман, чунки унинг бевоқиф раҳбарлигида мамлакатда маданий меросни асраб-авайлаш ва оммалаштириш бўйича кенг кўламли чора-тадбирлар амалга оширилмоқда. Бутунжаҳон жамияти аъзоси сифатида мен бошқараётган халқаро Бобур номидаги фонд орқали Ўзбекистон маданияти ва илм-фанини дунёга танитиш имконига эга бўлганимдан хурсандман».

*«Ўзбекистон маданий мероси
жаҳон тўпламларида»
китоб-альбомлар серияси.*

*Book-albums of the series
"Cultural Legacy of Uzbekistan in
World Collections".*

*Книги-альбомы серии
«Культурное наследие
Узбекистана в собраниях
мира».*



«Ўзбекистон обидаларидаги битиклар» нашр лойиҳаси ва Ўзбекистоннинг нодир қўлёзмалари факсимиле нусхалари.



Publishing project "Architectural Epigraphy of Uzbekistan" and facsimile copies of outstanding manuscripts of Uzbekistan.

Издательский проект «Архитектурная эпиграфика Узбекистана» и факсимильные копии выдающихся рукописных памятников Узбекистана.

Фредерик Старр, Марказий Осиё ва Кавказ Институтини асосчиси ва раиси (АҚШ):

«Барчамиз ўз тарихимиз ҳақида тасаввурга эга бўлиш қанчалик муҳимлигини тушунишимиз керак. Агар одамлар ўз ўтмишларини билишмаса, бу ҳаётнинг юзаки эканлигини, вақт ўтиши билан ота-боболарнинг жуда катта аҳамиятга молик улкан ютуқлари йўқолишини англайди. Ўзбекистон Президенти ўз мамлакатини маданиятини асраб-авайлаш ва янада оммалаштиришга катта эътибор қаратаётганидан жуда хурсандман. Бундан қўлчилик ўрнат олиши керак».

натижаларга эришишига ёрқин мисолдир. Унинг фаолияти ўз ғояси ва қўламига кўра нафақат мамлакатимиз, балки дунё микёсида ҳам ноёбдир. Халқаро экспертларнинг таъкидлашига кўра, Ўзбекистоннинг бундай кенг қўламли каталоглаштириш ва маданий меросни оммалаштириш борасидаги тажрибаси дунёнинг бошқа давлатлари учун намунадир.

Дунё илмий ҳамжамиятининг қўмағисиз ишимиз давомида олға ҳаракатлана олмасдик. Фаолияти мамлакатимиз билан боғлиқ бўлган етакчи тадқиқотчилар, музей ходимлари ва коллекционерлар бизнинг ҳамкорлик ҳақидаги мурожаатларимизга хайрихоҳлик кўрсатдилар. Қисқа вақт ичида Ўзбекистон тарихи ва маданиятини ўрганишга жалб қилинган дунёнинг 300 дан ортиқ зукко олимлари – шарқшунослар, санъат тарихчилари, этнографлар, турли мамлакатларнинг музей мутахассисларини бирлаштирган тармоқ яратилди. Кучларнинг бундай уйғунлиги бизга тажриба ва фикр алмашиш, маданиятлараро ва давлатлараро мулоқотни кучайтиришга имкон яратди.

2017 йил май ойида Тошкент ва Самарқандда бўлиб ўтган «Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I халқаро илмий-маданий конгрессида илк марта Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамиятини яратиш ғояси илгари сурилди. 2018 йилда Санкт-Петербургда бўлиб ўтган II халқаро конгресс доирасида Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти ташкил этилди – унинг низоми тасдиқланди, Кенгаши



раёсати ва Илмий кенгаш сайлаб олинди. Янги тузилма Ўзбекистон тарихи ва маданиятини кадрлайдиган барчани ўзида жамлади.

Тарих бир мамлакат меросини ўрганиш учун бутун дунё олимлари тўпланган бундай кенг кўламли воқеликни ҳали билмайди. Бундан ташқари, ушбу халқаро эътибор маълум даражада бири-бирига ўхшаш тарихий ҳодисаларни қўллаб-қувватлайди: Ўзбекистон ҳудуди ҳар доим турли халқлар ва маданиятларнинг учрашадиган жойи бўлиб келган.

Жамиятнинг мақсади Ўзбекистон ва умуман Марказий Осиёнинг маданий меросини сақлаш, ўрганиш ва оммалаштиришга жалб этилган маҳаллий ва халқаро, давлат ва жамоат ташкилотлари, тадқиқотчилар, экспертлар, фан, оммавий ахборот воситалари вакиллари ва бошқа манфаатдор тузилмаларга дунё маданий меросини сақлаш контекстида кўмаклашишдан иборат. Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти 2019 йилнинг август ойида Париж шаҳрида расмий рўйхатдан ўтказилди.

Дунё олимларининг бирлашиши туфайли, Лойиха нафақат инфор-мацион, балки илмий аҳамиятга ҳам эга бўлди. Илк бор катта миқдордаги миллий маданиятимизнинг бойлиги ва хилма-хиллиги ҳақидаги тушунчамизни кенгайтирувчи янги маълумотлар илмий муомалага киритилди. Ўнлаб йиллар давомида омборхоналарда «мудраб ётган» кўп-лаб ажойиб санъат асарлари аниқланмоқда, махсус кўргазмалар ташкил этилмоқда. Жаҳон ҳамжамияти томонидан ўтказиладиган конгрессларда дунёнинг турли мамлакатларидан келган олимлар мамлакатимиз маданиятига оид долзарб илмий мавзуларда ўнлаб янги тақдимотлар қилмоқдалар. Барча ҳисоботлар Интернет тармоғида, лойиха манбала-рида, ёшларга илғор илмий ютуқларни тақдим этиш учун жойлашти-

«Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл»
I халқаро илмий-маданий конгресси қатнашчилари.
Самарқанд ш., 2017 й.

Participants of the First International Scientific and Cultural Congress "Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries", Samarkand, 2017.

Участники Первого международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», г. Самарканд, 2017 г.

Сали Шахсивари, «Al-Furqan»
Ислом мероси жамғармаси
ижрочи директори (Буюк
Британия):

«Мен бир неча бор Ўзбекистонга ташриф буюрганман ва шахсан Президентнинг ўзбек маданиятини сақлаш ва оммалаштиришдаги муҳим ролига гувоҳ бўлганман. Ишонаманки, бу Ўзбекистонда амалга оширилаётган энг муҳим лойиҳалардан бири. Одамлар мазкур ходисани «ўзбек маданияти» ва «ўзбек мероси» дея таърифлайдилар, бу айти ҳақиқат, шу билан бирга ушбу жараён тамаддуни ва маданиятининг жуда муҳим қисмидир. Шундай қилиб, айтиш мумкинки, сиз дунё тарихи, тамаддуни ва маданиятининг муҳим қисмини қайта тикламоқдасиз».

II халқаро конгресс қатнашчилари Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти тўғрисидаги резолюция ва Низомни ўқиб чиқишмоқда. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Participants of the Second International Congress read out the resolution and charter of the World Society for Study, Preservation and Popularization of the Cultural Legacy of Uzbekistan, St. Petersburg, 2018.

Участники II международного конгресса зачитывают резолюцию и устав Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, Санкт-Петербург, 2018 г.



Эрнесто Ренато Оттоне Рамирес, ЮНЕСКО Бош директорининг маданият бўйича ўринбосари:

«Сўнгги йилларда сизнинг мамлакатингизда моддий ва маънавий меросни асраб-авайлаш бўйича олиб борилаётган саъй-ҳаракатларни ҳаят муҳим деб ҳисоблайман. Сиз Ўзбекистоннинг маданий мероси бойликлари нафақат мамлакатда, балки бутун дунёда — Европа ва АҚШнинг асосий музейларида сақланаётганлигини бутун дунёга намойиш этиш учун ҳаракат қилмоқдасиз. Ўйлайманки, Ўзбекистоннинг ушбу масалага жиддий муносабати — тадқиқотлар, кўргазмалар, янги илмий тузилмалар ва лойиҳаларни яратиш орқали кўп давлатлар учун намуна. Тадқиқот нафақат академик билимлар, балки фарзандларимиз ва янги авлод учун ҳам билимларни етказиш усулидир. ЮНЕСКО Ўзбекистон билан фаол ҳамкорлик қилаётганидан жуда мамнунмиз».

рилган. Пировардида Ўзбекистоннинг қиёфасини яратиш учун мамлакатимизнинг бой тарихи, маданияти ва урф-одатларини оммавий ахборот воситаларида акс эттиришдан-да яхшироқ бирон нарса ўйлаб топишнинг иложи бўлмади.

Бутунжаҳон жамияти халқаро дипломатиянинг самарали шакли ҳам бўлиб, у халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги ўзаро ҳамжиҳатликни мустаҳкамлашга, энг муҳими, дунё саҳнасида Ўзбекистоннинг маданий нуфузини оширишга хизмат қилмоқда.

Шуни таъкидлаш керакки, Лойиҳа ўз фаолиятининг дастлабки кунларидан бошлаб ижтимоий йўналтирилган — у томонидан нашр этилган барча маҳсулотлар Ўзбекистон ва дунёнинг бошқа мамлакатларининг таълим ва маданият муассасаларига беғараз тарқатилади.

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг биринчи натижалари дунё илмий жамоатчилигининг мамлакатимиз бой маданий меросига бўлган катта қизиқишини намойиш этди. Ва, албатта, у Президентимиз Шавкат Мирзиёевдан ҳар томонлама мадад олмоқда. Давлатимиз раҳбари 2019 йил август ойида Тошкентда бўлиб ўтган Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамиятининг III халқаро конгресс иштирокчиларига йўллаган мурожаатида таъкидлаганидек: «Маърифат ва таълимга қаратилган лойиҳалар кўлами жуда катта. Уларнинг амалга оширилиши биз учун нафақат шараф, балки Ўзбекистон келажагини белгиловчи асосий йўналишдир. Дарҳақиқат, маърифат ва таълим тинчлик ва яратувчиликка олиб боради. Айнан маърифат ва таълим халқлар фаровонлигининг калитидир. Айнан маърифат ва таълим одамларни эзгу ишлар, яхшилик ва бағрикенгликка етаклайди. Фақатгина кучларни



*«Ўзбекистон маданий мероси Россия Федерацияси музейларида» давра суҳбати.
Москва ш., 2017 й.*

Round table "The Cultural Legacy of Uzbekistan in the Museums of the Russian Federation", Moscow, 2017.

Круглый стол «Культурное наследие Узбекистана в музеях Российской Федерации», г. Москва, 2017 г.

бирлаштириш орқали биз ушбу эзгу мақсадларга эришишимиз мумкин».

Ўша конгрессда Бутунжаҳон жамияти аъзолари Президентга Лойиха доирасида тайёрланган китоб-альбомлардан мамлакатимиз ва дунёнинг ҳар бир кутубхоналари сингари республикадаги мактаблар ва университетларда ўқув қўлланма сифатида фойдаланиш мумкинлиги ҳақидаги таклифни билдиришди. Ушбу таклиф Ўзбекистон Республикаси Президенти ва ҳукумати томонидан қўллаб-қувватланди. Китобхоннинг қўлида бўлган кўп жилдли «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомларининг иккинчи нашри бепул тарқатиш учун мўлжалланган ва бу юксак қўллаб-қувватлашнинг тасдиғидир.

Бутунжаҳон жамият олимлари номидан Ўзбекистон Президенти

*«Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» мавзусидаги медиа ивент.
Лондон ш., 2019 й.*

*Media event "New Uzbekistan: unique cultural initiatives".
London, 2019.*

*Медиа ивент «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы»,
г. Лондон, 2019 г.*





Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш бўйича Бутунжаҳон жамияти 2019 йилнинг август ойида Париж шаҳрида расмий рўйхатдан ўтказилди.

The World Society for the Study, Preservation and Popularization of the Cultural Heritage of Uzbekistan was officially registered in August 2019 in Paris.

Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана прошло официальную регистрацию в августе 2019 года в г. Париже.



Дунёнинг 40 мамлакатидан келган 400 дан ортиқ шарқшунос олимларга «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомлари ҳадя қилинди. Тошкент ш., 2019 й.

More than 400 orientalists from 40 countries were presented with gift books and albums of the series "The Cultural Heritage of Uzbekistan in World Collections". Tashkent, 2019.

Более 400 востоковедов из 40 стран были вручены в дар книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», г. Ташкент, 2019 г.

Шавкат Мирзиёевга Ўзбекистон маданий меросини асраб-авайлаш, ўрганиш ва оммалаштиришга йўналтирилган мазкур Лойиҳага шахсан эътибори ва қўллаб-қувватлагани учун миннатдорлик билдирамыз.

Ушбу Лойиҳа узоқ йилларга мўлжалланган, негаки унинг мавзулари чексиз. У мамлакатимиз маданий меросини нафақат ҳозирги кунда кадрлашни, балки келажак авлодларга ҳам сақлаб қолиш учун барча имкониятларни ишга солиш кераклигини таъкидлайди.

Э.В. Ртвеладзе,
Ўзбекистон маданий
меросини ўрганиш, сақлаш
ва оммалаштириш бўйича
Бутунжаҳон жамияти
Илмий кенгаши раиси,
Ўзбекистон Фанлар академияси
академиги

Ф.Ф. Абдухоликов,
Ўзбекистон маданий
меросини ўрганиш, сақлаш
ва оммалаштириш бўйича
Бутунжаҳон жамияти
Бошқаруви раиси,
Ўзбекистонда хизмат
кўрсатган журналист

ABOUT THE PROJECT "CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN IN WORLD COLLECTIONS"

*The book is a teacher ...
Every moment it gives you the revelation of wisdom.*

Alisher Navoi

Uzbekistan has succeeded to the great states, which added a glorious page to history of the world civilization. Amazing works of literature, architecture and arts have been created in this country for centuries and they still delight people interested in the culture of Uzbekistan peoples all over the world. An objective and comprehensive study of this heritage is an urgent task not only for Uzbekistan, but also for the whole world, since the culture of our country is the heritage of all mankind.

Since the Republic of Uzbekistan has become independent, much has been done in this field. At the same time, a new stage in the development of our country has opened new strategies in solving the fundamental problems of cultural development and preservation of heritage. The President of the country, Shavkat Mirziyoyev, raised the issues of the careful preservation, enrichment and enhancement of the historical, cultural and intellectual heritage of the Uzbek people, the education of the younger generation on the basis of universal and national values to the rank of state policy. Such important initiatives as the study of the cultural values of Uzbekistan kept abroad are being implemented in the country, measures are being taken to further improve the storage, research and promotion of manuscripts, and activities are being improved in the field of safeguarding tangible cultural heritage. Events demonstrating the unique culture of the republic, reviving the beautiful and wise traditions of our people are held on a regular basis. Among them are the International Festival of Folk Applied Arts in Kokand, the International Art Festival "Bakhshi" in Surkhandarya and the International Art Festival "Maqom" in Shakhrisabz. Owing to the implementation of new initiatives, it has been possible to achieve a significant upsurge in many areas of cultural life, as well as to draw the attention of the international community to the positive changes that are taking place in society in less than three years.



*Халқаро мақом санъати анжумани,
Шахрисабз ш.*

*The Maqom Art International Forum,
Shakhrisabz.*

*Международный форум искусства
макома, г. Шахрисабз.*



*Халқаро бахшичилик санъати фестивали, Термиз ш.
Bakhshi International Art Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.*



*Халқаро хунармандчилик фестивали, Қўқон ш.
The International Festival of Folk Applied Arts in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства,
г. Коканд.*

**Audrey Azoulay, Director –
General of UNESCO:**

"Legacy is a connection between our generations, between our society. This is exactly what needs to be passed on to other generations, it is something that needs to be shared with the world. This is a universal legacy that we see at the root of our history, and we must therefore make every effort to preserve that heritage. This will be important not only for Uzbekistan, but for the entire world".

Today our country is opening up to the world. It is palpable in politics – in relations with neighbouring states, as well as in tourism and in the humanitarian sphere. Renewal of many aspects of public life leads to the revitalization of civil society, which understands that a national revival begins with gaining identity, understanding one's own history and culture.

These two important factors – the policy of openness in the international arena and the emergence of socially active forces – led to the birth of a new, vivid phenomenon in the life of our country – the multimedia project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections". Its initiators were public, non-governmental and international organizations, socially responsible business.

The project is based on the current idea of cataloging and comprehending the masterpieces of the cultural heritage of Uzbekistan creat-

ed on this ancient land, but due to a number of circumstances housed now abroad – in various museums and private collections in Russia, Europe, Asia, America, Africa... They are archaeological artifacts, the rarest manuscripts with unique miniatures and various objects of applied art. A similar task has not yet been set by any country in the world. Meanwhile, the collection of the most complete information about the heritage makes it possible to judge its true meaning.

The project involves the establishment of the broadest international scientific contacts around the world. Its active work is increasingly recognized abroad. The doors of the largest museums and libraries, private collections are opening in front of us. We move forward on the path of knowledge with every new step.

The collected materials are published in the form of book-albums. Each of them is devoted to artifacts from Uzbekistan in a particular foreign collection or group of collections of one country. An illustrative series may include internationally recognized masterpieces, as well as samples little known or completely unknown to the general public and specialists. The text in three languages – Uzbek, English and Russian – is aimed to reach the widest possible readership.

Considering that the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" is multimedia, disks with video films specially created in addition to the text are attached to the published book-albums. Films are being made by the Project crew in countries and museums, the collections of which are presented on the pages of books.



Frederick Starr, Founder and Chairman of the Institute of Central Asia and the Caucasus (USA):

"We all need to understand how important it is to have an idea of our own history. If people do not know their past, this indicates the superficiality of life, that over time the significance and great achievements of their ancestors will be lost. I am very glad that the President of Uzbekistan pays so much attention to the preservation and further popularization of the culture of his country. This should be a model for many other countries".

Sayyid Abdulhakim Jujani, professor (Sweden):

"I have always been proud of my Uzbek roots and ancestors. I live in Sweden, but always in my mind in Uzbekistan. I want to express special gratitude to President Shavkat Mirziyoyev, under whose leadership large-scale measures are being taken in the country to preserve and popularize the cultural heritage. As a member of the World Society, I am glad that I have the opportunity to glorify the culture and science of Uzbekistan".

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тупламларида» китоб-альбомлар серияси.

Book-albums of the series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections"

Книги-альбомы серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира».

Charles Melville, Doctor, Professor, President of the Islamic Manuscript Association, Vice President of the British Institute for Persian Studies and Director of the Cambridge Project "Shahnameh":

"I am pleased to take part in an important project to study and publish the cultural heritage of Uzbekistan and Maverannahr, which played a central role in the exchange between Iranian and Turkic civilizations for several millennia. Being involved in the path that the project for publishing great albums has already passed, I am looking forward to the publication of future volumes and the opportunity to make my own contribution."

At the same time, an augmented reality technique was used, which allows the reader to receive additional visual information about the collection or a specific artifact, for the first time in the publishing practice of Uzbekistan in books and albums. When scanning special marks with a tablet or smartphone, the model of the object in 3D format will appear on the screen, as well as the corresponding video. Such innovations allow attracting wide circles of the younger generation to popular science literature.

The project is not limited to publishing and information activities. Nowadays, it combines several new directions demonstrating the complexity of approaches. In addition to a large-scale publishing program the production of films and television programs is active, international congresses and media events are held, new ideas and directions are being developed. E.g., the series "Architectural Epigraphy of Uzbekistan" has already received wide international recognition; the publishing series "Science and Culture of Uzbekistan in the scholars' works" is planned, which implies the re-release of monographs created in the past but of great interest to science, which are now inaccessible. Also worth mentioning are the projects "Cartography of Archaeological Monuments of Uzbekistan", "Cartography of Architectural Monuments of Uzbekistan" and "Mahalla of Uzbekistan". Within the framework of the "100 Outstanding Manuscript Monuments of Uzbekistan" facsimiles of manuscripts that are most valuable from a scientific and artistic point of view are published to make them accessible for researchers.



«Ўзбекистон обидаларидаги битиклар»
нашр лойиҳаси ва Ўзбекистоннинг нодир
қўлёзмалари факсимиле нусхалари.

Publishing project "Architectural Epigraphy
of Uzbekistan" and facsimile copies of
outstanding manuscripts of
Uzbekistan.



Издательский проект «Архитектурная
эпиграфика Узбекистана» и
факсимильные копии выдающихся
рукописных памятников Узбекистана.





«Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I халқаро илмий-маданий конгресс катнашчилари. Самарқанд ш., 2017 й.



Participants of the First International Scientific and Cultural Congress "Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries", Samarkand, 2017.

Участники I международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», г. Самарканд, 2017 г.

In general, "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" project can be named as the calling card of New Uzbekistan, a striking example of how the consolidation of efforts of civil society, public, state and international organizations, socially responsible business, the media and scholars from around the world can achieve unprecedented results in areas of enlightenment and education. Its activity is unique in its design and scale, not only for our country. According to international experts the experience of Uzbekistan in such a massive cataloging and popularization of heritage is an example for other states of the world.

In the course of our work, we could not advance without the support of the scientific world community. Leading researchers, museum curators and collectors whose interests are related to our country have responded to our call for cooperation. In a record short time, a network was created that brought together more than 300 first-class scholars of the world – orientalists, art historians, ethnographers, and museum experts from different countries involved in the study of the history and culture of Uzbekistan. Such a combination of forces allows us to share experiences and exchange views, strengthen intercultural, interstate dialogue.

During the First International Scientific and Cultural Congress "The Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries", held in May 2017 in Tashkent and Samarkand, the idea of creating the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Legacy of Uzbekistan was first put forward. In 2018 as part of

**Ernesto Renato Otton Ramirez,
Deputy Director-General for
Culture UNESCO:**

"I consider the efforts that have been made in recent years in the country to maintain the material and spiritual heritage are fundamentally important. You are working to show the world that the uniqueness of the cultural heritage of Uzbekistan is stored not only within the country but also preserved through out the world. For example, in the main museums of Europe, the USA and in many other countries. I do believe that this type of particularly serious attitude of Uzbekistan to this issue shows through research, demonstration, creation of new scientific structures and projects. This might be an example for many countries to learn from. Research is a way to transfer not only academic knowledge but also knowledge for our children and next generations. We are very pleased that UNESCO is actively working with Uzbekistan in this area".



Sali Shahsivari, Managing Director of Al-Furqan Islamic Heritage Foundation (Great Britain):

"I believe that this is one of the most important projects carried out in Uzbekistan. People describe this phenomenon as "Uzbek culture" and "Uzbek heritage", this is true, but it is also a very significant part of world civilization and culture. Reviving the Uzbek culture, you are reviving an important part of world history and culture, and I sincerely congratulate the people in Uzbekistan who were at the forefront of this cultural legacy project. This is a very important project and I wish it the greatest success.

I have visited Uzbekistan several times and personally witnessed the significant role of the country's president in preservation and popularization of its culture. Indeed, Islam is a religion of culture and tolerance, but there is no better way than to demonstrate this through the history and culture of peoples. And I'm sure that for this reason, Uzbekistan should take a part not only on the basis of its internal considerations, but also on the basis of the interests of the entire region, and, truly, for the sake of the whole of humankind".

II халқаро конгресс қатнашчилари Бутунжаҳон жамиятининг Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш тўғрисидаги резолюция ва Низомини ўқиб чиқишмоқда. Санкт-Петербург ш., 2018 й.

Participants of the Second International Congress read out the resolution and charter of the World Society for Study, Preservation and Popularization of the Cultural Legacy of Uzbekistan, St. Petersburg, 2018.

Участники II международного конгресса зачитывают резолюцию и устав Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, г. Санкт-Петербург, 2018 г.

the Second International Congress held in St. Petersburg, the establishment of the World Society was accomplished – its charter was approved, the Board and the Academic council were elected. The new structure united all those who cherish the history and culture of Uzbekistan.

There was no such a large-scale phenomenon in the history, when scholars from all over the world came together to study the heritage of one country. Moreover, this international attention is supported by a kind of historical parallel: the territory of Uzbekistan has always been a meeting place for various peoples and cultures.

The purpose of the Society is to assist the local and international state and public organizations, researchers, experts, scholars, the media sphere and other interested structures involved in the conservation, study and popularization of the cultural heritage of Uzbekistan and Central Asia as a whole in the context of preserving the world cultural heritage. The purpose of the Society is to assist the local and international state and public organizations, researchers, experts, scholars, the media sphere and other interested structures involved in the conservation, study and popularization of the cultural heritage of Uzbekistan and Central Asia as a whole in the context of preserving the world cultural heritage.

Owning to the unification of scholars from around the world, the Project has gained not only informational, but also important scientific significance. For the first time, a huge amount of new factual data has been introduced into scientific circulation, expanding our understanding of the richness and diversity of national culture. Attribution of many wonderful works of art "dozing" in the storerooms for decades is carried out and special exhibitions are organized. Scholars from around



Маданий мерос ҳафталиги қатнашчилари «Кушон подшолиги хазинаси» кўргазмасида иштирок этдилар. Тошкент ш., 2019 й.

Participants of the Heritage week took part in the exclusive exhibition "Treasures of the Kushan Empire", Tashkent, 2019.

Участники Недели наследия приняли участие в эксклюзивной выставке «Сокровища Кушанского царства», г. Ташкент, 2019 г.



«Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» мавзусидаги медиа ивент. Прага ш., 2019 йил.

Media event "New Uzbekistan: unique cultural initiatives". Prague, 2019.

Медиа ивент «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», г. Прага, 2019 г.

the world present dozens of new, relevant scientific topics related to the knowledge of our country's culture at congresses held by the World Society. All reports are downloaded on the network with resources of the Project making advanced scientific achievements accessible to young people. As a result, it was impossible to come up with anything better to create the image of Uzbekistan than such a massive reflection in the media about the rich history, culture and traditions of our country.

The world society has also become an effective form of international diplomacy, it serves to strengthen mutual understanding between peoples and countries, and most importantly – to increase the cultural image of Uzbekistan on the world stage.

Қўлғемалар бўлими Шарқ фонди шўъбаси мудири О. Васильева, Россия миллий кутубхонаси.

Olga Vasilyeva, Head of the Oriental Fund Sector of the Manuscripts Department, the National Library of Russia.

Заведующая сектором Восточных фондов Отдела рукописей О. Васильева, Российская национальная библиотека.



Olga Vasilieva, the National Library of Russia:

"The idea of publishing a series of albums "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" is striking in its grandiose scale. Due to its scope, it initially seemed to be unrealistic, because it required too many financial, organizational and intellectual resources. In addition, good will was needed for the authorities of those museums and libraries keeping archaeological finds, works of art and crafts related to Uzbekistan. The publication of the first volumes of the series demonstrated that the difficulties arisen on the way to the implementation of the Project were successfully overcome due to the efforts of its organizers and participants. Today we can outline ways for further cooperation in the name of promoting the Uzbek cultural heritage".



*2019 йилда Сурхондарёдаги Окс
Александрияси форпости очилишида
40 мамлакатдан 300 дан ортик
шарқшунос олимлар иштирок этди.*

*More than 300 oriental scholars from 40
countries took part in the opening of the
archeological fortress "Alexandria on Oxus",
Surkhandarya, 2019.*

*Более 300 востоковедов из 40 стран
мира приняли участие в открытии
археологического форпоста
«Александрия Оксианская». Сурхандарья,
2019 г.*

**Halit Eren, Director General,
Center for the Study of Islamic
Culture, Art and History,
IRCICA (Turkey):**

"I am grateful to President Shavkat Mirziyoyev for his contribution to the creation of the Imam al-Bukhari International Center, the construction of a magnificent building, the strengthening of interfaith harmony and the promotion of the rich culture of Islamic civilization. I witnessed the practical implementation of the idea of creating enlightened Islam, which was once put forward by the President of your country. In a word, Uzbekistan is a country with a rich history and is an example of peace, harmony and tolerance. IRCICA is ready to work with Uzbekistan in the field of research on ancient manuscripts, distribute audio and video versions and implement new projects about great thinkers, study the culture and art of Uzbekistan".

It is important to emphasize that the Project from the first days of its activity is socially oriented – all the publications are distributed to educational and cultural institutions of Uzbekistan and other countries of the world free of charge.

The first results of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" demonstrated the huge interest of the world scientific community in the rich cultural heritage of our country. And, of course, President Shavkat Mirziyoyev supports the project entirely. As the President noted in his address to the participants of the Third International Congress of the World Society for Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan held in Tashkent in August 2019: "The scope of the projects aimed at enlightenment and education is enormous. Their implementation is not only a matter of honour for us, but also the main vector that determines the future of Uzbekistan. Indeed, it is enlightenment and education that lead to peace and creation. Enlightenment and education are the key to the prosperity of peoples. It is enlightenment and education that lead people to good deeds, goodness and tolerance. And only by joining our forces we can achieve these good goals".

The members of the World Society at the same congress addressed to the President with the proposal that album books prepared under the Project can be used as teaching aids for schools and universities of Uzbekistan, as well as be in every library in our country and the world.

This proposal was supported by the President and the Government of the Republic of Uzbekistan. The second edition of the multivolume series "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections", which the reader holds in hands, is intended for free distribution and is a confirmation of the high support.

On behalf of the scholars of the World Society we sincerely thank the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev for the personal attention and considerable support of this Project aimed at preserving, studying and popularizing the cultural heritage of Uzbekistan.

The project is designed for many years, since the topics it raises are inexhaustible. The project proves that our country values its cultural heritage not only in the present, but also does everything possible to preserve it for future generations.

*E.V. Rtveladze,
Chairman of the Academic Council
of the World Society for study,
preservation and popularization of
the Cultural Heritage of Uzbekistan,
Academician of the Academy of
Sciences of Uzbekistan*

*F.F. Abdukhaliqov,
Chairman of the Board of the World
Society for study, preservation
and popularization of the Cultural
Heritage of Uzbekistan,
Honored journalist
of Uzbekistan*

*Professor, Doctor of Historical
Sciences, E. Rezvan, Deputy
Director of Peter the Great
Museum of Anthropology
and Ethnography (the
Kunstkamera) of the Russian
Academy of Sciences (Russia):*

"The project is amazing! I do not know the analogue of such a project, probably there are parallel or small projects, but one circumstance separates this project from all others – in its logical completeness. Here are collected masterpieces related to the history of Uzbekistan! I am more than sure that the most important result of this project will be the emergence of a generation of new and young scholars in different countries who, based on these publications, will study the history and culture of Uzbekistan".



*Ўзбекистон Тасвирий
санъат галереясида «Кушон
подшолиги хазинаси»
экслюзив кўргазмасининг
очилиши. Тошкент ш.,
2019 й.*

*Opening of the exclusive
exhibition "Treasures of the
Kushan Empire" in the Gallery
of Fine Arts of Uzbekistan.
Tashkent, 2019.*

*Открытие эксклюзивной
выставки «Сокровища
Кушанского царства» в
Галерее изобразительных
искусств Узбекистана,
г. Ташкент, 2019 г.*

О ПРОЕКТЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА В СОБРАНИЯХ МИРА»

Книга – учитель...

Каждый миг дарит она тебе откровения мудрости.

Алишер Навои

Узбекистан – преемник великих государств, вписавших яркие страницы в историю мировой цивилизации. На протяжении веков на его земле создавались удивительные произведения архитектуры, искусства и литературы, которые и поныне восхищают поклонников культуры народов Узбекистана во всем мире. Объективное и всестороннее изучение этого наследия является актуальной задачей не только для Узбекистана, но и всего мира, так как культура нашей страны – достоинство всего человечества.

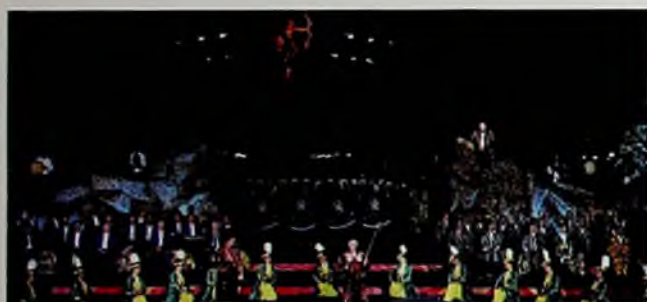
С обретением Республикой Узбекистан независимости в этом направлении сделано немало. Вместе с тем, новый этап в развитии нашей страны открыл новые стратегии в решении фундаментальных проблем культурного развития и сохранения наследия. Президент страны Шавкат Мирзиёев возвел в ранг государственной политики вопросы бережного сохранения, обогащения и преумножения исторического, культурного и интеллектуального наследия узбекского народа, воспитание подрастающего поколения на основе общечеловеческих и национальных ценностей. В стране реализуются такие важные инициативы, как изучение культурных ценностей Узбекистана, находящихся за рубежом, принимаются меры по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и пропаганды рукописных памятников, совершенствуется деятельность в сфере охраны объектов материального культурного наследия. На регулярной основе проводятся мероприятия, демонстрирующие уникальную культуру республики, возрождающие красивые и мудрые традиции нашего народа. В их числе – Международный фестиваль народно-прикладного искусства в Коканде, Международный фестиваль искусства бахши в Термезе, Международный форум искусства макама в Шахрисабзе и другие. Благодаря реализации новых инициатив удалось добиться значительного подъема во многих сферах культурной жизни, а также привлечь



*Халқаро мақом санъати анжумани,
Шахрисабз ш.*

*The Maqom Art International Forum,
Shakhrisabz.*

*Международный форум искусства
мақома, г. Шахрисабз.*



*Халқаро бахшичилик санъати фестивали, Термиз ш.
Bakhshi Art International Festival in Termez.
Международный фестиваль искусства бахши, г. Термез.*



*Халқаро хунарамандчилик фестивали, Қўқон ш.
The International Festival of Folk Applied Arts in Kokand.
Международный фестиваль народно-прикладного искусства,
г. Коканд.*

международное сообщество к участию в позитивных изменениях, которые происходят в обществе.

Сегодня наша страна открылась миру. Это ощутимо и в политике – в отношениях с государствами-соседями, и в сфере туризма, и в гуманитарной сфере. Обновления многих сторон общественной жизни ведут и к активизации гражданского общества, понимающего, что национальное возрождение начинается с обретения идентичности, постижения собственной истории и культуры.

Эти два важных фактора – политика открытости на международной арене и появление социально активных сил – привели к рождению нового, яркого явления в жизни нашей страны – мультимедийного проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». Его инициаторами стали общественные, негосударственные и международные организации, социально ответственный бизнес.

**Фредерик Старр,
основатель и председатель
Института Центральной
Азии и Кавказа (США):**

«Мы все должны понимать, как важно иметь представление о нашей собственной истории. Если люди не знают своего прошлого, это говорит о том, что со временем будет потеряна значимость великих достижений предков. Я очень рад, что Президент Узбекистана уделяет такое большое внимание сохранению и популяризации культуры своей страны. Это должно стать примером для многих».

**Михаил Пиотровский,
директор Государственного
Эрмитажа (Россия):**

«Древняя история и культура – это всегда в нынешнем мире волны памяти. В этом Проекте найдено блестящее сочетание гражданских инициатив, деятельности некоммерческих и культурных учреждений. Это образец того, как собираются памятники, связанные с культурным понятием, как они издаются, каким образом на самом деле люди заботятся о своем культурном наследии. Этот опыт имеет крайне важную ценность во всем мире».

В основе Проекта лежит актуальная идея каталогизации и осмысления шедевров культурного наследия Узбекистана, созданных на этой древней земле, но в силу ряда обстоятельств хранящихся ныне за рубежом – в различных музеях и частных коллекциях России и других стран Европы, Азии, Америки, Африки... Это археологические артефакты, редчайшие рукописи с уникальными миниатюрами, разнообразными предметами прикладного искусства. Подобной задачи еще не ставила перед собой ни одна страна мира. Между тем, сбор максимально полной информации о наследии дает возможность судить о его подлинном значении.

Проект подразумевает налаживание широчайших международных научных контактов по всему миру. Его активная работа находит все большее признание за рубежом. Перед нами открываются двери крупнейших музеев и библиотек, частных коллекций. С каждым новым шагом мы продвигаемся вперед на пути познания.

Собранные материалы публикуются в виде книг-альбомов. Каждая из них посвящена артефактам из Узбекистана в том или ином зарубежном собрании либо группе собраний одной страны. Иллюстративный ряд может включать в себя как всемирно признанные шедевры, так и образцы, малоизвестные или вовсе неизвестные широкой общественности и специалистам. Текст на трех языках – узбекском, английском, русском – позволяет охватить максимально широкую читательскую аудиторию.

«Ўзбекистон маданият мероси жаҳон тўпламларида» китоб-альбомлар серияси.

*Book-albums of the series
“Cultural Legacy of Uzbekistan
in World Collections”.*

*Книги-альбомы серии
«Культурное наследие
Узбекистана в собраниях
мира».*





«Моддий ва номоддий
меросни асраш: долзарб
муаммолар ва уларни хал
этиш йўллари»
халқаро конференцияси.
Самарқанд ш., 2019 й.

*The International Conference
"The preservation of tangible
and intangible cultural
heritage: topical issues
and strategies to resolve them".
Samarkand, 2019.*

Международная конференция
«Сохранение материального
и нематериального наследия:
актуальные проблемы и
стратегии их решения»,
г. Самарканд, 2019 г.

**Одди Азуле, Генеральный
директор ЮНЕСКО:**

«Наследие — это связь между
нашими поколениями,
между нашим обществом.
Это как раз то, что должно
быть передано другим
поколениям, это то, чем
необходимо делиться со всем
миром. Это универсальное
наследие, которое мы видим
в корне нашей истории,
и поэтому мы должны
приложить все усилия для
сохранения этого достояния.
Это будет иметь значение не
только для Узбекистана, но и
для всего мира».

Учитывая, что проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» является мультимедийным, к издаваемым книгам-альбомам прилагаются диски с видеофильмами, специально созданными в дополнение к тексту. Работа над фильмами ведется съемочной группой Проекта в странах и музеях, коллекции которых представлены на страницах книг.

Вместе с тем, впервые в издательской практике Узбекистана в книгах-альбомах использован прием дополненной реальности, позволяющий читателю получить дополнительную визуальную информацию о коллекции или определенном предмете. При сканировании



*Лойиҳа томонидан нашр
қилинган Ўзбекистоннинг
ноёб қўлёзма намуналари
факсимиле нусхалари.*

*Facsimile copies of outstanding
manuscripts of Uzbekistan
published by the Project.*

*Факсимильные копии
выдающихся рукописных
памятников Узбекистана,
изданные Проектом.*



Бутунжаҳон жамиятининг Ўзбекистон маданий меросини урганиш, сақлаш ва оммалаштиришга бағишланган «Янги Ўзбекистон: ноёб маданий ташаббуслар» медиа тадбири иштирокчилари. Вашингтон ш., 2019 й.

Participants of the media event "New Uzbekistan: Unique Cultural Initiatives" dedicated to the presentation of the World Society for the Study, Preservation and Popularization of the Cultural Heritage of Uzbekistan", Washington, 2019.

Участники медиа ивента «Новый Узбекистан: уникальные культурные инициативы», посвященного презентации Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана», г. Вашингтон, 2019 г.

Сали Шахсивари,
управляющий директор
Фонда исламского
наследия «*Al-Furqan*»
(Великобритания):

«Я несколько раз посещал Узбекистан и был свидетелем важной роли Президента вашей страны в сохранении и распространении богатейшей культуры Узбекистана. Я полагаю, что это один из самых важных Проектов, осуществляемых в Узбекистане. Люди описывают это явление как «узбекская культура» и «узбекское наследие», и это действительно так, но также это очень важная часть мировой цивилизации и культуры. Возрождая узбекскую культуру, вы возрождаете значительную часть мировой истории и культуры».

планшетом или смартфоном специальных меток на экране появится модель объекта в 3D-формате, а также соответствующий видеоролик. Такого рода нововведения позволяют привлечь к научно-популярной литературе более широкую аудиторию подрастающего поколения.

Проект не ограничивается издательско-информационной деятельностью. Сегодня он совмещает несколько новых направлений, демонстрируя комплексность подходов в своей работе. Помимо масштабной издательской программы, создания фильмов и телепередач, проводятся международные конгрессы, медиа ивенты, разрабатываются новые идеи и направления. Так, уже получила широкое международное признание серия «Архитектурная эпиграфика Узбекистана», планируется издательская серия «Наука и культура Узбекистана в трудах ученых», подразумевающая переиздание созданных в прошлом, но представляющих огромный интерес для науки монографий, которые ныне являются малодоступными. Также следует упомянуть проекты «Картография археологических памятников Узбекистана», «Картография архитектурных памятников Узбекистана», «Махалли Узбекистана». В рамках направления «100 выдающихся рукописных памятников Узбекистана» издаются факсимиле ценнейших с научной и художе-



*«Янги Ўзбекистон: ноёб
маданий ташаббуслар»
мавзусидаги медиа ивент.
Варшава ш., 2019 й.*

*Media event "New Uzbekistan:
unique cultural initiatives".
Warsaw, 2019.*

*Медиа ивент «Новый
Узбекистан: уникальные
культурные инициативы»,
г. Варшава, 2019 г.*

ственной точки зрения манускриптов с целью их доступности для исследователей.

В целом Проект «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» можно назвать визитной карточкой нового Узбекистана, ярким примером того, как консолидация усилий гражданского общества, общественных, государственных и международных организаций, социально ответственного бизнеса, СМИ и ученых разных стран мира позволяет добиться беспрецедентных результатов в области просвещения и образования. Его деятельность является уникальной по своему замыслу и масштабу не только для нашей страны. Как отмечают международные эксперты, опыт Узбекистана в деле столь масштабной каталогизации и популяризации наследия является примером для других государств мира.

В ходе работы мы не смогли бы продвинуться вперед без поддержки научного мирового сообщества. На наш призыв о сотрудничестве откликнулись ведущие исследователи, музейные кураторы и коллекционеры, чьи интересы связаны с нашей страной. За рекордно короткий срок была создана сеть, объединяющая свыше 300 первоклассных ученых мира – востоковедов, историков искусства, этнографов, музейных специалистов разных стран, вовлеченных в процесс изучения истории и культуры Узбекистана. Такое объединение сил позволяет делиться опытом и обмениваться мнениями, укреплять межкультурный, межгосударственный диалог.

**Эрнесто Ренато Оттоне
Рамирес, заместитель
генерального директора
ЮНЕСКО по культуре:**

«Я считаю принципиально важными усилия, которые принимаются в вашей стране для сохранения материального и духовного наследия. Вы работаете над тем, чтобы показать миру, что богатство культурного наследия Узбекистана хранится не только в стране, но сохраняется во всем мире — в основных музеях Европы и США и в других государствах. Я думаю, что именно такое серьезное отношение Узбекистана к этому вопросу — через исследования, демонстрацию, создание новых научных структур и проектов — это пример для многих стран. Мы очень рады, что ЮНЕСКО активно сотрудничает с Узбекистаном».

«Маданий мерос – Ўзбекистон ва Франция ўртасидаги кўприк» медиа тадбири. «Gabriel» павильони, Париж ш., 2018 й.

Media event "Cultural heritage as a bridge between Uzbekistan and France", "Gabriel" Pavilion, Paris, 2018.

Медиа ивент «Культурное наследие как мост между Узбекистаном и Францией». Павильон «Gabriel», г. Париж, 2018 г.



О. Васильева, Российская национальная библиотека (Россия):

«Идея издания серии альбомов «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» поражает грандиозным масштабом. Из-за своего размаха она первоначально представлялась нереалистичной, ведь требовала привлечения больших финансовых, организационных и интеллектуальных ресурсов. Также нужна была добрая воля руководства музеев и библиотек, в которых хранятся археологические находки, произведения искусства и ремесла, имеющие отношение к Узбекистану. Выход в свет первых томов серии продемонстрировал, что все трудности успешно преодолены благодаря усилиям организаторов и участников. Сегодня можно наметить пути дальнейшего сотрудничества во имя популяризации узбекского культурного наследия».

В ходе I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами», прошедшего в мае 2017 года в Ташкенте и Самарканде, впервые была выдвинута идея о создании Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана. В 2018 году в рамках II международного конгресса, прошедшего в Санкт-Петербурге, создание Всемирного общества свершилось – был утвержден его Устав, избрано правление и научный совет. Новая структура объединила всех тех, кому дороги история и культура Узбекистана.

Мировая практика еще не знала такого масштабного явления, когда ученые всего мира объединились для изучения наследия одной страны. Причем это международное внимание поддерживается своего рода исторической параллелью: территория Узбекистана всегда была местом встречи различных народов и культур.

Целью Общества является содействие отечественным и международным государственным и общественным организациям, исследователям, экспертам, представителям науки, медиасферы и другим заинтересованным структурам, вовлеченным в деятельность по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия Узбекистана и Центральной Азии в целом, в контексте сохранения мирового культурного наследия. Всемирное общество по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана получило официальную регистрацию в Париже в августе 2019 года.

Благодаря объединению ученых мира Проект обрел не только информационное, но и важное научное значение. Впервые в научный оборот вводится огромное количество новых фактологических данных, расширяющих наше представление о богатстве и разнообразии



*II халқаро конгресс якуний гала-оқшоми.
Санкт-Петербург ш., 2018 й.*

*The gala evening of the Second
International Congress,
St. Petersburg, 2018.*

*Завершение торжественного вечера
II международного конгресса,
г. Санкт-Петербург, 2018 г.*

национальной культуры. Проводится атрибуция многих замечательных произведений искусства, десятилетиями «дремавших» в запасниках, организуются специальные выставки. На конгрессах, проводимых Всемирным обществом, ученые разных стран мира презентуют десятки новых, актуальных научных тем, связанных с познанием культуры нашей страны. Все доклады выкладываются в сеть на ресурсах Проекта, делая передовые научные достижения доступными для молодежи. В итоге – невозможно было придумать ничего лучшего для создания образа Узбекистана за рубежом, чем такое массивное отражение в средствах массовой информации богатейшей истории, культуры и традиций нашей страны.

Всемирное общество стало также эффективной формой международной дипломатии, оно служит укреплению взаимопонимания между народами и странами, а главное – повышению культурного имиджа Узбекистана на мировой арене.

Важно подчеркнуть, что Проект с первых дней своей деятельности является социально ориентированным – вся изданная им продукция распространяется по образовательным и культурным учреждениям Узбекистана и иных стран мира на безвозмездной основе.

Абдумажид Мадраимов,
заведующий отделом
музея истории Темуридов
Академии наук Республики
Узбекистан, доктор
исторических наук,
профессор:

«Подобные проекты – это всегда результат многолетнего труда зарубежных и узбекских ученых. Книги-альбомы о культурном наследии Узбекистана, хранящиеся во многих музеях мира, а также факсимильные копии памятников востока сегодня возрождены и представлены нашему народу. Это, несомненно, внесет большой вклад в превращение Узбекистана в центр мировой культуры».



*Маданий мерос ҳафталиги
қатнашчилари Файзтепа ёдгорлигида.
Термиз ш., 2019 й.*

*Participants of the Cultural Heritage Week at
the Fayaztepe, site Termez, 2019.*

*Участники Недели культурного
наследия во время посещения
памятника Фаязтепа, г. Термез, 2019 г.*

**Сайид Абдулҳаким
Джужжани, профессор
(Швеция):**

«Я всегда гордился своими узбекскими корнями и предками. Я проживаю в Швеции, но мысленно всегда в Узбекистане. Хочу выразить особую благодарность Президенту Шавкату Мирзиёеву, под руководством которого в стране осуществляются масштабные мероприятия по сохранению и популяризации культурного наследия. В качестве члена Всемирного общества рад тому, что имею возможность прославлять культуру и науку Узбекистана посредством Международного фонда им. Бобура, который возглавляю».

Первые результаты работы проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» продемонстрировали огромный интерес мирового научного сообщества к богатейшему культурному наследию нашей страны. И, конечно, он нашел всемерную поддержку Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева. Как отметил глава нашего государства в своем обращении к участникам III Международного конгресса Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана, состоявшегося в Ташкенте в августе 2019 года: «Масштаб намеченных к реализации проектов, направленных на просвещение и образование, огромен. Их выполнение является для нас не только делом чести, но и главным вектором, определяющим будущее Узбекистана. Ведь именно просвещение и образование ведут к миру и созиданию. Именно просвещение и образование являются ключом к процветанию народов. Именно просвещение и образование ведут людей к благодеяниям, добру, терпимости. И только путем объединения усилий мы сможем достичь этих благих целей».

На этом конгрессе члены Всемирного общества дали высокую оценку реформам, проводимым в Узбекистане в сфере культуры и обратились к Президенту с предложением о том, что книги-альбомы,



подготовленные в рамках Проекта, могут быть использованы в качестве учебных пособий для школ и вузов республики, а также быть в каждой библиотеке нашей страны и мира. Это предложение было поддержано Президентом и Правительством Республики Узбекистан. Второе издание многотомной серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», которое читатель держит в руках, предназначено для безвозмездного распространения и является подтверждением этой высокой поддержки.

От имени ученых Всемирного общества мы искренне благодарим Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева за личное внимание и весомую поддержку настоящего Проекта, направленного на сохранение, изучение и популяризацию культурного наследия Узбекистана.

Проект рассчитан на многие годы, поскольку поднимаемые им темы неисчерпаемы. Он доказывает, что наша страна ценит свое культурное наследие не только в настоящем, но и делает все возможное, чтобы сохранить его для будущих поколений.

Э. В. Ртвеладзе,
Председатель научного совета
Всемирного общества
по изучению, сохранению и
популяризации культурного
наследия Узбекистана,
академик Академии наук
Узбекистана

Ф. Ф. Абдухаликов,
Председатель правления
Всемирного общества
по изучению, сохранению
и популяризации культурного
наследия Узбекистана,
заслуженный журналист
Узбекистана

*Дунёнинг 40 мамлакатидан
келган 400 дан ортқ
шарқишунос олимларга
«Ўзбекистон маданий
мероси жаҳон
тўғламларида» китоб-
альбомлари ҳада қилинди.
Тошкент ш., 2019 й.*

*More than 400 oriental
scholars from 40 countries
received as a gift book-albums
of the series "Cultural Legacy
of Uzbekistan in World
collections", Tashkent, 2019.*

*Более 400 ученым-
востоковедам из 40 стран
мира были подарены книги-
альбомы серии «Культурное
наследие Узбекистана
в собраниях мира»,
г. Ташкент, 2019 г.*



ЎЗБЕКИСТОН - БУЮК ЙЎЛЛАР ВА ЦИВИЛИЗАЦИЯЛАР ЧОРРАҲАСИ: ИМПЕРИЯ, ДИН, МАДАНИЯТ

МЕРОС ҲАФТАЛИГИ



НАВОИЙШУНОСЛИККА
ҚЎШИЛГАН ҲИССА

BIG CONTRIBUTION
TO NAVOI STUDIES

БОЛЬШОЙ ВКЛАД
В НАВОИВЕДЕНИЕ

НАВОИЙШУНОСЛИККА ҚЎШИЛГАН ҲИССА

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» туркумидаги китоблар дунёнинг кўплаб мамлакатларидаги музейлар ва кутубхоналарда сақланаётган Ўзбекистондан олиб кетилган турли буюмлар ҳақида ба-тафсил илмий маълумот бериши билан жуда аҳамиятли ҳисобланиб, бир вақтнинг ўзида ҳам илмий, ҳам маърифий вазифа бажаради. Ушбу туркумда чоп этилаётган навбатдаги китоб ўзбек халқининг буюк мутафаккири Ҳазрат Алишер Навоий ҳақида бўлиб, ўзбекистонлик ва россиялик олимларнинг ҳамкорлиги маҳсулидир. Китобга Қўлғамалар бўлими фонди сақловчиси ва мудираси О.В. Васильева томонидан тартиб берилган. Мазкур китоб истиқлол йилларида Ўзбекистонда буюк шоирнинг ҳаёти ва ижоди, фалсафий қарашлари, сиёсий фаолиятини тадқиқ этишга қаратилган ишларнинг мантиқий давоми бўлди.

Гўёки буюк мутафаккир Алишер Навоий ва Ўзбекистон мустақиллиги ўртасида қандайдир кўзга кўринмас сирли ришталар, ўзаро боғлиқлик борга ўхшаб кўринади: мамлакатимизда «Навоий йили» деб эълон қилинган 1991 йилда биз мустақилликка эришдик, ўз навбатида мустақиллик Навоийга иккинчи ҳаёт бахш этди.

Истиқлол йилларида мамлакатимизда адабиёт соҳасида Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Республикаси Давлат мукофоти таъсис этилди. Тошкент марказида Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон миллий боғи барпо этилди ва бу боғ ўртасида шоирнинг салобатли ҳайкали қад кўтарди. Ҳар йили 9 февраль куни бу ерда давлат ва ҳукумат раҳбарлари, маданий муассасалар, олий ва ўрта-махсус ўқув юртлари ўқитувчи ва талабалари, оммавий ахборот воситалари ходимлари, шахар жамоатчилиги йиғилиб, улуғ шоир ҳайкали пойига гулчамбарлар қўядилар. Олимлар, адиблар ва санъаткорлар иштирокида Алишер Навоийни хотирлаб, илмий-маданий тадбирлар ўтказилади. Худди шундай боғ Навоий тавадлуқининг 570 йиллиги муносабати билан 2011 йилда шоир номи билан аталувчи Навоий вилоятида ҳам ташкил этилди. Бугина эмас, Боку,

Москва, Токио каби дунёнинг муаззам шаҳарларида ҳам улуг ўзбек шоирининг ҳашаматли ҳайкаллари қўр тўкиб турибди.

Мустақиллик йилларида буюк шоир туғилган кун – 9 февраль миллий байрам мақомига кўтарилди. Ҳар йили навоийхонлик кунлари билан бошланадиган ва бу ўзига хос маънавият байрамлари бобурхонлик тантаналарига уланиб кетадиган бўлди. Шоирнинг ўз таъбири билан айтганда:

*Олам элидин кимга мукаррар бўлди
Бу мартабаким, манга муяссар бўлди?!*

Мустақиллик Алишер Навоий ҳаёти ва ижодини ўрганишнинг янги босқичини бошлаб берди. Сермахсул ва серкирра шоирнинг XX жилдлик «Мукаммал асарлар тўплами» илк бор (1987–2003) нашр қилиниши мамлакат маданий-адабий ҳаётида катта воқеа бўлди. Бу ишга ўтган аср 80-йилларининг иккинчи ярмида киришилди. 1987–1990 йилларда унинг 6 жилди чоп этилиб, қолган 14 та жилди айнан истиқлол йилларида нашр қилинди. Кейин шу асосда унинг ўн жилдлик «Тўла асарлар тўплами» кирилл (2011) ва лотин (2013) алифбосида чоп этилди. Шоир асарларининг алоҳида нашрлари эса йил сайин мунтазам босилиб туради. «Хамса» (лотин алифбосида, 5 жилд (2006), «Ҳазойин ул-маоний» (4-жилд, 2011), «Насойим ул-муҳаббат» (2011) нашрлари шулар жумласидандир.

Алишер Навоийнинг ҳаёти, фаолияти даври, муҳитини янгича нуқтаи назардан кўриб чиқиш, ҳозиргача мавҳум бўлиб келаётган айрим нуқталарини ойдинлаштириш юзасидан ҳам қатор тадқиқотлар амалга оширилди.

Навоийнинг фалсафий қарашлари, меросининг диний-тасаввуфий моҳияти, бадииятини тадқиқ этишга қизиқишнинг ортиши Навоий даҳосини бутун улугворлиги билан англашга имкон яратиши шубҳасиз. Мустақиллик йилларида улуг шоир ҳаёти, фаолияти, ижоди, адабий-фалсафий қарашлари, асарларининг матний тадқиқи бўйича 10 га яқин докторлик, 20 дан зиёд номзодлик диссертациялари ҳимоя қилинди.

Маълумки, Алишер Навоий форс-тожик тилида ҳам самарали ижод қилган зулфисонайн шоир ҳисобланади. Унинг форсий мероси «Девони Фоний» ва 10 та қасидани ўз ичига олган «Ситтаи зарурия» («Олти зарурат») ва «Фусули арбаа» («Тўрт фасл») тўпламларидан иборат. Шоирнинг форсий мероси истиқлолгача қисқартирилган ҳолда насрий баёни билан Навоийнинг ўн беш жилдлик асарлари таркибида 2 жилдда нашр этилган ва санокли шеърларигина назмий таржима қилинган эди. Мустақиллик даврида бу мерос тўла ҳолда насрий таржимаси билан шоирнинг XX жилдлик «Мукаммал асарлар тўплами» таркибида 3 жилдда эълон қилинди. Шоир Жамол Камол томонидан 200 дан зиёд ғазали ва 10та қасидаси ҳам шеърӣ таржима қилиниб, «Фоний гулшани»

(2011) номи билан алоҳида тўплам ҳолида эълон қилинди. «Ситтаи зарурия» қасидалар тўплами ҳам насрий таржимада китоб шаклида ўқувчилар ҳукмига ҳавола қилинди (2005).

Кейинги даврда улуғ шоир ижодини қиёсий адабиётшунослик аспектида ўрганиш борасида ҳам эътиборга молик тадқиқотлар олиб борилмоқда. Бу борада Б. Валихўжаевнинг Навоий ва Шарқ ҳамсачилигига бағишланган, Н. Комиловнинг «Навоий ва Шарқ адабиёти», М. Мухиддиновнинг Навоий ва Хусрав Дехлавий «Хамса»лари мавзуидаги, А. Абдуқодировнинг «Хамса» дostonларини Жомийнинг «Хафт авранг»идаги дostonлар, С. Олимнинг «Мантиқ ут-тайр» ва «Лисон ут-тайр»ни қиёсий ўрганишга бағишланган мақолалари, Н. Араслининг «Навоий ва озарбайжон адабиёти», М. Суноновнинг «Навоий ва Ҳофиз», О. Абдуллаевнинг «Навоий ва Амир Хусрав Дехлавий», Р. Жумаевнинг «Навоий ва Румий», Ю. Четиндоғнинг «Навоий ва усмоний турклар адабиёти», К. Қурамбоевнинг «Навоий ва қорақалпоқ адабиёти», Э. Очиловнинг «Навоий ва Махтумқули» тадқиқотлари юзага келди.

Алишер Навоийнинг 550, 560, 570 йиллик юбилейлари Ўзбекистонда катта тантана қилиниб, жаҳоннинг кўзга кўринган навоийшунослари иштирокида халқаро илмий анжуманлар ўтказилди. Бу юбилейлар муносабати билан улуғ шоирнинг бой ва серқирра ижоди тадқиқига бағишланган кўплаб китоб ва тўпламлар босилиб чиқди. Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Ўзбек тили, адабиёти ва фольклори институтида «Навоийнинг ижод олами», Тошкент давлат педагогика университетида «Навоийга армуғон», Тошкент давлат шарқшунослик институтида «Навоий ва Шарқ адабиёти» даврий тўпламлари мунтазам чиқиш туради. Бундан ташқари, ҳар йили ҳар бир илмий-ўқув муассасасининг шоир ижодини ўрганишга бағишланган мақолалар тўпламлари чоп қилинади. Ўзбек тили, адабиёти ва фольклори институтида 1957 йилдан буён мунтазам равишда анъанавий навоийхонлиқнинг анжуманлари ўтказиб келинади.

Шоир асарлари дунёнинг кўплаб тилларига таржима қилинмоқда ва ўзининг жаҳон адабиётидаги муносиб ўрнига эга бўлмоқда. Жумладан, Навоий таваллудининг 550 йиллиги муносабати билан Парижда «Алишер Навоий. Ғазаллар ва бошқа шеърлар» (Alisher Navoi. Gazels et autres poèmes) тўплами чоп этилиб, ундан шоирнинг Жан Пьер Балз таржимасидаги 27 ғазали, 12 қитъаси, 5 чистони, 10 рубойиси, 3 мухаммаси, 5 фарди ва 1 мустазоди ўрин олган. 21 ғазали, 98 ҳикмати ва 6 рубойиси Й. Парда, Н. Пфеффер, К. Маъмуров, Л. Кметюклар томонидан немис ва инглиз тилларига таржима қилиниб, «Уммондан дурлар» номи билан 2000 йили «Шарқ» нашриётида босилиб чиқди. Канадалик олим Дик «Лисон ут-тайр» дostonи ва ғазалларидан намуналарни инглиз тилига таржима қилиб, 2006 йилда нашр этгирган бўлса, 2008 йилда М. Эргашев ва Ж.Ж. Гателар унинг 30 дан зиёд ғазалини француз

тилига ўгириб чоп қилдирдилар. 2013 йили шоир шеърларидан намуналар Я. Кжижевовский таржимасида поляк тилида босилиб чиқди.

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Ўзбек тили, адабиёти ва фольклори институтида «Алишер Навоий асарлари тилининг изохли луғати» ва «Алишер Навоий қомуси»ни яратип устидаги ишлар ниҳоясига етиб бормоқда.

Ҳозирги кунда навоийшунослик нафақат ўзбек адабиётшунослиги, балки жаҳон филологиясининг ҳам асосий йўналишларидан бирига айлангани сир эмас. Дунёнинг деярли барча мамлакатларида кўплаб навоийшунослар кизгин фаолият кўрсатиб, Алишер Навоий ҳаёти, фаолияти, асарлари, уларнинг қўлёзмалари, таржималари ва нашрлари, адабий алоқа ва бадиий таъсир юзасидан янгидан-янги тадқиқотларни амалга оширмоқдалар. Зеро, Алишер Навоий фақат ўзбеклар ёки туркий ва форсий халқларнинг эмас, балки барча жаҳон халқларининг шоири, у дунёвий миқёсдаги тафаккур соҳиби. У ўз асарларида башарий муаммоларни кўтариб чиққан, умуминсоний қадриятларни улуғлаган, жаҳоншумул масалаларни ечишга уринган. Шунинг учун ватандошимиз ижодини бутун дунё адабиётшунослари ўрганишмоқда десак, муболаға бўлмайди. Масалан, Туркияда К. Эраслан, Ю. Четиндоғ, Эронда А. Вафоий, И. Худоёр, Озарбайжонда Ж. Нагиева, Н. Арасли, Т. Қулиев, А. Улвий, Тожикистонда Э. Шодиев, А. Абдукодиров, М. Суюнов, О. Абдуллаев каби шарқшунос ва навоийшунослар Навоий ижодини ўрганиш ва нашр этишда салмоқли ишларни амалга оширмоқдалар. Масалан, А. Улвий бутун бир аср – 100 йил давомида озарбайжон олимлари томонидан Навоий бўйича ёзилган мақолаларни тўплаб, алоҳида тўплам ҳолида нашр этди. Турк олими Ю. Четиндоғнинг «Алишер Навоий ва усмонли шеърияти» (2011) ҳамда «Алишер Навоий» (2013) китоблари ўзбек тилига ўтирилиб, чоп қилинди.

Навоий асарларининг хорижда ўрганилиши бўйича ўзбек олимлари ҳам қатор тадқиқотларни амалга оширмоқдалар. Жумладан, А. Абдуазизовнинг Европада, Р. Абдуллаева, А. Абдуллаевларнинг Германияда, З. Мирзаеванинг Америкада, А. Алимбеков, Н. Ҳасанов ва Р. Рузмонваларнинг Туркияда, Г. Холлиеванинг Россияда, К. Курамбоевнинг Туркменистонда, Қ. Сейдановнинг Қозоғистонда, Т. Туркашнинг Хитойнинг Уйғуристонида шоир ҳаёти ва ижодининг ўрганилиши юзасидан амалга оширган тадқиқотлари шулар жумласидандир. Ўзбекистон Қаҳрамони С. Ғаниева «Мажолис ун-нафоис» тазкирасининг хорижда ўрганилиши ва нашрлари хусусида бир умр тадқиқот олиб борди. С. Ҳасановнинг Навоий асарларининг Ҳиндистондаги форсий таржималарига оид мақоласи ҳам муҳим илмий янгилик касб этади.

«Алишер Навоий асарлари XV–XVI асрлар китобат санъати дурдоналарида (Россия миллий кутубхонаси тўпламидан, Санкт-Петербург, Россия)» китоб-альбо-

ми ҳам муҳим илмий аҳамиятга эга бўлиб, у мазкур кутубхонада сақланаётган улуғ ўзбек шоири асарларини ўз ичига олган 14 та қўлёзма ва унинг асарлари асосида тузилган бир луғат ҳақида кенг маълумот беради.

Изланишлар изчил давом этиб, дунёнинг барча мамлакатларида сақланаётган Алишер Навоийнинг қўлёзмалари ҳақидаги ана шундай альбомлар яратилса, манбашунос ва навоийшунос олимларга уларни ўзаро қиёслаб ўрганиш, янги асарлари ёки уларнинг вариантларини топиш имкониятини яратган бўлар эди. Чунки сермахсул ва серкирра шоирнинг XX жилдли «Мукаммал асарлар тўплами» нашр қилинган бўлса-да, ҳали бир катор асарларининг илмий-танқидий матни яратилганича йўқ. «Тарихи анбиё ва ҳукамо» ҳамда «Тарихи мулуки Ажам» каби тарихий асарларининг муқаддима ва хотима қисмлари мавжуд бўлмай, тўғридан-тўғри бошланиб кетадики, бундай усул Навоий ижоди учун хос эмас. Ёки шоир «Ҳазойин ул-маоний»га ёзган дебочасида унғача тузган ҳар икки девони – «Бадоеъ ул-бидоя»да ҳам, «Наводир ун-нихоя»да ҳам дебоча мавжудлиги ҳақида маълумот беради. Ҳолбуки, «Наводир ун-нихоя»нинг биздаги нашрида дебоча йўқ. Бунинг устига, девоннинг мавжуд нашри фақат бир жанрдаги намуналар – 862 ғазални ўз ичига олади. Муаллиф эса ушбу девони ҳам «Бадоеъ ул-бидоя»дан кейин ёзилган ҳар хил шеърлар ва ғазаллардан тузилганлигини айтади. «Андин сўнгра доғи (яна) ул жамъу тартибдин бошқа яна ҳар тақриб (восита; баҳона) била ҳар навъ абётким (байтлар; шеърлар), айтилиб эрдию ҳар ғазалиётким йиғилиб эрди, ул хаёл шабистони(хилватхонаси)нинг дурахшон ахтар(юлдуз)ларину ул кўнгул махзан(ҳазина)ининг дурахшон гавҳарларин дағи иккинчи девонимдаким, «Наводир ун-нихоя»ға машхурдур, рабту (қоида; интизом) тартиб бериб, дебочасини шарҳ била аиззайи асҳобу (азиз суҳбатдошлар) ажиллайи аҳбоб (улуғ дўстлар) хидматларида арз қилиб эрдим».

Бундан маълум бўладики, Навоий асарлари қўлёзмаларини излаш ва ўрганиш борасидаги ишлар муттасил давом этиши керак. О.В. Васильева томонидан тайёрланган «Алишер Навоий асарлари XV–XVI асрлар китобат санъати дурдоналарида» китоб-альбоми эса навоийшуносликка қўшилган катта ҳисса бўлиши шубҳасиз.

Низомиддин МАҲМУДОВ,
*Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Ўзбек тили, адабиёти
ва фольклори институти директори,
филология фанлари доктори, профессор*

Эргаш ОЧИЛОВ,
*Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Ўзбек тили, адабиёти
ва фольклори институти катта илмий ходими,
филология фанлари номзоди*

BIG CONTRIBUTION TO NAVOI STUDIES

The books series “The Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections” are quite valuable because they provide a detailed, scientific description of various items from Uzbekistan that are kept in many global museums, and at the same time, they introduce readers to activities of museums and libraries thus performing not only a scientific but also an educational function. This book dedicated to the great Uzbek poet Alisher Navoi and produced due to the collaboration of uzbek and russian scholars has been prepared by O.V. Vasilyeva, the head of the Eastern Manuscript Collections Department of the National Library of Russia. This work logically follows various research conducted in Uzbekistan during the independence era to explore his creative heritage, biography, philosophical views, and state activities.

It seems that Alisher Navoi and the independence of Uzbekistan are invisibly, magically connected: our nation gained independence in 1991, which was announced the Alisher Navoi Year, and independence in its turn gave new life to the poet’s work.

During the independence era, the Alisher Navoi State Literature Award was established in Uzbekistan. The national Alisher Navoi park featuring a magnificent monument to the poet was laid out in the center of Tashkent. Annually on the 9th of February, it welcomes heads of state and government agencies, culture professionals, teachers, school, college and university students, media representatives, and city community to place a wreath under the poet’s monument. Scientific and cultural events involving scientists, writers, and cultural professionals are held to honor Alisher Navoi. In 2001, the Alisher Navoi park was also laid out in Navoi Region to celebrate the poet’s 570th birthday. Notably, monuments to Navoi have also been erected worldwide in big cities, including Baku, Moscow, and Tokyo.

During the independence era, the great poet’s birthday (February 9th) became a national holiday. Grandiose festivals start with reading Navoi and end

with events dedicated to outstanding poet and writer, statesman, scientist-encyclopedist, born in the period of Navoi, Zahiriddin Muhammad Babur. In the poet's words:

*Who else in the world is afforded the honor,
That fell to my lot?!*

Independence began a new stage of learning about the life and creative works of Alisher Navoi. The first edition of the poet's Full Collected Works in 20 volumes (1987–2003) became a big event for our country. The work in the first volume that started as early as in the late 80s was finished in the independence era; 14 volumes were published. This edition laid a foundation for the Full Collected Works in ten volumes in Cyrillic (2011) and in Latin (2013). Particular works of the poet are published regularly including *Hamsa* in Latin (in 5 volumes 2006), *Hazoin ul-Maoniy* (in 4 volumes, 2011), *Mahbub ul-Qulub* (2011).

Considerable research was conducted to analyze the life, works, and epoch of Alisher Navoi and to clarify particular details that are still controversial or under-explored.

High emphasis is placed on learning the philosophical views of Navoi, the religious and Sufi essence of his heritage, and his artistic style. During the independence era about 10 doctorate theses and 20 master's theses were defended covering the life, creative works, literature and philosophical views of the great poet, as well as textual analysis of his works.

Alisher Navoi was a bilingual poet. His creative heritage in Farsi consists of *Diwani Fani*, *Sittai Zaruriya* (The Six Necessities) from 10 qasidas and the *Fusuli Arba'a* (The Four Seasons) collection. This part of the poet's creative heritage was published in the second volume of the fifteen-volume edition, condensed and commented, and during the independence era this part of the heritage was fully published in the third volume of the Full Collected Works in prosaic translation.

Poet J. Kamol translated over 2000 ghazals and 10 qasidas and published them as a separate book, *Fonyi Gulshani* (2011). The *Sittai Zaruriyat* qasida collection (2005) is translated in prose in Uzbek. Scientific research is being successfully conducted of the Navoi Persian heritage as an integral part of his creativity.

A number of comparative literature studies have been published as well. Those include the articles by B. Valikhodjaev dedicated to Alisher Navoi and his "*Hamsa*" ("Quintuple"), N. Komilova "*Navoi and the Eastern Literature*", M. Mukhiddinov "*Hamsa of Alisher Navoi and Hosrov Dehlavi*", by A. Ab-

dukodirov on the comparative analysis of poems "Hamsa" and poems by Jami "Haft Avrang", S. Olim on comparative analysis of "Mantoq ut-Tayr" and "Lison ut-Tayr", research works by N. Arasli "Navoi and the Azerbaijani Literature", M. Suyunov "Navoi and Hafiz", O. Abdullayev "Navoi and Amir Hosrov Dehlavi", R. Jumayev "Navoi and Rumi", Y. Chetindag "Navoi and Literature of the Ottoman Turks", K. Kuramboyev "Navoi and the Karakalpak Literature", E. Ochilov "Navoi and Makhtumkuli".

Large scale festivals were held to celebrate Alisher Navoi 550th, 560th, and 570th birthdays; international scientific conferences were organized involving famous Navoi experts from around the globe followed by numerous books and collections. The Institute of Uzbek Language, Literature and Folklore of the Academy of Sciences of Uzbekistan regularly issues the Creative World of Navoi periodical, the Tashkent State Pedagogical University – The Gift of Navoi, the Tashkent State Institute of Oriental Studies – Navoi and Literature of East. The Institute of Language and Literature has been hosting since 1957 the traditional conference of Navoi experts.

The poet's creative works are translated into numerous languages finding their own honorable place in world literature. Particularly, the "Alisher Navoi. Gazels and Other Poems" ("Alisher Navoi. Gazels et autres poèmes») collection was published in Paris to celebrate the poet's 550th birthday featuring 27 ghazals, 10 kytas, 5 chistans, 10 rubais, 3 mukhammas, 5 fards and 1 mustazod of the poet translated by Jean-Pierre Balp, Y. Parda, N. Pfeffer, M. Mamurov, L. Kmetuyk translated 21 ghazals, 98 sayings and 6 rubais into German and English that were published in 2000 by the Sharkq Publishing House in the book "Pearls of the Ocean". Canadian scientist, Dick, translated fragments from the Language of Birds into English as well as several ghazals, and published them in 2006, and in 2008 M. Ergashev and J.J. Gate translated over 30 ghazals of the poet into French and published them. In 2013, particular poems were published in Polish, translated by Y. Kzhizhevovsky.

The Institute of Uzbek Language, Literature and Folklore of the Academy of Sciences of Uzbekistan is about to finish collecting the Glossary of Alisher Navoi's Creative Language and the Encyclopedia of Alisher Navoi.

Today, studying Navoi is one of the major trends not only in Uzbek literary studies but also in world philology: Navoi scientists in many countries conduct comprehensive research on his huge heritage. As Alisher Navoi is a poet of not only Uzbek or Turkic or Persian nations but of all nations; he is a global scale thinker. In his works he explored global problems, praised universal human values, and tried to solve universal problems. That's why the poet's heritage is studied by literature experts all around the world.

For example, the most extensive studies of Alisher Navoi works and publication of his works are performed by such orientalists and Navoi experts as: K. Eraslan and U. Cetindag in Turkey; A. Wafai and I. Khudaiar in Iran; Z. Nagieva and N. Arasli, T. Kuliev, and A. Ulvi in Azerbaijan; E. Shodiev, A. Abdukadyrov, M. Suyunov, and O. Abdullaev in Tajikistan. For example, A. Ulvi collected and published all the articles written by Azerbaijanian scientists about Navoi for the last 100 years as a separate edition. Turkish scientist U. Cetindag's books "Alisher Navoi and Ottoman Poetry" (2011) and "Alisher Navoi" were translated into Uzbek and published.

Numerous studies of Navoi heritage are also conducted by Uzbek scientists abroad. Particularly, especially remarkable are poet-related works by A. Abduazizov in studying Navoi in Europe: P. Abdullaeva and A. Abdullaev in Germany; Z. Mirzaeva in America; A. Alimbekova, N. Khasanova and P. Ruzmanova in Turkey; G. Khollieva in Russia; K. Kuramboev in Turkmenistan; K. Seidanov in Kazakhstan; T. Turkash in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. The holder of the title the Hero of the Republic of Uzbekistan S. Ganieva dedicated her entire life to studying and publishing abroad the Refined Majlis anthology. S. Khasanov's article dedicated to Persian translations of Navoi works in India is of special value.

The album book "The Works of Alisher Navai in Fine Books of the 15th-16th Centuries (from the collections of the National Library of Russia, Saint Petersburg, Russia)" is of great scientific value as it provides detailed information on 14 manuscripts kept in this library as well as on the glossary based on his creative works.

In this regard, we note that it is necessary to continue such studies and prepare similar albums about Alisher Navoi's manuscript works kept in libraries around the globe. It would give orientalists and Navoi experts a chance to perform a comparative analysis of different manuscripts and search for new works and their versions.

Despite the Full Collected Works of the productive and multifaceted poet being published in 20 volumes, scientific and critical texts of some works have not still been written. Introductions and conclusions of Navoi historical works The History of Prophets and Healer and The History of Iran are missing.

In Hazoin ul-Maoniy the poet wrote that the diwans, Badoe ul-bidoya and Navodir un-nihoya, have introductory parts but they are missing in the published Navodir un-ihoya.

In addition, the current edition of the diwan covers only one genre – 832 ghazals, but Navoi wrote that this diwan consists of various poems and ghazals created after Badoe ul-bidoya. "Then after this collection I wrote various poems and various ghazals, these pearly stars of shelter for thoughts and

precious gems of heart treasury are collected in the second diwan, known as Navodir un-nihoya, which I put in order and announced among dearest listeners and great friends together with introduction and comments”.

Consequently, scientists should continue searching for the missing works of Navoi. Undoubtedly, the above-mentioned book album the Works of Fine Books of Alisher Navoi of 15th–17th centuries, prepared by O.V. Vasilieva will substantially contribute to Navoi studies.

*Nizomiddin Makhmudov,
Director of the Research Institute of Uzbek Language,
Literature and Folklore of the Academy of Sciences of Uzbekistan,
Doctor of Philology, Professor*

*Ergash Ochilov,
senior researcher of the Research
Institute of Uzbek Language, Literature and Folklore
of the Academy of Sciences of Uzbekistan,
Candidate of Philology Sciences*

БОЛЬШОЙ ВКЛАД В НАВОИВЕДЕНИЕ

Книги серии «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» весьма ценны, поскольку содержат не только детальное научное описание различных предметов из Узбекистана, хранящихся во многих музеях мира, но и знакомят читателя с деятельностью данного музея или библиотеки, таким образом выполняя не только научную, но и образовательно-просветительскую функцию. Очередная книга этой серии о великом поэте Узбекистана Алишере Навои, созданная благодаря сотрудничеству узбекских и российских ученых, подготовлена хранителем и заведующей фондом отдела рукописей О.В. Васильевой. Данная работа стала логическим продолжением проводимых в Узбекистане в годы независимости разнообразных исследований его биографии, творчества, философских взглядов и государственной деятельности.

Кажется, будто между гением Алишера Навои и независимостью Узбекистана существуют невидимые узы, магическая связь: наш народ обрел независимость в 1991 г., объявленным годом Алишера Навои, а независимость, в свою очередь, обеспечила творчеству поэта новую жизнь.

В годы независимости у нас в стране учреждена Государственная премия Республики Узбекистан имени Алишера Навои в области литературы. В центре Ташкента возведен Узбекский национальный парк его имени с величественным памятником поэту. Ежегодно 9 февраля здесь собираются руководители государственных и правительственных органов, сотрудники культурных организаций, преподаватели, учащиеся высших и средних специальных образовательных учреждений, работники средств массовой информации, городская общественность возлагает венок к подножию памятника великого поэта. При участии ученых, литераторов и деятелей искусства проводятся научно-культурные мероприятия, посвященные памяти Алишера Навои. К 570-летию поэта в 2011 г. парк его имени был разбит и в Навоийской области. Примечательно, что памятники

Навои также возведены в больших городах разных стран мира – Баку, Москве, Токио.

В годы независимости день рождения великого поэта – 9 февраля стал национальным праздником. Грандиозные торжества, начинающиеся навоийскими чтениями, завершаются мероприятиями, посвященными выдающемуся поэту и писателю, государственному деятелю, ученому-энциклопедисту, родившемуся в эпоху Навои, Захириддину Мухаммаду Бабуру. Выражаясь словами самого поэта:

*Кто в мире удостоен такой чести,
Которая выпала на мою долю?!*

Независимость стала началом нового этапа в изучении жизни и творчества Алишера Навои. Издание первого «Мукаммал асарлар тўплами» («Совершенного собрания сочинений») поэта в 20-ти томах (1987–2003 гг.) стало большим событием в жизни страны. Работа над первым томом, начавшаяся еще во второй половине 80-х гг., была завершена уже в годы независимости – издано 14 томов. На основе этого издания было опубликовано «Тўла асарлар тўплами» («Полное собрание сочинений») в десяти томах на кириллице (2011 г.) и латинице (2013 г.). Регулярно публикуются отдельные произведения поэта, в их числе – «Хамса» («Пятерица») на латинице в 5 томах (2006 г.); «Хазойин ул-маоний» («Сокровищница мыслей») в 4 томах, (2011 г.); «Насойим ул-мухаббат» («Возлюбленный сердец») (2011 г.).

Проведены исследования по изучению жизни, деятельности Алишера Навои, уточнены отдельные детали, являвшиеся спорными или малоизученными.

Большое внимание было уделено изучению философских взглядов Навои, религиозно-суфийской сути его наследия, исследованию его художественного стиля. В годы независимости защищены 10 докторских и 20 кандидатских диссертаций, посвященных жизни, творчеству, литературно-философским взглядам великого поэта, а также текстологическому анализу его произведений.

Алишер Навои был двуязычным поэтом. Его творческое наследие на фарси состоит из «Дивани Фани», «Ситтаи зарурия» («Шесть необходимых вещей») из 10 касыд и сборника «Фусули арбаа» («Четыре времени года»). Эта часть творческого наследия поэта была опубликована во втором томе пятнадцатитомного издания в сокращениях и с комментариями, тогда как в годы независимости эта часть наследия полностью опубликована в третьем томе «Совершенного издания произведений» в прозаическом переводе.

Поэт Ж. Камол перевел более 200 газелей и 10 касыд, опубликовав их в отдельной книге «Фоний гулшани» (2011 г.). Переведен в прозе на узбекский язык сборник касыд «Ситтаи зарурият» (2005 г.). Успешно ведутся научные исследования по изучению персидского наследия Навои как значительной части его творчества.

Опубликован и ряд исследований в области сравнительного литературоведения. Среди них статьи Б. Валихужаева, посвященные Навои и его «Хамсе» («Пятерице»), Н. Комиловой «Навои и восточная литература», М. Мухиддинова «Хамса» («Пятерица») Навои и Хосрова Дехлави, А. Абдукадырова по сравнительному анализу поэм «Хамса» («Пятерицы») и поэм Джами «Хафт авранг», С. Олима по сопоставительному анализу «Мантик ут-тайр» и «Лисон ут-тайр», исследования Н. Арасли «Навои и азербайджанская литература», М. Суюнова «Навои и Хафиз»; О. Абдуллаева «Навои и Амир Хосров Дехлави»; Р. Жумаева «Навои и Руми», Ю. Четиндага «Навои и литература османских тюрков», К. Курамбоева «Навои и каракалпакская литература», Э. Очилова «Навои и Махтумкули».

Широко отмечались юбилеи Алишера Навои, посвященные 550-; 560-; 570-летию со дня рождения. Проводятся международные научные конференции с участием известных навоиведов мира, что дало возможность опубликовать множество научных книг и сборников. В Институте узбекского языка, литературы и фольклора академии наук Узбекистана регулярно выпускается периодическое издание «Творческий мир Навои», в Ташкентском государственном педагогическом университете – «Подарок Навои», в Ташкентском государственном институте востоковедения – «Навои и литература Востока». В Институте языка и литературы регулярно с 1957 г. проводятся традиционные конференции навоиведов.

Произведения поэта переводятся на множество языков мира, занимают достойное место в мировой литературе. В частности, в связи с 550-летием со дня рождения поэта в Париже опубликован сборник «Алишер Навои. Газели и другие стихотворения» («Alisher Navoi. Gazels et autres poèmes»), в который вошли 27 газелей, 12 кыта, 5 чистанов, 10 рубаи, 3 мухаммаса, 5 фардов и 1 мустазод поэта в переводе Жана Пьера Балпа. Й. Парда, Н. Пфеффер, К. Маъмуров, Л. Кметюк перевели на немецкий и английский языки 21 газель, 98 изречений и 6 рубаи, которые изданы в 2000 г. под названием «Жемчужины океана» в Ташкенте. Канадский ученый Дик перевел на английский язык отрывки из произведения «Язык птиц» и несколько газелей и опубликовал их в 2006 г., а в 2008 г. М. Эргашев и Ж.Ж. Гате перевели на французский язык и опубликовали более 30 газелей поэта. В 2013 г.



отдельные стихи поэта изданы на польском языке в переводе Я. Кжижевского.

В Институте узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Узбекистана завершается работа над созданием «Толкового словаря языка произведений Алишера Навои» и «Энциклопедии Алишера Навои».

Сегодня навоиведение стало одним из основных направлений не только узбекского литературоведения, но и мировой филологии: во многих странах мира ученые-навоиведы изучают его огромное наследие. Ибо Алишер Навои – поэт не только узбекского или тюркского и персидского народов, но и всех народов мира, он – мыслитель мирового масштаба. В своих произведениях он исследовал глобальные проблемы, возвеличил общечеловеческие ценности, пытаясь решить проблемы мирового уровня. Творчество поэта изучается литературоведами всего мира. Обширную работу в области изучения и издания произведений Алишера Навои прово-

дят такие востоковеды и навоиведы, как К. Эраслан, Ю. Четиндаг в Турции, А. Вафои, И. Худаяр – в Иране, Ж. Нагиева, Н. Арасли, Т. Кулиев, А. Улви – в Азербайджане, Э. Шодиев, А. Абдукадыров, М. Суюнов, О. Абдуллаев – в Таджикистане. Например, А. Улви собрала и опубликовала отдельным изданием все статьи азербайджанских ученых, посвященных Навои, написанных на протяжении ста лет. Переведены на узбекский язык и опубликованы книги турецкого ученого Ю. Четиндага «Алишер Навои и османская поэзия» (2011) и «Алишер Навои» (2013).

Также написано немало работ и узбекскими учеными по изучению творческого наследия Навои за рубежом. В частности, можно

отметить работы А. Абдуазизова в области изучения произведений Навои в Европе, Р. Абдуллаевой, А. Абдуллаева – в Германии, З. Мирзаевой – в Америке, А. Алимбекова, Н. Хасанова и Р. Рузмановой – в Турции, Г. Холлиевой – в России, К. Курамбоева – в Туркменистане, К. Сейданова – в Казахстане, Т. Туркаша – в Синзянь-Уйгурской автономной области Китая. Герой Узбекистана С. Ганиева всю свою жизнь посвятила исследованию и изданию за рубежом антологии «Изящные меджлисы». Особую ценность имеет статья С. Хасанова, посвященная персидским переводам произведений Навои в Индии.

Книга-альбом «Произведения Алишера Навои в шедеврах книжного искусства XV–XVI вв. (из собрания Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия)» обладает несомненной научной ценностью, так как в ней представлена подробная информация о 14 рукописях с произведениями, хранящимися в данной библиотеке, а также словаре, созданном на основе этих произведений.

Хотелось бы подчеркнуть, что необходимо продолжить эти исследования, подготовить аналогичные альбомы о рукописях произведений Алишера Навои, хранящихся в библиотеках других стран мира. Это дало бы источниковедам и навоиоведам возможность для сравнительного анализа разных рукописей, помогало поиску новых произведений или их вариантов.

Несмотря на издание «Совершенного сборника произведений» в XX томах, до сих пор не написаны научные статьи по многим его произведениям. Отсутствуют вступительные части и заключения по историческим произведениям А. Навои «История пророков и целителей» и «История Ирана».

Во вступлении к «Сокровищнице мыслей» поэт пишет, что в диванах «Бадоеъ ул-бидоя» и «Наводир ун-нихоя» есть вступительные части, однако в опубликованном «Наводир ун-нихоя» они отсутствуют.

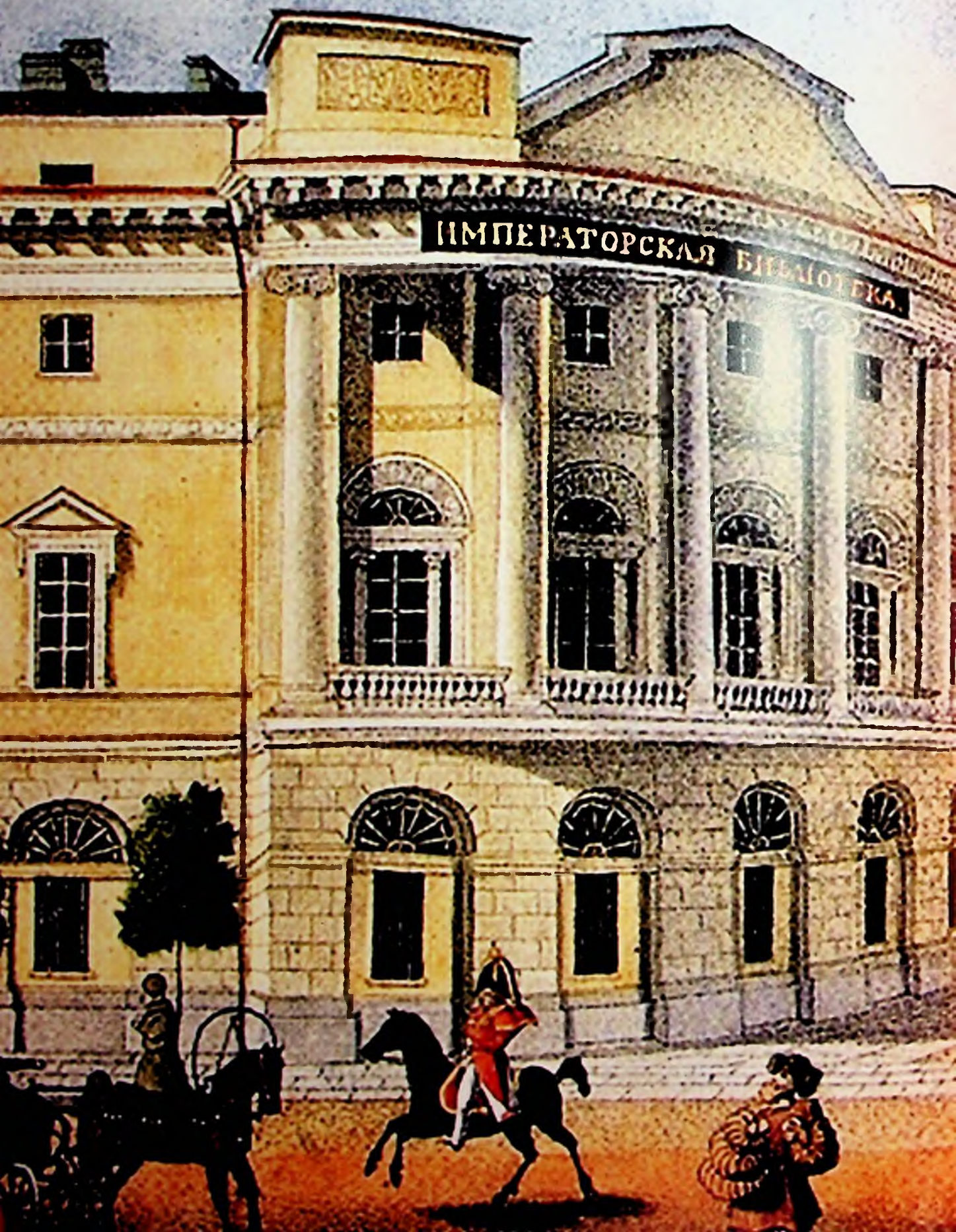
К тому же известное издание дивана охватывает образцы лишь одного жанра – 862 газели, тогда как сам Навои пишет, что этот диван состоит из различных стихотворений и газелей, написанных после «Бадоеъ ул-бидоя»: «Затем после этого сборника я написал еще различные стихотворения, и собрались разные газели, эти жемчужные звездочки убежища мыслей и драгоценные жемчужины сокровищницы сердца собраны во второй диван, известный как «Наводир ун-нихоя», который я привел в порядок и вместе со вступлением и комментариями огласил в кругу дорогих собеседников и великих друзей».

Из этого следует, что ученым необходимо продолжить поиски недостающих произведений Навои. Бесспорно, вышеуказанная кни-

га-альбом «Произведения Алишера Навои в шедеврах книжного искусства XV–XVI веков», подготовленная О.В. Васильевой, станет достойным вкладом в навоиведение.

*Низомиддин Махмудов,
директор Института узбекского языка, литературы и
фольклора академии наук Узбекистана,
доктор филологических наук, профессор*

*Эргаш Очилов,
ведущий научный сотрудник Института
узбекского языка, литературы
и фольклора академии наук Узбекистана,
кандидат филологических наук*







Россия Миллий кутубхонаси
олдидаги хийбонда ўрнатилган
Екатерина II хайкали
(М.О. Микешин ишлаган)

The memorial to Catherine II in
the square in front of the Russian
National Library (author –
M. O. Mikeshin)

Памятник Екатерине II на
площади напротив Публичной
библиотеки (автор –
М. О. Микешин)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГДАГИ РОССИЯ МИЛЛИЙ КУТУБХОНАСИ

Жаҳоннинг энг йирик китоблар хазинаси бўлган Россиянинг илк оммавий кутубхонаси ўз номини икки юз йилдан ошиқ муддат давомида ўзи жойлашган шаҳардан кўра кўпроқ марта ўзгартирган. 1795 йилда Империя Санкт-Петербургида Буюк Екатеринанинг ижозати билан Императорлик халқ кутубхонасига асос солинди ва 1814 йил Екатеринанинг набираси Александр I даврида кенг омма учун очилди¹. Бу вақтда А.Н. Оленин² раҳбарлиги остида адабиётлар рўйхати ва йиғиш ишларининг асосий йўналишлари белгилаб олинди, XIX аср ўрталаридан эса М.А. Корф раҳбарлигида ноширлик ва кўргазма фаолияти жадал ривожланди. Олий мақоми, тегишли қонунчилик (барча нашрий асарларнинг «мажбурий нусха»сини бериш)нинг мавжудлиги, катта бюджети ҳамда қиммат тўпламларни сотиб олишга қўшимча маблағлар олинishi, шунингдек, шох оиласининг эътиборини тортганлиги³ ва жамиятнинг турли доираларидаги маърифатпарварларнинг кўмаги ҳисобига бир неча ўн йиллар давомида Императорлик Халқ кутубхонаси Европанинг бешта энг йирик китоб марказларидан бирига айланди.

1917 йил инқилобидан кейинги Петроградда бу кутубхона номи «Россия Халқ кутубхонаси»га ўзгартирилган бўлса, совет даврида 1925 йилдан бошлаб «Ленинград Давлат халқ кутубхонаси» деб номлана бошлади. 1932 йилдан бошлаб эса унинг расмий номидаги шаҳар ўрнига ёзувчи М.Е. Салтиков-Шчедрин исм-шарифи қўшилди. Кўплаб миллий ва хорижий китобхонларнинг авлодлари бу кутубхонани айнан мана шу ном (М.Е. Салтиков-Шчедрин номидаги Давлат Халқ кутубхонаси) билан эслашади (шунингдек, халқ орасида «Ленинградская Публичка» (Салтиковка, Шчедринка) номи кенг тарқалган). Совет Иттифоқи парчалангандан кейин, 1992 йилга келиб, кутубхона Россия миллий кутубхонаси номини олди. Ҳозирда у фондларининг ҳажми бўйича Москвадаги Россия Давлат кутубхонасидан кейин иккинчи ўринда турса-да, инқилобгача бўлган нашрларнинг таркиби ва миқдори, хусусан, китобларнинг тур-

1 Кутубхона тарихи ва унинг фондлари ҳақидаги юбилей нашрига қаранг: ИПБ 1914; РНБ 1995; РНБ 2014. Зарурий маълумотларни ушбу сайтда ҳам топиш мумкин: http://www.nlr.ru/nlr_history/history/

2 Директор ва кутубхоначилар ҳақида қаранг: Сотрудники. 1995–2013, электрон кўриниши: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/

3 Масалан, қаранг: Васильева 2016.

фа хиллиги, қадимийлиги, қўлёзма китоб ва ҳужжатларнинг бадиий ва тарихий аҳамиятига қўра Россияда унга тенг келадиган муассаса мавжуд эмас.

Қўлёзмалар бўлимининг очи-лиш тарихи кутубхонага Франциядаги Россия элчихонаси котиби П.П. Дубровский⁴ тўплами келиб тушган 1805 йилга бориб тақалади. У илк очилган таркибий бўлинма

– Қўлёзмалар омборининг биринчи муҳофизси сифатида фаолият кўрсатган. Шуниси ажабланарлики, унинг коллекциясида нафақат Европа тилларидаги мингта яқин китоблар ва 15 мингдан ортиқ қўлёзма, балки келиб чиқиши Шарққа бориб тақаладиган манбалар ҳам мавжуд бўлган⁵.

XIX асрда кўплаб ҳадялар, дипломат, хусусий шахслар, олим ва миссионерларнинг меросини сотиб олиш, ҳарбий юришлар натижасида қўлга киритилган китоблар, археографик экспедициялар ва бошқа муассасаларнинг фондлари ўтиши ҳисобига юқорида таъкидланган бўлимнинг фонди жадал равишда ўсди. Охирги келиб тушган манба 1917 йилдан кейинги даврга оид бўлиб, XX асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб Қўлёзмалар бўлими асосан фуқаролардан харид қилиб олиш ҳисобига тўлдирилди. Бугунги кунга келиб сақланаётган қўлёзмалар фонди 436 минг донага етган. Булар жумласига қадимги рус, славян, грек, Ғарбий Европа ҳамда Шарқ манбалари ва ҳужжатлари, рус ёзувчи, олим, давлат арбоблари архивлари, рус ва хорижий бастакорларнинг ноталари, тасвирий ва картографик материаллар ва шу кабиларни киритиш мумкин.

Кутубхонада сақланаётган Шарқ қўлёзмалари тўплами 28 минг бирликдан ошади. Эрамиздан аввалги X асрга тегишли бўлган қадимги Миср папирусларига ёзилган номалардан тортиб, 25 тилдаги қўлёзма китоблар, парча, ҳужжат, ксилографик нашрларнинг келиб чиқиши Япониядан Испаниягача, Ҳиндистон ва Эфиопиядан Россиягача бўлган ҳудудларга бориб тақалади. Улар орасида бевосита Ўзбекистонга алоқадор бўлган қўлёзмалар ҳам мавжуд⁶, бироқ мазкур альбомда ўзбек маданияти учун энг қадрли ҳисобланган Алишер Навоий асарлари ҳавола қилинмоқда.



4 Бўлим тарихи ҳақида қаранг.: Жемчужина 2005. Шунингдек, ушбу электрон манбани ҳам қаранг: <http://www.nlr.ru/manuscripts/>

5 Қаранг: Васильева, Ришар 2005.

6 Қаранг, Васильева 2011; Vasilyeva 1999.

АЛИШЕР НАВОЙИЙ — АСРЛАР ДАҲОСИ

Алишер Навоий ўзининг 60 йиллик умри давомида давлат арбоби, фан ва санъат ҳомийси, шоир ва мутафаккир сифатида жуда кўп ишларни амалга оширган⁷. Унинг ушбу соҳалардаги меҳнатлари таърих зарварақларида ўз аксини топган. Замондошлари уни сиёсатчи сифатида яхши билишар ва қадрлашарди. Навоийнинг хайр-саховатли ишлари ҳаммага яхши маълум, у қурдирган жамоатчилик бинолари ва ижтимоий муассасалар кўплаб авлодларга хизмат қилди, аммо шафқатсиз вақт ҳукмидан уларнинг кўпи омон қолдимикан? Навоийнинг адабиёт соҳасидаги ишлари асрлар давомида яшаб, бизгача етиб келган, зеро биронта ҳам туркийзабон шоир, қайси миллатга мансуб бўлмасин, Навоийчалик кўп асарлар яратмаган ва адабиёт ҳамда маданиятнинг ривожига катта таъсир ўтказмаган.

Алишер Навоийнинг ижоди — биринчи навбатда, ўзбек халқининг маънавий мулкидир, аммо шоирнинг ўзбек тилини, унинг фикрлари ва орзуларини авлодларигача етказиб келган қўлёзма китоблари XV аср ва айниқса, XVI асрларда шарқ китобат санъати анъанасига биноан яратилган. Бу тушунарли хол, чунки Навоий теурийлар давлатининг пойтахти бўлмиш Ҳиротнинг аслзода зиёлилари, ижодкорлари ва сиёсатчилари сирасига кирар, у ерда эса китоб ёзиш анъаналари Самарқанд, Шероз, Табриз, Язд, Бағдод усталари эришган тажрибаларга асосланган ҳолда бажариларди. Маълумки, ўз навбатида, Ҳирот анъаналари ва усталари сафавийлар, бобурийлар, шунингдек, Мовароуннахрнинг маданият ўчоқларидаги китобат санъатининг келгуси ривожланишига таъсир ўтказган.

Дунёда Навоийнинг XV–XVI асрларда яратилган икки юздан ортиқ бадий безак берилган асарлари қўлёзмалари сақланиб қолган. Ушбу альбомда фақат Санкт-Петербургдаги Россия миллий кутубхонасида мавжуд Навоий асарлари қўлёзмалари таҳлил этилган. Бу асарлар кутубхонага келиб қолишига сабаб бўлган манбалар ва

⁷ Алишер Навоийнинг таржимаи ҳоли ва ижодида жуда кўп адабиётлар бағишланган. Улар ичида энг тулиқ маълумот берувчилари: Бертельс 1965; Акимүшкин 1984; Subtelny 1995.

Рус тилига назмий таржималар Навоий асарларининг 10 жилдлик тўплами (Тошкент 1968–1970), кўплаб тўплам ва уларнинг сўзбошиларида келтирилган. Муаллиф маслахатлари учун Ольга Михайловна Ястребова, Фируза Мелвил ва Шодмон Ҳусайнович Воҳидовга самимий миннатдорчилик билдиради.

уларнинг китобат санъатини ўрганиш борасида қанчалар аҳамиятга эгаллиги ҳақида сўзлашдан аввал, йирик сиёсатчи ва жамоат арбоби, бағрикенг саховатпеша инсон, буюк ўзбек шоири Мир Алишер Навоийнинг ҳаёти ва ижодини эслаб ўтиш жоиздир.

НИЗОМИДДИН МИР АЛИШЕР — ДАВЛАТ АРБОБИ, БУНЁДКОР, ФАН ВА САНЪАТ ҲОМИЙСИ

Низомиддин Мир Алишер Навоий 1441 йил 9 февраль куни Ҳиротда, Амир Темурнинг кенжа ўғли Шохруҳ Мирзо ҳукмронлик қилаётган даврда, темурийлар хонадонига яқин бўлган амалдор Гиёсиддин Кичкинанинг оиласида таваллуд топган. Бўлғуси шоирнинг отаси Хуросон ҳокими Мироншоҳ Мирзонинг набираси Султон Абусаид ва Шохруҳ Мирзонинг набираси Абулқосим Бобурнинг хизматида бўлган, бир муддат Сабзавор ҳокимлигига ҳам тайинланган. Алишернинг бобоси, яъни онасининг отаси Шайх Абусаид Чанг эса бўлғуси ҳукмдор Хусайн Мирзонинг бобоси Мирзо Бойқаронинг амири бўлган. Алишер ва унинг укаси Дарвешали Хусайнга эмиқдош (қўкалдош) бўлиб, бу уларни қариндошлик ришталари билан боғлаган. Алишер ва Хусайн бирга савод чиқаришган.

1447 йили Шохруҳ Мирзонинг вафотидан сўнг унинг оиласи Ҳиротни ташлаб чиқиб кетган, аммо 1450 йилда қайтиб келишган. 1456 йилда Алишер ҳам, Хусайн Мирзо ҳам Абулқосим Бобурнинг хизматида ки-

«Алишер ва Хусайн мактабда».
Альбомдан миниатюра
парчаси.
(Дорн 489, 26-в.)

'Alisher and Husayn in school.'
Miniature fragment from the
album.
(Dorn 489, p 26)

«Алишер и Хусайн в школе».
Фрагмент миниатюры из
альбома.
(Дорн 489, 26-стр.)



ришган ва у билан бирга Машхадга жўнаб кетишган. Бироқ Абулкосим Бобур кутилмаганда вафот этгач, йигитларнинг йўли айро тушган: Хусайн тахтни эгаллаш учун сиёсий курашга берилиб кетган, Алишер эса ўзини илм эгаллашга бағишлаган. Шу мақсадда у Самарқандга келган, 1458–1459 йиллари шу ерда тахсил олган. 1464 йилда Алишер Хиротга ҳукмдор бўлган Абусаиднинг хизматига кирган, лекин 1467 йилда яна Абусаиднинг таъкибларидан қутулиш учун Самарқандга кетиб, билим олишда давом этган.

1469 йилда Хусайн Бойқаро Хуросон тахтига ўтиргач, зудлик билан Алишер Навоийни Хиротга чакиртирган. Шундан бошлаб, умрининг охиригача, яъни 30 йилдан ортиқ вақт давомида Хусайн Бойқаро билан дўстлигининг шарофати ўларок шоир мамлакатда юкори мартабада бўлган. Дастлаб у муҳрдор лавозимига тайинланган, аммо шоир ушбу лавозим ўзи учун нақадар оғир бўлганлигини шеърида қуйидагича ифодалаган:

*Чун манга лутф этти шах девонда мухр,
Бу эди элдин куйи мухр урмогим.
Ким, гурури нафси саркаш манъига,
Барчадин бўлгай куйи ўлтурмогим.
Чун шикасти нафс хосил бўлмади,
Мундин ўлди мухрни синдурмогим.*

(«Хазоин ул-маоний», «Наводир уш-шабоб»)

Ўз фаолиятининг бошидаёқ Алишер Навоий сунний ва шиалар орасида етилиб келаётган ва Хиротда исён кўтарилиши хавфини туғдираётган низоларни бартараф қилиб, Султон Хусайнга бемисл яхшилик қилган. Кейинроқ, султон пойтахтда йўқлигида аҳолига ҳаддан ошиқ солиқлар солиниши туфайли кўзғолон кўтарилиши хавфи туғилиб, Навоий айбдорларни топишга муваффақ бўлган. Хусайн айбдорларни жазолаган, шу туфайли ҳам унинг Хиротга қайтиши аҳоли томонидан хурсандчилик билан кутиб олинган. 1470 йилда султоннинг пойтахтда эмаслигидан фойдаланган Ёдгор Муҳаммад Мирзо ўз навкарлари билан бирга Хиротни босиб олиб, тахтни эгаллаган, аммо Навоийнинг оқилона маслаҳати ёрдамида Султон Хусайн тезгина шаҳарни қайтариб олган ва унда узоқ йиллар давомида мустаҳкам ўрнашиб олган.

1472 йилда Хусайн Бойқаро Алишер Навоийни ҳарбий масалалар билан шуғулланувчи ва аҳолини бошқарувчи кенгаш ҳисобланган олий девон – «Девони аъло»нинг амири этиб тайинлаган. Алишер Навоий насл-насаби бўйича мансуб бўлмаган, лекин шу лавозим сабаб унга берилган амир (мир) унвони у ўз мансабидан кетганидан сўнг ҳам сақланиб қолган.

Тарихий манбалар амирнинг кундалик хизмат вазифалари ва ташвишлари ҳақида маълумот бермайди, аммо Алишер Навоий султоннинг оиласида юз берса-да, мамлакат тинчлигига раҳна солиши мумкин бўладиган ички низоларга қандай барҳам берганлиги ҳақидаги маълумотлар жуда кўп топилади. Бу маълумотларни сарой аъёнлари орасида ҳукм сурган фитналар, порахўрлик ва судхўрлик, ҳукмдор ва унинг атрофидагилар ичкиликка берилгани ҳам тасдиқлайди. Алишер Навоийнинг инсонпарварлиги, покиза ахлоқи ва дунёқарашлари у яшаётган ҳаётга мутлақо мос келмасди. Унинг инсоф ва адолатга чақирувчи насихатлари, айниқса уларни шеърӣ тарзда баён этиши борган сари айрим амалдорларнинг ғашига тега бошлаган. Бир пайтлар орасидан қил ўтмайдиган икки дўстнинг ўртасига совуқчилик тушиши муқаррар бўлиб қолганди.

1487 йилда Султон Ҳусайн амир Алишерни Астрободга ҳоким қилиб тайинлаган. Буни ҳукмдорнинг жазоси деб тушуниш унчалик тўғри бўлмас, чунки Астрободни бошқариш одатда валиаҳдга топширилган. Султон Ҳусайн эса айти шу топшириғи билан пойтахтдан узоқда ва нотинч бўлган, аммо бой ҳудудни бошқаришни ўзининг энг ишонган одамигагина топшира олишини кўрсатган. Гарчи янги лавозимда Алишер Навоий фавқулодда қобилиятларини намоён қилган бўлса-да, дўстона муносабатлар йўқлиги, кадрдон шахридан узоқда эканидан азият чеккан. Орадан бир йил ўтгач, Алишер Навоий Ҳиротда қолиш умидида у ерга қайтган, бироқ бунга рухсат ололмай, яна қайтиб кетишга мажбур бўлади. Кейинчалик у султоннинг марҳаматига эришишга муваффақ бўлган.

Шундан кейин Алишер Навоий расмий лавозимларни эгаллаган ва давлат аҳамиятига эга ишларда онда-сондагина иштирок этган. Саройда фитналар ва ғийбатлар ҳукм сураб, султон ўзининг валиаҳди Бадиуззамон ва бошқа шахзодалар билан низолашар, ҳатто бир сафар ғирт мастлигида ўз набираси Мухаммад Мўмин Мирзони қатл этишга фармон ҳам берган. Каттлар вазиятни яхши томонга ўзгартирмас, давлат ишлари тобора чигаллашиб борар ва буни кўрган Алишер Навоий қудратли темурийлар ҳукмронлигининг инқирозини хис этган.

Энг юқори мансабларга кўтарилган ва беҳисоб ерларга эга бўлган Мир Алишер Навоий жуда бой инсонга айланган. Оила кўрмаган, фарзанд кўрмаган хазрат Навоий ўз даромадини тежаб-тергаб, бунёдкорлик ва хайр-саховат ишларига сарфлаган. У бунёдкорлик ва ободонлаштириш ишлари билан сидқидилдан шуғулланган: масжид ва мадрасалар, хонақоҳлар ва шифохоналар, ғаммом ва ҳовузлар, кўприклар қурдириб, боғлар яратган. У «Вақфия» («Ҳадялар бўйича қайдлар») асарида (ҳижрий 886 йил / 1481–1482 йиллар) ўзига қарашли бўлган ер, узумзорлар,

боғлар, бозорча ва дўконлардан келадиган даромаддан ўзи Гузаргоҳ тоғи ёнида қурдирган масжид, мадраса, хонақо, қорихоналардан иборат бинолар мажмуасини таъминлаб туришга ажратилганини ёзиб ўтган.

Унинг ёрдами билан нафақат Хуросонда, балки Эроннинг бошқа вилоятларида, айниқса Астрободда 370 та бино қурилган ёки қайта тикланган. Аммо Мир Алишер ҳаммадан ҳам кўпроқ ўзининг сеvimли шаҳри Хиротда қурилиш ишларини амалга оширишни ёқтирган, айниқса унинг шимолӣ қисмидаги Ихлосия туманини жаннатий боққа айлантириб юборган. Замондошлари амирнинг чопони барини қайтариб олиб, қурилиш майдончасида юриши, меъморлар ва қурувчилар ишининг нозик қирраларини илғаб олишга ҳаракат қилишларини ҳайрат ва завқ билан ҳикоя қилишган. Шоирнинг бу қизиқишлари кейинчалик унинг дostonларида, хусусан, «Фарҳод ва Ширин»да ўз аксини топади.

«Ҳайрат ул-аброр» («Яхши кишиларнинг ҳайратланиши») дostonида Навоӣ Хирот ва Хуросон вилоятининг тароватини таърифлашга анча-мунча сатрларни бағишлаган. Биз Хиротнинг деворлари баланд қалъа эканини, «Хирот атрофидаги тоғларнинг қорли бошлари мовӣ осмон бағрига тақалиши», шимолдан икки ирмоқ, жанубдан битта дарё оқиб келишини, шаҳарда масжид, минора, саройлар кўплигини билиб оламиз:

*Лавҳаси зийнат била қошинавард,
Қоши анга юз фалаки ложувард.
Пили фалак киргунча дарвозаси,
Токи само токининг андозаси...
Гунбади қошисида кун акси қош,
Ўйлаки кўк гунбади ичра куёш.
Ҳар сори гулдастаси андок баланд,
Қим этибон фикрида гулдаста банд.*

Буларнинг бари фаровон ҳаёт сурурини берган: бозорлари бой ва сершовқин – «унда қимматбаҳо моллар ҳадсиз-ҳисобсиз», қушлар хониш этар, боғлар ва гулзорлар ифори сел қилган. Навоӣ ўз шаҳрини яхши кўрар, унинг гуллаб яшнаши учун баҳоли қудрат ҳаракат қилган.

Адабиётта қизиқиши билан чекланиб қолмаган Мир Алишер, ўзи ижод кишиси бўлгани сабаб, санъат аҳли, ёзувчи ва олимларни қўллаб-қувватлаган. Ўз асарлари билан ўша даврларни акс эттирувчи, давлатга оид воқеаларни бизгача етказиб бера олган, ўз замондошлари, шу жумладан, Навоӣ ҳақида ҳам сўзлаб берган тарихчилар Мирхонд, Хондамир ва Давлатшоҳ Самарқандӣ шулар сирасидандир.

Навоий буюк форс-тожик шоири Абдурахмон Жомий (1414–1492) билан яқин дўст тутиниб, у билан тез-тез хамсухбат бўлган, унинг маслахатларидан фойдаланган, назмидан илҳом олган ва уни ўзининг устози деб билган. Жомий сўфийлик таълимотига амал қилган, Алишер ҳам унинг таъсири остида хижрий 881 йил / милодий 1476–1477 йилларда нақшбандия тариқатини қабул қилади.

Мир Алишер нафақат Жомийга, балки ўз даврининг кўзга қўринган шоирларидан Осафий, Сайфи Бухорий, Абдуллоҳ Хотифий ва Бадриддин Хилолийга, шунингдек, созандалар Абдуллоҳ Марворид, Шайх Нойи ва Ҳусайн Удийларга моддий кўмак бериб турган.

Навоий султон кутубхонасидаги китобат санъати усталарига ҳам катта эътибор берган. Таниқли хаттот Султонали Машҳадий кунига ҳукмдор учун 30 байт, шоир учун 20 байт кўчириб берган. Яъни Навоий устод хаттотни, шу қаторда унинг шогирди Султон Муҳаммад Хандонни, мусаввирлардан ўз даврида беназир ҳисобланган Камолиддин Беҳзод, Шох Музаффар, Қосим Алини иш билан таъминлаган. Шу туфайли ҳам, Навоийнинг бизгача етиб келган ўнлаб асарларининг ҳаммаси бўлмаса-да, аксар қисми унинг ўз буюртмасига кўра кўчирилган.

Умри ниҳоясида Алишер Навоий ҳаж сафарини амалга ошириш учун Маккага отланган, бироқ эзгу орзуси ушалмади, чунки Султон Ҳусайн ундан сафарни кечиктиришни сўради.

Мир Алишер 1501 йилнинг 3 январь куни оламдан ўтди. Ўша йили Шайбонийхон Самарқандни забт этди, 6 йилдан сўнг Ҳиротга юриш қилиб, Ҳусайн Бойқаронинг вафотидан сўнг тахтга даъвогарлик қилаётган барча темурий шахзодаларни бирма-бир кириб ташлаган. Сулола тугатилган, аммо ундан бой маданий мерос, жумладан, Навоийнинг асарлари қолган.

НАВОИЙ — «ИЛҲОМ КУЙЧИСИ»

*Ул киши сўз баҳрида ғаввос эрур,
Ким гуҳари маъни анга хос эрур.
(«Хайрат ул-аброр»)*

Мир Алишер Навоий ўзидан улкан адабий мерос қолдирган. У ўзининг форс-тожик тилида яратган шеърларига «бебақо, ўткинчи» маъносини англатувчи Фоний, туркий тилда битилган асарлари учун эса шоирона ном — Навоий тахаллусини қўйган. Дарҳақиқат, шоир дилдан севган она тилидан илҳомланиб, куйларди. Бу тил турлича, яъни чигатой, мумтоз ўзбек тили, Шарқ ёки ўрта осийлик туркийлар тили деб юритилган. Навоийнинг ўзи эса уни оддийгина қилиб *туркий* тил деб атаган.

Маълумки, ўша даврларда адабий тил сифатида форс-тожик тили қабул қилинган ва шеърый асарларни туркийда битиш деярли нолойиқ ҳисобланган. Шунга қарамай, турли сабабларга кўра юзага келган маданий ривожланиш жараёнлари туфайли, шунингдек, энг юқори чўққисига етган форс-тожик шеърятининг баркамоллик ва маҳорат борасида боши берк кўчага кириб қолиши (Жомий айнан шундан ташвишда эди) туфайли янги оқимга, янги адабиётга бўлган «ижтимоий буюртма» яратилишига эҳтиёж туғилган ва буни туркий тилдаги адабиёт тўла-тўқис қондира олган. Бу борада Султон Ҳусайн Бойқаронинг ўзи ҳам туркий тилда гўзал шеърлар ёзганини эътироф этиш жоиздир.

Темурийлар давридаги бошқа шоирлар, жумладан, Лутфий, Сақкокий ва Гадоийлар ҳам туркий тилда ижод қилишган, бироқ Навоий том маънода, ифодаланиш тизими ва шеър ёзиш уйғунлиги бўйича форс тилидан қолишмайдиган адабий тил яратган. Шунихам таъкидлаб ўтиш жоизки, ўша даврлардаги форс-тожик шеъряти Эрон ерларида ислом дини ва араблар маданияти ҳукм сураётгани сабабли ҳам узун ва қисқа бўғинларнинг галма-гал келишига асосланган араб-

ча шеър ёзиш тизими — арузни қабул қилган бўлиб, туркий тиллар бундай хусусиятга эга бўлмаган. Охирги бўғинга урғу бериш билан ифодаланувчи бу тилларга табиий равишда бармоқ вазни мос келган. Аруздан фойдаланганда, Навоий шеърдаги керакли вазни сақлаб қолиш учун форс-араб лексикасидан кенг қўламда фойдаланган деб тахмин қилиш мантиққа тўғри келарди. Шунга қарамай, арабча ва форсчадан кўп сўзлар ўзлаштирилган бўлса-да, шоир туркийдаги келишкуч қўшимчалари, феъл, олмош ва сонлардан фойдаланиш билан бирга қўллаб асл туркий сўзларни ҳам киритган. Улар орасида уйғур ва ўғуз (ғарбий туркий) тилларидан кириб келган сўзлар ҳам учрайдики, бу тадқиқотчиларнинг турли ўзбек қабилалари лаҳжаси туркий адабий тил учун асос бўлган деб ҳисоблашларига замин яратади.

Навоий шеър ёзиш бўйича тажрибасини «Мезон ул-авзон» («Вазнлар ўлчови») рисоласида умумлаштириб, унда ўзининг араб-форс метрикаси (шеър вазни, ўлчови ва унинг назарияси) қоидалари ва уни туркий тилларда қўллаш усуллари тасвирлаган, шунингдек, туркий тилдаги шеърят шакллари ва тавсифномаларини келтирган.

Умрининг охирги йилларида Навоий «Муҳокамат ул-луғатайн» («Икки тил муҳокамаси») номли мўъжаз рисола яратиб, унда форс адабиётига муносиб ўрин берган ҳолда, туркий тилдаги адабиётга ўтишнинг тўғрилиги ва зарурлигини таъкидлаган, чунки бу тил лексиканинг турли-туманлиги қабил афзалликка эга бўлиб, тусланишларни ифода этиш учун имкон яратадиган даражада омонимларга бой, унли товушлар ҳам етарлича кўп. Навоийнинг хулосаси оддий: туркий халқлар туркий тилда ёзмоқлари жоиздир, Навоийнинг ўзи ҳам бир умр шундай қилган.

Алишер Навоий жуда эрта, Султон Абусаид ҳукмдорлик қилган даврлардаёқ шеър ёза бошлаган ва шеърлари кўпчиликлари маъқул тушса-да, шоирнинг ўзи улардан девон тузмаган, фақат 1469 йил — Султон Ҳусайннинг буйруғидан кейин бу ишга қўл урган.

Шоирнинг бизнинг давримизгача етиб келган илк шеърлари қўлёзма-сида хижрий 870 йил (1465–1466 йил) қайд этилган. У шартли равишда ва жуда аниқ қилиб «Илк девон» деб аталган (Қат. 1). Турган гапки, девоннинг асосий қисмини лирик шеърлар — *газаллар* ташкил этган.

Ҳазал 5–11 та байт (икки мисрали шеър)дан ташкил топиб, уларнинг биринчи байти (матлаъ)да ҳар бир мисра қофияланади, кейингиларида эса фақат иккинчи мисралар «ба, ва, га ва ҳоказо» тизими бўйича қофияланади. Ҳазалларнинг мавзуси анъанавий бўлиб, одатда гўзаллар, май, соқий, ишқ-муҳаббат, кўп ҳолларда бахтсиз севги ҳақида қуйланади. Аксарият шоирлар ўз шеърларига икки хил маъно беришади, яъни ёрга бўлган севгиси Тангрига бўлган муҳаббатини ва тутқич бермас ҳақиқат-

ни излашни англатади. Баъзи шоирлар анъанавий шакл доирасида очиқдан-очиқ айш-ишратга чакирувчи шеърлар ёзишади. Навоий шеърляти замирида фақатгина тасаввуф таълимоти яширин деб бўлмайди, аммо унинг севги ва жўшқин эхтирос ҳақидаги тасвирларида ҳаётй хакконийлик унчалик кўп эмас.

Унинг шеърляти, айникса илк шеърларида араб-форс шеърляти анъаналари, катъий қонун-қоидалари асосида туркий сўз бойлигидан фойдаланиш кўринади. Йиллар ўтгани сари Навоий ғазалларида орзу-лари амалга ошмагани ва муқаррар интиҳо яқинлашаётганидан андух чекиш оҳанглари зухур бўлган.

Навоий умри мобайнида бир неча марта девон тузиш билан машғул бўлган. Афтидан, ўқувчилар ҳам ўз дидларига қараб шундай девонлар-ни тузганлар. Шунинг учун ҳам у ёки бу девоннинг ёзилган вақтини аниқлаш ҳам, унинг муаллиф истагига қанчалик мос келишини тушу-ниш ҳам ўта мураккабдир (Кат. 6-12, 13).

Муаллиф дастлабки девонини тузиши 1469 ва 1483 йиллар орасида амалга оширилган дея ҳисобланади, балки шу туфайли ҳам у «Бадоеъ ул-бидоя» («Бадийлик ибтидоси») деб номланган бўлса керак. 1480 ва 1492 йиллар орасида «Наводир ун-нихоя» («Интихонинг нодирлик-лари») номли шеърлар тўплами яратилган. Навоий 1492 йилда Жомий-нинг маслаҳатига кўра ўз лирикасини шеърлар ёзилган вақтдаги ёши-га қараб тўртта тўпламга ажратган. Булар — «Ғаройиб ус-сиғар» («Бо-лалик ғаройиботлари»), «Наводир уш-шабоб» («Йигитлик нодирлик-лари»), «Бадоеъ ул-васат» («Ўрта ёш бадиалари») ва «Фавойид ул-ки-бор» («Кексалик фойдалари»). Умрининг охирги йилларида Навоий энг яхши шеърларини тўплаб, алифбо тарзида тартибга солган ва шу тарика «Хазойин ул-маоний» («Маънолар хазинаси») девони яратил-ган.

Навоий ва Жомийнинг доимий мусохабада бўлишлари уларнинг ижоди бойиганидан далолат беради. Улар бир бутунни ташкил этувчи ўз дostonлари қисмларини деярли бир вақтда ёзишган. Шу боис, бундай дostonлар Жомийда еттита бўлиб, «Хафт авранг» («Етти тахт») деб ном-ланган, Навоийда эса бештани ташкил этган. Унинг «Хамса» асари жуда қисқа муддатда — 1483 дан 1485 йилгача бўлган даврда ёзилган (Кат. 2, 4).

Маснавий дostonлари йирик шеърй шакл бўлиб, уларда ҳар бир байтнинг мисралари қофиядош бўлган ва турли хикоятлар, баъзан қис-тирма, баъзан кўнгилочар, кўпинча насиҳатомуз нақллар келтирилади.

Давлатни қандай бошқариш мумкин-у, қандай бошқармаслик ке-раклигини, ҳукмдорлар ўзини қандай тутиши лозимлигини шоирлар билишади, аммо ҳукмдорлар доим ҳам уларга қулоқ тутишадими?

Муаллифлар кўпроқ *назира* услубида — ўзидан олдин ўтган шоирларнинг дostonларига «жавоб» тарикасида ижод қилишни маъқул қўришган.

Назира — тақлид ҳам, муайян шеърый тасвир мазмунини ўз сўзлари билан қайта сўзлаб бериш ҳам эмас. «Жавоб» ёзувчи бировнинг мавзусидан фойдаланади, аммо унга янги талқин, янги қаҳрамонларни кирилади, бундан эса асарнинг асосий йўналиши ўзгариб кетиши мумкин.

Навоий ўзидан олдин форс тилида ижод қилган Илём Низомий Ганжавий, Амир Хусрав Дехлавий ва Абдурахмон Жомий каби шоирларнинг исмларини эслаб ўтган:

«Хайрат ул-аброр» («Яхши кишиларнинг хайратланиши»)даги биринчи дoston Низомийнинг «Махзан ул-асрор»идаги каби ягона сюжетга эга эмас. Олдинги боблар Яратганга ҳамд, Мухаммад пайғамбар (с.а.в)га салавот, Низомий, Хусрав Дехлавий ва Жомийнинг хизматларини, сўзнинг аҳамиятини таъкидлаш, Султон Хусайнни, тасаввуф фалсафасининг айрим қоидаларини ва Нақшбандия тариқатининг асосчиси Баҳоуддин Нақшбандни улуғлашдан иборат бўлган. Кейинги 20 та боб мақолат деб аталган суҳбатлардаги асосий ҳолат ва уни безатувчи нақллардан ташкил топган. Айтайлик, илм-фан ҳақидаги суҳбатда Навоий ҳақиқий олим инсон муҳтожлик ва қашшоқликда яшайди, аксинча уddaбуро товламачилар ва авом кимсалар тўкин-сочин фаровон ҳаёт кечиради, деган хулосага келган. Охирги суҳбат тахт валиаҳди Бадиуззамонга аталган мурожаатдан иборатдир.

Хижрий 889 йилда (1484 й.) Навоий иккита — «Фарҳод ва Ширин» ва «Лайли ва Мажнун» дostonларини тугатган. Кейингиси арабий илдишларга эга бўлиб, Марказий Арабистоннинг Бани Омир қабиласига мансуб бўлган бадавий шоир ишқий шеърларига бориб тақалган. Дostonда соҳибжамол Лайлига бўлган умидсиз севгиси туфайли эс-хушидан айрилиб, «Мажнун» номини олган Қайс исмли йигит ҳақида хикоя қилинган. Ишқ алангаси Қайснинг ҳаёлини олиб қўяди. У инсонлар орасида яшай олмай, саҳрога кетиб қолади; охир-оқибатда турли тўсиқлардан ўта олмаган севишганлар ҳалок бўлишади.

Низомий ва Дехлавийнинг асарларига қиёслаганда жиддий сюжет ўзгаришлари мавжуд бўлмаган «Хусрав ва Ширин» дostonидан фарқли ўлароқ «Фарҳод ва Ширин» дostonи олдингилардан анчагина фарқ қилган, бунда Низомий учун ҳам, Хусрав Дехлавий учун ҳам иккинчи даражали қаҳрамон бўлган Фарҳод бош қаҳрамонга айланган. Айни вақтда, уларнинг бош қаҳрамони — шахзода, шунингдек, Навоий талқинида шох Хусрав салбий жиҳатлари билан намоён бўлган. Навоийнинг Фарҳоди Низомийдаги каби оддий сангтарош эмас, балки хитойлик шахзода бўлиб, ўзининг орзусидаги арман маликаси Ширинни излаган

ва топган. Бироқ золим шох Хусрав туфайли севишганлар бирга бўлишолмайди ва Ширин суюклисининг қабри устида оламдан ўтган.

Яқин-яқинларда ҳам ушбу дoston ҳақида гап кетганида, сангтарoшларнинг иши ва Фарҳоднинг тоғни тешиб, сув йўлини очишининг ҳаётга ўта яқин, ҳаққонийлиги таъкидланарди. Аммо бу аслида кичик бир эпизод бўлиб, ҳаётдан ҳам анча узоқ, чунки сангтарoшлар Меҳинбону томонидан топширилган, аслида бажаришнинг иложи йўқ ишнинг устида уринишган, Фарҳод эса афсонавий баҳодирлик кучини намоён қилган. Дostonдаги сюжет йўналишининг кўпчилиқ қисми ҳам айнан эртақона, ҳаётдан анчагина узоқлик хусусиятига эга. Жанр талабига кўра ҳиссиётлар ўта бўрттириб юборилган, аммо бунинг шарофати билан ўқувчилар қаҳрамонлар учун ич-ичидан қайғуришади. Дostonда нафақат Фарҳод ва унинг Ширинга етишиш йўли, балки Фарҳоднинг ота-онасининг ўғлига бўлган меҳри, Меҳинбонунинг ўз жиянини онадек яхши кўриши, мусаввир Шопур ва Фарҳоднинг чин дўстлиги, Хусравнинг маккорлиги ва унинг падаркуш ўғли ҳақида, шунингдек, оддий меҳнаткаш халқ ҳақида ҳикоя қилинган. Инсонийлик муносабатларининг кўп қирралилиги Навоий асарларининг ўзига хос жиҳатидир.

Ушбу мажмуага кирувчи тўртинчи дoston 1485 йилда яқунланган бўлиб, у «Сабъаи сайёр» деб аталган. Бу ном «Етти сайёра» ёки «Етти саёҳатчи» деган номни билдиради. Яъни сайёра сўзи куёш ва ойга нисбатан ҳам қўлланилган; шу билан бир вақтда, дostonда ўз бошидан ўтганларини сўзлаб берувчи етти нафар сайёҳ иштирок этишади. Дostonнинг бош қаҳрамони — шох Баҳром Гўр, у моҳир созанда ва хонанда Дилоромга бўлган севгисидан ҳаёлий бахтга эришган эди. У ўз севгилисининг васлига етишади, бироқ уларнинг биргаликдаги ҳаёти адоқсиз зиёфат ва шикорларда кечади. Шундай юришларнинг бирида Баҳром Дилоромдан кўнгли ранжиб, унинг оёқ-кўлини боғлаш ва даштга ташлаб кетишни буюради. Эси ўзига келганидан кейин Баҳром севгилисини излайди, бироқ уни топа олмайди ва қаттиқ изтиробга мубтало бўлади. Маслаҳатчилари шохнинг кўнглини очиш учун унга еттита сарой қуриб, ҳар бирига биттадан соҳибжамолни ўтказиб қўйишни маслаҳат беришади. Шу тариқа, Баҳром қасрлардан бирида яшовчи гўзалдан хабар олгани отланганида, унга унинг юртидан бўлган бирор сайёҳни олиб келишар ва у шохга ўз юртидаги воқеалар ёки эртақларни сўзлаб берарди. Баҳром еттинчи — оқ саройга келганида, Дилором воқеасини эшитади. Маълум бўлишича, уни ўша пайтда даштдан ўтиб кетаётган карвондаги савдогарлар қутқариб олишган экан. Шох севгилисини қайтариб олиб келиб, яна аввалгидек зиёфатлару шикорга берилиб кетади. Бир куни Баҳром ҳайвонларни қамаш

учун кўтон курдиради ва овчилар сон-саноксиз шерлар, йўлбарслар ва жайронларни хайдаб келишади. Баҳром Гўр хайвонларни қираётган пайтида ер ярилади ва шохни ютиб юборади. Низомий ва Дехлавийнинг дostonларидан фаркли ўлароқ, Навоийнинг бош қаҳрамони давлат ишлари билан умуман шуғулланмайди — унда ишнинг ўзи йўқ, унинг ўлимига эса эҳтиётсизлиги ёки тасодиф эмас, балки шафқатсизлиги сабаб бўлади.

Севги ҳақидаги учала дoston ҳам қаҳрамонларнинг ўлими билан якунланади: ўсмирлик ёшидан эндигина ёшлик томон ҳатлаган Лайли ва Мажнун, навқирон ёшлик давридаги Фарҳод ва Ширин, етук ёшдаги Баҳром Гўр ва Дилором — бари ҳалок бўлишади. *Ғазал*да муҳаббат азобли бўлиши мумкин, *маснавий*да эса фожиали якунланади.

Охирги дoston «Садди Искандарий» («Искандар девори») эса Шарқда Искандар Мақдуний номи билан маълуму машҳур бўлган македониялик жаҳонгир саркарда Александрнинг ҳаётидан ҳикоя қилади. Қуръонда эса унинг исми Зулқарнайн («зулқарнайн» сўзи «икки шохли» маъносини билдиради) сифатида келтирилган.

Қабул қилинган анъаналарга кўра, Навоий Искандарни нафақат омадли жангчи ва ҳалки ҳақида қайғурувчи доно шох, балки файласуф сифатида ҳам тасвирлаган. Бу беназир ҳукмдор Соҳибқирон Амир Темурининг авлодлари учун ўрнатилган бўлиши лозим эди, зеро Навоий дostonни Султон Ҳусайнга ва унинг меросхўри бўлмиш валиаҳд-шаҳзода Бадиуззамонга бағишлагани бежиз эмас. Дoston кўп сюжетли, турли мулоҳазалар, ҳикоятларга тўла бўлиб, Арастуниги Искандарнинг саволларига берган жавоблари, саркарданиги қаҳрамонликлари ҳақидаги ҳикояларни қамраб олади. Унинг юришлари вақтида қандай воқеа юз берган бўлмасин, муаллиф уларга ҳар томондан ёндашиб кўрган. Бунда Эрон шоҳи Доро билан бўлган жанг ҳам, Яъжуж ва Маъжуж деб аталувчи ёввойи қабилалардан ҳимоя қилиш учун девор қурилиши ҳам, шиша кути ёрдамида уммон тубини текшириш ҳам, ҳатто портловчи модда тўлдирилган шиша тўпча ҳам тасвирланиб, ушбу тўпча нишонга текканида, ундан кўтарилган буғдан душманларнинг аҳволи танг бўлиб қоларди. Ундан Хитой ҳокони совға қилган жангчи-хонанда ҳам, Искандарнинг ўлими ва дафн этилиши ҳақидаги машҳур афсона ҳам ўрин олган бўлиб, жаҳонгир саркарданиги васиятига кўра уни тобутга очик қўллари ташқарига чиқиб турадиган қилиб жойлашган, яъни Искандар нариги дунёга қўллари қуруқ кетаётганини, бор топган бойлиги бу дунёда қолганини шу тариқа тушунтиришга уринган.

Алишер Навоий диний ва илмий йўналишдаги насрий асарлар ҳам ижод қилган. Булар орасида Муҳаммад пайғамбар (с.а.в.)нинг ҳадисларидан иборат «Арбаъин» («Қирк ҳадис») Ҳазрати Алининг «Наср ал-ла-

олий» («Сочма дурлар») рисоласидаги фикрларини таржима қилиб, қайта сўзлаб беришдан иборат бўлган «Назм ул-жавохир» («Жавохирлар шодаси») каби асарларни кўрсатиб ўтиш мумкин.

Кўп учрайдиган ва қайсидир маънода ўқув қўлланмаси вазифасини ўтай оладиган иккита тарихий рисоладан Навоий дostonларини тушунишда фойдаланиш мумкин. Улардан бири «Тарихи анбиё ва ҳукамо» («Пайғамбарлар ва донишмандлар тарихи») бўлиб, у Куръондаги воқеалар ва мусулмонлар оламида эъзозланувчи файласуфлар ҳақида маълумотлар беради. Иккинчиси — «Тарихи мулуки аҷам» («Аҷам шоҳлари тарихи»)да ҳозирги Эрон ҳудудида ҳукмронлик қилган шоҳлар ҳақида ҳикоя қилиниб, уларнинг кўпчилиги Фирдавсийнинг «Шоҳнома» эпик достонидан олинган.

Илмий наср намунаси сифатида «Мажолис ун-нафоис» («Нафис мажлислар») тазкирасида назм билан шуғулланувчи кишиларнинг феъл-атворлари ҳақида қисқача таъриф ва шеърларидан намуналар келтирилган (Кат. 5).

Жомийнинг вафотидан сўнг Навоий «Хамсат ул-мутаҳаййирин» («Беш хайрат»)ни ёзган. Номидан кўриниб турибдики, асар беш қисмга бўлинган ва уларнинг ҳар бири осмонда «дарбадар»ликка маҳкум бўлган беш сайёра — Зухал (Сатурн), Муштарий (Юпитер), Миррих (Марс), Уторид (Меркурий) ва Зухро (Венера)га бағишланган. Муқаддимада Жомийнинг таржимаи ҳоли баён қилинган: учта суҳбат-мақолатнинг биринчисида икки шоирнинг учрашувлари ҳақидаги ҳикоялар жамланган, иккинчисида — уларнинг шеърӣй шаклдаги ёзишмаларидан намуналар келтирилган, учинчисида эса Жомийнинг асарлари тўплами берилган. Хотима қисмида Навоий Жомийнинг раҳбарлиги остида ўрганган китобларининг тўпламини келтириб ўтган, унинг ажойиб қобилиятлари ва вафоти ҳақида сўзлаб берган. Бу ерда Навоий томонидан ёзилган Жомийни дафн этиш вақтида машҳур хиротлик воиз Ҳусайн Кошифӣй ўқиган мунгли лирик шеър — марсия ҳам келтирилган.

Навоий кейинчалик Жомийнинг «Нафаҳот ал-унс мин ҳазароталқудс» («Улуғ ҳазратлардан дўстлик нафаслари») рисоласини «Насоим ул-муҳаббат мин шамоим ул-футувва» («Олийҳимматлик ифорларидан муҳаббат шабадалари») номи билан таржима қилган. Рисолада 616 нафар сўфӣйлик намояндасининг таржимаи ҳоли ҳикоя қилинган бўлиб, улар орасида 35 нафар аёл ҳам бўлган. Навоий матнни бирмунча қисқартирган, аммо баъзилари, шу жумладан, Хожа Аҳмад Яссавийдан тортиб бир қатор ўрта осӣёлик шайхларнинг ҳаёти ҳақидаги қўшимчаларни киритиб, 770 сўфӣй тўғрисида маълумот келтирган.

Хижрий 904 / 1498–1499 йилларда Навоий яна катта назмий шаклга қайтган ва Фаридиддин Атторнинг «Мантиқ ут-тайр» («Қуш нутқи») номли тасаввуфий достони асосида «Лисон ут-тайр» («Қуш тили») асарини яратган. Маълумки, Атторнинг достони болалик чоғларида ёш Алишерга каттиқ таъсир қилган бўлиб, у ўзи хурмат қилган шоирнинг айтганларини улуғ ёшга етгунча ўйлаб юрган, кўп нарсаларни бошидан ўтказганидан сўнг эса, унга жавоб қайтаришга журъати етган эди. Достоннинг мавзуси қуйидагича: қушлар ўзларига подшо сайламоқчи бўлишади ва худхуд (попишак) Семургни танлашни таклиф қилади. Аммо уни хали топиш керак эди. Қушлар йўлга отланишади. Уларнинг кўпчилиги қийинчиликлардан чўчиб, излашни тўхтатишга қарор қилишади; худхуд эса қушларга ривоятлар сўзлаб бериб, бундай қарорлари нотўғрилигини тушунтиришга уринади. Еттита «водий» (тасаввуфий баркамолликка эришиш йўлидаги босқичлар)дан ўтишга фақат ўттизта қуш муваффақ бўлади. Ўттиз, бу форсча «си» бўлади, Симург эса «ўттизта қуш» маъносини англатади. Шу тариқа йўловчилар излаган сирли подшоҳ — уларнинг ўзларидир. Пайғамбар (с. а .в.)нинг «Ўзини англаган одам ўзининг Яратувчисини ҳам англайди» деган ҳадислари шу тариқа талқин қилинган. «Лисон ут-тайр»да шоир Фоний («Ўткинчи», яъни дунёнинг ўткинчи эканлигига ишора) тахаллусидан фойдаланган.

Навоийнинг охириги асари — «Маҳбуб ул-қулуб» («Қўнгилларнинг севгани») сажъ яъни қофияланган насрда, орасига шеърлар қўшилган тарзда битилган. У Саъдийнинг «Гулистон»и ва Жомийнинг «Баҳористон»и учун *назира* бўлиб, унда жамиятнинг тузилиши ва инсонлар орасидаги мулоқот асослари ҳақидаги фикрлар баён қилинган. Учта қисмининг биринчисида турли касблар, лавозимлар ва жамоатчилик гуруҳлари, уларнинг фазилатлари ва камчиликлари ҳақида тавсифномалар берилган. Айтайлик, «Шафқатсиз, жохил ва фаҳшга берилган шохлар ҳақида»ги бобда ифодали қилиб «Унинг ҳаммомидаги ерга масжид равоғидан тўкилган безаклар тўшалган, гиштлари эса қулаган *мехроблар*дан иборат» дейилган. Дехқонлар ҳақида «дунёнинг фаровонлиги ундан, олам аҳлининг қувончи ундан, у қаёққа бормасин, инсонларга овқат ва кут-барака элтади», дейилган. Асарнинг иккинчи қисми ахлоқ-одоб масалалари — яхши фазилатлар ва иллатларга бағишланган. Учинчи қисм эса «Фақат алдамайдиган эмас, балки ҳар доим ҳам тўлиқ ҳақиқатни гапиравермайдиган одамгина ақлидир» қабiliдаги ҳикматли сўзлардан иборат. Умуман олганда, бу қўнгилочар китоб эмас, тушуниш учун анчагина қийинлик қилади, чунки у кўпгина қийинчиликларни ва туйғуларни бошдан кечирган, умрининг охирига келиб эса атрофидаги оламнинг ноҳақлигидан каттиқ алам чекаётган одам томонидан

ёзилган. Қизиғи шундаки, муқаддимада муаллиф она юртини тарқ эт-моқчи эканлигини ёзган, аммо у ниятига эриша олмаган.

Вақти келиб, буюк инсонларвар шоирнинг асарлари Хиротдан анча узоқларга ҳам тарқалган ва ўзбек халқининг мулки бўлибгина қолмай, қўплаб тилларга ўгирилиб, дунё мумтоз адабиёти хазинасига кирган. Зеро, даҳолар мангу яшайдилар.



РОССИЯ МИЛЛИЙ КУТУБХОНАСИДАГИ НАВОИЙ ҚҮЛЁЗМАЛАРИ: ТЎПЛАМЛАР ТАРИХИДАН

Россия миллий кутубхонасининг Қўлёзмалар бўлими ташкил қилинганидан бери мунтазам равишда янги асарлар билан бойитиб келинмоқда. Ҳозирги вақтда Шарқ қўлёзмалари жамғармасида 28 минг дон қўлёзма сақланмоқда. Улардан 29 та асарлар тўплами Алишер Навоийники бўлиб, унинг 14 таси XV–XVI асрларга тааллуқлидир⁸. Улар турлича йўللار билан, жумладан хусусий коллекционерлар, дипломатлар орқали ёки ҳарбий ўлжалар сифатида келиб қолган.

Навоийнинг биринчи қўлёзмаси 1817 йилда, Барнаулдаги Коливано-Воскресенский заводлари бошлиғи бўлган тоғ муҳандиси Пётр Козмич Фролов (1774–1839)нинг тўплаган китоблари орасида келиб қолган⁹. У тоғ-кон ва металлургия саноати ривожланиши учун кўп хизмат қилган, тўплаган санъат асарлари коллекциясидан Барнаул музейи ташкил этилган, шу билан бирга, у китобларга, биринчи навбатда қадимги рус қўлёзма китобларига жудаям қизиққан. Унинг тўплами ичида 60 дан ошиқ Шарқ қўлёзмалари ҳам бўлиб, улар ичида энг қиммати Навоийнинг қуллиёти (асарлар тўплами) эди (Кат. 4). Шубҳасизки, Фролов ўзидаги қадимий қўлёзмаларнинг бадиий қийматини яхши тушунган: улардан фақат иккита энг қимматбахосига бўёқлар ёрдамида ўзининг дворянлик гербини чизиб қўйган.

Шарқ тилларини билмайдиган рус тоғ муҳандисининг шарқона манбаларни тўплашига нима сабаб бўлгани номаълум, шунингдек, уларни қандай излаб топгани ҳам аниқ эмас. Навоийнинг қуллиёти эса келиб чиқиши ҳақида баъзи тахминларни айтиш, аниқроғи, ўйлаб топиш мумкин бўлган кам сонли қўлёзмалардан биридир.

1794 ва 1800 йилларда Барнаулдан Ўрта Осиёга Коливано-Воскресенский заводларининг амалдори Т.С. Бурнашев раҳбарлиги остида иккита экспедиция жўнатилган. Экспедицияларнинг биринчиси — Бухорога, иккинчиси — Тошкентга мўлжалланган. Бурнашевнинг экспедициялар ҳақидаги маълумотлари Фролов орқали «Сибирский вестник»

8 Жамғарма ҳақида қаранг: Васильева 1995; 2005а; 2005б; 2011; Vasilyeva, 1995; 1996; Навоий асарлари қўлёзмалари тўпламлари ҳақида: Васильева 1985; 1986; 2007; 2016.

9 Васильева 2006а; Васильева 2008 б.

журналига бериб юборилган бўлиб, улар 1818 ва 1819 йилларда чоп этилган. Ҳукумат қарори билан янги савдо йўлларини топиш ва бири-ўла геологик қидирувларни амалга оширишга мўлжалланган экспедицияларни Бурнашев ўлкашунос нуктаи назаридан тасвирлаган бўлиб, уни биринчи навбатда Ўрта Осиёдаги кундалик ҳаёт, урф-одатлар, диққатга сазовор жойлар кўпроқ қизиқтирган. Эҳтимол, айнан шундай саёҳатларининг бирида Бурнашевнинг қўлига баъзи қўлёзмалар, шу жумладан, қўлӣёт ҳам тушиб қолган бўлиши мумкин. Маълумки, Тошкент ҳокими Юнусхўжа рус «элчиси»ни бир неча марта уйига меҳмонга чақирган ва ундан милтиғини совға қилишини сўраб, ўрнига истаган нарсасини олишини таклиф қилган. Бурнашев унинг илтимосини қондирган, аммо милтиқ эвазига нима олган? Балки «элчи»нинг совғаси эвазига китоблар берилгандир? Дарвоқе, 1800 йили Тошкентда уч ой яшаган вақтида ва 1794 йилдаги саёҳати вақтида китобни қўлга кири-тиш учун Бурнашевнинг бошқа имкониятлари ҳам бўлгани эҳтимолдан узоқ эмас. Бурнашев юклари солинган қутиларни дарёдан ўтказаетган вақтида уларнинг сувга тушиб кетганини тасвирлайди, бу эса «Қўлӣёт» айнан унинг қўлида бўлганининг нисбий далили сифатида хизмат қилиши мумкин.

Агар қўлӣётни айнан Бурнашев олиб келган бўлса, унинг ашаддий китобшунос-коллекционер Фроловнинг қўлига тушиши муқаррар эди. Ваҳоланки, буларнинг бари ҳужжат билан тасдиғини топмаган тахминлар, ҳолос.

1828 йилда кутубхонага энг қимматли ислом қўлёзмалари, шу жумладан, Навоийнинг асарлари ҳам келиб тушган. Улар Ардабилдаги Рус-Эрон урушининг ўлжалари сифатида Санкт-Петербургдан олиб келинган. Ушбу мўъжазгина Озарбайжон шаҳарчасида сафавийлар сулоласининг асосчиси, тасаввуф таълимотининг етакчиси шайх Сафийуддин Исҳоқ Ардабилий (1252–1334)нинг мақбараси бор. Унинг мақбараси доимий равишда тақводорлар томонидан зиёрат қилинган. 1501 йилда Эронда ҳукумат тепасига туркийзабон мусулмон-шиалар келиши натижасида бу ерлар чиройли бинолар мажмуасига айланган¹⁰. Бинолардан бири «Чиннихона» деб аталиб, унда хитой чиннисидан ясалган буюмлар билан бирга кутубхона ҳам жойлашган эди. 1759 йил қайдларига кўра, унда мингга яқин қўлёзма китоблар сақланган, бироқ ҳозирги даврда ушбу тўшламнинг фақат бир қисмигина сақланаётгани маълум¹¹.

Ардабилдаги қўлёзмаларнинг энг катта тўплами Санкт-Петербургда бўлиб, мохир хаттотлар томонидан кўчирилган, нақшлар ва хатто миниатюралар билан ҳам безатилган 166 та бадий ва тарихий рисоалар бор¹². Улар қўлга киритилишининг тарихи қуйидагича¹³.

10 Canby 2009. 116–120-б.

11 Ардабилдаги қўлёзмаларнинг юзгаси Техрондаги «Эрони Бустон» музейида сақланиши аниқланган. Яна тўртта қўлёзма Техрондаги иккита кутубхона («Кетабханаи Малек» ва «Кетабханаи Мелли») ва битта музей («Қохи Гулистон» музейи)да сақланмоқда. Учта китоб Истанбулдаги китоб омборлари (Турк ва мусулмон санъати музейи, «Тўпқопи саройи» музейи ва Истанбул университетининг музейи)да сақланади. АҚШ музейларида (Вашингтондаги «Фрир» галереясида ва Нью-Йоркдаги «Метрополитен»да) иккита қўлёзма бор, Франция Миллий кутубхонаси, Лиссабон (Португалия)даги Гульбенкян музейи ва Лаҳор (Покистон)да яшовчи М. Слимнинг хусусий тўпламида ҳам биттадан сақланмоқда. Қар.: Акимүшкин 2004а.

12 Vasilyeva 2011b; Васильева 2014.

13 Боршевский 1984.

Рус-Эрон уруши 1826 йилда бошланиб, 1827 йилда деярли якунига етай деб қолган. Бироқ сулҳ тузиш ҳақидаги музокаралар жуда қўзилиб кетган ва рус подшоси Николай I қўшинларининг Ардабил ва Мароға шаҳарларига бостириб киришига рухсат берган. 1828 йил 25 январда генерал-лейтенант Павел Петрович Сухтелен (Suchtelen) томонидан Ардабил босиб олинган. Николай I нинг Шарқ қўлёмаларига жуда қизиқишидан хабардор бўлгани учун ҳам Павел Сухтелен (айтиб ўтиш жоизки, у Россиянинг Швециядаги элчиси бўлган таниқли китоб тўпловчиси (библиофил) генерал Пётр Сухтеленнинг ўғли эди) «масжидни назорат қилувчи диний арбоблар»ни кутубхонанинг бир қисмидан воз кечишга кўндирган. Китоблар кутиларга жойланганидан сўнг эса, Сухтелен шайх Сафийнинг қабри устига 800 олтин танга — червонец солинган парчадан тикилган халтача қўйган. У, шунингдек, мақбарага турли инъомлар қилиб, масжидни таъмирлаш учун 50 олтин танга берган.

1828 йилнинг декабрида Николай I Халқ кутубхонасига 148 та форс, 11 та араб қўлёмаларини, шунингдек, Навоийнинг асарлари жамланган 7 та қўлёмадан иборат бўлган ажойиб ҳарбий ўлжани топширишга буйруқ берган¹⁴ (Кат. 2, 5, 9–11, 14). Уларнинг бари XVII аср бошларида Ардабил кутубхонасига шох Аббос I томонидан ҳадя қилинганди.

Бу қўлёмалар шох кутубхонасига қандай келиб қолганлиги номаълум. Уларнинг бир қисми Исмоил I даврида Табризга кўчиб ўтишга мажбур бўлган Бадиуззамоннинг китоблари бўлиши ҳам мумкин; булар сирасига хижрий 898/милодий 1492–1493 йиллардаги «Хамса»ни киритиш мумкин (Кат. 2). Хижрий 1004/милодий 1595–1596 йилларда Хуросон, Ғилон ва Мозандарон ҳукмдори бўлган Абул-Мансур Фарходхон Қораманли учун XVII аср охирларида кўчириб ёзилган «Куллиёт» (Кат. 14) эса ўша давлат арбоби хижрий 1007/милодий 1598–1599 йилларда Аббос I нинг буйруғига кўра қатл қилиниб, мол-мулки давлат хазинаси учун мусодара қилинган пайтда шох кутубхонасига тушиб қолганини тахмин қилиш мумкин.

1829 йилда Навоийнинг иккита қўлёмаси келган бўлиб, улардан бири — «Илк девон» (Кат. 1) дипломатик совға сифатида берилган, «Грибоедовнинг қони эвазига келган» деб таърифланган. А.С. Грибоедов дипломат, ёзувчи-драматург ва бастакор бўлиб, 1826–1828 йиллардаги Рус-Эрон уруши тугаганидан сўнг Россиянинг мухтор вакили сифатида Туркманчай битими шартларининг амалга оширилиши, шу билан бирга, контрибуцияни ундириш ва асирга олинганларни ватанига қайтариш учун Техронга жўнатилган. 1829 йил 11 февралда «*вазири мухтор*» мақомига эга бўлган Грибоедов, у билан бирга рус элчиларининг барча вакиллари техронлик ғалаёнчилар томонидан ваҳшийларча ўл-

¹⁴ Академик Х.Д. Френ, профессор Ф.Ф. Шармуа ва Мирза Жафар Тупчибошев француз тилида қўлёмалар каталог тайёрлашган. Унинг тавсифномаси академик Б. Дорннинг босма каталогига кирган: Dorn 1852.

дирганлар. Муносабатлар бузилиши мумкинлигидан хавфсираган шох саройи ҳам, рус ҳукумати ҳам хавфли вазиятдан чиқиш чораларини излай бошлашган. Ушбу нохуш воқеа юзасидан изохлар берилиб, кечиримлар сўралганидан сўнггина Николай I юмшаб, Фатҳ Али Шохнинг ўғиллари ёки набираларидан бири томонидан жўнатилган узрни қабул қилишга розилик беради. Шох бу ишни бажариш учун тахт валиаҳди Аббос Мирзонинг еттинчи ўгли Хусрав Мирзони танлаган. 16 ёшли Хусрав Мирзо ўша пайтда Озарбайжон вилояти ҳокими бўлган отасининг ташқи алоқаларни бажарувчи махсус котиби эди.

Хусрав Мирзо Николай I га аталган совға-саломларни, биринчи навбатда «Шох» олмосини топширган. Совғалар орасида Фатҳ Алининг шахсий кутубхонасидан олинган 18 та қўлёзма ҳам бўлиб, уларни Николай I Халқ кутубхонасига топширган. Ушбу кичик тўплам асосан форс тилидаги мумтоз шеърят намуналари ва тарихий асарлар тўпламларидан иборат бўлган¹⁵. Форс тилида бўлмаган ягона асар — Навоийнинг «Илк девони» эди (Кат. 1). Китобларнинг кўпчилиги, шу жумладан, муқовалари ҳам Эронда қайта таъмирланган, бироқ зарбоф ғилоф ичидаги девоннинг қопқоғи бўлмаган шекилли, шунчаки шойига ўраб қўя қолинганди. Кейинчалик кутубхонада унга тахта қопқоқ ясаб, ўрнатиб қўйилган.

1829 йили декабрда Рус-Турк уруши вақтида Арзирум шаҳрида сотиб олинган Навоий асарларини ўқиш учун «Абушқа» чифатой-туркча луғати келтирилган (Кат. 15).

1859 йили Навоий Девонининг уч тўплами 1845 йилдан 1854 йилгача форс саройида мухтор вазир лавозимини эгаллаган Дмитрий Иванович Долгоруков (1797–1867)нинг тўплами таркибида келган. Эронда хизмат қилган вақтида Д.И. Долгоруков Александр II нинг буйруғига мувофиқ Халқ кутубхонаси учун сотиб олинган 99 та қўлёзмадан иборат ажойиб коллекцияни тўплашга муваффақ бўлган¹⁶. Улар орасида Навоий девонининг учта тўплами бўлган (Кат. 7–8, 13). Форс афсоналари кўчирмаларида князь Долгоруков ва унинг қизи Евгениянинг исми ёзилган муҳр босилганини кўриш мумкин.

1864 йилда кутубхона томонидан шарқшунос-эроншунос олим ва дипломат Николай Васильевич Хаников (1819–1878)нинг тўплами сотиб олинган¹⁷. Хаников Царское Селодаги лицейда ўқиган, уни тугатгач, Петербург университети профессори О.И. Сенковскийнинг маърузаларига қатнаган, кейин эса Ташқи ишлар вазирлигининг Осие маҳкамасида таржимон бўлиб ишлаган. 1841 йилда Хаников Бухорога, К.Ф. Бутеневнинг элчихонасига унинг ёрдамчиси сифатида хизмат сафарига жўнатилган. Кейинчалик Хаников Тифлисида хизмат қилган, 1853 йилдан 1857 йилгача Табризда Бош элчи вазифасини бажарган (айнан шу ерда

15 Костигова 2003.

16 Костигова 1982.

17 У ҳақда қар.: Халфин, Рассадина 1977.

у ўз тўпламига кирган ашёларнинг кўп қисмини сотиб олади), 1858–1859 йилларда эса Хуросонга бўлган тизимли экспедицияга раҳбарлик қилган. Хаников 1855–1859 йилларда Осиё музейи (ҳозирги РФА Шарқ қўлёзмалари институти)га 70 та қўлёзма жўнатган¹⁸. Парижда яшаётганида эса у тўпламининг қолган қисмини сотмоқчи бўлган, бироқ та-сарруфида Осиё музейи бўлган Фанлар академияси маблағи йўқлиги туфайли бунчалик қимматбаҳо топилмадан бош тортишга мажбур бўлган. Бундай маблағ фақат Император Халқ кутубхонасида топилган ва 1864 йилда 166 та сақланувчи бирликдан иборат бўлган тўплам Қўлёзмалар бўлимидан ўрин эгаллаган.

Ушбу тўплам билан бирга Навоийнинг учта асарлари тўплами ва унинг асарлари учун иккита чигатой-форсча луғат келади¹⁹. Фақат иккита қўлёзма: асосий қисмига хижрий 904/милодий 1499 йиллар са-наси қўйилган ва шоир ҳаётлигида тузилган «Куллиёт» (Кат. 3) ҳамда XVI асрнинг иккинчи ярмида кўчирилган XV–XVI асрларга мансуб де-вон нусхаси (Кат. 12) эди.

1879 йилда Алиев деган шахсдан иккита суратли қўлёзма сотиб олинган бўлиб, улардан бири суратлар билан безатилган Навоий дево-ни бўлган (Кат. 6).

Юқорида санаб ўтилган қадимий қўлёзмаларнинг бари Император Халқ кутубхонасининг каталоглари ва ҳисоботларида акс эттирилган. 1887 йил ҳисоботида кутубхонанинг санъат ва технологиялар бўлими бошлиғи Владимир Васильевич Стасов ва Шарқ бўлими бошлиғи Ва-силий Дмитриевич Смирнов томонидан тайёрланган кўрғазманинг каталоги нашр қилинган. Кўрғазмада чигатой қўлёзмалари намойиш этилган бўлиб, уларнинг тўрттаси Навоий асарларида қўлланиларди. Маълумот олиш бемалол бўлишига қарамай, шоирнинг асарларини фақат 1946 йилда С.Л. Волиннинг мақоласи чиққанидан кейингина ўр-гана бошлаган. Олимлар биринчи навбатда матнларни ўрганишган, ҳаётлик пайтида тузилган тўпламлардан эса Навоийнинг асарларини ўрганишда фойдаланилган. Китобат санъатининг таркибий қисмла-ри — хаттотлик, миниатюралар, нақшлар, муковалар ҳам эътибордан четда қолмаган. Миниатюралар ва нақшли безакларнинг суратлари Н.В. Дьяконова, О.И. Галеркина, Ҳ. Сулаймонов ва Ф. Сулаймонованинг альбомларига кирган; улар томонидан Алишер Навоийнинг рус тилига таржима қилинган дostonлари безатилган, бироқ ҳамон ягона мажмуа сифатида нашр этилганича йўқ.

¹⁸ Акимовский 1987. 22-б.

¹⁹ Улардан биттаси (Хаников, 35) ўрганилган ва нашр қилинган: Боровков 1961.

НАВОИЙ АСАРЛАРИ КИТОБАТ САНЪАТИДА

«Илк девон», 1465–1466 йй.

Навоий Ҳиротда китобат санъати гуллаб яшнаган даврда яшаган. Шохрух Мирзонинг ҳукмронлик даврида унинг ўғли Бойсунқур Мирзо томонидан 1430-йилларда яратилган Ҳирот мактаби анъаналари Хусайн Бойқаронинг кутубхона-устахонасида давом эттирилган ва ривожлантирилган эди. Уша даврнинг белгиларини Навоийнинг қўл-ёзма асарлари ичида энг қадимийси ҳисобланувчи хижрий 870/милодий 1465–1466 йил санаси қўйилган «Илк девон»да қўриш мумкин²⁰ (Кат. 1). Унда қаймоқранг қоғоздан ташқари, пистокки ва баргикарам рангининг турли тусларидаги, жигарранг, оч жигарранг ва мовий тусли қоғозлардан фойдаланилган. Рангли қоғозлардан Ҳиротда илк бор 1430–1440 йилларда фойдалана бошланган деб ҳисобланади. Бундай мисоллар XV аср учун жуда камёб бўлса, кейинчалик, айниқса XVI асрнинг иккинчи ярмида бу усулдан китоб безатишда кенг фойдалана бошланган.

Синчиклаб қаралганда, «Илк девон»нинг саҳифалари жуда майда тилларанг зирахоллар билан қопланганини қўриш мумкин. Ваҳоланки, тилла кукуни қўчирувчи хаттот ёзишни бошлашидан аввал қоғозга сачратилган. Дастлаб тилла зарралари сачратилган рангли қоғоз Хитойдан келтирилган, бироқ хитойликларнинг зирахоллари жудаям йирик бўлган.

Хатто китобнинг ўзига ҳослигидан келиб чиқиб ҳам, унинг ўта бой буюртмачига атаб Ҳиротда яратилгани ҳақида ҳулоса қилиш мумкин. (Безатиш бир асрдан кейин яқунланиб, дастлабки иккита туташ бети нақшлар билан безатилган, матнли саҳифаларга эса зич рангли нақшлар туширилган хошиялар солинган). Бунга ёш бўлса-да, аммо етук уста бўлган хаттотнинг исми ҳам исбот бўла олади. Султонали Машҳадий (1432–1520) Машҳадда туғилган бўлиб, «Илк девон»ни қў-

Кат. 1.7

Кат. 1.3–6

²⁰ Ёзилиш вақти бўйича иккинчи қўлёзма — иккита миниатюралар Девон 1471 йилда Абдурахим Хоразмий (Анисий) томонидан қўчирилган бўлиб, Оккуюнли давлати ҳудудида, тахминан Шероз ёки Табризда яратилган; Қоҳирадаги Миср Миллий кутубхонасида сақланади. Факсим. нашрга қар.: Эркинов 2015.

чирган пайтида 33 ёки 34 ёшларда бўлган ва Алишер Навоий каби у хам Султон Абусаиднинг хизматида фаолият юритган.

Кейинчалик Навоий Султонали Машхадийга ҳомийлик қила бошлаган ва ортиқча муболағасиз айтиш мумкинки, хаттотнинг *настаълик* услубидаги ёзув бўйича беназир маҳоратга эришиши шоирнинг иштирокисиз юз бермаган. 1480–1490 йилларда хаттот Султонали томонидан шоирнинг Девонлари ва «Хамса» достонининг ўнлаб нусхалари кўчирилган²¹.

«Хамса», 1492–1493 йй.

Мир Алишер Навоийнинг «Хамса» асари хаттотлар пири мавлоно Султонали Машхадий томонидан кўчирилиб, Мавлоно Ярий-Музаххиб томонидан тилла суви юритилган ва ўз асридаги усталар орасида ноёби бўлган (мукова соз) уста Султонали Ҳиравий томонидан муковаланган.

Кат. 2.16

Биринчи форзац (китоб варақларини мукова билан бириктирувчи қоғоз) саҳифасининг орқа тарафидаги бу сўзлар бутун «Хамса» (Кат. 2) кўчирилган ва хаттотликнинг *настаълик* хатидан фарқ қилувчи ёзувда битилган. Гарчи аниқлаш расмийчиликлари (атрибуция) биладиган одам томонидан бажарилган бўлса-да, уни текшириб кўриш зарур, чунки қўлёзманинг охириги саҳифасида на безатувчи наққошнинг, на муқоваловчининг исми тўлиқ кўрсатилмаган, хаттотнинг исми эса Султонали шаклида берилиб, машҳур хиротлик устанинг насаби кўрсатилмаган. Бу эса О.Ф. Акимушкин ва А.А. Ивановнинг «Хамса»ни бошқа хаттот — Султонали Коинийники деб аниқлашларига (тўғри, квадратли кавс ичида ва бирон-бир далиллар келтирмаган ҳолда) сабаб бўлган²². Кейинчалик Акимушкин умумий қабул қилинган нуқтаи назарни қайтарди²³, бироқ у томонидан уйғотилган шубҳа бизни кўчирувчи хаттот масаласини қайта кўриб чиқишга мажбур қилди.

Микроскоп остида иккала хаттотнинг хуснихати ва ёзиш услубининг ўзига хос жиҳатлари ўрганилиб, кутубхонада мавжуд бўлган ва Султонали Машхадийнинг қаламига мансуб бўлган саккизта қадимий қўлёзмалар ва йигирматача намуналарга солиштириб чиқилди; унинг исмидаги қисмлар: «Султон» ва «Али»ни ёзиши хаттотлар Султон Муҳаммад Нур, Султон Муҳаммад Хандон ва Мир Али Ҳиравийникига солиштирилди. Натижада шундай ҳулосага келдикки, замондошлари машҳадлик хаттотнинг ёзувида баъзи қисмлар номуносиб бўлишини таъкидлашган бўлишса-да, ҳарфларнинг чизиклари енгил ва нозик, босимсиз, устанинг қалами қўллар чарчоғидан титрамайди, саҳифалар узра сира қийналмай учиб юради ва ортидан гоҳ ингичка, гоҳи йўғон-

21 Мадраимов 2003.

22 Akimushkin, Ivanov 1984. 54-б, note 24 (b). Русча талқиндаги мақола кейинроқ чиққан: Акимушкин, Иванов 2003. 180-б, 24 (б)-изох.

23 Акимушкин 1984. 526-б, 1-изох.

роқ из қолдиради. Айниқса, *нун* ва *син* ҳарфлари ўзига хос битилган; ромбсимон нуқталарнинг бирдек ёзилиши ҳам Султонаlining хатини бошқа хаттотларникидан ажратиб туради. Текширувлардан сўнг кўлимиздаги Султонали Машҳадий томонидан ёзилган асарлар бошқа хаттотларникидан сезиларли фарқ қилади ва бари ягона беназир уста томонидан ёзилган, деган хулосага келамиз. Гарчи кўлимизда Султонали Коинийнинг дастхати намунаси бўлмаса-да, 1492–1493 йиллардаги «Хамса»ни ўз вақтида О.Ф. Акимушкин ва А.А. Иванов тахмин қилганидек у эмас, балки Султонали Машҳадий кўчирган деб ҳисоблашга асосимиз бўлади. Бундан ташқари, Навоий ўзининг 1491 йилда ёзилган «Мажолис ун-нафоис» асарида Султонали Коинийнинг «Ироқда» (туркманлар давлати назарда тутилмоқда) яшаётганини айтиб ўтган, Султонали Машҳадийни эса Хуросоннинг энг мохир хаттоти сифатида таърифлаган²⁴.

«Хамса»нинг бадий безатилиши ўзининг ранг-баранглиги ва уйғунлиги билан хайратда қолдиради, айти вақтда эса биз улардаги бир қарашда бир-бири билан уйғунлашмайдиган таркибий қисмларни кўрамиз. Айтайлик, хиротча услубда яратилган биринчи очик фронтиспис муқова қопқоғининг ички тарафи безатилишини тўғрилайди. Бунда битта фарқи бўлиб, биринчи ҳолатда таркибий аҳамиятга эга нақш беаги фақат оқ ранг ичида миттигина қора хоч шакли бор «илонча-занжир» шаклида яратилган бўлса, иккинчисида чарм тўрнинг қалинлаштирилган чизиқларига зарҳал берилади. Ушбу зарварақ бутун «Хамса» асарининг номи ва муаллифнинг исми, шунингдек, биринчи дostonнинг номи ёзилган (бу ерда ва келгусида бошланғич безакларда Низомий дostonларининг сарлавҳалари ёзилганлиги эътиборни тортади).

Ичига биринчи дoston матнининг боши киритилган иккинчи очик зарварақ гарчи биринчи фронтиспис билан умумий зарҳалли хошияга эга бўлса-да, қизил ва баргикарам тусли бўёқлар киритилгани сабабли ундан ранглар мажмуаси, шунингдек, оқ «Морпеч» йўқлиги билан фарқ қилади: асосий геометрик нақш бу ерда ингичка оқ чизиқ билан ажратилган. Айти вақтда тўрттала дostonнинг бошланишидаги қистирма-унвоңлар услуби ва бўёқлари бўйича иккинчи фронтисписга якин ва биринчиси билан умумийлиги кам. Шунга қарамай, уларнинг бари, шу жумладан биринчи фронтиспис ҳам Ҳиротнинг XV аср охиридаги даврига тегишли эканлиги шубҳасиз, чунки шу даврга оид бошқа китобларда шунга ўхшаш ҳолатни учратасиз. Айтайлик, уларга Навоийнинг Султонали Машҳадий томонидан хижрий 897/милодий 1491–1492 йилларда кўчирилиб, Виндзор қироллик кутубхонасида сақланаётган «Хамса»сининг кўчирмаси (MS 65)²⁵ ва хижрий 901/

Кат. 2.1

Кат. 2.17

Кат. 2.2

Кат. 2.3, 2.9, 2.12, 2.15

24 Қар.: Навоий 1970, 115–116-б.

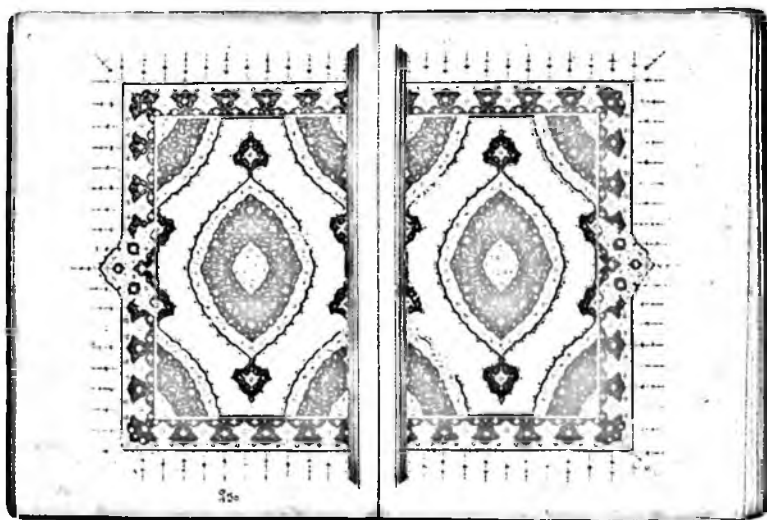
25 Сулаймон, Сулаймонова 1982. 79–80, 82, 84, 86, 88-расмлар.

милодий 1495 йилларда қўчирилиб, Буюк Британияда сақланаётган «Хамса»ни киритиш мумкин (Оксфорд университетининг Бодлеан кутубхонасида тўртта том (Elliot, 287, 408, 317, 339) ва Манчестер университети кутубхонасида битта (ms. turk., 3))²⁶.

Кат. 2.4, 2.8, 2.11, 2.14

Кат. 2.3, 2.13

Бизнинг «Хамса» дostonларимиз орасига жойлаштирилган тўртта очик фронтиспис биринчи ва тўрттинчи дostonларнинг охиридаги иккита бир хил фронтиспислар бошидаги иккала фронтисписга умуман ўхшамайди, фақат «унвон»лар билан қисман «мос тушади», бундан ташқари уларнинг тузилиши қўлёзма китобнинг ички безатилиши бўйича бевосита ўхшашликка эга эмас (ёки биз уларни билмаймиз). Шу билан бирга, уларда ўрталик, қўшалоқ медальонлар ва учбурчаклар мавжудлиги туфайли ҳам мукова қопқоғининг ташқи тарафини эслатишади. Ушбу фронтиспислар дostonлар орасидаги қоғозларга ўрнатилган. Элеанор Симс эслаб ўтганидек, эхтимол, дostonларни 1495 йилдаги «Хамса» каби, алоҳида-алоҳида қилиб муковаламоқчи бўлишгандир. Бу қарор бекор қилиниб, қўлёзмани яхлит ҳолда муковаламоқчи бўлишганида, бўш саҳифаларни тўлдириш зарурати туғилган. Бу тахмин ҳаётга яқинроқ, бундан ташқари китоблар шундай шакллантирилганки, бир дostonнинг охири ва бошқа дostonнинг боши турли китобларга туғри келган ва бир-бири билан боғланмаган.



Нима бўлганида ҳам, тўртта зарварақларнинг нақшлари ички безакларга нисбатан шунангангӣ ғайриоддийки, гўёки ўқувчига бир китоб тугагани ва иккинчиси бошланаётганидан дарак бераётгандек бўлади. Агар бешта алоҳида китобни яратиш нияти бўлганида ҳам, уни қисман амалга оширилган дейиш мумкин: «Хамса» гарчи битта умумий мукова остида тикилган бўлса-да, аниқ чегараланган беш қисмдан иборатдир. Умуман олганда, ҳар қандай зарварақ (худди унвон ва бошланғич шамс каби) матннинг бошланиши, китоб оламига кирилишининг рамзи бўлса-да, афтидан, вақт ўтиши билан уни англамай қолишган ва фронтиспис ҳамда мукова безаклари мажмуининг ривожланиши турли йўллардан кетган. «Хамса»ни безатган мусаввир гўё фронтисписларнинг тарихий вазифасини эслаб қолгандек ва уларни қопқоқнинг ташқи тарафидаги унсурлар билан безатгандек туюлади.

26 Bahari 1996. 156–165–б;
Сулаймон, Сулаймонова
1982. 24–29–расмлар
(бу ерда хижрий 890 /
милодий 1485 йил санаси
қўйилган).

Бутун мажмуа ҳам муковада, ҳам ички безатилишда такрорланадиган безак — чирмовуқ, ранглар жилоси каби кўзга ташланиб турадиган, аммо англаб етилмайдиган ришталар билан «боғланиб» қолади.

Бундай турли услубдаги, аммо ўзаро уйғун безак элементлари қачон ва қим томонидан яратилган экан? Белгилардаги оқ доғни ёпувчи сифатида *Мавлоно Ёрий Музаххиб* (зархалловчи) тилга олинади. Аслида ҳам шундаймикан? Россия миллий кутубхонасида Ёрий томонидан безатилганлиги аниқ бўлган иккита қўлёзма сақланади. Улардан бири Хиротда хижрий 901 / милодий 1495–1496 йилларда кўчирилган, иккинчиси ҳам Султонали Машҳадий қалами билан айнан шу йилларда кўчирилган²⁷. Улар ва «Хамса»нинг безаклари орасида ўхшашликлар шу қадар кўпки, уларни нафақат бир мактабга оид, балки яратилишида ҳам айнан бир уста – Ёрий Музаххибнинг қўли бор деб тахмин қилиш мумкин.

Кат. 5.1

Ёрий Навоийнинг замондоши, шоир бўлган. Шу сабабли ҳам Навоий у ҳақидаги маълумотларни ўзи таниган шоирлар ҳақида ҳикоя қилувчи «Мажолис ун-нафоис» («Нафис мажлислар») асарига киритган. Навоий китобида Ёрийнинг асли Шероздан эканлиги, Хуросонга келганида уни безатувчи мусаввирларга таништиргани ва қисқа вақт ичида у яхши уста бўлиб етишганини ҳикоя қилган. Ушбу маълумотлар Хуросондан четда яшовчи шоирларга бағишланган олтинчи бўлим-мажлисда келтирилган. Бошқа манбалардан маълумки, мавлоно Ёрий мавлоно Валининг шогирди бўлган ва маҳорат бобида устозидан ўтиб кетган (бирок мавлоно Махмуд янада яхшироқ чизарди). 1510 йилда Султонали Машҳадий сафавийлар сулоласининг биринчи шоҳи Исмоил I (1501–1524) учун кўчириб берган Низомийнинг «Хамса»сини айнан Ёрий безатиб берганлиги эҳтимолдан холи эмас²⁸. Ёрий Тахмасп I (1524–1576) ҳукмронлиги бошланган даврда²⁹, яъни 1520-йилларнинг иккинчи ярми, 1530-йилларнинг бошларида вафот этган. Бу машҳур зархал югуртирувчи уста сафавийлар учун ҳам ишлагани бизнинг «Хамса»миздаги дostonлар орасидаги фронтисписларда Хирот мактабига хос безатиш услубидан катта фарқланувчи, сафавийлар даврига хос бўлган тиниқ ложувард ранги ва тилларангнинг икки хил туси тенг навбат алмашинадиган услуби қачон пайдо бўлгани ҳақида ўйлашга мажбур қилади. Фронтисписларда Шероз анъаналари билан алоқадор бўлган безатувчининг қўли бор бўлиши эҳтимolini ҳам эътибордан четда қолдириб бўлмайди³⁰.

«Хамса»нинг муқоваланишида икки техника: локлаш ва босма нақш уйғунлашиб кетган³¹. Елимланган қалин қоғоз қопқоқлар асос ва клапанни ҳосил қилади. Ташқи тарафининг сатҳи тўқ жигарранг тери билан қопланган, унга сатҳ ўртасида ўрталик, қўш медальонлар ва учбурчаклардан ҳамда жимжимадор лавҳали хошиядан иборат бўл-

27 Васильева 2008. 38-б.

28 Қўлёзма Истанбулдаги Тўпқопи Сарой музейида, Н-757 рақами остида сақланади.

29 Akimushkin, Ivanov 1979. 52-б.

30 Франция Миллий кутубхонасидаги Дехлавийнинг 1525–1526 йиллардаги Девони безатилиши (Richard 2013. Pl.XXI.2, 939–941-б)

31 Vasilyeva 2014. 177-б.

ган чуқур зарҳалли гулдор босма нақш туширилган. Чармнинг гул туширилмаган бўш жойига эса қора бўёқ берилиб, тилларангнинг икки хил тусида нозик гулдор нақш (чирмовук — *ислими*) солинган; ушбу текис сатҳ лок билан қопланган. Бундай турдаги муқовалар жуда кам учрайди. Россия миллий кутубхонасида бизга маълум бўлган олтига қўлёзмадан ташқари яна иккитаси бор. Улардан бирида Ҳилолийнинг хижрий 944 / милодий 1537–1538 йилларда қўчирилган ва Табриз мактаби миниатюралари билан безатилган «Шоҳ ва гадо» достони ёзилган³². Бошқа курама мукова Навоийнинг хижрий 934/милодий 1527–1528 йилларда Табризда хаттот Чалабий томонидан қўчирилган девонига тегишли (Кат. 7).

Кат. 2.17

Кат. 7.10

Унинг қопқоқлари нафақат ташқи томони, балки ички тарафи билан ҳам «Хамса»нинг услубига жуда ўхшайди. Унинг асосини ташкил этган тўқ қизил чарм қоплама марказига тўртбурчак ўйилган: қалин қоғоз асоснинг мовий фонида жимжимадор чарм тўр ёпиштирилиб, қора ранг билан бўялган, тўрнинг тузилма қисмлари зарҳал билан ажратилган. Бу тўртбурчак иккита хошия билан ажратилган бўлиб, улардан бири чуқур бостирилган зарҳал хошиядан иборат. Ташқи хошия эса турли шаклдаги хошиялар занжиридан иборат бўлиб, уларнинг барида аппликация техникаси ёрдамида марказ тўртбурчаги сингари чарм тўр қопланган. XVI асрда тўр қуйидагича тайёрланган: бир неча қават юпка чарм бир вақтнинг ўзида қолип билан бостирилган нақш контурлари бўйлаб ўткир асбобда қирқилган³³. Бундай технология бир вақтнинг ўзида бирваракайига бештагача синхрон кўринишдаги тўрларни тайёрлашга имкон берган. Турли вақтларда ушбу қолип бир-бирига айнан ўхшайдиган, фақат контури қирқилишида фарқ бўлган тўрларни яратишга имкон берган. Афтидан, синхрон ва айнан ўхшаш тўрлардан ташқари, битта устахонада яратиладиган тўрлар ҳам мавжуд бўлиб, улар нақш беагига яқин бўлган қолип асосида олинган, аммо ўлчам ва баъзи қисмлари бўйича фарқ қилган. Турган гапки, бундай қолиплардан бир ёки бир нечта устахоналарда ҳар хил вақтларда фойдаланиш мумкин.

Кат. 8.13

Девонлар ва «Хамса»лар муқоваларининг тўртбурчак тўрлари фақат услубий жиҳатдан умумийлик касб этиб, гулдор нақшин хошиялари бир-бирига ўхшайди. Айнан шунақанги гулдор нақшин хошия туширилган асарларни Навоийнинг бошқа девонида кўрамиз (Кат. 8), унга сана қўйилмаган, ички безатилиши олдинги девонникига жудаям ўхшайди³⁴. Қопқоқнинг ички тарафидаги гулдор нақшин хошия беагитилишидаги яна битта бир хилликни Орифийнинг хижрий 931/милодий 1524–1525 йилларда ёш шоҳ Таҳмосп I учун Табризда қўчирилган

32 Васильева 2008. 75–77-б.

33 Tsypkin, Vasiliyeva 1996.

34 Васильева 2008. 18–19-б.

ажойиб «Ҳолнома» қўлёзмасида кўришимиз мумкин (ушбу китобнинг безатилиши Ёрийнинг ишларига жудаям ўхшайди)³⁵.

Бу тўртта мукова, шу жумладан, бизни қизиқтираётган Навоий «Хамса»сининг муковаси ҳам Табризда, 1520-йилларнинг иккинчи ярмида тайёрланган, деб бемалол тахмин қилиш мумкин.

Афсуски, «Хамса» муковаси безакларининг аниқлиги текширилганида, хиротлик уста Султонали Ҳиравийнинг³⁶ ишларига қиёслашнинг имкони бўлмади, чунки ушбу муковасознинг аниқ ишлари бизда мавжуд эмас.

Истанбулдаги Турк ислом санъати музейидаги худди шундай қурама мукова икки марта нашр этилган бўлиб, иккаласи ҳам хижрий 887/милодий 1483 йиллар санаси қўйилганлиги туфайли XV аср охиридаги Ҳиротга тегишли деб ҳисобланган³⁷. Эҳтимол, қисман босма нақш туширилган, қисман локланган муковалар ҳақиқатан Ҳиротда³⁸ пайдо бўлгандир, балки хиротлик Султонали-мужаллид Табризга кўчиб ўтиб, сафавийлар устахонаси билан самарали ҳамкорлик қилган бўлиши мумкин. Унинг исми хижрий 951/милодий 1544–1545 йилларда Баҳром Мирзо³⁹нинг альбоми — мураккага Дўст Мухаммад томонидан ёзилган сўзбошидаги усталар кўчирмасида йўқ, аммо бу муковасознинг вафот этган бўлиши ҳам мумкинлигини кўрсатади.

Айни вақтда қўлёзма кўчириб ёзилганлиги ҳақидаги маълумотларга таянган ҳолда Истанбулча мукова қопқоғининг нақши томонидаги саналаш тўғри эканини билдирувчи аниқ исботлар мавжуд эмас. Кўп йиллик кузатишларимиз шуни кўрсатдики, бадий китобнинг ҳаёти мураккаб бўлади. Эгаларининг уларга нисбатан меҳри ўз ҳазинаси ҳақида мунтазам қайғуришга, унинг таркибий қисмларини янгилаш йўли билан уларни такомиллаштиришга мажбур қилади. Қўлёзмадаги асосий нарсаси — хаттотлик ёзуви бўлиб, уни худди гардиши эскирганида янги гардишга ўрнатиш мумкин бўлган олмога қиёслаш мумкин. Шунинг учун ҳам турли қисмлар, айниқса мукованинг санаси қўлёзманикига кўпинча мос келмайди. Ислоний китобларнинг тикилиши пишиқ бўлмайди, қопқоғи тез яроқсиз ҳолатга келиб, узилиб кетади, қайтадан муковалашга эҳтиёж пайдо бўлади. Тўғри, камдан-кам бўлса-да, лекин эски, антиквар қопқоқлар қўйилган ҳолатлар ҳам учраб туради. Айтайлик, Лондондаги Виктория ва Альберт музейида Низомийнинг хижрий 965/милодий 1557–1558 йиллар санаси қўйилган «Хамса»си сақланади, у бизникига ўхшаган қурама муковали, боз устига қопқоғининг ички тарафи Навоийнинг эслатиб ўтганимиз хижрий 934/милодий 1527–1528 йиллардаги девонига кирган «Хамса»си каби безатилган⁴⁰. Кўплаб ўн йиллар давомида уста (ёки усталар) турли шахарларда яшаб, турли раҳбарлар қўл остида ишлаганлари ҳолда ўта

35 Мукованинг ташки тарафи нақш туширилган ва лок билан қопланган сатҳдан иборат: Stanley 2003. 198-б; Васильева 2008. 66-б.

36 С.Л. Волин уста насабини Марви (Волин 1946. 211-б) деб ўқиган. Бу кейинги муаллифларда қайтарилган.

37 Aga-Oglu 1935. X–XII. Aslanapa 1979. 63–69-б.

38 XV аср охирида Ҳиротда локланган муковалар ва уларнинг локланган камонлар билан боғлиқлиги. қаранг: Stanley 2003.

39 Акимовский 2004. 355-б.

40 Haldane 1983, № 83.

ноёб турдаги бир-бирига ўхшайдиган муковаларни яратишларини тасаввур қилиш жудаям қийин.

Қопқоқларни тайёрлаш билан фақатгина уста-муковасоз шугулланмаган. Кимдир терини ошлаган, бошқаси чарм ва жимжимадор тўр тагидаги фонни бўяш учун бўёқ ва зархал тайёрлаган, яна кимдир босма нақш тушириш учун темир қолип тайёрлаган, бошқаси эса ўша қолип учун қоралама чизган, яна биров локланган мукова учун лок кайнатган, бошқаси эса миниатюра ёки нақш чизган. Локланган муковалардаги миниатюралар борасида бош қотириш шарт эмас, чунки уларни миниатюрачи-мусаввирлар чизишган. Аммо қопқоқлардаги нақшлар наққош-зархалловчиларнинг иши бўлиб, ҳар доим ҳам қўлёзманинг ички безагини амалга оширган усталарнинг иши бўлавермаган.

Қопқоқлар ва тўплам ичидаги нақшларнинг турли техникаси ҳамда вазифаси китоб безаклари турли қисмларининг ягона услубий йўналишда бажарилганлигини таъкидлашимизга йўл қўймайди.

Навоийнинг «Хамса»си китобат санъатига қўйилган ажойиб ҳайкал эканлиги кўриниб турибди. Уни хижрий 898/милодий 1492-1493 йилларда, чамаси хиротлик машхур хаттот Султонали Машхадий кўчирган, безатилиши XV асрларнинг охири — XVI асрлар бошида амалга оширилган, унда Ёрий Музаҳҳиб иштирок этган, аралаш мукова 1520-йилларнинг охирларида Табризда тайёр бўлган, дея оламиз.

1521-1522 йй. Миниатюрали куллийёт

Мовароуннахрга тааллуқли бўлган китоб қисмларининг турли даврларда яратилганлигига яна бир мисол сифатида куллийётни айтиш мумкин (Кат. 4). У Хиротда, XV аср охири — XVI аср бошларида яратилган деб ҳисобланади. О.И. Галеркинанинг маълумотларига кўра, қўлёзма хиротлик таниқли воқеанавис Восифий томонидан олиб келинган ва 1518 йилда Музаффариддин Мухаммадга (Келдимухаммад, 1480-1532) совға қилинган бўлиши мумкин. Шайбонийлар сулоласининг бу вакили Мирзо Улуғбекнинг қизи ва Шайбонийхоннинг амакиваччаси бўлган Абулхайрхоннинг невараси, Тошкент ўлкаси ҳокими Суюнчхожа (Суюнчихожахон)нинг ўғли ва меросхўри бўлиб, 1517 йилдан бери Шохрухияда яшган, 1525-1532 йиллардан бошлаб Тошкент ҳокими бўлган. Келдимухаммад масжид ва мадрасалар қурдирган, туркий тилда тарихий асарлар ёзишни буюрган, адиб Восифий билан бир қаторда миниатюрачи мусаввирларга ҳам бошпана берган.

Соябон тасвирида қайд этилган хижрий 928/милодий 1521-1522 йилларда Абу ал-Музаффар Султон Мухаммад (Келдимухаммад) учун дастлабки миниатюра яратилгани ҳақидаги маълумотлар кул-

лиётнинг 25 та безакли суратини Мовароуннахр мактабининг Тошкент доирасига киритишга имкон беради⁴¹. Бундан ташқари, Галеркинанинг таъкидлашича, ушбу миниатюралар Султонали Машҳадий томонидан Ҳусайн Бойқарога атаб қўчирилган ва Тошкентдаги Шарқшунослик институтида «1995» раками остида сақланаётган девоннинг бадий безакларига жуда яқиндир. Сулаймоновлар унга тахминан 1475–1480 йиллар санасини қўйишган ва «миниатюралар оддий яратилгани, уларда меъморчилик иншоотлари йўқлиги, пейзаж камбағаллиги, бўёқлар ранг-баранг эмаслиги, қаҳрамонларнинг кийимлари ҳам ўта оддий» эканлигидан ҳайратга тушганларини билдиришади, ваҳоланки бу XV аср охиридаги Хирот сарой қошидаги мактаби қоидаларига мос келмасди⁴². Галеркина бу тафовутни миниатюралар кейинроқ, Келдимухаммад учун қўшилганлиги билан изоҳлайди. Тошкент Девонида 1518 йилни тасдиқловчи муҳр ҳам бор. Галеркинанинг фикрича, тахминан 1520-йилларда Шохрухияда безатилган учинчи Хирот қўлёмаси, Воиз Кошифийнинг «Анвори Сухайлий» («Сухайлийнинг нурлари») масаллар тўплами бўлиб, Тошкентдаги Шарқшунослик институтида сақланади (9109-сон)⁴³.

Тошкент доираси тасвирий санъатининг ўзига хос томони Хиротдан қўчиб келган усталарнинг хиротча услуби маҳаллий анъаналарга ва буюртмачиларнинг бадий дидидан келиб чиқадиган талабларига қўшилиб кетишидир. Хирот мероси юқорида эслаб ўтилган «Ҳайрат ул-аброр» («Яхши кишиларнинг ҳайратланиши») достонига чизилган миниатюрада намоён бўлади. Унинг сюжетини М.М. Ашрафий «Кампир шох Ғозийга шикоят қилмоқда» деб таърифлаган⁴⁴, Ҳ.Ф. Сулаймонов ва Ф.К. Сулаймонова эса «Султон Ҳусайннинг қаршисидаги кампир» деб таърифлашган⁴⁵. Ўз-ўзидан кўриниб турибдики, номларнинг фарқланиши зиддият уйғотмайди: мусаввирлар кўпинча адабий қаҳрамон сифатида ҳукмронлик қилаётган подшоларни тасвирлашарди. Аммо қоидага кўра ҳукм юритаётган эмас, балки оламдан ўтиб кетган шох тасвирланарди. Темурийлар наслидан бўлган Султон Ҳусайн Бойқаро 1506 йилда оламдан ўтган. Боз устига, машҳур мусаввир Камолитдин Бехзод чизган Султон Ҳусайн Бойқаро суратига қиёсласак, кампир мурожаат этаётган ва гиламда ўтирган эркакнинг қиёфаси Султон Ҳусайнникига ўхшамайди⁴⁶. Аммо гап бунда ҳам эмас.

Миниатюрада адолатли шох Ғозий жанг вақтида тасодифан ўлдириб қўйган йигитнинг онаси шикоят билан келгани воқеаси акс этган. Шох Ғозий кампирни қози олдида олиб боради ва жавобгар сифатида унинг қаршисига ўтиради. Мусаввир айнан мана шу паллани тасвирлаган.

Миниатюрадан келиб чиқсак, қози қора чопон кийган, узун соқоли ва мўйловларига оқ оралаган, оғзи катта, қошлари ёйсимон ва кўзла-

41 Галеркина 1980. 25–26-б. Баъзи миниатюралар нашр қилинган: Галеркина 1980. 6–9-расмлар; Пугаченкова, Галеркина 1979. 22–24-расм; Дьяконова 1964. 7–8-расм; Сулаймон 1981а. 7–9-расмлар, 21–22-б.; Сулаймон, Сулаймонова 1982. 64–76-расмлар.

42 Сулаймон, Сулаймонова 1982. 22-б.

43 Галеркина 1980. 25-б, 10–14-расмлар. Бу фикрни кейинги тадқиқотчилар сўзсиз қўллаб-қувватламадилар, бироқ «Анвары сухайлий» миниатюраларининг Куллийт миниатюралари билан боғлиқлиги аниқланган. Қаранг: Madraimov, Musaev, Ismailova 2001. 15–19, 56–67-б.

44 Ашрафи 1987. 130-б.

45 Сулаймон, Сулаймонова 1982. 65-расм.

46 Семенов 1940; Горелик 1971. жадвал; Soudavar 1992. 90-б; Bahari 1996. 102-б, 173.

ри бироз қисикрок, бошида тепаси зангори тусли оддий оқ салла. Афтидан, бу Келдимухаммаднинг ўзи бўлса керак. Бирок миниатюрада Султон Хусайн ҳам бор — у (шоҳ Ғозий қиёфасида) тиз чўкканча кампир билан ёнма-ён ўтирибди. Пастки лаби остида ўзига хос бир тутам қора нуқта — тола бор, қора соқоли ихчам, ингичка мўйловининг учи пастга осилган, кўзлари жудаям қисик. Ушбу юз қиёфаси, шунингдек, салласининг чап қулоқ устидан осилиб туриши ва қора «Султон», яъни шоҳлик жиғасининг ўнг тарафда эканлиги Хусайн Бойкаронинг иконографик белгиларидир.

Гиламда ўтирган Келдимухаммаднинг ёнида жигарранг чопонли букчайганроқ кимса ҳассага таяниб турибди. Бу сурат Машҳадда сақланаётган ва «Маҳмуд Музаҳҳиб» деб имзо чекилган, мутахассислар чизилган вақтини 1500 ва 1530–1540 йиллар деб белгилаётган Алишер Навоий портретини эслатади. Шоирнинг бу образи Бехзод томонидан яратилган миниатюрага қараб чизилган дея ҳисобланади⁴⁷. Нима бўлганда ҳам, Нью-Йоркдаги «Метрополитен» музейида сақланаётган ва Бехзод қаламига мансублиги аниқланган «Сўфийлар рақси» миниатюрасида ҳам Навоийнинг букчайиброқ турганча Абдурахмон Жомий билан бирга рақс томоша қилаётганини кўриш мумкин⁴⁸.

Навоийнинг «Муншаот» асарида келтирилган ғазалидаги ушбу сўзларни эслаб ўтиш жоиздир:

*Ҳазоний боғ аро ул ой тану чехрамни кўрган чоғ,
Дегайким, бир қурук шоҳ узра қолмиш бир сориге яфрөг.*

Афтидан, шоир умрининг охириги йилларида ростдан ҳам букчайиб қолган ва ҳасса тутиб юрган бўлса керакки, бунга яна бир тасвир гувоҳлик беради. Юқорида эслаб ўтилган ёдномалар ёзувчи адиб Восифий хижрий 929 йил *муҳаррам ойи* /1522 йилнинг ноябрь-октябрь ойларида Келдимухаммад ҳузурида бўлиб ўтган шоирлар мажлисида Бехзод Навоийга миниатюра олиб келгани ҳақида ёзади. Миниатюрада гуллаётган боғ ўртасида ҳассага таянган Навоий тасвирланган бўлиб, унинг қаршисида хайр-эхсон қилишга мўлжалланган олтин ва қумушлар солинган идишлар турарди⁴⁹. Кейин даврадагиларнинг сурат борасидаги фикрлари берилган, аммо бизни Навоийнинг ҳассага таяниб тургани қизиқтиради, холос. Яна бир аҳамиятли жойи шундаки, Восифий бу воқеани 1522 йилда, биз кўраётган миниатюра чизилганидан анча кейинроқ сўзлаб берган.

Шундай қилиб, тахминларимиз тўғри бўлса, миниатюрада учта тарихий шахс тасвирланган бўлади. Қози тимсолида ўзининг Шохрухиядаги саройида ва Тошкентда Хирот анъаналарини тадбиқ этишга

47 Қар.: Soudavar 1992. 86-б; Bahari 1996. 37-б; Акимов 1971. 20-25-б.; Ашрафи 1987. 152–154, 156-б.

48 Bahari 1996. 94-б. Портретлар ҳақида қар.: Семенов 1940; Акимов 1971; Раҳимова 1991.

49 Болдирев 1946. 151–152-б.

уринган ўлка ҳокими Келдимухаммаднинг ҳаётлигидаги портрети яратилган. Бу ерда яна икки нафар ушбу анъана ворислари — темурийлар наслининг сўнгги вакили бўлмиш Султон Ҳусайн ва шоир Алишер Навоийнинг вафотидан кейинги суратлари ҳам бор. Уларнинг қиёфасини мусаввир ўзига маълум бўлган намуна — хиротлик Камолиддин Беҳзоднинг суратларига қараб яратган.

Хирот давридаги асарлар қаҳрамонларини алоҳида композицияларга киритиш усули, маҳорат даражаси турлича бўлган мусаввирлар томонидан куллийтга киритилиши бошқа миниатюраларга ҳам хосдир⁵⁰. Бироқ шайбонийлар сулоласидан бўлган ўлка ҳокими Келдимухаммад тимсолидаги Хиротга хос бадиий дид қадриятлари ва маданий муҳит нуфузи мерос бўлиб қолганлигининг рамзи бўлган миниатюра Хирот намуналарини беназир билган ва портретли миниатюра усуллари беками-кўст эгаллаган уста мусаввир томонидан яратилган.

Яна бир портретни «Бадиуззамон ҳузуридаги зиёфат» деб номланган миниатюрада кўриш мумкин. Бу миниатюра «Лайли ва Мажнун» достонининг кириш қисмидаги шу шахзодага атаб битилган мисраларга тааллуқлидир. Йигитчанинг салласи биз олдинги миниатюрада Ҳусайн Бойқаронинг бошида кўрган саллага жудаям ўхшайди.

Кат. 4.20

Н.В. Дьяконова бу асарни қуйидагича таърифлайди: «Миниатюра биринчи тоифали уста томонидан майин ва бир қадар дилкаш усулда яратилган, ўрта осиеликлар бадиий санъатига хос бўлган ташки бўрт-тирма безакларга берилиб кетилмаган»⁵¹.

Айтайлик, «Фарҳоднинг денгиздаги саёҳати» номли миниатюра ҳам хиротча ишларга яқинлигини намоён қилади, ундаги кеманинг шакли, одамларнинг қомати ва кийимлари Амир Ҳусрав Дехлавийнинг хижрий 902/милодий 1496 йилда тайёрланиб, Беҳзод томонидан безак берилган «Ҳашт Беҳишт» асарига ишланган суратларни эслатади⁵², айна вақтда чап томонда, тепада турган денгиз маҳлуки шу мусаввир томонидан 1494 йилда Низомийнинг «Хамса»сига яратган миниатюрага ўхшаб кетади⁵³. Уларнинг фарқи яққол кўринади: Куллийтни безатган мусаввир қирғоқ пейзажи ва меъморчилик обидаларини тасвирлашдан ўзини олиб қочади. Бу эса тасвирланаётган ҳикояда улар йўқлиги эмас, балки композицияни соддалаштириб, унга жўшқинлик бериш мақсадида қилинган.

Кат. 4.13

Кат. 4.12, 4.14, 4.16

Кўриб чиққан миниатюраамизда ёш шахзода Фарҳод бошида темурийлар тожи ва ёрқин кийим-бошда тасвирланади. У отасининг ёнида ўтиргани, тоғдаги сангтарошлар билан суҳбатлашаётгани ва Ширинни отида олиб кетаётгани тасвирланган миниатюраларда ҳам ёш кўринишда бўлади. «Фарҳод тоғни тешмоқда» ва «Фарҳод Меҳинбону

50 Ашрафи 1987. 129–137-б.

51 Дьяконова 1964. 22-б.

52 Вашингтонда, Фрир галереясида сақланади (№ 37.27). Қар.: Bahari 1996. 169-б.

53 Британия кутубхонасида сақланади (Or 68.10). Қар.: Bahari 1996. 154-б.

Кат. 4.15, 4.17

қаршисида» номли суратларда асосий қаҳрамон соқолли қилиб тасвирланади, бу кейинроқ чизиб қўйилганидир. Баҳром Гўр билан ҳам шундай ўзгаришлар содир бўлади. Зеро, у биринчи миниатюрада — Моний унга Дилоромнинг суратини олиб келганида соқолдор бўлади, кейингиларида эса соқолсиз ва ёш ҳолда намоён бўлади.

Миниатюралар орасидаги фарқ шу билан чегараланиб қолмайди. М.М. Ашрафий суратларни бир неча гуруҳларга бўлиб, уларнинг турли мусаввирларга тегишли эканлигини аниқлашга уриниб кўрди, бироқ улар аслида олти нафарми ё камрокми, бу номаълумлигича қолди⁵⁴. Олимнинг барча хулосаларига қўшилиб бўлмайди. Масалан, бизга миниатюраларни яратиш устида бир эмас, балки бир нечта, Хиротда ўкиб келган тажрибали мусаввир ишлагандек туюляпти, балки у бир ўзи бўлмаган, бир нечта мусаввирлар ишлагандир, чунки кўпгина миниатюраларда машҳур асарларнинг шунчаки «кўчирилиши» ва жойлаштирилиши юксак бадиий маҳорат билан яратилганини изоҳлаш қийин. Айниқса, бу «Хайрат ул-аброр» достонида яратилган суратли безакларда яққол кўринади, чунки хиротча кийимлардаги одамларнинг гавдаси шунчаки шакллантирилмай, мусаввир ўзига хос усуллар ёрдамида суратларни ички экспрессия, ҳаракат билан тўлдирган.

Кат. 4.26–32

«Сабъайи сайёр»га ишланган суратларда ҳам «темурийлар мероси» сезилиб туради, яъни XV аср охиридаги Хирот аҳолисининг кийимлари ва Баҳром Гўр етти тунни ўтказадиган турли рангли саройларнинг тасвири анъанавий қурилиш (композиция)га эга. Низомий «Хамса»сининг суратли безаклари шундай эди. Низомийдаги баъзи сахналар Навоийнинг «Лайли ва Мажнун» достонида қайтарилиб, олдинги анъаналарга қараган ҳолда бажарилган.

Кат. 4.21, 4.18

«Лайли ва Мажнун мактабда», «Шопур Фарходга Шириннинг мактубини бермоқда» каби миниатюралар нисбатан бўшроқ чиққан. Уларни ўтлар ва гулларнинг яшил фони, одамлар гавдаси ва юз ўлчамлари мос келмаслиги, гавда ҳолатининг нотўғрилиги, композициянинг умумий мувозанати бузилганлиги бирлаштириб туради.

Умуман олганда эса, куллийётнинг миниатюраларини юқорида эслаб ўтилган хижрий 901/милодий 1495 йилда тайёрланган Навоийнинг беш томли «Хамса»си билан қиёсланса, биринчиси композициянинг ошиқча деталлар ва қаҳрамонлар билан «тўйинтирилмагани», бўёқларнинг юмшоқлиги, шунингдек, сюжет танлаш етарли эмаслиги билан ажралиб туради. Шунингдек, бу танлов кўчирувчининг сурат ишлашга қанча бўш жой қолдирганлигига боғлиқ бўлади.

Шоҳрухия-Тошкент қўлёзмалар устахонаси узоқ ишламаган: 1532 йилда Келдимухаммаднинг вафотидан сўнг таназзулга учраган, унда ишлаётган усталар эса Бухоро ва Самарқандга кўчиб кетишган.

54 Ашрафи 1987. 129–137-б.

Шуниси аниқки, Масъуд ибн Усмон Қўхистонийнинг «Абулхайрхон тарихи» асарининг безатилишида ўша усталарнинг иштироки бўлган. Китоб Келдимухаммаднинг 1540–1551 йиллари Самарқандда ҳукмронлик қилган холаваччаси Абуллатифхонга совға қилинган, турган гапки, ундаги миниатюраларга шу давр санаси қўйилган⁵⁵.

Куллийётнинг муковаси катта қизиқиш уйғотади, гарчи унинг қопқоғи жиддий шикастланган бўлса-да, аммо номаълум муқовасознинг ўта юқори маҳоратини баҳолаш имконини беради. Ташки томонлари ўрмондаги ҳайвонлар ва қушларнинг горизонтал тасвирлари билан зарҳал «чукур босма миниатюра» усулида безатилган. Марказда урғочи шернинг кийик билан олишуви тасвирланган, икки ёнбошда иккита гуллаётган дарахт жойлашган; чап томонда узун думли иккита қуш қўниб турибди, ўнг тарафдаги дарахт устидан иккита ўрдак учиб ўтяпти. Пастки бурчакларда бир жуфтдан жониворлар ўтирибди: чап томондан охуга ўхшайди, ўнг томондан эса — тулкига. Бунақанги босма нақшга айнан ўхшашлари ҳозирча топилгани йўқ. Асосий композиция атрофидаги босма гулдор хошия ҳам ўта қизиқ. У шохлар ва гуллардан тузилган тасмадан иборат бўлиб, орасида жониворларнинг тумшуги ён тарафдан кўриниши кўзга ташланади, тўртта бурчакда эса урғочи шерларнинг тик қараб тургани тасвирланган. Бундай тасвирлар («вақ-вақ гапирувчи дарахти» мотиви) ҳам китоб санъатида, ҳам амалий санъатда учраб туради. Яъни биз уларни иккита шеърый тўпламларнинг ҳошияларидан топдик, уларнинг бирида XV аср ўрталари санаси қўйилган⁵⁶, иккинчисида 1480 йил санаси бор⁵⁷. Ёки 1480–1490 йиллар санаси қўйилган «Зафарнома» қўлёзмасига Бехзод томонидан чизилган соябонлардан бирининг қопламасида учратамиз⁵⁸. Бу каби тасвирларни яна иккита гиламда ҳам кўриш мумкин, улардан бирига 933 ҳижрий йил рамазон ойи / милодий 1529 йил май ойи санаси қўйилган, бошқасида уста Муҳаммад Жаъфар Кошонийнинг исми ёзилган⁵⁹. Бу мавзу муқовадаги Жомий шеърлари бостирилган марказий майдонни эгаллайди, унинг тахминан XV аср охирларида Ҳиротда тайёрлангани тахмин қилинади⁶⁰. Айни шу анималистик нақшлар Низомийнинг ҳижрий 937/милодий 1531 йилда Ҳиротда қўчирилган «Хусрав ва Ширин» достонининг муковаси хошиясига бостириб туширилган, аммо кейинчалик янги хошия ва муқовага киритилган⁶¹.

Ички тарафларнинг безатилиши қопқоқлар тайёрланиш вақтининг янада кўпроқ вариантларини тақдим этади. Тўқ қизил чарм қоплама стандарт тўплам: ўрталик ва учбурчаклар билан безатилган бўлиб, улар жимжимадор чарм тўрни турли рангга бўялган қопқоқ асосига ўрнатиш йўли билан бажарилган. Бунинг ўзига хослиги шундаки, асосни бўяганда фақат мовий бўёқдан фойдаланиш билан чекланил-

55 Галеркина 1980. 10–14-расм

56 Richard 1997. 83-б.

57 Richard 1997. 88–89-б;
Déroche et al. 2005. 136-б,
45-расм.

58 Балтимордаги Вальтер санъат галереясида сақланади. Bahari 1996. 71-б.

59 Melikian-Chirvani 2007. 266–269-б.

60 Richard 1997. 102-б.

61 Васильева 2008. 14-б.

Кат. 4.1

маган; тўр тагида асосдан ташқари яна иккита қатлам мавжуд: пастки қатлам пушти ранг бўлиб, унинг устида иккинчи қатламдаги мовий, яшил ва қора элементлар жойлашиб, тилларанг чизиқ билан ўраб олинган, тўрнинг ўзи жигарранг чармдан тайёрланган. Бунга жудаям яқин бўлган қопқоқлар ички тарафини безатиш усулини Низомийнинг хижрий 881/милодий 1476 йилда Шерозда кўчирилган «Хамса»-сида кўриш мумкин, бироқ унда куллийтдаги каби кичик медальонлар ва жимжимадор лавҳ йўқ⁶². Иккинчи шунга ўхшаш безак усулини Фаридиддин Атторнинг хижрий 885/милодий 1480–1481 йилларда Шерозда кўчирилган достони муқовасида учратиш мумкин⁶³. Айни вақтда ички безатилиши ўзаро жудаям яқин бўлган бир нечта муқовалар мавжуд. Улардан бири шоҳ Тахмосп учун тахминан 1522–1535 йиллари Табризда кўчирилган «Шоҳнома»да бўлса, иккинчиси хижрий 959/милодий 1552 йилда кўчирилган «Қуръон»да⁶⁴, учинчисини хижрий 922/милодий 1584–1585 йилларда кўчирилган «Қуръон»да учратиш мумкин⁶⁵. Баъзи белгиларига қараганда, уларнинг бари Шерозда тайёрланган. Афсуски, бизнинг қидирувларимиз куллийт қопқоқлари тайёрланган вақт ва жой ҳақида маълумот олишга имкон бермади. Ҳар ҳолда, гарчи маълум безатиш мавзуларидан иборат ва маълум технологик усуллардан фойдаланиб тайёрланган бўлгани ҳолда, улар ҳаддан ортиқ ўзига хосдир. Шунингдек, Мовароуннаҳрда тайёрланган бўлсада ҳолда, уста Хиротга, Табризга ёки Шерозга ва 1520 йилгача тўпланган барча бадий тажрибага дахлдор бўлиши эҳтимолдан узоқ эмас.

Демак, Мовароуннаҳр китобат санъати тарихи учун аҳамиятини ҳисобга оладиган бўлсак, куллийт, ундаги миниатюралар ва бутун ички безакларини ўрганиш шу билан яқунланиб қолмайди.

Шунга қарамай, Эрон сафавийларига қайтамиз.

«Мажолис ун-нафоис» ва XVI аср девонлари

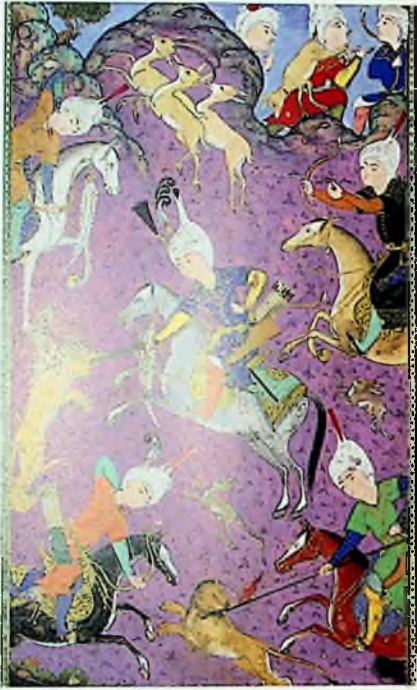
«Мажолис ун-нафоис»нинг парчаларидан иборат бўлган унча катта бўлмаган қўлёзма ҳам Султонали Машҳадийнинг қаламига мансуб бўлиши эҳтимолдан холи эмас (Кат. 5). Нима бўлганида ҳам, биринчи саҳифадаги ёзувларга ишонмасликка ҳаққимиз йўқ, чунки ундаги ёзувларни хаттотнинг дастхатига солиштириш инкор этувчи натижа бергани йўқ. Шунга қарамай, «Мажолис ун-нафоис» кўчирмасининг йирик *настаълик* хати хаттотнинг маҳорати гуллаб яшнаган даврлардаги ишларига ўхшамайди. Ёшлик чоғларида у йирик ёзувларда «Илк девон»ни ёзган, аммо унда ҳарфлар раван бўлган, бу ерда эса раванликдан асар ҳам йўқ. Эҳтимол, Султонали ушбу китоб устида ёши ўтиб қолган вақтларида, ёшлиқдаги ўткир нигоҳи ва қўлларининг мадори

62 Aslanapa 1979. 88-б.

63 Süleymaniye... 2014. 44-б.

64 Tanındı 2003. 161, 177-б.

65 Melikian-Chirvani 2007. 372-б.

Навоий девони (ТНС 56), 1527–1528 й, Табриз	Навоий девони (ТНС 58)	Хусайн Бойқаро девони (ИВР В-284)
Фронтиспис, в. 1 ор.–2	Фронтиспис, в. 1 ор.–2	Фронтиспис, в. 2 ор.–3
	 «Шохнинг тоғ шерини овлаши», в. 56 ор.	 Диптих: «Тоғдаги мусикий маж- лис» (шоҳ тахтда) ва «Шохнинг тоғ шерини овлаши», 1ор.–2
	«Отда чопаетганди таёкдаги ни- шонга уриш» («Олтин ковок»), в. 23	
«Табиат кўйидаги мусикий мажлис» (шоҳ тахтда), в. 40 ор.	«Боғдаги мусикий мажлис» (шоҳ тахтда), в. 125 ор.	«Боғдаги мусикий мажлис» (шоҳ тахтда), в. 33 ор.
	«Лочин овига чиқиш», в. 146	«Лочин овига чиқиш», в. 50 ор.
«Шоҳ ва сокий» (зиёфат), в. 75 ор.		
«Шоҳ ва гўзал» (мусикий мажлис), в. 158 ор.		

кетган пайтда ишлаган бўлишиям мумкин. Оч жигарранг, зарҳал ўрта-
ликка босма нақш урилган мукова 1560-йилларда тайёрланган.

Хижрий 935/милодий 1528 йилда Султонали Машҳадийнинг шо-
гирди, хиротлик уста Султон Муҳаммад Хандон Девонни кўчириб ёз-
ган (Кат. 6). Ушбу девон матн жойлашган сатҳ узра майда зарҳал зира-
холлар сочилган жудаям қалин сарғиш қоғози ва баъзи саҳифалардаги
майда зарҳал нақшлари билан ажралиб туради. Уни Хиротда яратил-
ган деб тахмин қилинади, унинг шоҳ Тахмаспнинг ўз вақтида китоб
санъатининг билимдони бўлган укаси Саммирзонинг қисқа вақт хо-
кимлик қилган даврда яратилган бўлиши эҳтимолдан узоқ эмас. Бироқ
кўчирмадаги миниатюралар кўринишидан кейинроқ бошқа жойда қў-
шилган.

Кат. 6.8

Уларни О.И. Галеркина XVI аср Ўрта Осиёсига мансуб деб ҳисоб-
лайди, А.А. Иванов эса туркий доирага киритадиган белгиларни то-
пиб, улар ёрдамида миниатюраларнинг форсча таъсири туркий уста-
ларнинг ишларида акс этишига барҳам берила бошлаган 1550 йилга
мансуб эканини аниқлаган⁶⁶. Очик фронтиспис ва диптихлар (бирин-
чисидан фақат чап томонигина сақланиб қолган) атрофидаги хо-
шияларга келсак, улар қолган учта қўлёзмаларга мутлақо мос келади,
уларнинг иккитаси Навоий девонларининг матнлари бўлиб, Россия
миллий кутубхонасида сақланади, учинчиси эса Шарқ қўлёзмалари
институти тўпламларидаги Ҳусайн Бойқаро девони бўлиб, биз томо-
нимиздан қиёсловчи материал сифатида олинган.

Кат. 7.9

Ушбу учта асарда Тахмосп I ҳукмронлигининг бошланғич даврла-
ридаги ички безак намоён бўлади. Чунки Навоий девонларидан бири
1527–1528 йиллари Табризда кўчирилганлиги аниқ (Кат. 7) бўлса, ик-
кинчиси 1520-йиллар охирлари ёки 1530 йилда ёзилганини тахмин қи-
лиш мумкин (Кат. 8). Навоий девонларидан сана қўйилмаган иккинчи-
си Санкт-Петербургнинг Шарқ қўлёзмалари институтида сақланаёт-
ган Ҳусайн Бойқаро девонига нисбатан яқинроқ эканлиги сезилади.
Қуйида келтирилган жадвалда мавзуси бир хил, жойлаштирилиши,
бўёқлари ва бажариш услуби бўйича яқин бўлган миниатюраларнинг
тагига чизиб кўрсатилган.

О.Ф. Акимовнинг фикрича, Ҳусайн Мирзонинг девонига кир-
ган дастлабки учта миниатюра 1540-йиллардаги Хиротга, охири ми-
ниатюра эса 1530–1540 йиллардаги Табризга мансуб⁶⁷, лекин бундай
хулоса чиқариш унчалик ишонарли эмас. Охири икки қўлёзма Хи-
ротда безатилганми ёки хиротлик уста томонидан Табриздами, бундан
қатъи назар, миниатюралар Тахмоспнинг Табриздаги устахонасида
яратилган услубга хосдир. Навоийнинг иккита девони муқоваланиши
қўлёзмаларнинг кўчирилган даврига тўғри келади.

⁶⁶ Галеркина Б. Г.; Иванов
1993.

⁶⁷ Akimushkin 1995. Шуниси
қизиқки, Тупкопи
сарой музейи собик
директори Филиз Чагман
у ерда сақланаётган
Ҳусайн Бойқаро ва
Алишер Навоийнинг
Девонларидаги
миниатюраларини тадқиқ
қилар экан, Хиротдаги
миниатюралар тури фақат
Табризда эмас, балки
Истанбулда ҳам кенг
оммалашган экан, деган
хулосага келган. Қаранг:
Çağman 1978.

Навбатдаги девон (Кат. 9) Султонали Машхадийнинг яна бир шо-
гирди — хиротлик хаттот Султон Мухаммад Нурнинг қаламига мансуб
(тахминан 1472–1536 йиллар). Хаттот майда зарҳал зирахоллар сачра-
тилган ранг-баранг қоғозлардан фойдаланган. Қоғоз ва очик фронтис-
пис XV асрлар охирларида Хиротда яратилган безатиш услубига мос.
Бирок зарҳал зирахоллардан кескин ажралиб турадиган (контрастли)
рангли қоғоздаги хошиялар нисбатан кейинроқ яратилган қўлёзма-
ларга хосдир. Мукова 1580-йилларда, чамаси, Қазвинда тайёрланган.
Зарҳалли босма нақш туширилган муковаларнинг бутун бошли гурухи
мавжуд бўлиб, одатда бу қопқоқларнинг ички тарафи зангори, қора,
қизил-қизғиш ва оч яшил асоснинг бутун марказий майдони бўйлаб
жойлаштирилган зарҳалли чарм тўр билан қопланган бўлади⁶⁸.

Кат. 9.4

Кат. 9.5

Ушбу гуруҳдаги қопқоқларнинг юқори тарафи икки турдаги
босма нақш билан қопланган бўлиши мумкин. Улардан бири боғда-
ги жониворлар ва қушларнинг тасвири бўлиб, уни 1592–1596 йиллар-
даги куллийтда кўриш мумкин (Кат. 14). Эслатиб ўтиш жоизки, ми-
ниатюралар куллийтнинг муковасидаги босма нақш (Кат. 4) тахминан
ушбу гуруҳ пайдо бўлишидан аввал яратилган. Иккинчи тўрда анъ-
анавий безак қисмлари мавжуд, аммо бир неча қаватли босма нақш-
дан фойдаланилган. Девоннинг муковаси бир қатор ўзига хосликлар-
га эга: марказий майдони ички безакнинг бостирилган элементлари,
шу жумладан, «хитой булутча»лари⁶⁹ билан бирга «туби» бўлади; тўқ
пистоки ва тўқ қизил ранг, икки хил тусли зарҳал бўёқлардан фойда-
ланилган.

Худди шунақа мураккаб технологияли, аммо катта ўлчамдаги муко-
ва тахминан XVI асрнинг биринчи ярмида кўчирилган, 1580 йилда эса
нафақат қопқоқлар, балки тўқ қизил рангли қалин хошияга ҳам эга
бўлган девонга тегишлидир (Кат. 10).

«Ғаройиб ус-сиғар» девони (Кат. 11), хижрий 959/милодий 1551–
1552 йилларда оқ-пушти тусли, яхшилаб силлиқланган қоғозга нафис
настаълик ёзувида кўчирилган бўлиб, унинг муковасининг ўзиёқ қи-
зиқиш уйғотади. Ажойиб суратлар билан безатилиб, лок билан қоп-
ланган қопқоқлар кам учрайди, ушбу ҳолатда эса улар XVI аср учун
ноёб бўлган бир қатор хусусиятларга эга⁷⁰. Биринчидан, тасвирлар
тик эмас, балки ётик ҳолатда жойлаштирилган. Иккинчи ноёб хусу-
сияти шундаки, қопқоқнинг устида «Лайли ва Мажнун» (марказда) ва
«Хусрав ва Ширин» (ён томонларда) дostonларига аталган учта ёки
хатто тўртта манзаравий суратлар жойлаштирилган. Улардан бири —
«Хусрав чўмилаётган Ширинни кўради» деб номлангани Навоийнинг
достонига дахлдор эмас, бироқ у Низомийда бор, шунинг учун ҳам
қопқоқлар даставвал унинг «Хамса»си учун тайёрланган ёки уларни

Кат. 11.1

68 Vasilyeva 2009.

69 Турк таджикотчиси Зерен Танинди Истанбулдаги Тупкопи сарой музейида яна иккита мукова топган бўлиб, уларнинг тайёрланишида ҳам айнан уша металл доскалардан фойдаланилган экан (Tanındı 2016. S. 227, fig 7; s. 228, fig. 9).

70 Vasilyeva 2014.

Кат. 11.2

бирон-бир муайян китоб учун яратишмаган, деб тахмин қилиш мумкин. Пастки қопқокда биз бир гуруҳ чавандозлар «Гўй ва човгон» ўйинини ўйнаётганини, уларнинг атрофини эса хизматкорлар ва томошабинлар ўраб олганини кўрамиз. Бош кийимлар, либосларнинг ўзига хос хусусиятлари, бўйни узун аёлларнинг комати тасвири ушбу муковадаги миниатюралар 1570-йиллардаги қазвинча услубда яратилганини кўрсатади. Қопқоклардаги миниатюраларга сезиларли даражада шикаст етганига қарамай, учта пари тасвири туширилган клапан жуда яхши сақланган. Қопқокнинг ички тарафи стандарт босма нақшли безакка тақлид қилувчи ўрталик, учбурчак ва медальонлар билан безатилган.

Кат. 13.3

Ўз даврининг машҳур хаттоти бўлган Мир Имод Қазвиний (1553–1612) томонидан кўчирилган девонни (Кат. 13) XVI асрнинг охириги ўн йилликларига киритиш мумкин⁷¹. Мир Имод Табризда, Қазвинда, Ҳиротда, Семнонда ишлаган, кейин яна Қазвинга кўчиб келган, 1601 йилда эса Исфaxonга келиб, бу ерда шоҳ Аббос I нинг сеvimли хаттотларидан бирига айланган. Сарой қошидаги устахонани бошқарувчи Али Ризоий Аббос томонидан уюштирилган фитна оқибатида ўлдирилган.

Ўша даврларда хаттотлар ўз ижоди намуналарини алоҳида қоғозларда яратиб, сотишни маъқул кўришарди, афтидан, бу бутун бошли китобларни уларга ҳадеб буюртма қилаверишмагани туфайлидир. Хаттотлик оламида Мир Имоднинг бунақанги намуналари жуда кўплаб сақланиб қолган: уларни тўплаб, альбом-мураккалар яратишган. У томонидан тўлиқ кўчирилган китоблар қирқтадан ошмайди ва Европа кутубхоналарида жудаям камёб бўлади.

Мир Имоднинг *настаълик* ёзуви ўзининг тезкорлиги ва шиддатлилиги билан нафақат Ҳирот ва Табриз мактаблари намояндалари, балки унинг замондоши бўлган эски анъаналарни давом эттирувчилар (масалан, Али Ризо)нинг ёзувидан кескин фарқ қилади. Девоннинг безатилиши — зарҳал зирахолли ранг-баранг хошиялар ва стандарт *унвон* Қазвин даври анъаналарига мос тушади ва уни XVII аср бошларига киритишга йўл қўймайди.

Куллиёт, 1592–1596 йй.

Хижрий 1001–1004 / милодий 1592–1596 йилларда хаттот Назарали Файзий Қизилоғоч шаҳрида Хуросон, Ғилон ва Мозандарон ноиби, фан ва санъатга ҳомийлик қилувчи саховатпеша Абул-Мансур Фарҳодхон Қораманлининг кутубхонаси учун куллиёт (Кат. 14) кўчириб берди. Юқорида эслаб ўтилган хаттотлар Мир Имод Қазвиний ва Али Ризо-

⁷¹ Қар. Акимущкин 2004. 8–32-б.

ий Аббосийлар шу одамнинг қўлида ишлашганди. Қистирма-унвонлар билан безатилган китоб ўз безаклари билан эътиборни тортади. Ички безатилиши бизга таниш бўлган ва қисмлари қизғиш, баргикарам, ложувард ва қора рангларга бўялган қалин қоғоз асоснинг бутун марказий сатҳи бўйлаб тортилган жимжимадор чарм турдан иборат. Гулдор хошиялар ҳам ўша техника ёрдамида бажарилган жимжимали босма нақшдан таркиб топган.

Қопқокларнинг усти ўрмондаги қушлар ва хайвонларни тасвирловчи зарҳал «босма нақшли миниатюра» билан безатилган. Пастадаги хошияда майда ёзувда зарҳал ҳарфлар билан «Муҳаммад Замон ибн Мирзабек Табризий» номи ёзилган⁷². Дастхатли муқовалар ноёб ҳолат эмас. Биз нафақат ушбу босма нақшнинг иккита айнан ўхшашларини⁷³, балки ушбу устанинг ўша йиллардаги Қазвиндаги ишлари доирасини ҳам аниқлашга муваффақ бўлдик⁷⁴. Қопқоклар айнан ўша даврда ва айнан Қазвинда тайёрланганини тахмин қилишга тўлиқ асос бор, қуллиёт эса кўчирилганидан сўнг дарҳол ёки XVI–XVII асрларда Исфажонда қопқоклар ичига жойланган.

Бутун дунёда Навоийнинг XV–XVI асрларда яратилган икки юздан ошиқ бадиий безакли қўлёзмалари сақланиб қолган. Уларнинг салмоқли қисми Буюк Британия ва Ҳиндистонда сақланади; Санкт-Петербургдаги Россия миллий кутубхонасида сақланаётган қўлёзмалар ҳам шу жумладандир⁷⁵.

Навоийнинг қўлёзмаларини кўриб чиқарканмиз, қуйидаги хулосаларга келиш мумкин: Шоир ҳаётлик даврида асарларини кўчириш ишлари Хиротдаги машҳур усталар томонидан, кўпчилиги унинг ўз буюртмасига кўра амалга оширилган. XVI асрдаги қўлёзмалар Хирот, Табриз, Қазвин мактабларининг энг яхши анъаналарига мувофиқ кўчирилган ва безатилган, бу эса Навоийнинг асарлари ўша давр ҳукмрон вакиллари орасида ҳам эътиборга эга бўлганини билдиради. Хирот «уруғлари» Мовароуннаҳр заминида ажойиб ниҳолларни ундириб, ҳосил етиштиргани шубҳасиз. Маълумки, китоб санъати дурдоналари ҳар доим ҳам бир вақтда тайёрланадиган маҳсулот эмас. Қўлёзма китобда асосийси — хаттотлик бўлиб, китоб безакларини кейинроқ ва бошқа жойда амалга оширса ҳам бўлади. Бу нақш безаклари, миниатюралар, айниқса хошиялар ва муқоваларга дахлдордир. Аллақачон мавжуд бўлган эски қопқоклардан фойдаланиш ҳоллари камдан-кам бўлса-да, учраб туради. Китоб қисмлари «бир вақтда яратилмаган»ини ҳар доим ҳам пайқаб бўлавермайди, чунки китоб иши усталари олдинги авлодларнинг тажрибасидан жуда яхши хабардор бўлиб, уйғунлик қонунини бузмасликка ва ўз меҳнати натижаси ўқувчининг кўзини ва қалбини қувонтиришига ҳаракат

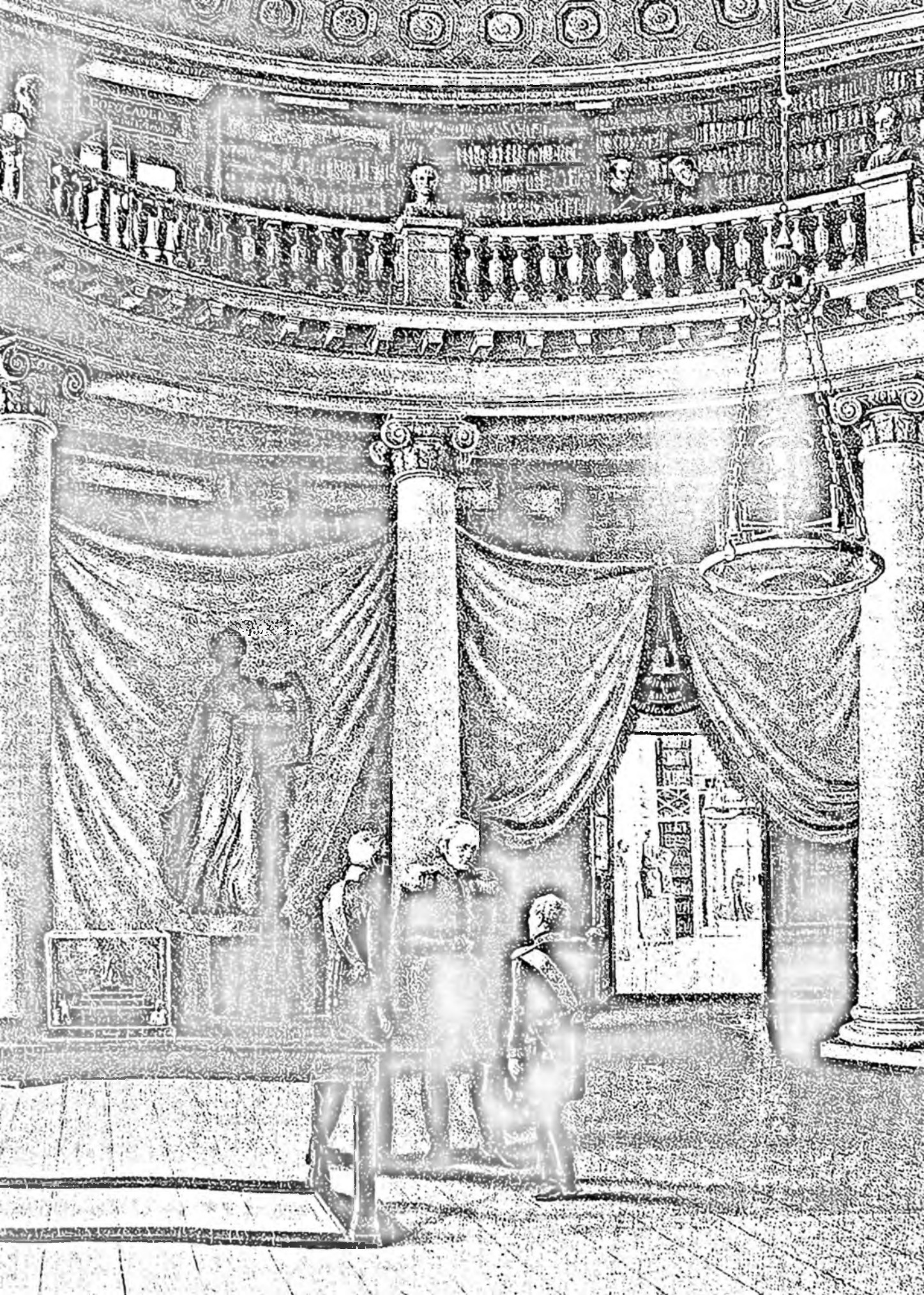
72 Илк бор А.А. Иванов чоп этган: Loukonine, Ivanov 1996. 174–175-б; Иванов 2008.

73 Бири Низомийнинг 1582 йилдаги «Искандарнома» достонига тегишли ва у Россия миллий кутубхонасида сақланади (Васильева 2008. 21-б), бошқаси Хисрав Дехлавийнинг «Хамса»сидан олинган бўлиб, Вашингтондаги Саклер галереясида сақланади (Lowry 988, 178-б; Melikian-Chirvani 2007. 317-б).

74 Vasilyeva 2009.

75 Мадраимов 2003.

қилишади. Уларнинг саъй-ҳаракатлари беҳуда кетмаган ва асрлар давомида изсиз йўқолмаган, илло улар яратган шоҳ асарлар ҳамон бизни қувонтириб келмоқда.



*Александр I Император
оммавий кутубхонасига
ташриф буюрмоқда*

*Alexander I visiting the Imperial
Public library*

*Александр I посещает
Императорскую Публичную
библиотеку*

THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA IN ST. PETERSBURG

The first public library of Russia, one of the biggest book depositories of the world, has, over the course of more than two centuries of its history, changed its name more frequently than the city in which it is located. In 1795, in imperial St. Petersburg, the Imperial Public Library was founded at the will of Catherine the Great and in 1814, during the reign of Catherine's grandson Alexander I, its doors were opened for the "common good"¹. During this time, under the leadership of A.N. Olenin², the library's main policies of bibliographic and acquisition work were established, while from the middle of the 19th c., under the directorship of M.A. Korf, the publishing and exhibition aspects of the library's work began actively to develop. Over the period of several decades the Imperial Public Library became one of the five largest book centres of Europe, thanks to its high status, corresponding legislation (the transfer of "obligatory copies" of all published works), a significant budget and receipt of additional resources for the purchase of expensive collections, the close attention of the members of the reigning royalty³, and the contribution made by the "admirers of enlightenment" from different strata of society.

In 1917, in post-revolutionary Petrograd, the Library was renamed the Russian Public Library, while during the Soviet period, from 1925 it was called the State Public Library in Leningrad. From 1932, the name was changed once again and instead of 'Leningrad', the name of M.E. Saltykov-Shchedrin was added. It is by this name that the Library is most widely remembered by many generations of Russian and foreign readers. In 1992, in the already post-Soviet Saint Petersburg, the Library received the name "National Library of Russia". Currently, it is second only to the State Russian Library in Moscow in the size of its collection, while in its composition, in the quantity of pre-revolutionary works and, especially, in the variety and antiquity, artistic and historical value of its manuscripts and documents it has no equals in Russia.

The history of the Manuscripts Department dates back to its beginning of 1805, when collection of Peter P. Dubrovsky⁴, the secretary of the Russian

1 On the history of the Library and its collections refer to anniversary editions: ИПБ 1914; РНБ 1995; РНБ 2014. The necessary information can be found on the website: http://www.nlr.ru/nlr_history/history/

2 On the directors and librarians refer to the dictionary: Сотрудники 1995–2013. The electronic version: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/

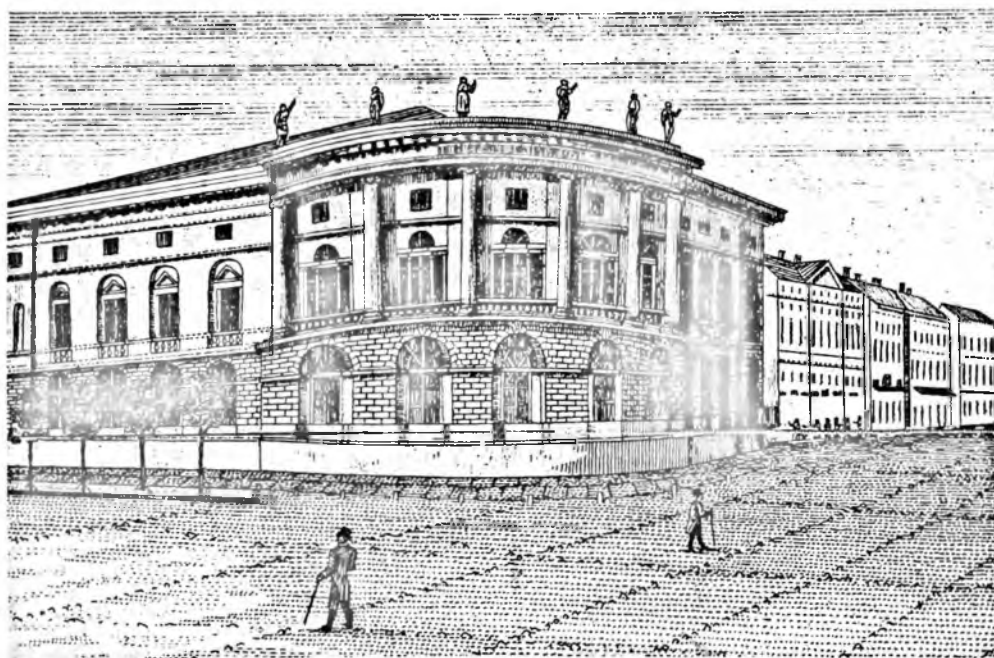
3 For instance see: Васильева 2016в.

4 On the history of the department refer to: Жемчужина 2005. Also refer to the electronic resource: <http://www.nlr.ru/manuscripts/>

Embassy in France, was purchased. He became the first curator of the first department to be formed — *dépôt de manuscrits*. Surprisingly, his collection not only included close to one thousand codices and more than fifteen thousand autographs in European languages, but also manuscripts of Oriental origin⁵.

In the 19th c. the collections of the Department began to grow significantly due to numerous gifts, purchases of collections by diplomats and private collectors, scientists and missionaries, thanks to war trophies, archeological expeditions and transfers from other institutions. The latter source became the main one during the post-revolutionary period, while from the second half of the 20th c. the Manuscripts Department replenished its holdings predominantly by means of purchases from private collectors. Currently, the collections of manuscripts number 436,000 items. These include Old-Russian, Slavonic, Greek, Western-European and Oriental codices and documents, archives of Russian authors, scientists, statesmen, music written by Russian and foreign composers, graphic and cartographic materials and much more.

The Library's collection of Oriental manuscripts exceeds 28,000 items. Scrolls ranging from ancient Egyptian papyri of the 10th c. BC, entire codices, fragments, documents, block-prints in twenty-five languages that came from a wide geographical range, from Japan to Spain, from India and Ethiopia to Russia. Among them are works that have a direct connection to Uzbekistan⁶. However the current volume presents only the pieces most valuable to Uzbek culture, namely the copies of Alisher Navoi's works.



*Император оммавий
кутубхонасининг илк биноси*

*The first building of the Imperial
Public library.*

*Первое здание императорской
публичной библиотеки*

5 See: Васильева, Ришар 2005.

6 See: Васильева 2011;
Vasilyeva 1999.

ALISHER NAVOI – A GENIUS OF THE CENTURIES

During the 60 years of his life Alisher Navoi accomplished three lifetimes' worth of achievements, as a government official, patron and author⁷. The annals of history reflect his efforts in each of these fields. He was well known and respected as a politician by his contemporaries. His charitable work was also widely known, and the public and pious institutions he built served many future generations; but how much of this has actually survived over subsequent centuries? What the centuries did preserve, however, are his literary efforts – there was not a single Turkic poet, regardless of his nationality, who created so much and who has had such a significant an impact on the development of literature and culture in general.

The works of Alisher Navoi are, first and foremost, a heritage of the Uzbek people, but the manuscripts, which bring to later generations the poet's language, his thoughts and aspirations, were, in the 15th and especially in the 16th c., created in the style of Persian fine books. This is understandable, given that Navoi belonged to the intellectual, artistic and political elite of Herat, the capital of the Timurid state, in which the traditions of decorating books written in the Persian language were developed in line with the previous accomplishments of the masters from Shiraz, Tabriz, Yazd and Baghdad. It is well known that in turn, the Herat traditions and masters had a significant impact on the later development of the arts of the book in Safavid Iran, as well as in the cultural centres of Transoxiana.

There are only about two hundred illuminated copies of Navoi's works of the 15th–16th c. left in the world. This volume presents only those that are kept in the National Library of Russia in St. Petersburg. However, prior to discussing the sources from which they were attained, and their significance for the study of art, it is important to mention once again the life and work of the influential political and public figure, the generous benefactor, and great Uzbek poetic genius.

⁷ A large literature is dedicated to the biography and work of Alisher Navoi. They are best reflected in: Бертельс 1965; Акимушкин 1984; Subtelný 1995.

The poetic translations into Russian are of a collection of essays by Navoi in ten volumes (Tashkent, 1968-1970), numerous other collections and their forewords.

The author would like to thank Olga Mihailovna Yastrebova, Shodmon Khuseinovich Vohidov and Firuza Melville for their consultations, and also Charles Melville for the editing of the English translation.

NIZAMADDIN MIR ALISHER – STATESMAN, BUILDER AND PATRON

Nizam ad-Din Alisher Navoi was born on February 9th 1441 in Herat during the reign of the Timurid Shah Rukh, in the family of Ghiyath al-Din Kichkina, who came from a long line of civil servants. The father of the future poet served Abu Sa'id, the grandson of Miranshah, and Abu'l-Qasim Babur, the grandson of Shah Rukh, and for some time had also served as a Governor-*hakim* of Sabzavar. Alisher's grandfather from his mother's side, Bu Sa'id Chang, was the Amir of Mirza Bayqara, the grandfather of the future ruler Husain Bayqara. The latter was a foster brother to Alisher himself as well as to his brother Darvish Ali, what was understood as a very close kinship. Alisher and Husain had also studied together over the course of several years.

After the death of Shah Rukh in 1447 the family left Herat, but at the beginning of the 1450s they came back, and in 1456 Alisher and Husain Bayqara were in the service of Abu'l-Qasim Babur and moved with him to Mashhad. After the death of Babur the two parted: Husain began a political and military campaign to gain power, while Alisher dedicated his time to scholarship, for instance in Samarqand, which he first visited in 1458–1459. Somewhere around 1464 Alisher began to serve under the reigning ruler of Herat, Abu Sa'id, but in around 1467 he once again left for Samarqand (where he contin-



*Алишер Навоий (чапда) ва
Хусайн Бойқаро (уңда) (Dorn
559, f. 35a). Парча. Қ.: Кат. 4.5*

*Alisher Navoi (left) and Sultan
Husain (right) (Dorn 559, f. 35a).
Detail. See: Cat. 4.5*

*Алишер Навои (слева) и Хусейн
Бойқаро (справа) (Dorn 559, f.
35a). Деталь. См.: Кат. 4.5*

ued his education), probably in order to hide from likely persecution by the ruler.

In 1469 Husain Bayqara came to power in Khorasan and summoned Alisher to come to Herat. From then on and until his death, or in other words for more than 30 years, the poet had a special place in the government, to a large extent because of his close friendship with Husain. At the beginning he was appointed as a keeper of the seal (*muhrdar*), but he was burdened by this position, a fact which he expressed in his poetry:

*The Shah in the Divan entrusted me a seal —
To stamp the papers prepared.
This meant — suppress your pride
And take your place in the Divan below all others.
But I could not break my pride
Instead what ended up broken was the seal.*

When he began performing his duties Alisher provided Sultan-Husain an invaluable service when he prevented a conflict that had a potential of evolving into a rebellion between Sunnis and Shiites. A little later, when the Sultan was away from the capital, the city's population was illegally taxed, and as a result a rebellion began to brew. Navoi was able to find those at fault, these people were then punished by Husain and upon his return to Herat Husain was joyfully greeted by the people. In 1470 Yadgar-Muhammad together with several Turkmen groups was able to take advantage of the ruler's absence and the agitation among his Guards, and came to power in Herat, but thanks to the timely advice of Navoi the Sultan was able quickly to regain power in the city and keep it for years to come.

In 1472 Husain appointed Alisher to the post of the Amir of Divan-i a'la — Supreme Divan (or Turkic Divan) — council, which dealt with military affairs and was in charge of the Turkic population. The title of Amir (Mir), which was not an inherited title for Alisher, was retained even after he left the post.

Sources do not reveal anything about the daily obligations and tasks of the Amir, but there is plenty of information about how Alisher dealt with the ruler's family feuds, which had the potential of destabilizing the country. There is also information about the intrigues of the court, about the greedy bribe takers and the covetous, and even about the ruler's and his entourage's partiality to wine. Alisher's inherent humanism, and his moral principles were increasingly coming at odds with the realities of his life; and his edifying advice, which was often expressed in his poetry, was beginning to irritate Husain. The cooling of relations between the two former friends was inevitable.

In 1487 Sultan-Husain appointed Alisher to the post of the governor of the Astarabad province. This could only partially be perceived as a demotion, because Astarabad was usually given to the heir of the throne, and by doing this Husain stressed his trust in Navoi handling the task of governing a distant

and unruly, but simultaneously wealthy province. In this new role Alisher once again demonstrated his outstanding abilities; however, he was troubled by the lack of companionship, and the separation from his hometown. One year later Alisher arrived in Herat in hopes of staying there, but he did not receive permission to do so and thus had to go back to Astarabad. However, he was later able to get a favourable answer from the Sultan.

After that, Alisher did not hold any official post and only occasionally took part in state affairs. The court was filled with intrigues and lies; the Sultan was in a constant feud with his heir Badi'al-Zaman as well as the other princes, and at a certain point, while in a state of intoxication, ordered the execution of his grandson Muhammad-Mu'min. Executions could not possibly help the situation, state affairs were increasingly becoming more complicated, and seeing this, Alisher had a sort of premonition that the Timurids' rule would collapse.

During the time he served in the highest state positions Mir Alisher received lots of land, and became very wealthy. Having neither wife nor children he wisely spent his money on creative projects and charity, in the broadest sense of the term. Navoi enthusiastically participated in the construction and improvement of public facilities: mosques and *madrasa*-schools, caravanserai houses and convents-*khanagah*, hospitals, bath houses and water tanks, bridges and gardens. In his *Vaqfiya* ("Endowment deed") dated 886/1481–1482 he allocates funds from his income from subletting his land, gardens, markets and shops to the upkeep of the complex built by him near the Guzargah mountain. This complex included mosques, *madrasa*, *khanagah*, and houses for reading the Quran.

In total, 370 buildings, not only in Khorasan but in other provinces of Iran, for instance in Astarabad, were built or rebuilt with his help. But the majority were built by Mir Alisher in his favourite city of Herat, the northern part of which, Ikhlasiya, he transformed into a heavenly garden. Contemporaries spoke with great enthusiasm about how the Amir would lift his robe and walk to the construction site and delve into all of the intricacies of the architectural and construction work. This passion is reflected in Navoi's poems, especially in "Farhad and Shirin".

In the poem "Turmoil of the Righteous" Navoi dedicated many lines to Herat and the entire Khorasan province, proclaiming their beauty. We find out that Herat is a fortress with high walls, "around Herat snowy mountain tops rise up, and press against the blue sky", two rivers flow from the north, and there is also a river in the south, the city has many mosques, minarets, palaces:

*Engravings sparkle on the palace walls
Under the turquoise blue coloured cupolas.*

*Through the arches of amazing stature
Majestic elephants could pass...
The sunrise appears, shining through the clouds,
On the sparkling glaze of the cupolas.
And the minarets of mesmerizing beauty
Flaunt their splendour, as if they were flowers.*

All this splendour is full of life, the rich markets are blaring, “there are countless expensive products”, birds are signing, and the sweet scent of gardens and flower beds can be felt. Navoi loved his city and helped it flourish as much as he could.

Being himself a person of the arts, with interests not limited to literature, Mir Alisher supported many other artists, writers and scientists. Among them are historians Mirkhwand, Khwandamir and Dawlatshah, whose works provide a great deal of information about state affairs, and about many of their contemporaries including Alisher.

Navoi was friendly and often spoke with the great Persian-Tajik poet Abd al-Rahman Jami (1414–1492), took his advice, was inspired by his poetry and considered him his spiritual mentor. Jami was a Sufi-mystic, and under his influence Alisher joined the Naqshbandi brotherhood in 881/1476–1477.

Mir Alisher financially supported not only Jami but other poets of his time such as Asafi, Saifi Bukhari, Abdallah Hatifi and Badr al-Din Khilali, and also musicians like Abdallah Marvarid, Shaikhi Nai and Husain Udi.

Navoi paid much attention to those working in the Sultan’s library-scriptorium *kitabkhana*. It is known, for instance, that the famous calligrapher Sultan-Ali Mashhadi in one day usually copied 30 *bait*s-couplets for the ruler and 20 for the poet. Thus, Navoi provided this master with work, and not only him but also his student Sultan-Muhammad Khandan, as well as the celebrated artists Kamal al-Din Bihzad, Shah-Muzaffar and Qasim Ali. This is why there is reason to believe that of the dozen surviving contemporary copies of Navoi’s works, the majority, if not all, were created on his orders.

By the end of his life, Alisher Navoi expressed a desire to go on a Hajj to Mecca, but his aspirations were not meant to come true, since Sultan-Husain recommended that he postpone the trip.

Mir Alisher died on January 3rd 1501. In the same year, after the death of Husain Bayqara, Shaibani-Khan defeated all of the princes who were competing for the Timurid throne, one by one, captured Samarqand and six years later gained Herat. The Timurid dynasty ceased to exist, but what was left was its rich cultural heritage, which included Navoi’s works.

NAVOI – “THE INSPIRED SINGER”

*I celebrate the pearl of the word!
As it is born by a shell of the heart!
("Turmoil of the Righteous")*

Nizam al-din Mir-Alisher Navoi left behind a significant literary legacy. The verses that he wrote in the Persian language were signed with the pseudonym Fani, which means “mortal”, while for the poems written in the Turkic language he used the poetic name Navoi or “inspired singer”. In fact, this really was the case because the poet sang “as if inspired, day after day in the native language dear to his heart”. This language goes by many different names – Chaghatai (Djaghatai), Old Uzbek, Eastern or Central Asian Turkic, while Navoi himself called it simply Turki or sometimes Chaghatai.

It is well known that the main language used in the literary works of this epoch was Farsi, a New Persian language, while writing in the Turkic language was considered almost inappropriate. Nevertheless, the processes of cultural development that were shaped by various historical factors, as well as the fact that Persian poetry had reached a peak and ended up at a technical and stylistic impasse (a fact that also concerned Jami), led to the need for a fresh direction in literature and to a sort of “social demand” for a new style of literature. Works written in the Turkic language became a solution to this problem. In this respect it is significant that Sultan-Husain himself wrote beautiful poetry in this language.

Many other poets of the Timurid epoch such as Lutfi, Sakkaki, and Gada'i also wrote in Turki. However, Navoi literally created a literary language that was not inferior to Persian, neither in imagery, nor in the harmony of versification. It is important to note that during the consolidation of Islamic and Arab culture on the territory of Iran, Persian literature adopted the Arabic prosody-*aruz*, which is based on the alternation of long and short syllables that do not exist in the Turkic language group. These languages, which are characterised by a perpetual accent on the last syllable, are naturally suitable for a syllabic verse. It would thus be reasonable to assume that when us-

ing *aruz*, Navoi would regularly use Persian-Arabic vocabulary in order to maintain the necessary rhythm in the poetry. Nevertheless, in the presence of Arabic and Persian loan words, the poet uses not only Turkic declensions, verbs, pronouns and numerals, but also many native Turkic words. Among them are words of Uighur and Oghuz (Western-Turkic) origin, however researchers believe that the base for the literary Turki was a sort of "mixture" of dialects of the different Uzbek tribes.

Navoi expressed his experience in poetry writing in the treatise *Mizan al-Awzan* ("The Measure of Meters"), which outlines the principles of Arab-Persian prosody and methods of its use in Turkic languages, and also describes the characteristics of the Turkic poetic form.

In his later years Navoi produced a small treatise *Muhakamat al-Lughatain* ("Judgement of Two Languages"), in which he, while giving credit to Persian literature, convincingly proves the validity and necessity of literary works written in the Turki language since, as he explains, this language has advantages such as a diversity of vocabulary, which allows for the description of finer details, an abundance of homonyms, and a large quantity of vowel sounds. His conclusion is quite simple: a Turkic man must write in Turki, something Navoi did throughout his life.

He began writing early on; even during the rule of Abu Sa'id he had already written his own poems, which many people liked. However, the poet himself did not compile them into a collection or *Divan*, but only started to do so later, on the orders of Sultan Husain in 1469.

The earliest surviving manuscript of his poetry dates back to 870/1465–1466. It was consequently and accurately named "the Early *Divan*" (Cat. 1). Most of the *Divan*, as it is supposed to be, is comprised of *ghazals* or lyrical poetry. A *Ghazal* consists of 5–11 *baitis* or couplets, in the first of which every hemistich rhymes, and in the following only the second rhymes, according to the scheme: *aa, ba, ca, da*, and so on. The theme of the *ghazal* is traditional: praising of a beauty, wine, a cupbearer, or love, frequently about unfortunate love. Poets often wrote poetry with a double meaning, for instance love for a beautiful girl/boy would symbolise love for God and a search for a fleeting truth. Some authors wrote openly epicurean poetry within the framework of traditional forms. One cannot entirely assert state that all Navoi's lyrical poetry had an explicit Sufi subtext, but there is also very little realism in his stories of love and unbridled passions. His lyrical poetry, especially the early works, is more like a manifestation of his joy of the opportunity to use Turkic vocabulary within the strict canons of Arabic-Persian poetic norms. With the years, Navoi's *ghazals* began to show hints of sincere sorrow from unfulfilled expectations and the inevitability of the coming end.

Throughout his life Navoi often came back to the task of compiling Divans. It appears that such collections were also compiled by the readers themselves at their own discretion. This is why it is very difficult to figure out when each particular Divan was compiled, and consequently to understand to what degree it reflects the author's own intentions (Cat. 6–12, 13).

It is believed that the author's first version of the Divan took place between 1469 and 1483, and it would appear that this is the edition called *Bada'i' al-Bidaya* ("Wonders of the Beginning"). Between 1480 and 1492 a collection of poetry called *Navadir al-Nihaya* ("Rareties of the End") was compiled. In 1492 with advice from Jami, Navoi divided all of his lyrical poetry into four collections in accordance with the time when they were created. These include: *Ghara'ib al-Sighar* ("Marvels of Childhood"), *Navadir al-Shabab* ("Rareties of Youth"), *Bada'i' al-Vasat* ("Peculiarities of Middle Age") and *Fava'id al-Kibar* ("Benefits of Old Age"). By the end of his life Navoi compiled a collection entitled *Khaza'in al-Ma'ani* ("Treasure-troves of Meanings"), which included his best poetry, compiled in an alphabetical order of the rhymes.

It is known that Navoi's and Jami's regular communications enriched both of their creations. They wrote their cycles of poems almost at the same time. Jami ended up having seven, the *Haft Awrang* ("Seven Thrones"), while Navoi had five. His Quintet-*Khamisa*, was written in record time, from 1483 until 1485 (Cat. 2, 4).

Masnawi poems, or long poetic forms, in which baits-couplets rhyme in pairs, contain different narrative stories, as well as added parables, which are in part entertaining but always with a very strong edifying principle. Poets know how a government should and should not be governed, how rulers should and should not act, but do the rulers ever listen to their advice?

Authors preferred to create *Nazira* or "responses in emulation" to poems written by their predecessors. *Nazira* is not a parody, nor is it a retelling of the contents in their own words within the given format of the verse. The author of an "answer" uses someone else's plot outline, but fills it with new details, new interpretations, new characters, and this in turn, can change the focus of the work.

Navoi himself would identify his predecessors who wrote in the Persian language, namely Ilyas Nizami from Ganja (Ganjavi), Amir Khosraw from Delhi (Dihlavi) and for some poems — Abd al-Rahman from Jam (Jami).

The first poem of the cycle *Hairat al-Abrar* ("Turmoil of the Righteous"), just like the *Makhzan al-Asrar* ("Treasury of Secrets") of Nizami, does not have a single storyline. The first chapters are dedicated to praising God, praising Mohammed, the accomplishments of Nizami, Khosraw Dihlavi and Jami, the significance of the Word, praising of Sultan-Husain, and some of the principles of the Sufi philosophy and the founder of the dervish order Baha al-Din Naqshband. What follow are 20 chapters entitled *Maqala* (Discourses), each

consisting of two parts – the main thesis and the parables used to illustrate it. For instance, in the conversations about science, Navoi comes to the conclusion that a real scholar lives in poverty and need, while sly charlatans and the ignorant enjoy all of the benefits of this world. The last conversation contains an appeal to Badi' al-Zaman.

In 889/1484 Navoi completed two poems: *Farhad va Shirin* and *Laili va Majnun*. The plot of the latter has Arab roots that can be found in the lyrical poetry about the love of the Bedouin poet from the Bani Amir tribe of Central Arabia. The poem tells a story of young Qais, who was given the nickname Majnun ('madman') because of his hopeless love for the beautiful Laili. Flaming passions clouded Qais' mind, he could not live among people any longer and ended up going to live in the desert; at the end of all kinds of twists and turns of the plot the lovers die.

Unlike the poem *Laili va Majnun*, where there are not any major plot changes from the works of Nizami and Dihlavi, the poem *Farhad va Shirin* differs significantly from the poems of the predecessors in that Farhad, who was a secondary character in the works of both Nizami and Khosraw Dihlavi, becomes the protagonist. At the same time their protagonist, the prince, and later Shah Khosraw, was depicted by Navoi as a wicked character. In Navoi's story Farhad is not a simple stonemason, as he was depicted by Nizami, but instead he is shown as a Chinese prince who searches and finds his dream, the Armenian princess named Shirin. However, due to the evil doings of Khosraw, the lovers cannot come together, and Shirin dies on the grave of her beloved. In recent times it was common to talk of the realism in this poem, referring to the story of the work done by the stonemasons and Farhad in order to create a canal in the mountains. But this is only an episode, and in fact not a very realistic one, given that the stonemasons worked to realise an obviously impossible task that was given to them by a revered queen Mahin-Banu, while Farhad demonstrated his heroic and magic strength. It is in fact its magical nature, far from reality, that characterises the plot of the poem. The feelings, as dictated by the genre, are highly exaggerated, but as a result they get the reader to sympathise and worry for the main characters. The poem does not only talk about the story of Farhad and his journey to find Shirin, but also about the love of Farhad's parents for their son, about the warm, kindred feelings Mahin-Banu has for her niece, about the loyal friendship of the artist Shapur and Farhad, about the cunning nature of Khosraw and his parricide son, about the simple working folk, and about traitors. Human relationships in their diverse manifestations are a distinctive feature of this work by Navoi.

The fourth poem of the cycle was completed in 1485 and was called *Sab'a Sayara*. The name can be translated as "Seven Planets" or "Seven Wander-

ers", since the word *sayara* – wanderer, was also used to describe "wandering stars", meaning planets, including the sun and the moon; at the same time the poem also mentions seven wanderers, who tell their stories. The main character of the poem, Shah Bahram Gur, found fleeting happiness in his love for a talented singer-musician Dilaram. He united with his beloved, but their life together was full of endless feasts and hunting trips, during which, Bahram once, in a fit of anger, ordered Dilaram to be left tied up in the steppe. When he realised what he had done, Bahram discovered that she had disappeared, and as a result fell into a spell of melancholy. In order to cheer him up, his advisors suggested that he have seven palaces built, in which seven princesses, daughters of the rulers of seven countries, could live so that they could become Bahram's wives. When the Shah visited each one of the palaces, a wanderer who came from the princess' native land would be called, and he would tell either his story or a fairy tale. In the seventh, the white palace, Bahram heard a story about Dilaram, who as it turns out was rescued by a merchant caravan. The Shah was then able to bring his beloved back, and his life once again entered an old and familiar pattern of feasts and hunting. One day Bahram created a pen into which the hunters were able to herd many lions, tigers and gazelles. During the bloody massacre that occurred, the earth opened up and swallowed Bahram Gur. Unlike in the poems by Nizami and Dihlavi, Navoi's main character is not at all preoccupied with state affairs, as he simply is not concerned them, and his death comes not as a result of carelessness or a coincidence, but as a result of his own cruelty.

All of these poems about love end in the death of the characters: youthful Laili and Qais-Majnun, young Farhad and Shirin, mature Bahram Gur and Dilaram, all die. In the *ghazal* love can be painful, whereas in the *masnavi* it is tragic.

The last poem *Sadd-i Iskandari* ("Dam of Iskandar") contains the biography of the famous warlord and conqueror Alexander the Great, who is mentioned in the Qur'an under the name Dhu'l-Qarnain (Two-Horned).

According to the established tradition, Navoi presents Iskandar not only as a successful warrior and wise ruler who cares about the welfare of his people, but also as a philosopher. This ideal ruler was meant to be an example for the Timurids, consequently it is no surprise that the work was dedicated to Sultan-Husain and his heir Badi' al-Zaman. The poem has many layers; it is full of reasoning, parables, Aristotle's answers to Iskandar's questions, and tales of his achievements. So much takes place during his travels, and the author presents such a wide range of life situations! There is a battle with the Iranian king Dara (Darius), and the construction of a barrier designed to protect

the lands from the wild Yajuj and Majuj (Gog and Magog) tribes, exploration of the sea using a glass box, and the use of a unique weapon – a metal ball filled with explosive material, that when used releases a gas which puts the opponents in a haze. There is also a singer-warrior, given as a gift by the Chinese Khaqan, there is a famous legend about the death and funeral of Iskandar, who gave orders for him to be placed in the coffin in a way that his empty hands could be visible, demonstrating that one cannot take any possessions with him to the celestial realm.

Alisher Navoi also wrote prose essays of a religious and scientific nature. These include *Chihil Hadith* ("Forty Legends" of the words and actions of the prophet Mohammad) and *Nazm al-Javahir* ("The Threading of Precious Stones"), a translated retelling *Nathr al-La'ali* ("The Scattered Pearls"), of the original Arabic sayings of Ali.

Two historical treatises, often found together, represent a sort of study guide, which can be used in order to better understand Navoi's poems. The first, *Tarikh-i Anbiya va Hukama* ("The History of Prophets and Sages"), provides information about the Quranic prophets and the philosophers that are most often cited by Muslim religious authorities. The second, *Tarikh-i Muluk-i Ajam* ("History of the Iranian Kings"), summarizes the legends of the Iranian kings beginning with the mythical Kayumars, mostly taken from the *Shahnama*, the Persian epic poem written by Firdawsi.

The treatise *Majalis al-Nafa'is* ("Gatherings of Fine People" or "Conversations of the Refined") can be considered an example of scientific prose. It concisely characterises the people who are involved with the poetic arts, and contains samples of their works (Cat. 5).

After the death of Jami, Navoi wrote *Khamsat al-Mutahayyirin* ("Quintet of the Confused"). The title is derived from the fact that the essay is divided into five parts according to the five "confused" planets wandering the sky. These planets include Saturn, Jupiter, Mars, Mercury and Venus. The preface contains Jami's biography; in the first of the three *Maqala*-discourses there is a collection of stories about the times the two poets met; in the second there are samples of their poetic correspondence; and the third contains a copy of Jami's works. In the last part Navoi includes a list of books that he read under the guidance of Jami, tells the reader about his amazing abilities and the circumstances of his death. This section also includes an elegy written by Navoi and read during Jami's funeral by the famous Herat preacher Husain Kashifi.

Later, Navoi translated from Persian Jami's book *Nafahat al-Uns min Hadarat al-Quds* ("Breaths of Friendship from the Saints of Paradise") using the title *Nasa'im al-Muhabba min Shama'im al-Futuwwa* ("Sweet Breezes of Love from the Perfumes of Generosity"). The narrative contains biographies of 616

Sufis, including 34 women-ascetics. Navoi somewhat shortened the text, but he did add biographies, including those of the Central Asian Sheikhs, beginning from Khoja Ahmad Yasavi.

In 904/1498–1499 Navoi returned to the long poetic form, and created *Lisan al-Tayr* ("Language of the Birds"), a freestyle paraphrasing of the mystical poem *Mantiq al-Tayr* ("Conversation of the Birds") written by Farid al-Din Attar. It is known that Attar's poem made a strong impression on the young Alisher, and at the end of his life he, reflecting on what was said by his predecessor and having himself lived through a lot, dared to create a response in imitation of his idol's work. The plot of the poem is as follows: the birds decide to choose a king, and a hoopoe suggests the mysterious Simurgh, who nobody has yet found, for the role. The birds go on their journey, but many, afraid of the challenges, do not want to continue; while the hoopoe tells the birds parables that explain why it would be wrong to stop. Only thirty birds overcome the seven "valleys" (stages on the path to mystical perfection). Thirty, in Persian is *si*, so that Simurgh literally means "thirty birds". Thus, the mystical king, whom the wanderers were seeking, turned out to be themselves. This is how the Prophet's saying is interpreted: "He who knows himself, knows his Lord". In the poem *Lisan al-Tayr* the poet uses the pseudonym Fani (Mortal).

Navoi's last essay *Mahbub al-Qulub* ("Beloved of the Hearts") was written in rhyming prose interspersed with verses. This work is a *nazira* to Sa'di's *Gulistan* and Jami's *Baharistan*, which express ideas about the structure of society and the fundamentals of peoples' interactions. In the first of the three parts, the characteristics of different professions, occupations, and social groups as well as their advantages and disadvantages are given. For instance, in the chapter "On Cruel, Ignorant and Philandering Kings" it vividly describes: "the floor in his bathhouse is covered with ornaments that crumble from the arch of the Mosque, its brick is made from collapsed *mihhrabs*", which means that the ruler violates his faith. On the subject of the peasants it says: "the blossoming of the world comes from him, the joy of the inhabitants of the world comes from him. Wherever he may go, he brings the people food and grace". The second part of the essay is devoted to questions of morality, to virtues and vices, and the third part consists of aphorisms, for instance, "a sensible person is he who does not lie, but also doesn't always tell all the truth". Overall, this book is not meant purely for entertainment; it is difficult to comprehend, since it was written by a person who has lived through a lot and experienced a lot, a person who at the end of his life has felt the bitterness of an unrighteous world. It is very telling that in the preface the author mentions wanting to leave his native country. He was not able to do so.

In time, the works of the great humanist poet spread far beyond Herat and become not only a heritage of the Uzbek people, but, given the fact that they were translated into many languages, will become a part of the literary heritage of the world. Geniuses live forever.



NAVOI'S MANUSCRIPTS IN THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA: THE HISTORY OF THE COLLECTION

Since its founding, the Manuscripts Department of the National Library of Russia has been continuously updated with new acquisitions. Currently its Oriental collection numbers twenty-eight thousand items, among which there are twenty-nine copies of Alisher Navoi's works, of which fourteen date back to the 15th–16th c.⁸ They were acquired in different ways: from private collectors and diplomats, and as war trophies.

The first of Navoi's manuscripts was acquired in 1817 as a part of the collection belonging to a mining engineer, and the head of the Kolyvano-Voskresenskyi plants in Barnaul — Petr Kozmich Frolov (1774–1839)⁹. This extraordinary man not only did a lot for the development of the mining and metallurgic industries, and collect pieces of art, from which the museum of Barnaul was later formed, but he also showed great interest in literature, primarily in ancient Russian literature. Moreover, his collection also contained over 60 Oriental manuscripts. Without a doubt, the most significant of them is Navoi's *Kulliyat* (Collected Works) (Cat. 4). Frolov was no doubt aware of the artistic value of the manuscripts in his possession; in fact he drew his noble family's coat of arms on two of the most valuable manuscripts.

The motives that inspired the Russian mining engineer, who did not know any Oriental language, to collect artefacts of Eastern origins are not clear, just as the sources from which they were attained are not known. Navoi's *Kulliyat* is one of the few manuscripts, on the origins of which one could hypothesise and even fantasise.

In 1794 and 1800 respectively, two expeditions were organized from Barnaul. Both were under the leadership of the mining official from the Kolyvano-Voskresenskyi plants T.S. Burnashov; the first was sent to Bukhara, while the second to Tashkent. Burnashev's notes about these expeditions were given by Frolov to the "Siberian Herald" magazine, and were then published in 1818 and 1819. The expeditions, conducted according to a decision made by the government, were carried out in order to discover possible trade routes

8 On the collections see: Васильева 1995; 2005a; 2005b; 2011; Vasilyeva 1995; 1996. On the copies of Navoi's works see: Васильева 1985; 1986; 2007; 2016a.

9 Васильева 2006a; Васильева 2008b.

and in order to conduct geological research. However, Burnashev would describe them from an ethnographical and cultural point of view: peoples' everyday life, customs, and the landmarks of Central Asia were the things that most interested him. One could assume that it was during one of these trips that Burnashev was able to acquire some of the manuscripts, or at least the *Kulliyat*. It is known that the ruler of Tashkent, Yunus-Khoja, who often welcomed this Russian "ambassador", asked for a rifle in exchange for anything of his. Burnashev would give in to his request, but what did he receive in return? Were there any books received by the "ambassador" in their exchange? In any case, during the three months of his stay in Tashkent in 1800 and during the trip in 1794 Burnashev could have had many opportunities to purchase or in some other way acquire the books. The fact that the manuscripts were significantly damaged by water, could serve as an indirect proof of Burnashev's ownership of the *Kulliyat*, since in his stories Burnashev mentions that during the trip back his luggage fell into a river.

If the *Kulliyat* really was brought over by Burnashev, that means its transfer into the hands of a passionate collector-bibliophile Frolov, was inevitable. In any case, this is simply a guess that has no documented support.

The year 1828 brought the library its most valuable Islamic manuscripts, in particular the copies of Navoi's works; they were brought to St. Petersburg from Ardabil as trophies of the Russo-Persian war. The Shaikh of the Sufi order, Safi al-Din Ishaq Ardabili (1252–1334), progenitor of the Safavid dynasty, was buried in this small town located in Southern Azerbaijan. His tomb was always revered by religious people, and with the coming to power of this Turkic speaking, Shiite Muslim dynasty in 1501, it slowly turned into a complex of beautiful buildings¹⁰. One of these buildings, called the *Chini-Khana*, contained Chinese porcelain as well as a large collection of books. According to the inventory done in 1759 this collection contained about one thousand manuscripts; however, now there is only information about the location of some of them¹¹.

The biggest part of the manuscript collection from Ardabil ended up in St. Petersburg¹² — 166 copies of literary and historical texts, in calligraphic hands, decorated with ornaments and often with miniatures. The history of their acquisition is as follows¹³. The Russo-Persian war began in 1826 and was nearly over by the end of 1827. However, peace negotiations were dragging on, and Emperor Nicholas I ordered the troops to storm Ardabil and Maragha. Ardabil was conquered on January 25th, 1828 under the leadership of Lieutenant General Pavel Petrovich Suchtelen. Since it was well known that Nicholas I had a great interest in Oriental manuscripts, Pavel Suchtelen (who by the way was the son of a well-known bibliophile General Peter Kornilievich Suchtelen, a Russian ambassador to Sweden) was insistent and

10 Canby 2009, pp. 116–120.

11 It has been established that one hundred manuscripts from Ardabil are kept in the Tehran Museum Iran-i Bastan. There are also four Ardabil manuscripts elsewhere in Tehran: in two libraries (Ketabkhana-ye Malek and Ketabkhana-ye Melli) and one museum (Muze-ye Kakh-e Golestan). Three books are kept in Istanbul (in the Museum of Turkish and Islamic art, Museum of Topkapı Saray and in the Library of Istanbul University). US museums have two of the manuscripts (the Freer gallery in Washington and the Metropolitan in New York); there is one in the National library of France, the Gulbenkian Museum in Lisbon (Portugal) and in the private collection of M. Slim in Lahore (Pakistan), see: Akimushkin 2004a.

12 Vasilyeva 2011b; Васильева 2014.

13 Борщевский 1984.

السلطان محمد علي شاه قاجار



Альбомдаги Ғатх Али Шох
портрети (PNS 390, f. 38v)

Portrait of Shah Fakh-Ali from the
album (PNS 390, f. 38v)

Портрет Ғатх Али Шаха из
альбома (PNS 390, f. 38v)

eventually successful in convincing the “spiritual individuals, who had provision over the mosque”, to part with a portion of the library. When the books were packed into boxes, Suchtelen placed a brocaded sack with 800 chervontsi (gold coins of the Russian currency) on Shaikh Safi’s coffin; he also gave different gifts to the Shrine, including 50 chervontsi for the reconstruction of the Mosque.

In December of 1828 Nicholas I ordered this fantastic trophy to be given to the Public Library¹⁴: one hundred and forty-eight Persian, and eleven Arabic manuscripts, as well as seven manuscripts with Navoi’s works (Cat. 2, 5, 9–11, 14). At the beginning of the 17th c. they had all been donated to the Ardabil Shrine by Shah Abbas I.

How these manuscripts ended up in the Shah’s library is not known. It is possible that some of them were a part of the collection of Badi’ al-Zaman’s books, who had to resettle to Tabriz during the rule of Shah Isma’il; such works could include the *Quintet* of 898/1492–1493 (Cat. 2). With regard to the *Kulliyat* (Cat. 14), which was copied at the end of the 17th c. for Abu’l-Mansur Farhad-Khan Qaramanlu, who was the Governor of Khorasan, Gilan and Mazandaran from 1004/1595–1596, we can assume that it ended up in the Treasury along with the statesman’s other possessions after his assassination (ordered by Abbas I) in 1007/1598–1599.

In 1829 the Library acquired two of Navoi’s manuscripts, one of them, the “Early *Divan*” (Cat. 1), was received as a part of a diplomatic gift, which was quite correctly dubbed “the cost of Griboedov’s spilled blood”. Aleksandr Sergeevich Griboedov, diplomat, playwright and composer, was, after the conclusion of the Russo-Persian war of 1826–1828, appointed as a plenipotentiary of the Russian Empire in Tehran. His main task was to oversee the implementation of the terms of the Turkmanchay treaty, including the receipt of indemnities and the return of the prisoners of war. On February 11th, 1829 *Vazir-i Muhtar* Griboedov was brutally killed by a mob in Tehran, along with almost all of the members of the Russian mission. Assuming that there could be terrible consequences for the relations between the two countries, the Shah’s court and the Russian government searched for a way to resolve this critical situation. After receiving an appropriate explanation and apologies, Nicholas I felt it was necessary to hear in person an apology from Fath-Ali Shah that would be given on his behalf by either one of his sons or grandsons. It was decided to entrust this task to Khosraw-Mirza, the seventh son of Abbas-Mirza, the heir to the throne. The sixteen year-old Khosraw-Mirza was havily involved in his father’s activities who was running the Qajar Foreign Office in Tabriz and the Governor of Azerbaijan province.

¹⁴ Academician Ch. D. Frähn, professor F.B. Charmoy and Mirza Jafar Topchibashev prepared a catalogue in French. Its descriptions were used in Academician B. Dorn’s published catalogue: Dorn 1852.

Khosraw-Mirza presented Nicholas I with gifts from the Shah, the first and most significant of which was the "Shah" diamond. The gifts also included 18 manuscripts from Fath-Ali's personal library, which the Czar gave to the Public Library. This small collection mostly comprises copies of classical poetry and historical texts written in Persian¹⁵. The only non-Persian manuscript was Navoi's "Early *Divan*" (Cat. 1). The majority of the books were restored in Iran, including the bindings; however, the *Divan*, enclosed in a brocade casing, very probably did not come with covers, but was instead wrapped in silk, which the Library later used when covering the new plywood covers.

In December of 1829 the Library acquired a Chaghatay-Turkish dictionary to Navoi's work *Abushka* (Cat. 15); it was purchased in Erzurum during the Russo-Turkish war.

In 1859 three copies of Navoi's *Divan* were added with the collection of Dimitryi Ivanovich Dolgorukov (1797–1867), who from 1845 to 1854 was a Plenipotentiary Minister at the Persian Court. During the time of his service in Iran D.I. Dolgorukov compiled a fantastic collection of 99 manuscripts¹⁶, which were purchased for the Public Library in accordance with the supreme will of Aleksander II. Among them are three copies of Navoi's *Divans* (Cat. 7–8, 13). Interestingly, the Persian legends on the seals' imprints contain the names of Prince Dolgorukov and his daughter Eugenia.

In 1864 the Public Library purchased a collection from Nikolai Vasilievich Khanykov (1819–1878)¹⁷, who was a diplomat as well as an Orientalist, specialising in Iran. He studied in the Tsarskoe Selo Lyceum, after graduating from which he attended Professor O.I. Senkovskyi's lectures at the University of St. Petersburg, and later worked as a dragoman in the Asiatic Department of the Foreign Ministry. In 1841 Khanykov was assigned to the Embassy in Bukhara to work as K.F. Butenev's assistant. Later, Khanykov served in Tiflis, from 1852 to 1857 he fulfilled the duties of a Consul General in Tabriz (it was here that he acquired a large part of his collection), and in 1858–1859 he led an expedition comprising different specialists to Khorasan. In 1855–1859 Khanykov sent 70 manuscripts to the Asiatic Museum (currently the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS)¹⁸. While living in Paris he decided to sell the remaining part of his collection, but the Academy of Sciences, who had jurisdiction over the Asiatic Museum, was forced to refuse this valuable purchase because of a lack of funds. However, the Imperial Public Library had such funds in its possession, and in 1864 the collection comprising of 166 items found its place in its Manuscripts Department.

Three copies of Navoi's works came from this collection, as well as two Chaghatay-Persian dictionaries¹⁹. Only two manuscripts date back to the 15th–16th c.: the *Kulliyat* copied in Navoi's lifetime, the largest part of which dates

15 Костыгова 2003.

16 Костыгова 1982.

17 To find out more about him see: Халфин, Рассадина 1977.

18 Акимушкин 1987, p. 22.

19 One of them (Ханыков 35) was studied and published: Боровков 1961.

back to 904/1499 (Cat. 3) and a copy of the *Divan* from the second half of the 16th c. (Cat. 12).

In 1879 two illuminated manuscripts of the 16th c., one of which was Navoi's illustrated *Divan* (Cat. 6), were purchased from a certain Aliev.

All the manuscripts mentioned above were listed in the printed catalogues and reports of the Imperial Public Library. The report of 1887 published a catalogue of the exhibition of Chaghatay manuscripts, four of which were Navoi's works, prepared by Vladimir Vasilyevich Stasov, the head of the Arts and Technology Department of the Library and Vasiliy Dmitrievich Smirnov, the head of the Oriental Department. Despite the availability of much information, the study of the copies of the poet's works began only after the appearance of S.F. Volin's article in 1946. Initially the scholars studied the written material: copies produced in the author's lifetime were used in the preparation of a critical edition of Navoi's works. However, the artistic features of the manuscripts also did not go unnoticed; these included calligraphy, miniatures, illuminations, as well as bindings. Pictures of the miniatures and ornamental decorations were included in the albums of N.V. Dyakonova, O.I. Galerkina, H. and F. Suleimanov and were used to illustrate the Russian editions of Alisher Navoi's poems; however, they have yet to be published together as a single set.

THE WORKS OF NAVOI IN THE BOOK ART

The “Early *Divan*” of 1465–1466

Navoi lived in an epoch when the book art of Herat had reached its peak. Husain Bayqara’s scriptorium-library (*Kitabkhana*) continued and even developed the traditions of the Herat school of the 1430s, created during the reign of Shah Rukh by his son Baysunghur-Mirza. The “Early *Divan*”, which is the oldest surviving manuscript of Navoi’s works, dating back to 870/1465–1466²⁰ (Cat. 1), also displays the characteristic elements of that time. Besides cream coloured paper, it also has paper of other colours: pistachio-green and different shades of light-green, brown, beige and light blue. It is believed that coloured paper was first used in Herat in the 1430s–1440s. This was fairly rare for the 15th c.; later, however, especially in the second half of the 16th c. this decorative technique was used quite often.

Cat. 1.7

Upon closer examination one can notice that the pages of the “Early *Divan*” are covered in small specks of golden dust, and interestingly the spraying of the dust occurred prior to the scribe beginning his work. Initially coloured papers with golden dust were brought over from China; however, the Chinese specks are much larger.

Even based on the features of the paper, one could conclude that the book was created for a very wealthy customer, and most likely in Herat. (The artwork was completed a century later, when the first two frontispieces were decorated with illumination and the text pages were mounted onto thick, ornamented, coloured margins.) This is also suggested by the name of the calligrapher, who while young was already a very mature artist. Sultan-Ali Mashhadi (1432–1520) was born in Mashhad; he was only 33 or 34 years of age when he copied the “Early *Divan*”, and much like Alisher Navoi he was in the service of Timurid Abu Sa’id.

Cat. 1.3–6

Later, Navoi would become a generous benefactor to Sultan-Ali Mashhadi, and one could state without exaggeration that the art of the calligrapher,

²⁰ The second oldest manuscript is the *Divan* with two miniatures, copied in 1471 by Abd al-Rahim Khwarazmi (Anisi), it was created on the territory of the Aq-Qoyunlu state, possibly in Shiraz or in Tabriz; it is kept in the National Library of Egypt in Cairo. See facsimile edition: Эркинов 2015.

who was an unsurpassed master of the *nasta'liq* script, developed and grew stronger with the poet's help. In the 1480s–1490s Sultan-Ali calligraphed approximately a dozen copies of his *Divan* and *Quintet*²¹.

***Khamisa* of 1492–1493**

Mir Alisher Navoi's "Khamisa", written by a qibla of scribes – Mawlana Sultan-Ali Mashhadi, gilded by Mawlana Yari-muzahhib and with a rare binding of the master [rare among people] of the era, Sultan-Ali-mujallid Haravi.

Cat. 2.16

This inscription on the back of the first (pastedown) page is written in different hand from the calligraphic *nasta'liq* that was used for the entire *Quintet* (Cat. 2). While the acknowledgement was probably written by a knowledgeable person, it should be double checked, because the colophon does not say anything about the name of the artist, nor the bookbinder, while the name of the calligrapher is written as "Sultan-Ali" without the *nisba* of the famous Herat master. The latter fact allowed O.F. Akimushkin and A.A. Ivanov to attribute the *Quintet* to a different calligrapher – Sultan-Ali Qa'ini, – although only in brackets and without any supporting argumentation²². Later on, Akimushkin would repeat the already accepted point of view²³, although the seed of doubt planted by him gave us reason to prudently review the question of the copyist's identity.

The handwriting characteristics as well as the signature of the calligrapher in the Library's eight codices and twenty writing samples signed by Sultan-Ali Mashhadi, were examined under a microscope; his signature was compared to the manner in which the names Sultan and Ali were written by Sultan-Muhammad Nur, Sultan-Muhammad Khandan and Mir Ali Haravi. As a result, we came to the conclusion that despite the disproportionality of the units that was noted by his contemporaries, the lines of the letters are elegant and effortless, there is no evident pressure used, the master's *qalam* is not shaking from the exertion of the hand, he appears to be flitting across the page without any difficulty, leaving behind a sometimes thinning and sometimes thickening trace. Especially characteristic is the way the letters *nun* and *shin* are drawn out; firmly written diamond shaped dots also distinguish Sultan-Ali's handwriting from that of other calligraphers. We can thus conclude that the works done by Sultan-Ali Mashhadi that we have at our disposal significantly differ from the works completed by other masters, and it is clear that they were all completed by a single and what's more, very skilled master. While we do not have samples of Sultan-Ali Qa'ini's signature, we do have reason to believe that the *Quintet* 1492–1493 was not copied by him, as O.F. Akimushkin and A.A. Ivanov earlier suggested, but instead was copied by Sultan-Ali Mashhadi. Moreover, in his book *Majalis al-Nafa'is* written

²¹ Мадраимов 2003.

²² Akimushkin, Ivanov 1984, p. 54, note 24 (b). The Russian article came out later: Акимушкин, Иванов 2003, p. 180, note 24(b).

²³ Акимушкин 1984, p. 526, note 1.

in 1491, Navoi speaks of Sultan-Ali Qa'ini as of somebody living "in Iraq" (meaning under Turkmen government), while Sultan-Ali Mashhadi is characterized by him as the best calligrapher of Khorasan²⁴.

The decorative features of the Quintet are impressive in their variety and harmony, but at the same time one can find elements that at first glance appear not to go together. Thus, the first frontispiece, completed in the Herat style, correlates with the style of the inner side of the covers, differing only in that in the former, the structurally significant ornament is done in a white "snake-chain" with black crosses inside, while in the latter it is done with a gilding of the thick lines of the leather mesh. This frontispiece contains the title of the work, *Khamsa*, and the name of the author, as well as the name of the first poem. (It is noteworthy that in this case as well as in others, the initial headpiece contains the titles of Nizami's poems).

Cat. 2.1

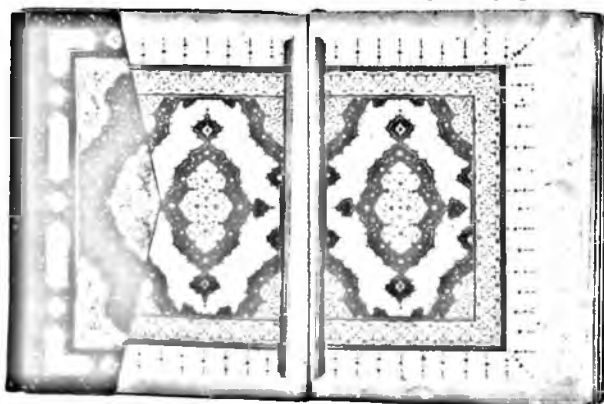
Cat. 2.17

The second double-frontispiece, which contains the beginning of the first poem, while having a similar illuminated border to the first frontispiece, visually differs from it in the colour scheme due to the use of red and light-green colours, as well as the lack of a white "snake" design: the geometric structure-forming ornament is, in this case, outlined by a thin white line. At the same time the *unwan* headpieces that come before the next four poems, are similar in style and colour to the second frontispiece but have very little in common with the first. Nevertheless, all of them, including the first frontispiece, without a doubt, belong to the Herat style of the end of the 15th c., as they have similarities to the other manuscripts of this period. Such works include a copy of Navoi's *Quintet* from the Royal Library at Windsor castle (MS 65), which was copied in Herat in 897/1491-1492 by Sultan-Ali Mashhadi²⁵, and the *Quintet* of 901/1495 that is kept in Great Britain: four volumes in the Bodleian Library of Oxford University (Elliott, 287, 408, 317, 339), and one in the University of Manchester Library (ms. turk. 3)²⁶.

Cat. 2.2

Cat. 2.3, 2.9, 2.12, 2.15

Four double-page frontispieces that are located between the poems of our *Quintet*, and two single frontispieces at the end of the first and fourth poems do not look like either of the first frontispieces, and they only partially "overlap" with the *unwans*. Moreover, their structure does not have any similarities to the ornamentation inside the book (at least none that we are aware of). At the same time, due to the presence of a centerpiece, paired medal-



Cat. 2.4, 2.8, 2.11, 2.14

Cat. 2.3, 2.13

24 See: Навои 1970, p. 115-116

25 Сулейман, Сулейманова 1982, il. 79-80, 82, 84, 86, 88.

26 Bahari 1996, p. 156-165; Сулейман, Сулейманова 1982, il. 24-29 (date here as 890/1485 r.).

lions and triangles, they resemble the outer side of the binding. These frontispieces are completed on the pages in between the poems. As noted by Eleanor Sims in an oral interview, it is possible that initially the poems were meant to be bound separately, as in the already mentioned *Quintet* of 1495. When the decision to do so was changed, and the manuscripts were being prepared for binding into a single unit, it became necessary to fill in the blank pages. This hypothesis is a particularly good one, especially given that the different quires were formed in such a way that the end of one poem and the beginning of the next were in different quires and these quires were not connected with one another.

In any case, the ornamentation of the four frontispieces, the shape of which is so unusual for an internal decoration, almost suggests to the reader that one book is over and another is going to begin, and thus serves a semantic purpose — it signals the beginning and end of a codex, in other words its confines. The idea of creating five separate volumes, if there ever was such an idea, can be considered as partially fulfilled: the *Quintet* is comprised of five clearly defined units, although they are bound together and share a common spine. In fact, any frontispiece (much like the *unwan* and basic *shamsa*) symbolizes the beginning of the text, an entry into the book's world. However, over time these semantics were no longer recognized, the development of the ornamentation of the frontispieces and the development of the binding began to separate. It was as if the artist-decorator of the *Quintet* remembered the historical purpose of the frontispieces and decorated them with the same elements as those found on the covers. The entire codex ended up "tied" together, with seemingly visible but not recognizable ties, which required a colour scheme that would repeat on the covers as well as on the ornaments found inside.

When and by whom were these multi styled, but so harmoniously inter-connecting, elements of the décor created? In the acknowledgement section Mawlana Yari-*muzahhib* (Gilder) was named as the illustrator. But is this really the case? There are two manuscripts in the National Library of Russia, the design of which is certainly the work of Yari. One of them was definitely made in Herat in 901/1495–1496, the second, a work copied by Sultan-Ali Mashhadi, mostly likely at around the same time²⁷. The ornaments in them have so much in common with the illustrations of the *Quintet*, that one can assume that not only do they belong to the same school, but they were completed by the same master — Yari-*muzahhib*. Yari was Navoi's contemporary and also wrote poetry. For this reason Navoi wrote about him in his *Majalis al-Nafa'is*, a work dedicated to the poets he was familiar with. In this essay he declares that Yari, who was a native of Shiraz, upon coming to Khorasan was introduced to the artist-illustrators by him and in a short time became himself a very good master. This information is given in the sixth *majlis*-section, ded-

²⁷ Васильева 2008, p. 38.

icated to poets who lived outside Khorasan. Other sources reveal that Mulla Yari was the student of Mulla Vali and even surpassed his skills (however Mawlana Mahmud drew even better). It is possible that it was he who in 1510 illustrated Nizami's *Khamsa* that was copied by Sultan-Ali Mashhadi for the first Shah of the Safavid dynasty Isma'il I (1501–1524)²⁸. Yari died at the beginning of the reign of Tahmasp I (1524–1576)²⁹, meaning in the second half of the 1520s, or beginning of the 1530s. The fact that this famous gilder also worked for the Safavids gives reason to wonder, when did our *Quintet* acquire the frontispieces that were placed in between the poems, frontispieces that are so distinct from the Herat illustrative tradition in their manner of evenly alternating bright blue with two shades of gold, a manner that is characteristic of the beginning of the Safavid epoch. One also cannot ignore the fact that an illustrator who was familiar with the Shiraz traditions took part in the creation of the frontispieces³⁰.

Cat. 5.1

The binding of the *Quintet* is an example of the so called combined style, joining two different techniques: lacquer and embossing³¹. The base of the covers and the flap are made of glued cardboard. The surface of the outer side is covered with dark-brown leather, on which a deep gold embossed floral ornament is created, comprising a centerpiece, paired medallions, and angle designs on the central field and from the cartouche frame. On the areas of leather that were not embossed, a black paint is applied, on which a delicate floral ornament (*islîmî*) is executed using two shades of gold; this flat surface is covered with lacquer. This type of cover is very rare. From the six that we know, three are kept in the National Library of Russia: besides the *Quintet* there are also two others. One of them contains Hilali's poem "The Shah and a Beggar", dating to 944/1537–1538 and is decorated with miniatures of the Tabriz school³². The other combination style cover belongs to Navoi's *Divan* (Cat. 7), copied by calligrapher Chelebi in 934/1527–1528 in Tabriz.

Not only the outer face of the covers of that manuscript, but also the inner side (*doublure*) is very close in style to the covers of the *Quintet*. The base is made of a burgundy leather covering, in the centre of which a rectangle is cut out: on the blue background of the cardboard base a leather filigree mesh (gauze network) is glued on; it is painted in black and the defining elements of the mesh are outlined in gold. This rectangle is surrounded by two frames, one of which is comprised of gold embossed cartouches. The outer frame is designed as a chain of cartouches of different shapes, done in the same leather network application technique as the central rectangle. In the 16th c. the mesh was created in the following way: a few layers of thin leather were simultaneously embossed by a stamping tool, then a sharp instrument would be used to cut along the contour of the embossing³³. This technique allowed the creation of up to five, synchronously completed, embossed mesh

Cat. 7.10

Cat. 2.17

28 The manuscript is kept in the Topkapı Saray Museum in Istanbul under the code H-757.

29 Akimushkin, Ivanov 1979, p. 52.

30 *Décor of the Divan by Khasan Dikhvali of 1525–1526* from the National Library of France (Richard 2013, p. 1. XXI/2, p. 939–941).

31 Vasilyeva 2014, p. 177.

32 Васильева 2008, p. 75–77.

33 Tsympkin, Vasilyeva 1996.

designs. With the help of the same stamping tool identical mesh designs could be created at different times, differing only as a result of the cutting of the contour. Besides the meshes created synchronously and the meshes created identically, which were evidently both created in the same workshop, there are also similar meshes, which were made using stamps that were close in their design, but differed in size and some other elements. Clearly this kind of stamp could be used in one workshop or in different workshops, and even with large time intervals between their use.

The rectangular mesh designs of the cover of the *Divan* and the *Quintet* only have a stylistic similarity, while the cartouches are clearly similar. The cartouches created with the use of the same stamp are also found in another copy of *Divan* by Navoi (Cat. 8), one that is not dated, but has many similarities in its internal design to the previous *Divan*³⁴. Another similarity in the ornamentation of the cartouches of the inner sides of the covers, could be seen in Arifi's *Hal-Nama*, which was copied in Tabriz in 931/1524–1525 by a young Shah Tahmasp I. (The illumination of this work is very similar to the works of Yari.)³⁵

Cat. 8.13

One can assume, with high probability, that all four of the covers, including the cover of our *Quintet* by Navoi, were made in Tabriz in the second half of the 1520s.

Unfortunately, there is no way of checking if the cover of the *Khamisa* was correctly attributed to the master-*ustad* Sultan-Ali Haravi³⁶ (native of Herat), as is stated in the note added later, because we do not know of any of his authentic works.

The same combination style binding from the collection of the Turkish and Islamic Arts Museum in Istanbul was published twice, and both times attributed to Herat at the end of the 15th c., because of the date of the copying of the manuscript concerned, 887/1483³⁷. It is possible that the partially embossed and partially lacquered covers really did appear in Herat³⁸, and it is also possible that Herat native Sultan-Ali-*mujallid*, who could have moved to Tabriz and continued to work in the royal workshop of the Safavids, also participated in its creation. His name is missing from the list of masters written by Dust Muhammad in 951/1544–1545 in the foreword to Bahram-Mirza's album-*muraqqa'*³⁹, but this could mean that the binder had already died.

However, at the same time there is no concrete argument to justify assigning the date and place of production of the outside covers of the Istanbul manuscript according to the date of the copying of the manuscript itself. Our observations, made over a long period of time, demonstrate that a fine book may undergo a very complicated life: the love that the owners have for their book urges them to care for their treasure and improve it by restoring its parts. The most important part of a manuscript – the calligraphy – can, like a diamond, be placed in a new casing depending on the state of the

34 Васиљева 2008, pp. 18–19.

35 The outer side of the cover is made of an illustrated surface that is also covered with lacquer: Stanley 2003, p. 198; Васиљева 2008, p. 66.

36 S.F. Volin read the nisba of the master as Marvi (Volin 1946, p. 211); this option was repeated by the authors who followed him.

37 Aga-Oglu 1935, il. X–XII; Aslanapa 1979, pp. 63, 69.

38 On the lacquered covers and their connection to the production of lacquered bows in Herat at the end of the 15th c.: Stanley 2003.

39 Акимушкин 2004, p. 355.

previous casing. This is why the dates of the different elements often do not coincide, especially when it comes to the cover. The stitching of the Islamic book was not particularly durable, the front and back cover would wear out and rip, thus requiring a new cover. Moreover, with time the aesthetic preferences would also change. There are, however, rare cases in which old, already antique covers would be re-used. For instance Nizami's *Khamisa* dated 965/1557–1558⁴⁰ that is kept in the Victoria and Albert Museum in London, is encased in a combination binding, the same kind as ours, with the inner sides of the covers done in the same style as the covers of our *Quintet* and Navoi's *Divan* of 934/1527–1528 already mentioned. It is very difficult to assume that over the course of many decades a master (or masters) of different cities and with different patrons would produce works that were so similar to one another, and especially ones that are so rare.

It was not only the master-binder that took part in the creation of the binding. Somebody processed the leather, somebody prepared the paints and the gold for the leather and for the background of the filigree mesh, somebody moulded the metal embossing stamps, while prior to that somebody else created the design for the stamps, somebody prepared the lacquer for the lacquered covers, and somebody drew the ornament or miniature onto them. With regard to the miniatures that were drawn onto lacquered covers, there can be no doubt that they were completed by an artist-miniaturist. With regard to the ornament on the covers, it would seem that we are dealing with the work of an artist-gilder; however, it cannot always be said that it was the same master who completed the illumination of the manuscript inside. The different techniques and different functions of the ornaments do not lead us to believe that there is anything more in common than a stylistic unity between the different decorative elements of the book.

It is clear that Navoi's *Quintet* is a fantastic demonstration of the arts of the book. It was probably copied in Herat in 898/1492–1493 by the famous calligrapher Sultan-Ali Mashhadi; it is also likely that Yari-*muzahhib* took part in its creation towards the end of the 15th and beginning of the 16th c., while the combination binding was most likely created in Tabriz in the late 1520s.

***Kulliyat* with miniatures of 1521–1522**

Another example of the time difference in the creation of the various elements of the book, this time belonging to the Transoxiana region, is the *Kulliyat* (Cat. 4). It is believed that it was copied in Herat at the end of the 15th – beginning of the 16th c. O.I. Galerkina suggests that the manuscript may have

40 Haldane 1983, N. 83.

been brought to Central Asia by a famous Herat writer-memoirist Vasifi, and in around 1518 given as a gift to Muzaffar al-Din Muhammad (Kildi-Muhammad, 1480–1532). This member of the Shaibanid (Shibanid) dynasty was the grandson of the daughter of the Timurid Ulug-bek and Shibanid Abu'l-Khair-Khan, the cousin of Shaibani-Khan, the son and heir of Tashkent's ruler Suyunj-Khoja (Suyunchkhoja-Khan). He lived in Shahrukhiya from 1517, and from 1525 to 1532 was the Governor of Tashkent. Kildi-Muhammad build mosques and madrasas, commissioned the writing of a historical essay in the Turkic language, gave shelter to Vasifi and, probably, not only to him but to others, artists-miniaturists as well.

It is possible to associate the 25 illustrations⁴¹ of the *Kulliyat* with the Tashkent circle of the Transoxiana school because of the information about the creation of the first miniature in 928/1521–1522 for Abu'l-Muzaffar Sultan-Muhammad (Kildi-Muhammad), which is recorded on the image of a canopy. Moreover, as noted by Galerkina, these miniatures are similar to the illustrations of the *Divan*, which was copied by Sultan-Ali Mashhadi for Husain Bayqara and is kept in the Tashkent State Institute of Oriental Studies, under the number 1995. The Suleimanovs date it to approximately 1475–1480 and express their surprise with regard to the fact that the “miniatures are very simple, without images of architectural structures, the landscape is poor, there is not a great variety of colour, the clothes of the characters are also very simple”, which does not correlate with the canons of the Herat court style of the end of the 15th c.⁴² Galerkina explains this discrepancy by pointing out that the miniatures were added later, for Kildi-Muhammad, whose seal with the year 1518 can be found on the Tashkent *Divan*. Galerkina considers Va'iz Kashifi's collection of fables *Anvar-i Suhaili* (“The Light of Canopus”), to be the third Herat manuscript, illustrated around 1520 in Shahrukhiya, which is also kept in the Tashkent State Institute of Oriental Studies (№ 9109)⁴³.

A distinctive feature of the Tashkent group's artwork is the merging of the Herat style, brought by the masters who migrated from Herat, with local traditions and aesthetic tastes of the customer. The heritage of Herat is shown in the already mentioned miniature illustrating the poem *Hairat al-Abrar* (“Turmoil of the Righteous”). Its narrative content is described by M.M. Ashrafi as “Zal's mother's addresses a complaint to Shah Ghazi”⁴⁴, while H.F. and F.K. Suleimanov as “the old woman before Sultan Husain”⁴⁵. On its own, the difference in titles is not contradictory: artists often depicted the ruling monarch as a literary character: but usually as a living character, not a deceased one. Timurid Sultan-Husain Bayqara died in 1506. Moreover, the face of the man sitting on the floor, the one the old woman is approaching, does not resemble the face of Sultan-Husain, which is known thanks to his portrait completed by the famous artist Kamal al-Din Bihzad⁴⁶. But that is beside the point.

Cat. 4.5

41 Галеркина 1980, pp. 25–26. Some of them are published: Галеркина 1980, il. 6–9; Пугаченкова, Галеркина 1979, il. 22–24; Дьяконова 1964, il. 7–8; Сулейман 1981a, il. 7–9, 21–22; Сулейман, Сулейманова 1982, il. 64–67.

42 Сулейман; Сулейманова, p. 22.

43 Галеркина 1980, p. 25, il. 10–14. This opinion was not fully supported by subsequent researchers; however, the similarity of the miniatures of *Anvar-i Suhaili* and the *Kulliyat* was noted. Refer to: Madraimov, Musaev, Ismailova 2001, pp. 15, 19, 56–67.

44 Ашрафи 1987, p. 130.

45 Сулейман, Сулейманова, il. 65.

46 Семенов 1940; Горелик 1971, table; Soudavar 1992, p. 90; Bahari 1996, pp. 102, 173.

The miniature illustrates a fable, in which the just Shah Ghazi was blamed by an old woman for killing her son in battle. Shah Ghazi takes the old woman to court and is brought before the judge as a defendant. It was this moment that caught the artist's attention.

In the miniature, the judge is dressed in a black cloak, he has a long dark but graying beard and moustache, big mouth, arched eyebrows and slightly almond shaped eyes, on his head there is a simple white turban with a light blue top. It is likely that this man is Kildi-Muhammad. However, Sultan-Husain is also present in the miniature — depicted in the character of Shah Ghazi, he kneels before the judge next to the seated old woman. He has a small black goatee with a small black patch of hair under his lower lip, thin moustache with down facing tips, and a strong slant of the eyes. These facial features, as well as the unique turban with a protruding tip of fabric over the left ear and with a black sultan-tassel on the right side are all iconographic symbols of Husain Bayqara.

Next to Kildi-Muhammad, who is sitting on the carpet, there is a slouching man in a brown robe who is leaning on a cane. This figure is reminiscent of the portrait of Alisher Navoi that is kept in Mashhad, signed by Mahmud-*muzahhib* and dated by researches either to the 1500s, or to 1530–1540. It is believed that the image of the poet was copied by the artist from a miniature drawn by Bihzad⁴⁷. In either case, in the miniature "Dance of the Sufis" that is attributed to Bihzad, and kept in the Metropolitan in New York, one can see the same slouched figure of Navoi, together with Abd al-Rahman Jami, who was observing the dance⁴⁸. It is fitting to remember lines from Navoi's *ghazal*:

*When with a cane, your stature is bent into a bow like a bowstring,
Your life will speed forward like an arrow — you're already
heading for the bull's eye.*

Evidently in the last years of his life the poet really was slouched and walked with a cane, a fact for which there is one more piece of evidence. The already mentioned memoirist Vasifi in Kildi Muhammad's *majlis* which took place in *Muharram* 929 / November–October 1522, talked about a time when Bihzad brought Navoi a miniature. It depicted a blooming garden, in the centre of which stood Navoi, leaning on a cane, and in front of him appeared gold and silver dishes that were meant for gifts⁴⁹. Later, Vasifi talks about peoples' comments on the picture, but what is of particular interest in our case is the fact that Navoi is described as leaning on a cane. It is also important to note that Vasifi told this incident in 1522, albeit a bit later than the miniature in question was drawn.

47 See: Soudavar 1992, p. 86; Bahari 1996, p. 37; Акимушкин 1971, pp. 20–25; Ашрафи 1987, pp. 152–154, 156.

48 Bahari 1996, p. 94. About the portraits see: Семенов 1940; Акимушкин 1971; Рахимова 1991.

49 Болдырев 1946, pp. 151–152.

Thus, if our assumptions are correct, the miniature captures three historical figures. The contemporary portrait of Kildi-Muhammad, a feudal ruler who tried to cultivate Herat traditions in his court in Shahrukhiya and in Tashkent, was depicted in the image of the judge. Two already deceased persons who upheld these traditions are also depicted: the member of the Timurid dynasty Sultan-Husain and the poet Alisher Navoi. The artist drew them in accordance with the samples available to him that belonged to the hand of another famous native of Herat, Kamal al-Din Bihzad.

The technique of including individual characters from the works of the Herat period into a composition is also characteristic of the *Kulliyat's* other miniatures, which were drawn by different artists of various levels of accomplishment⁵⁰. However, the miniature with Kildi-Muhammad, symbolizing succession, a direct transfer of the aesthetic preferences of Herat and Herat's authoritative figures into the cultural environment of a ruler from the Shibanid dynasty, was completed by a master who was familiar with the works of Herat and had mastered the techniques of the portrait miniature.

Another portrait can be seen in the miniature entitled "Feast hosted by Badi' al-Zaman", which is drawn to go with the lines dedicated to this prince at the beginning of the poem *Laili va Majnun*. The young man in this illustration is wearing a turban with a tassel, the same one that Husain Bayqara is wearing in the previous miniature.

This work was very precisely described by N.V. Dyakonova: "The miniature is drawn by a first-class master, in that soft and somewhat intimate manner, without much focus on the external decorative effect, which, it would appear, happens to be one of the hallmarks of Central Asian art in general"⁵¹.

The similarity to Herati work is, for instance, demonstrated in the miniature entitled "Farhad's Sea Journey", in which the shape of the ship, as well as the stature and clothing of the people are reminiscent of an illustration of 902/1496 from the *Hasht Bihisht* by Amir Khosraw Dihlavi, attributed to Bihzad⁵², while the sea monster that can be found in the top left part is reminiscent of the miniature from Nizami's *Quintet* of 1494, which is also attributed to the same artist⁵³. The difference is also evident: the artist of the *Kulliyat* avoids depicting the coastal landscape and architectural structures. This can be explained not only by the lack of these features in that particular story, but also by a simplification of the composition in order to give it a more dynamic appearance.

In this miniature, the young prince Farhad is depicted with a Timurid crown on his head, and dressed in brightly coloured clothing. He is also depicted as a young man in the miniatures where he sits next to his father, talks to stonemasons in the mountains and carries Shirin together with her horse. In the illustrations "Farhad Destroys a Cliff" and "Farhad Stands before Mahin-Banu" the main character is depicted with a beard, which, as it appears,

Cat. 4.20

Cat. 4.13

50 Ашрафи 1987, pp. 129–137.

51 Дьяконова 1964, p. 22.

52 Kept in Washington, in the Freer Gallery (№ 37.27). See: Bahari 1996, p. 169.

53 Kept in British library (Or 68.10). See: Bahari, 1996, p. 154.

was drawn on later. The same metamorphosis happened with Bahram Gur; in fact he has a beard in the first miniature, where Mani brings him the portrait of Dilaram, and appears young and without a beard on the subsequent ones.

Cat. 4.12, 4.14, 4.16

The differences between the miniatures do not end there. M.M. Ashrafi tried to divide the cycle into a few groups and thus determine their affiliation to different artists; however, how many there actually were — six or maybe even less, is still unknown⁵⁴. Not all of the researcher's conclusions can be agreed with. We believe that the miniatures were created by a skilled artist of the Herat school, and possibly not even one, since by doing a simple "transfer" and re-arrangement of famous models it is difficult to explain the high artistry of the many miniatures. This is especially true when it comes to the illustrations of the *Hairat al-Abrar* poem, which depict not only figures dressed in Herati clothing, but in which the artist also used a special method in order to fill the picture with inner expression and movement.

Cat. 4.15, 4.17

The illustrations to the *Sab'a Sayara* also demonstrate a "Timurid legacy", in particular, "costumes of Herat citizens of the end of the 15th century" and traditional compositions of the depiction of pavilion-palaces of different colours, in which Bahram Gur spends seven nights. This is how Nizami's *Quintet* was illustrated. Some of the scenes that were present in Nizami's and repeated in Navoi's poem *Laili va Majnun*, were also illustrated by "looking back" at the older tradition.

It is clear that "Laili and Majun in School", and "Shapur, Giving Shirin's Letter to Farhad" are the least successful miniatures. They share in common a background of green grass and flowers, mismatched figures and faces, awkward poses, and an overall imbalanced composition.

Cat. 4.26–32

Overall, the miniatures of the *Kulliyat*, if compared with the thirteen Herat illustrations of the already mentioned *Quintet* by Navoi of 901/1495, stand out by the fact that their compositions are not as saturated with excess details and characters, as well as in the softness of the colours used, and in the selection of narrative stories. However, this selection is determined by the available space, left by the copyist for the illustrations.

Cat. 4.21, 4.18

The scriptorium of Shahrukhiya-Tashkent operated only for a brief time: it ceased to exist with the death of Kildi-Muhammad in 1532, and its masters transferred to Bukhara and Samarqand. It is almost certain that these masters took part in the decoration of the work entitled *History of Abu'l-Khair-Khan* by Mas'ud ibn Usman Kuhistani. It was given to Kildi-Muhammad's cousin Abu'l-Latif-Khan, who ruled Samarqand in 1540–1551, and consequently the miniatures were also dated to this period⁵⁵.

Of particular interest is the binding of the *Kulliyat*, the front and back of which, while significantly damaged, still demonstrate the unknown book

54 Ашрафи 1987, pp. 129–137.

55 Галеркина 1980, il. 10–14.

binder's extraordinary skills. The outer sides are decorated with a gilded "embossed miniature" with horizontally arranged images of animals and birds in the forest. In the centre there is an image of a lioness fighting with a deer, on the sides there are two trees in bloom; on the left there are two birds with long tails, and over the right tree two flying ducks are depicted. There are pairs of animals in the lower corners: to the left they resemble gazelles, and to the right — foxes. Exact analogues of this type of embossment have not been found. The embossed frame around the composition is also very interesting. It is comprised of a stripe of garlands, branches and flowers in which there are hidden images of an animal's (fox's?) profile, and in the four corners there are lion's faces. Such images (the "*vaq-vaq* talking tree" motif), can be found in books as well as in the applied arts. They can be found in the margins of two poetry collections, one of which is dated to the middle of the 15th c.⁵⁶, while the second to the 1480s⁵⁷. It can also be found on the cover of a canopy in one of the miniatures attributed to Bihzad and added to the manuscript "*Zafar-Nama*" in 1480–1490⁵⁸, and on two carpets, one of which is dated to *Ramadan* 933 / May–June 1529, while the other mentions the name of the master — Muhammad Ja'far Kashani⁵⁹. This motif takes up the central part of the cover along with the embossed poems by Jami, which are dated roughly to the end of the 15th c., and belong the Herat school⁶⁰. These same animalistic ornaments are embossed on the cartouches of the cover of Nizami's *Khosraw va Shirin*, which was copied in Herat in 937/1531, but mounted within new margins and bound somewhat later⁶¹.

The decorations on the inner sides of the covers display an even greater divergence in the date of manufacture. The burgundy leather covering is decorated using a typical set of ornaments: a centerpiece and angle designs, which were completed by applying leather filigree mesh on top of the different coloured, painted segments of the cover. The specificity lies in the fact that, during the painting of the base, blue coloured paint is not the only one that is used; moreover the base under the mesh has two levels: a pink coloured lower level, on top of which there are blue, green and black elements, which are contoured by a golden line, while the mesh itself is made of brown leather. A close analogue is the decoration of the inner sides of the covers of Nizami's *Quintet*, copied in Shiraz in 881/1476⁶²; however, unlike the *Kulliyat* there are no small medallions and cartouches. The second example of an analogous decoration is the cover of Attar's poem, also copied in Shiraz, in 885/1480–1481⁶³. At the same time, it is known that there are a few covers with similar inner cover decorations, which are all very much alike. One of them is the *Shah-Nama*, copied for Shah Tahmasp in 1522–1535 in Tabriz, the other is the Q'uran of 959/1552⁶⁴, and the third is the Q'uran of 922/1584–1585⁶⁵. Judging by some of the elements, they were all made in Shiraz. Unfortunately, our re-

56 Richard 1997, p. 83.

57 Richard 1997, pp. 88–89; Déroche et al. 2005, p. 136, il. 45.

58 Richard 1997, p. 83.

59 Melikian-Chirvani 2007, pp. 266–269.

60 Kept in Walters Art Gallery in Baltimore

61 Васильева 2008, p. 14.

62 Aslanapa 1979, p. 88.

63 Süleymaniye... 2014, s. 44.

64 Tanindi 2003, pp. 161, 177.

65 Melikian-Chirvani 2007, p. 372.

search has not been able to answer any questions with regard to the place and time of the manufacture of these *Kulliyat* covers. In any case, they are quite rare, even though they contain well-known decorative motifs and are created with the use of well-known techniques. It is also possible that they were produced in Transoxiana, but the master had some kind of ties to Herat, Tabriz or Shiraz and to all of the artistic experience that was attained by the 1520s.

Cat. 4.1

It is evident that the study of the *Kulliyat*, its miniatures and all of its decorative elements is far from over, considering its significance for the history of book art of Transoxiana.

Let us however turn to Safavid Iran.

Majalis al-Nafa'is and the *Divans* of the 16th c.

Sultan-Ali Mashhadi may have also worked on a small manuscript that contained excerpts from *Majalis al-Nafa'is* (Cat. 5). In any case, we have no reason to doubt the information provided by the note on the first page, since a comparison of the calligrapher's signature with his other works did not show any discrepancies. Nevertheless, the large nasta'liq script in the copy of *Majalis al-Nafa'is* is not characteristic of the works done by the calligrapher in the prime of his craftsmanship. In his younger years he copied the "Early *Divan*" in a larger font, but the letters at that point were even, whereas here they are not particularly even. It is possible that Sultan-Ali worked on the book at an older age, at a time when his sight and steady hand were not as good. The cover, made of light-brown leather and decorated with a gold embossed centerpiece dates back to the 1560s.

In 935/1528 a Herat master, Sultan-Muhammad Khandan, who was the student of Sultan-Ali Mashhadi, made a copy of the *Divan* (Cat. 6). It stands out from the others with its thick yellowish paper with the finest golden spray that covered the portion with the text, and a small golden ornament that appeared on some of the pages, especially in the framing of the colophon. It would appear that the *Divan* was made in Herat. It is understood that the *Divan* was created in Herat, quite possibly under the short-term governorship of Sam Mirza, the younger brother of Shah Tahmasp, who over time became a connoisseur of the book art. However, the miniatures in the copy have most likely been added later and in a different place. O.I. Galerkina attributes them to Central Asia of the middle of the 16th c., whereas A.A. Ivanov found signs that lead him to believe that the miniatures can be attributed to a Turkish group, and approximately dated to the 1550s, a time when Persian influence on the works of Turkish masters was slowly beginning to diminish⁶⁶. With regard to the double-frontispiece and the framing around the diptychs (only the left side of the first was preserved), they are quite comparable with those found in the three subsequent manuscripts, two of which are texts of Navoi's

Cat. 6.8

⁶⁶ Галеркина Б. г.; Иванов 1993.

Divan and are kept in the National Library of Russia, while the third is Husain Bayqara's *Divan* from the collection of Institute of Oriental Manuscripts, which was used by us for comparative material.

Cat. 7.9

These three books represent the decorative style of the beginning of Tahmasp I's rule. Since one of Navoi's *Divans* was definitely copied in Tabriz in 1527–1528 (Cat. 7), then the second could be attributed to the end of the 1520s or more likely to the 1530s (Cat. 8). The second, undated, Navoi *Divan* is significantly closer in style to the Husain Bayqara *Divan* from the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg, which is particularly evident when comparing the miniatures. In the chart below, the miniatures with similar narrative stories, compositions, colour and style are underlined.

Cat. 9.4

Cat. 9.5

According to O.F. Akimushkin the first three miniatures of Husain Bayqara's *Divan* can be attributed to Herat of around 1540, and the last to Tabriz of the 1530–1540s⁶⁷, although the reasoning for this conclusion is not convincing. We believe that regardless of whether the last two manuscripts were illustrated in Herat or just by a Herat master working in Tabriz, the miniatures belong to a style characteristic for the court of Tahmasp's workshop. With regard to the covers of the two already mentioned *Divans* by Navoi, they appear to be created at the same time as the copies.

The next *Divan* (Cat. 9), was completed by one of Sultan-Ali Mashhadi's students, a native Herati called Sultan-Muhammad Nur (ca. 1472 – ca. 1536). The calligrapher used different coloured paper with small golden specks. The paper and the double-frontispiece are in tune with the decorative style that was developed in Herat at the end of the 15th c. However, the margins made of coloured paper with a golden spray are characteristic of later manuscripts. The covers were created in the 1580s, possibly in Qazvin. There is an entire group of these golden embossed covers, the inner sides of which are usually decorated with a golden leather network that is placed over the entire centre of the blue, black, reddish-orange and light-green coloured segments⁶⁸.

The outside of the covers belonging to this group could be covered by two different types of embossing. One of them that uses images of animals and birds in a garden can be found in the *Kulliyat* of 1592–1596 (Cat. 14). (Let us note that the embossing of the cover of the *Kulliyat* with miniatures (Cat. 4), probably precedes this group). The second type uses traditional decorative elements, but with embossing completed on multiple levels. The *Divan's* covers have a series of characteristic features: the central field became the "flour" in deep relief with its own embossed decorative elements, including "Chinese clouds"⁶⁹; and dark-pistachio and burgundy colours as well as two shades of gold are used.

The same technically complicated covers, but of a larger size, belong the *Divan* (Cat. 10), most likely copied in the first half of the 16th c., the binding

⁶⁷ Akimushkin 1995. It's interesting, that Filis Çağman, the former director of the Topkapı Saray Museum, while studying the miniatures of the *Divans* of Husain Bayqara and Alisher Navoi that are kept there, came to the conclusion that the developed Herat style of illustrations was popular not only in Tabriz, but also in Istanbul. Refer to: Çağman 1978.

⁶⁸ Vasilyeva 2009.

⁶⁹ Turkish researcher Zeren Tanındı identified two other covers in the Museum of Topkapı Saray in Istanbul, in the manufacture of which the same metal boards were used (Tanındı 2016, s. 227, v. 7; s. 228, v. 9).

Navoi's <i>Divan</i> (TNS 56) 1527-1528, Tabriz	Navoi's <i>Divan</i> (TNS 58)	Husain Bayqara's <i>Divan</i> (IOM, B-284)
Frontispiece f. 1v-2r	Frontispiece f. 1v-2r	Frontispiece f. 2v-3r
	<u>"The Shah Hunting Lions"</u> f. 56v	Diptych: "A Musical Majlis in the Mountains" (Shah on a throne) and <u>"The Shah Hunting Lions"</u> f. 1v-2r
	"Knocking Down a Target ("golden pumpkin") that's placed on a pole while galloping" f. 23r	
"Musical Majlis in a natural setting" (Shah on a throne), f. 40v	<u>"Musical Majlis in the Garden"</u> (Shah on a throne), f. 15v	<u>"Musical Majlis in the Garden"</u> (Shah on a throne), f. 44v
		
	<u>"A Falcon Hunting Trip"</u> f. 146r	<u>"A Falcon Hunting Trip"</u> f. 50v
"The Shah and the Butler" (feast), f. 75v		
"The Shah and the Beauty" (musical Majlis) f. 158v		

of which, along with thick red-crimson coloured margins was added in the 1580s.

- Cat. 11.11 The *Ghara'ib al-Sighar Divan* (Cat. 11), copied in 959/1551–1552 with delicate nasta'liq on a pink and white well-polished paper, also has an interesting binding. Covers that are decorated with figurative painting and covered by lacquer are very rare, and in this case they have certain peculiarities that are unique for the 16th c.⁷⁰ First of all, the images are not arranged vertically, but horizontally. The second specific feature is that the front cover is decorated with three or even four illustrated scenes that are made for the poems *Laili va Majnun* (in the centre) and *Khosraw and Shirin* (on the sides). Since one of them – “Khosraw Sees Shirin Bathing” – can be found in Nizami's poem but not Navoi's, it is possible either that the covers were made for Nizami's *Quintet*, or perhaps that they were created without a specific book in mind. On the back cover one can find four horsemen, surrounded by servants and spectators, playing polo (*guy va chawgan*). The features of the hats and clothing and the female figures with elongated necks, all suggest that the miniatures were done in a Qazvin style of the 1570s. Unlike the faded miniatures on the covers, the images of the three peris on the flap are very well preserved. The insides of the covers are decorated with a drawn centrepiece, angle designs and medallions, imitating a typical embossed decoration.
- Cat. 11.2
- Cat. 13.3

The *Divan* (Cat. 13) that was copied by the famous calligrapher Mir Imad Qazvini (1553–1612)⁷¹ can be attributed to the last decades of the 16th c. Mir Imad worked in Tabriz, Qazvin, Herat and Simnan, then returned to Qazvin, and in 1601 he worked in Isfahan, where he became one of Shah Abbas I's favourite calligraphers. He was killed as a result of the intrigues planned by Ali Riza-yi Abbasi, who was the head of the court's workshops.

During this time calligraphers preferred to create and sell their work on separate pages, probably because entire books were rarely requested. Numerous copies of such samples of Mir Imad's calligraphy have survived: they were collected and combined into albums. There are no more than four dozen samples of complete books copied by him; they are even rarer in European collections.

Mir Imad's nasta'liq script differs greatly in its visibly swift and nervous style, not only from the writing of the luminaries of the Herat and Tabriz schools, but also from the writing of his contemporaries, who upheld ancient traditions (for instance, Ali Riza). While the decoration of the *Divan*, complete with multi-coloured margins and golden specks and a standard unwan, coincides completely with the Qazvin traditions of that period, thus eliminating any chance of it belonging to the beginning of the 17th c.

⁷⁰ Vasilyeva 2014.

⁷¹ See: Акимущин 2004, pp. 8–32.

Kulliyat of 1592–1596

In 1001–1004/1592–1596, in the town of Kizil-Agach, the calligrapher Nazar Ali Faizi copied the *Kulliyat* (Cat. 14) for the library of the Vicegerent of Khorasan, Gilan and Mazandaran and philanthropist Abu'l-Mansur Farhad-Khan Qaramanlu, in whose library the already mentioned calligraphers Mir Imad Qazvini and Ali Riza-yi Abbasi once worked. The book is decorated with unwans, but it is not notable for them so much as for its cover. The inner part is decorated with the already known leather filigree mesh, which is placed over the entire central area on the cardboard base, the segments of which are coloured with orange, green, blue and black pigments. The frame is comprised of cartouches, done in the same technique.

The outer sides of the covers are decorated with a gilded “embossed miniature” depicting birds and animals in a forest. In the lower frame, in very fine golden print, the name Muhammad-Zaman ibn Mirza-bek Tabrizi is written out⁷². Signed covers are a very rare find. We were not only able to find two exact analogues of this type of embossment⁷³, but a whole series of this masters' Qazvin style works of the 1580s⁷⁴. There is reason to believe that it was in fact in Qazvin and during that time that the covers were made, while the *Kulliyat* was placed inside them either right after it was copied, or at the turn of the 16th–17th c. in Isfahan.

Overall there are more than two hundred artistically decorated copies of Navoi's works of the 15th–16th c. that remain. A large part of them can be found in the libraries of Great Britain, Turkey and India, as well as in the National Library of Russia in St. Petersburg⁷⁵.

Having examined Navoi's manuscripts, one can draw certain conclusions. For instance, the copies made during the author's lifetime were created in Herat by masters whom he knew very well, and probably often at his request. The manuscripts of the 16th c. were completed and/or decorated in the best traditions of the Herat, Tabriz and Qazvin schools, and this means that Navoi's works were in demand among Iran's ruling elite, among whom, during the Safavid period, there was a large number of Turkic people. There is no doubt that the metaphorical “seeds” from Herat made for an amazing “harvest” on the soil of Transoxiana. It is clear that the masterpieces of book art are not always produced in one step or even at one time. The most important part of these books is the calligraphy of the text; the decoration can be added later and in a different place. This includes decorative elements, miniatures, and especially the margins and covers. While rare, there are cases when old covers are used. It is not always easy to tell if the book and all of its elements were all completed at the same time, since the masters of the book art, who were well equipped with the experience of the previous generations, would strictly abide by

Cat. 14.20

72 First published by A. A. Ivanov: Loukonine, Ivanov 1996, pp. 174–175; Иванов, 2008.

73 One belongs to Nizami's poem Iskandar-Nama of 1582 and is kept in the Russian National Library (Васильева 2008, p. 21), the other is taken from Khosraw Dihlavi's Quintet and is kept in the Sackler Gallery in Washington. (Lowry, 988, p. 178; Melikian-Chirvani 2007, p. 317).

74 Vasilyeva 2009.

75 Мадраимов 2003.

the rules and would make sure that the reader was satisfied both aesthetically and spiritually. Their efforts did not go unnoticed and moreover, they have not faded of the centuries; in fact their masterpieces continue to delight us even today.



Қўлёзмалар бўлими айлана
залида ўрнатилган,
В.И. Демут-Малиновский
томонидан ишланган
Александр I бюсти.

Alexander I. Bust by
V. I. Demut-Malinovsky in the
Round Hall of the Manuscripts
Section

Александр I. Бюст работы
В.И. Демут-Малиновского в
Круглом зале Отдела рукописей

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Первая общедоступная библиотека России, одна из крупнейших книжных сокровищниц мира, за более чем два столетия существования меняла свое название чаще, чем город, в котором она находится. В Санкт-Петербурге в 1795 г. по воле Екатерины Великой была основана Императорская Публичная библиотека, которая открылась «на пользу общую» в 1814 г. при Александре I¹. В это время под руководством А.Н. Оленина² были заложены основные направления библиографической и собирательской работы, а с середины XIX в., когда директором был М.А. Корф, активно развивалась издательская и выставочная деятельность. За несколько десятилетий Императорская Публичная библиотека стала одним из пяти крупнейших книжных центров Европы благодаря высокому статусу, закреплённому законодательством (передача «обязательного экземпляра» всех произведений печати), немалому бюджету и получению дополнительных средств на покупку дорогих собраний, а также пристальному вниманию членов царствующего дома³ и содействию «любителей просвещения» из разных кругов общества.

В 1917 г. в Петрограде Библиотеку переименовали в Российскую Публичную, с 1925 г. она называлась Государственной Публичной библиотекой в Ленинграде, а с 1932 г. вместо города к названию добавилось имя писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина. Именно такой запомнилась ленинградская Публичка (Салтыковка, Щедринка) многим поколениям отечественных и зарубежных читателей. В 1992 г. Библиотека получила имя Российской национальной. В настоящее время по объёму фондов она уступает находящейся в Москве Российской государственной библиотеке, но ей нет равных в России по составу и количеству дореволюционных изданий и, особенно, по разнообразию, древности, художественной и исторической ценности рукописных книг и документов.

История Отдела рукописей ведет свое начало с 1805 г., когда в библиотеку поступило собрание секретаря Российского посольства во

¹ Об истории Библиотеки и ее фондах см. юбилейные издания: ИПБ 1914; РНБ 1995; РНБ 2014. Необходимую информацию можно найти на сайте: http://www.nlr.ru/nlr_history/history/

² О директорах и библиотекарях см. словарь: Сотрудники 1995–2013, электронная версия: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/

³ См., например: Васильева 2016 г.

АЛИШЕР НАВОИ — ГЕНИЙ НА ВЕКА

Алишер Навои — государственный деятель, меценат, писатель — за 60 лет жизни сделал так много, что хватило бы на три жизни⁷. Его труды на каждом из этих поприщ отражены в анналах истории. Как политика его хорошо знали и ценили современники. Его благотворительность была широко известна, а построенные им общественные и богоугодные заведения служили многим поколениям потомков. Но много ли уцелело из этого наследия за прошедшие столетия? В веках остались его труды на литературной ниве — ни один тюркоязычный поэт не создал так много и не оказал такого влияния на развитие литературы и культуры в целом.

Творчество Алишера Навои — достояние, в первую очередь, узбекского народа, но рукописные книги, которые донесли до потомков узбекскую речь поэта, его мысли и чаяния, в XV и особенно в XVI в. создавались в рамках персидского книжного искусства. Это и понятно, поскольку Навои принадлежал к интеллектуальной, творческой и политической элите столицы государства Тимуридов Герату, в котором традиции оформления книги на персидском языке складывались с учетом предыдущих достижений мастеров Шираза, Тебриза, Йезда, Багдада. Общеизвестно, какое большое влияние гератские традиции и мастера оказали на дальнейшее развитие искусства книги как сефевидского Ирана, так и культурных центров Мавераннахра.

В мире сохранились около двухсот списков произведений Навои XV–XVI вв. В данном альбоме представлены только те из них, что находятся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Но прежде чем рассказать об источниках их поступления и их значении для изучения искусства книги, еще раз вспомним о жизни и творчестве крупного политического и общественного деятеля, щедрого благотворителя, великого узбекского поэта-гения.

⁷ Биографии и трудам Алишера Навои посвящена обширная литература. Наиболее полно они отражены в кн.: Бертельс 1965; Акимущкин 1984; Subtelny 1995.

Поэтические переводы на русский язык приводятся по собранию сочинений Навои в 10 томах (Ташкент, 1968–1970), многочисленным сборникам и предисловиям к ним.

Автор приносит искреннюю благодарность за консультации Ольге Михайловне Ястребовой, Фириuze Мелвил и Шодмону Хусейновичу Вохидову.

Франции П.П. Дубовского⁴, ставшего первым хранителем первого оформившегося структурного подразделения — Делю манускриптов. На удивление, в его коллекции были не только около тысячи кодексов и более 15 тысяч автографов на европейских языках, но и рукописные материалы восточного происхождения⁵.

В XIX в. фонды Отдела стремительно выросли за счет многочисленных даров, покупок собраний интиматов и частных коллекционеров, ученых и миссионеров, батальона военных трофеев, археографическим экспедициям и переездам из других учреждений. Поступивший источник комплектования стал основным в посеребровоюпоионный период, а со второй половины XIX в. Отдел рукописей пополняется по большей части путем покупки у частных лиц. К настоящему времени рукописные фонды насчитывают 436 тысяч единиц хранения. Это древнерусские, славянские, греческие, западноевропейские и восточные кодексы и документы, архивы русских писателей, ученых, государственных деятелей, ноты произведений российских и иностранных композиторов, изобразительные и картографические материалы и многое другое.

Собрание восточных рукописей Библиотеки превышает 28 тысяч единиц хранения. Свитки, начиная с древнеегипетских папирусов X в. до н. э., рукописные книги, фрагменты, документы, киотографические издания на 25 языках происходят с обширной территории от Японии до Испании, от Индии и Эфиопии до России. Есть среди них и материалы, имеющие непосредственное отношение к Узбекистану⁶. Однако в данном альбоме представлено лишь самое ценное для узбекской культуры — списки сочинений Алишера Навои.

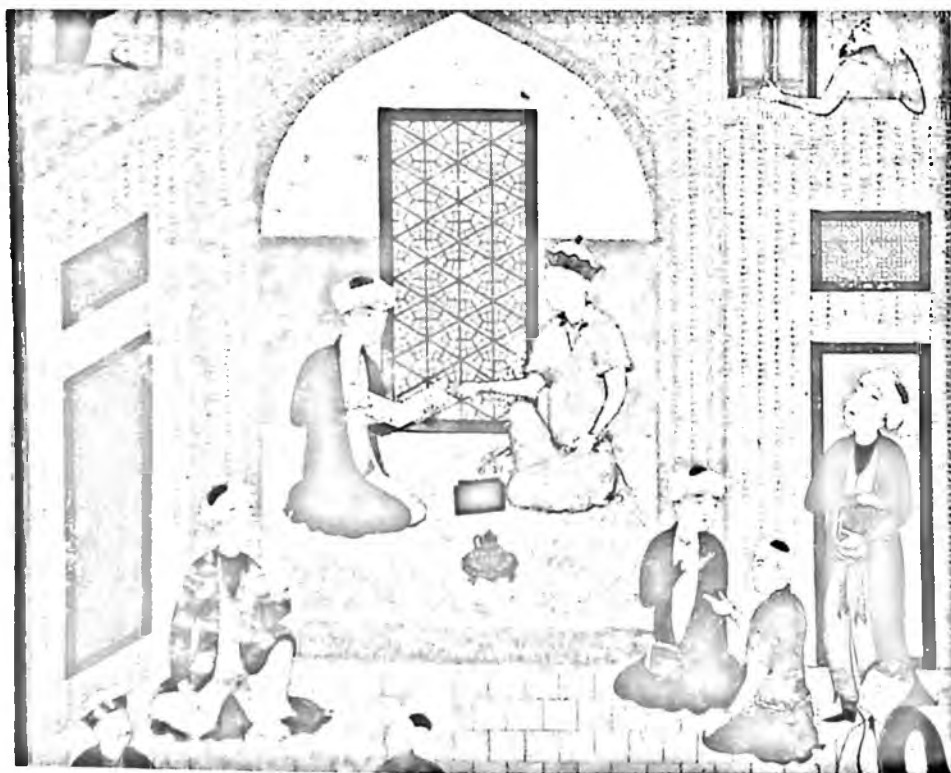


Николай I и нунг Император
Оммаеву кутубхонаси
Кулзмагар булимуса
ташпу. 1852 йил, расом
С.Ф. Деладвез
Nikolai I visiting the Manuscripts
section of the Imperial Public
Library in December 1852. Painter
S. F. Deladvez
Посещение Николаем I Омдега
рукописей Императорской
Публичной библиотеки в
декабре 1852 г. Художник
С.Ф. Деладвез.

4 Об истории Отдела см.: Жемчужина 2005. См. также электронный ресурс: <http://www.mlit.ru/manuscripts/>
5 См.: Басильева, Ринар 2005.
6 См.: Басильева 2011; Vashlyeva 1999.

НИЗАМ АД-ДИН АЛИШЕР — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, СТРОИТЕЛЬ И МЕЦЕНАТ

Низам ад-Дин Алишер Навои родился 9 февраля 1441 г. в Герате во время правления Тимурида Шахруха, в семье потомственного чиновника Гийас ад-Дина Кичкине. Отец будущего поэта находился на службе у Абу Саида, внука Мираншаха, и у Абу-л-Касима Бабура, внука Шахруха, некоторое время занимал пост губернатора-хакима Сабзавара. Дед Алишера с материнской стороны — Бу Саид Чанг — был амиром Мирзы Байкара, деда будущего правителя Хусейна Байкара. Этому последнему и сам Алишер, и его брат Дарвиш Али приходились молочными братьями, что расценивалось как близкое родство. Алишер и Хусейн одно время учились вместе.



«Алишер ва Хусайн мактабда»,
Альбомдан олинган
миниатюра. (Дорн 489, л. 27)

'Alisher and Husayn Baykara in the
school.' Miniature from the album.
(Dorn 489, f. 27)

«Алишер и Хусайн Байкара
в школе». Миниатюра из
альбома (Дорн 489, л. 27)
Деталь

После смерти Шахруха в 1447 г. семья покинула Герат, но в начале 1450-х гг. вернулась, а в 1456 г. и Алишер, и Хусейн Байкара состояли на службе у Абу-л-Касима Бабура и переехали вместе с ним в Мешхед. После смерти Бабура пути молодых людей разошлись: Хусейн начал борьбу за власть, а Алишер посвятил себя учебе, в том числе в Самарканде, где он впервые находился в 1458–1459 гг. Около 1464 г. Алишер поступил на службу к воцарившемуся в Герате Абу Саиду, но около 1467 г. опять уехал в Самарканд, вероятно, укрываясь от возможных преследований со стороны правителя, и продолжил там свое образование.

В 1469 г. Хусейн Байкара пришел к власти в Хорасане и вызвал в Герат Алишера. С тех пор и до самой своей кончины, то есть более 30 лет, поэт занимал исключительное положение в государстве во многом благодаря близкой дружбе с Хусейном. Сначала он был назначен хранителем печати (*мухрдар*), но весьма тяготился должностью и выразил это в стихах:

*В диване шах печать мне поручил –
В готовые дела клеймо вклепать.
То означало – гордость заглуши
И ниже всех других в диване сядь.
Но гордость я никак сломать не мог,
И вышло так, что я сломал печать.*

Уже в начале своей деятельности Алишер оказал Султан-Хусейну неоценимую услугу, предотвратив в Герате грозившую перерасти в мятеж распрю между суннитами и шиитами. Чуть позже, во время отсутствия в столице султана население города было незаконно обложено чрезмерными налогами и назревал бунт, но Навои смог найти виновных, которых Хусейн покарал, а в результате возвращения правителя в Герат было радостно встречено жителями. В 1470 г. Йадгар-Мухаммад с несколькими туркменскими отрядами, пользуясь отсутствием правителя и мятежом в его гвардии, сумел занять Герат и вступил на престол, но благодаря своевременному совету Навои султану удалось вскоре вернуть город и укрепиться в нем на долгие годы.

В 1472 г. Хусейн утвердил Алишера на пост амира *Диван-и ала* – Верховного дивана (или *Тюрк диваны*) – совета, который занимался военными вопросами и ведал тюркским населением. Титул *амир (мир)*, не принадлежавший Алишеру по рождению, сохранился за ним, и когда он оставил этот пост.

Источники умалчивают о каждодневных служебных обязанностях и заботах амира, но они полны сведений о том, как Алишер улаживал внутрисемейные распри правителя, грозившие нарушению спокойствия в стране. Свидетельствуют они и об интригах, царивших среди

придворных, об алчных мздоимцах и лихоимцах, и даже о пристрастии к вину властителя и его окружения. Гуманизм, присущий Алишеру, его нравственные принципы все больше расходились с реальной жизнью, а назидательные советы, высказанные в том числе в его поэмах, все больше раздражали Хусейна. Охлаждение в отношениях бывших друзей было неминуемо.

В 1487 г. Султан-Хусейн назначил амира Алишера губернатором провинции Астрабад. Лишь отчасти это можно рассматривать как опалу, поскольку Астрабад обычно отдавался во владение наследнику престола, и этим назначением Хусейн подчеркивал свое доверие в деле управления отдаленной и беспокойной, но богатой областью. И на новом поприще Алишер проявил свои незаурядные способности, но он тяготился отсутствием дружеского общения, оторванностью от своего родного города. Через год Алишер прибыл в Герат в надежде там остаться, но не получил позволения и был вынужден вернуться в Астрабад. Однако позднее ему все-таки удалось добиться благосклонного решения султана.

С тех пор Алишер не занимал официального поста и лишь изредка принимал участие в делах государственной важности. При дворе царили интриги и клевета, султан враждовал со своим наследником Бади аз-Заманом и другими принцами, и даже, будучи в состоянии опьянения, приказал казнить своего внука Мухаммад-Мумина. Казни не могли улучшить положения в стране, дела государства все больше запутывались, и видя это, Алишер как будто предчувствовал крах правления Тимуридов.

Мир Алишер, находясь на высоких постах в государстве и получив во владение обширные земельные угодья, стал очень богатым человеком. Не имея ни жены, ни детей, он разумно тратил свои доходы на созидание и благотворительность. Навои с упоением занялся строительством и благоустройством общественных заведений: мечетей и школ-*медресе*, странноприимных домов-*ханака* и больниц, бань и резервуаров для воды, мостов и садов. Еще в своем «Вакфийе» («Дарственной записи») 886 г. хиджры / 1481–1482 г. он перечисляет на содержание уже построенного им у горы Гузаргах комплекса – мечети, медресе, ханаки, дома для чтения Корана — доходы с принадлежащих ему угодий, виноградников, садов, базарчиков и лавок.

Всего с его помощью были построены или перестроены 370 зданий не только в Хорасане, но и в других провинциях Ирана, например, в Астрабаде. Но больше всего Мир Алишер строил в своем любимом Герате, северный район которого Ихлясийа он превратил в райский сад. Современники с удивлением и восхищением рассказывали, как амир, подвернув полы халата, ходил по строительной площадке и вникал во

все тонкости работы архитекторов и строителей. Это увлечение позже находит отражение и в поэмах Навои, особенно в «Фархад и Ширин».

А в поэме «Изумление праведных» Навои посвятил Герату и всей провинции Хорасан немало строк, восхваляющих их красоты. Мы узнаем, что Герат — крепость с высокими стенами, «вокруг Герата главы снежных гор встают под небо синее в упор», с севера текут две речки, и на юге есть река, в городе много мечетей, минаретов, дворцов:

*Резьба блистает на стенах дворцов
Под бирюзою синих куполов.
Сквозь арки непомерной вышины
Пройти могли б небесные слоны...
Горит рассвет, блеснув из облаков,
В сверкающей эмали куполов.
И минареты дивной красоты
Красуются повсюду, как цветы.*

Все это великолепие полно жизни: шумят богатые базары («там дорогим товарам счета нет»), поют птицы, благоухают сады и цветники. Любил Навои свой город и по мере сил содействовал его процветанию.

Будучи сам человеком творческим, проявляя интерес не только к литературе, Мир Алишер поддерживал многих людей искусства, писателей и ученых. К таковым относятся историки Мирхонд, Хондемир и Давлатшах, которые в своих трудах донесли до нас происходившие в государстве события, рассказали о многих современниках, включая и самого Алишера.

Навои был дружен и часто общался с великим персидско-таджикским поэтом Абд ар-Рахманом Джами (1414–1492), пользовался его советами, вдохновлялся его стихами и считал своим духовным наставником. Джами был суфием-мистиком, и под его влиянием Алишер в 881/1476–1477 г. вступил в братство Накшбандийа.

Финансовую поддержку Мир Алишер оказывал не только Джами, но и другим поэтам своего времени: Асафи, Сайфи Бухари, Абдаллаху Хатифи и Бадр ад-Дину Хилали, а также музыкантам Абдаллаху Марвариду, Шайхи Наи и Хусейну Уди.

Большое внимание Навои уделял творцам книги из султанской библиотеки-мастерской китаб-хона. Известно, например, что знаменитый каллиграф Султан-Али Машхади переписывал в день 30 *бейтов*-двустихий для правителя и 20 — для поэта. То есть Навои обеспечивал работой этого мастера, впрочем, не только его самого, но и его ученика Султан-Мухаммада Хандана, а также художников уникумов своего времени: Камал ад-Дина Бехзада, Шах-Музаффар, Касима Али. Поэтому есть основания полагать, что из дюжины дошедших до нас прижизненных списков произведений Навои, большинство, если не все, созданы по его заказу.

В конце своей жизни Алишер Навои изъявил желание отправиться в хадж в Мекку, но его чаяниям не суждено было сбыться, поскольку Султан-Хусейн рекомендовал повременить с поездкой.

Умер Мир Алишер 3 января 1501 г. В том же году Шейбани-хан захватил Самарканд, а через 6 лет вступил в Герат, разбив поодиночке всех принцев, конкурировавших между собой в борьбе за тимуридский престол после смерти Хусейна Байкара. Династия перестала существовать, но осталось ее богатейшее культурное наследие, в том числе творения Навои.

НАВОИ — «ВДОХНОВЕННО ПОЮЩИЙ»

Я славлю жемчуг слова! Ведь оно
Жемчужницей сердца рождено!
(«Изумление праведных»)

Низам ад-Дин Алишер Навои оставил после себя огромное литературное наследие. Свои стихи, созданные на персидском языке, он подписывал псевдонимом Фани, что значит «бранный», а для произведений на тюркском языке он использовал поэтическое имя Навои — «вдохновенно поющий». И действительно, поэт пел «вдохновенно день за днем на милом сердцу языке родном». Язык этот называют по-разному: чагатайский (джагатайский), староузбекский, восточный или среднеазиатский тюрки, — а сам Навои называл его просто *тюрки* и иногда *чагатай*.

Известно, что литературным языком той эпохи был *фарси* — новоперсидский язык, и создавать поэтические строки по-тюркски считалось почти неприличным. И все же процессы развития культуры, вызванные разными историческими причинами, а также тем, что персидская поэзия, достигнув высочайшей точки, оказалась в тупике технического совершенства и изоциренности (о чем беспокоился Джами), привели к потребности в свежей струе, к возникновению «социального заказа» на новую литературу, какой и стала литература на тюрки. В этом отношении весьма показательно, что и сам Султан-Хусейн сочинял красивые стихи на этом языке.

На тюрки писали и другие поэты Тимуридской эпохи, например, Лутфи, Саккаки и Гадаи, но именно Навои создал литературный язык, не уступающий персидскому ни в создании образов, ни с точки зрения гармонии стихосложения. Следует заметить, что некогда персидская поэзия с упрочением в иранских землях ислама и арабской культуры восприняла арабскую метрическую систему стихосложения *аруз*, основанную на чередовании долгих и кратких слогов, которых нет в языках тюркской группы. Этим языкам, с их фиксированным ударением на последнем слоге, естественным образом подходит силлабическая система. Логично было бы предположить, что, применяя *аруз*, Навои будет

активно использовать персидско-арабскую лексику для поддержания должного ритма в стихе. И все же, при наличии арабских и персидских заимствований, поэт использует не только тюркские падежные окончания, глаголы, местоимения и числительные, но вводит множество исконно тюркских слов. Есть среди них и слова уйгурского происхождения, и огузские (западно-тюркские), однако, как считают исследователи, основой для литературного тюрки послужила некая «смесь» наречий разных узбекских племен.

Свой опыт стихотворчества Навои обобщил в трактате «Мизан ал-авзан» («Весы стихотворных размеров»), в котором изложены принципы арабо-персидской метрики и методы ее применения в тюркских языках, а также приведены характеристики исконно тюркских поэтических форм.

На склоне лет Навои создал небольшой трактат «Мухакамат ал-лугатайн» («Тяжба двух языков»), в котором, отдавая должное персидской литературе, убедительно доказывает правомерность и необходимость литературного творчества на тюрки, поскольку этот язык имеет значительные преимущества, такие как разнообразие лексики дающей возможность для передачи различных оттенков, а также обилие омонимов, наличие большего числа гласных звуков. Вывод его прост: тюрк должен писать по-тюркски, что Навои и делал всю свою жизнь.

Писать он начал рано и во время правления Абу Саида уже сочинял стихи, которые многим нравились, но сам поэт их не собирал в сборники-*диваны*, а стал это делать только по указанию Султан-Хусейна после 1469 г.

Самая ранняя дошедшая до нашего времени рукопись стихов поэта датирована 870 / 1465–1466 г. Ее условно и очень точно называли «Ранний диван» (Кат. 1). Основную часть дивана, как и положено, составляют *газели* — лирические стихотворения. Газель содержит 5–11 бейтов-двустий, в первом из которых рифмуется каждое полустихие, а в последующих — только второе, по схеме: *аа, ба, ва, га* и так далее. Тематика газели традиционна — восхваление красавицы, вина, виночерпия, любви, часто несчастной. Нередко поэты вкладывали двойной смысл в свои стихи, а именно: любовь к красавице/красавцу символизировала любовь к Богу и поиск ускользающей истины. Некоторые авторы в рамках традиционных форм писали откровенно эпикурейские стихи. Нельзя сказать, чтобы лирика Навои имела явный суфийский подтекст, но и реализма в его любовных излияниях и безудержных страстях тоже, видимо, немного. Его лирика, особенно ранняя, — это скорее наслаждение от возможности использовать тюркскую лексику в жестких канонах арабо-персидских поэтических норм. С годами в газелях Навои появляются нотки искренней грусти от несбывшихся ожиданий и неизбежности близкого конца.

В течение своей жизни Навои неоднократно возвращался к компоновке диванов. Видимо, такие сборники составляли и сами читатели по своему усмотрению. Поэтому весьма сложно и разобраться во времени составления того или иного дивана и понять, насколько он соответствует авторскому замыслу (Кат. 6–12, 13).

Считается, что первая авторская редакция дивана осуществлена между 1469 и 1483 гг., и, видимо, именно она называется «Бадаи ал-бидайа» («Диковины начала»). Между 1480 и 1492 гг. был составлен сборник стихов под названием «Навадир ан-нихайа» («Редкости конца»). В 1492 г. Навои по совету Джамии разделил всю свою лирику на четыре сборника в соответствии с возрастными периодами, в которые стихи были сочинены. Это «Гараиб ас-сигар» («Чудеса детства»), «Навадир аш-шабаб» («Редкости юности»), «Бадаи ал-васат» («Диковинки среднего возраста») и «Фаваид ал-кибар» («Полезные советы старости»). На закате лет Навои составил сборный диван «Хазаин ал-маани» («Сокровищницы мыслей»), содержащий лучшие его стихи, скомпонованные в алфавитном порядке рифм.

Известно, что постоянное общение Навои и Джамии обогатило творчество обоих. Свои циклы поэм они пишут почти одновременно. У Джамии в конечном итоге их оказалось семь — «Хафт авранг» («Семь планет Большой медведицы»), у Навои — пять. Его Пятерица (Хамса) была написана в рекордные сроки: с 1483 по 1485 гг. (Кат. 2, 4).

Поэмы-*маснави* — крупные поэтические формы, в которых бейты-двустипи рифмуются попарно, — содержат различные повествовательные сюжеты, вставные притчи, отчасти развлекательные, но всегда с сильным назидательным началом. Поэты знают, как надо и как не надо управлять государством, как следует и как не следует поступать правителям. Но внимают ли правители их советам?

Авторы предпочитали создавать *назира* — «подражания-ответы» на поэмы предшественников. Назира — не пародия, не пересказ содержания своими словами в заданном стихотворном размере. Автор «ответа» использует чужую сюжетную канву, но наполняет ее новыми деталями, новыми трактовками, новыми персонажами, от чего может меняться основная направленность сочинения.

Навои сам указывал имена предшественников, писавших на персидском языке поэтов: Илйас Низами из Гянджи (Ганджави), Амир Хосров из Дели (Дехлави) и для некоторых поэм — Абд ар-Рахман из Джама (Джамии).

Первая поэма цикла «Хайрат ал-абрар» («Изумление праведных»), как и «Махзан ал-асрар» Низами, не имеет единого сюжета. Начальные главы посвящены восхвалению Бога, прославлению Мухаммада, заслугам Низами, Хосрова Дехлави и Джамии, значению слова, восхвалению Султан-Хусейна, некоторым принципам суфийской философии и осно-

вателю дервишеского ордена Баха ад-Дину Накшбанду. Далее следуют 20 глав, названных беседами-*макала*, каждая состоит из двух частей — основного положения и притчи, его иллюстрирующей. В беседе о науке, например, Навои приходит к заключению, что настоящий ученый живет в нищете и нужде, тогда как ловкие шарлатаны и невежды пользуются всеми благами мира. Последняя беседа содержит обращение к наследнику престола Бади аз-Заману.

В 889/1484 г. Навои завершил две поэмы: «Фархад ва Ширин» и «Лайли ва Маджнун». Сюжет последней имеет арабские корни — в любовной лирике бедуинского поэта из племени Бани Амир из Центральной Аравии. В поэме рассказывается о юном Кайсе, прозванном Маджнуном (безумцем) из-за его безнадежной любви к красавице Лайли. Пылающая страсть помутила рассудок Кайса, он не может оставаться среди людей и уходит в пустыню; в результате всевозможных перипетий влюбленные умирают.

В отличие от поэмы «Лайли ва Маджнун», где нет серьезных сюжетных изменений по сравнению с сочинениями Низами и Дехлави, поэма «Фархад ва Ширин» значительно отличается от поэм предшественников уже тем, что главным героем стал Фархад, персонаж второстепенный и для Низами, и для Хосрова Дехлави. В то же время шах Хосров, главный герой Низами и Дехлави, предстал у Навои в отрицательном свете. Фархад у Навои — не простой каменотес, как у Низами, он китайский царевич, ищущий и нашедший свою мечту — армянскую царевну Ширин. Однако по злой воле Хосрова влюбленным не удастся соединиться, и Ширин умирает на могиле любимого. В недавнее время было принято говорить чуть ли не о реализме в этой поэме, имея в виду рассказ о работе каменотесов и Фархада над прорубанием канала в горах. Но это лишь эпизод, притом, на самом деле не слишком реалистичный, поскольку каменотесы трудились над выполнением заведомо невыполнимого задания чтимой ими царицы Махин-Бану, а Фархад проявил богатырскую, сказочную силу. Именно сказочный, абсолютно далекий от реальности характер носят по большей части сюжетные ходы поэмы. Чувства, по законам жанра, весьма утрированы, но благодаря этому заставляют читателя переживать. В поэме говорится не только о Фархаде и его любви к Ширин, но и о любви родителей Фархада к своему сыну, о родственных чувствах Махин-Бану к своей племяннице, о верной дружбе художника Шапура и Фархада, о коварстве Хосрова и о его сыне-отцеубийце, и о простом народе-труженике, и о предателях. Человеческие отношения в многообразии их проявления — отличительная особенность этого произведения Навои.

Четвертая поэма цикла была завершена в 1485 г. и называется «Саба сайара». Название переводится как «Семь планет» или как «Семь стран-

ников», поскольку словом *сайара* (странники) называли «блуждающие звезды», то есть планеты, включая Солнце и Луну; в то же время в поэме присутствуют и семь странников, рассказывающих свои истории. Главный герой поэмы — царь Бахрам Гур, нашедший призрачное счастье в любви к искусной певице-музыканту Диларам. Он соединился со своей возлюбленной, но их совместная жизнь проходила в бесконечных пирах и охотах, во время одной из которых Бахрам, обидевшись на Диларам, приказал бросить ее связанную в степи. Одумавшись, Бахрам обнаружил, что девушка исчезла, и впал в жестокую меланхолию. Советники, чтобы развеять правителя, предложили построить семь дворцов и поселить в них семь принцесс — дочерей правителей семи стран, дабы они стали женами Бахрама. Когда шах посещал какой-либо дворец, приводили путника, пришедшего из страны принцессы, и тот рассказывал свою историю или сказку. В седьмом, белом дворце Бахрам услышал рассказ о Диларам, которую, как оказалось, подобрал и спас торговый караван. Шах смог вернуть свою возлюбленную, и жизнь его опять вошла в прежнее русло — пиры и охота. Однажды Бахрам устроил загон, куда охотники согнали несметное число львов, тигров и джейранов. Во время кровавой бойни земля разверзлась и поглотила Бахрам-Гура. В отличие от поэм Низами и Дихлави, главный герой Навои совершенно не занят делами государства (у него их просто нет), и смерть свою он находит не по беспечности или случайности, а из-за собственной жестокости.

Все три поэмы о любви кончаются смертью героев: юные Лайли и Кайс-Маджнун, молодые Фархад и Ширин, зрелые Бахрам-Гур и Диларам — все гибнут. В газели любовь может быть мучительной, в маснави она трагична.

Последняя поэма «Садд-и Искандари» («Вал Искандара») содержит жизнеописание знаменитого полководца-завоевателя Александра Македонского, который упомянут в Коране под именем Зу-л-карнайн (Двурогий).

Согласно установившейся традиции Навои представляет Искандара не только как удачливого воина и мудрого царя, заботящегося о благе народа, но и как философа. Этот идеальный правитель должен был стать примером для Темуридов, недаром Навои посвятил поэму Султан-Хусейну и его наследнику Бади аз-Заману. Поэма многослойна, полна рассуждений, притч, ответов Аристотеля на вопросы Искандара, рассказов о его подвигах. Что только ни происходит за время его походов, каких только сторон жизни ни касается автор! Здесь и борьба с иранским царем Дарой (Дарием), и постройка вала для ограждения от диких племен йаджуджей и маджуджей, и исследование морских глубин с помощью стеклянного ящика, и применение удивительного оружия — металлического шара, наполненного взрывчатыми веществами, при попадании

которого в цель от паров у противника наступает дурман. Здесь и певица-воительница, подаренная китайским хаканом, здесь и известная легенда о смерти и похоронах Искандара, который распорядился положить его в гроб так, чтобы были видны его пустые руки — в загробный мир нельзя взять нажитое богатство.

Алишер Навои создавал и прозаические сочинения религиозного и научного планов. Это и «Чихил хадис» («Сорок преданий» о словах и действиях пророка Мухаммада), и «Назм ал-джавахир» («Нанизывание драгоценных камней») — перевод-пересказ «Наср ал-лаали» («Рассыпание жемчужин»), арабского оригинала изречений Али.

Два исторических трактата часто встречаются вместе и представляют собой некое учебное пособие, которое можно использовать для лучшего понимания поэм самого Навои. Первый из них — «Тарих-и анбийа ва хукама» («История пророков и мудрецов») — дает сведения о коранических сюжетах и о философах, наиболее часто упоминаемых мусульманскими авторитетами. Во втором — «Тарих-и мулук-и аджам» («Истории иранских царей») — кратко изложены легенды о царях Ирана, начиная с мифического Кайумарса, по большей части взятые из персидской эпической поэмы Фирдауси «Шах-нама».

Образцом научной прозы можно считать трактат «Маджалис ан-нафаис» («Собрания изящных людей» или «Беседы утонченных»), в котором приводятся краткие характеристики людей, занимающихся поэтическим творчеством, и образчики их стихов (Кат. 5).

После кончины Джами Навои написал «Хамсат ал-мутахайирин» («Пятерица смятенных (смущенных)'). Название объясняется тем, что сочинение делится на пять частей по числу пяти «смятенных» — блуждающих по небу планет, коими являются Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий и Венера. В предисловии изложена биография Джами; в первой из трех бесед-макала собраны рассказы о встречах двух поэтов, во второй — приведены образцы их стихотворной переписки, третья макала содержит перечень произведений Джами. В заключительной части Навои приводит список книг, которые он изучал под руководством Джами, рассказывает о его чудесных способностях и обстоятельствах его смерти. Здесь также приводится элегия, написанная Навои и прочитанная на похоронах Джами известным гератским проповедником Хусейном Кашифи.

Позднее Навои перевел с персидского языка книгу Джами «Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудс» («Дуновения дружбы из сердечной святыни») под заглавием «Насаим ал-мухабба мин шамаим ал-футувва» («Зефиры любви от ароматов благородства»). Сочине-

ние содержит биографии 616 деятелей суфизма, включая 34 женщин-подвижниц. Навои несколько сократил текст, но добавил жизнеописания, в том числе и среднеазиатских шейхов, начиная от ходжи Ахмада Йасави.

В 904 / 1498–1499 г. Навои возвращается к крупной поэтической форме и создает «Лисан ат-тайр» («Язык птиц») — вольный пересказ мистической поэмы «Мантик ат-тайр» («Разговор птиц») Фариддина Аттара. Известно, что поэма Аттара произвела сильнейшее впечатление на юного Алишера, и к концу жизни он, обдумав сказанное предшественником и многое пережив, осмелился создать подражание-ответ на творение своего кумира. Сюжет поэмы таков: птицы решают выбрать царя, и угод предлагает на эту роль таинственного Симурга, которого еще надо найти. Птицы отправляются в путь, но многие, убоявшись трудностей, не желают его продолжать; угод же рассказывает птицам притчи, доказывая неправильность такого решения. Семь «долин» (этапов на пути мистического совершенствования) преодолевают только тридцать птиц. Тридцать — по-персидски *си*, а Симург дословно означает «тридцать птиц». Таким образом, таинственный царь, которого искали путники, — это они сами. Так толкуется изречение пророка: «Кто познал себя самого, тот познал господу своего». В «Лисан ат-тайр» поэт использует псевдоним Фани.

Последнее сочинение Навои «Махбуб ал-кулуб» («Возлюбленный сердец») написано ритмизованной прозой с вкраплением стихов. Это назидание на «Гулистан» Саади и «Бахаристан» Джамии, в которых изложены мысли об устройстве общества и основах общения между людьми. В первой из трех частей дается характеристика различных профессий, должностей и общественных групп, их достоинств и недостатков. Так, в главе «О жестоких, невежественных и развратных царях» очень образно сказано: «Пол в его бане устлан украшениями, осыпавшимися с арки мечети, кирпич у него от рухнувших *михрабов*», то есть правитель попирает веру. О крестьянине сказано: «Процветание мира от него, радость обитателей мира от него. Куда бы он ни двинулся, пищу несет он людям и благодать». Вторая часть сочинения посвящена вопросам морали — добродетелям и порокам, а третья часть состоит из афоризмов, например: «Разумен тот, кто не лжет, но только и не всегда говорит всю правду». В целом эта книга не развлекательная, она сложна для восприятия, поскольку написана много пережившим и много перечувствовавшим человеком, на склоне лет испытывающим горечь от несправедности окружающего мира. Характерно, что в предисловии автор говорит о желании покинуть родную страну. Ему не удалось этого сделать.

Со временем произведения великого поэта-гуманиста разлетятся далеко за пределы Герата и станут достоянием не только узбекского народа, но, будучи переведены на многие языки, войдут в копилку мировой классики. Гении живут вечно.



РУКОПИСИ НАВОИ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ: ИЗ ИСТОРИИ СОБРАНИЯ

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки с момента своего основания неуклонно пополняется новыми приобретениями. В настоящее время его восточные фонды насчитывают 28 тысяч единиц хранения, среди которых 29 списков сочинений Алишера Навои, причем 14 из них относятся к XV–XVI вв.⁸ Они поступали разными путями: от частных коллекционеров и дипломатов, в качестве военных трофеев.

Первая рукопись Навои была приобретена библиотекой в 1817 г. в составе собрания горного инженера, начальника Колывано-Воскресенских заводов в Барнауле Петра Козмича Фролова (1774–1839)⁹. Этот удивительный человек не только много сделал для развития горнодобывающей и металлургической промышленности, не только коллекционировал предметы искусства, на основе которых позднее был создан барнаульский музей, но и проявлял незаурядный интерес к книжности, в первую очередь к древнерусской. Были в его собрании и более 60 восточных рукописей. Вне всякого сомнения, самая значимая из них — Куллийат (собрание сочинений) Навои (Кат. 4). Фролов, бесспорно, осознавал художественную ценность принадлежавших ему манускриптов: лишь на двух наиболее ценных он сам нарисовал в красках свой дворянский герб.

Мотивы, побудившие русского горного инженера, не знавшего восточных языков, коллекционировать материалы восточного происхождения, не ясны, как не ясны и источники, из которых он их черпал. Куллийат Навои — одна из немногих рукописей, о происхождении которой можно высказать некоторые предположения, скорее даже пофантазировать.

В 1794 и в 1800 гг. из Барнаула были отправлены две экспедиции под руководством горного чиновника Колывано-Воскресенских заводов Т.С. Бурнашова: первая — в Бухару, вторая — в Ташкент. Записки Бурнашова об этих поездках, переданные Фроловым в журнал «Сибирский

⁸ О фондах см.: Васильева 1995; 2005а; 2005б; 2011; Vasilyeva 1995; 1996.

О списках сочинений Навои см.: Васильева 1985; 1986; 2007; 2016а.

⁹ О нем см.: Васильева 2006а; 2008б.

Пётр Фролов герби

Герб остида рус тилидаги
«Пётр Флоров тўпламидан»
сўзлари битилган картуш
таъсирланган. Фролов эмас,
инан Фролов тарзида
ёзилишига сабаб ҳарфлар
икки хил даражада ёзиладиган
тарихий безакли услуб
шунинчаки этган. Қизиги
шундаки, Европа анъаналари
асосида ишланган ва олтин
копланган, қизил ва қўқ
рангларга бўялган ушбу герб
шарқона «қўлёманинг миллий
безакларига бутунлай мос
тушади

Pyotr Florov's coat of arms

A cartouche with a Russian
inscription 'From the collection
of Pyotr Florov' is drawn under
the coat of arms. That is right,
Florov, not Frolov, because such an
inversion required a decorative-
historical style of writing with the
arrangement of letters on two
levels. Surprisingly, the coat of
arms, made in European traditions
and covered with gold, red and
blue colors, is in full harmony with
the color scheme of the interior
decoration of the eastern book

Герб Петра Фролова

Под гербом нарисован картуш с
русской надписью «Из собрания
Петра Флорова». Именно
так, Флорова, а не Фролова,
поскольку такой инверсии
потребовал декоративно-
исторический стиль письма
с расположением букв на
двух уровнях. Удивительно,
но герб, выполненный в
европейских традициях и
покрытый золотом, красной
и синей красками, вполне
гармонирует с цветовой
гаммой внутреннего декора
восточной книги.
(Дорн 559, л. 227 об.)

вестник», были напечатаны в 1818 и 1819 гг. Экспедиции, предпринятые по решению правительства для выяснения возможностей торговых путей и имевшие также целью проведение геологических исследований, описаны Бурнашевым с краеведческой точки зрения: быт, нравы, достопримечательности Средней Азии интересовали его в первую очередь. Можно предположить, что именно во время одного из этих путешествий и именно Бурнашеву попались в руки некоторые рукописи, во всяком случае, Куллийат. Известно, что правитель Ташкента Йунус-ходжа, неоднократно принимавший у себя русского «посла», просил уступить ему ружье в обмен на любую вещь. Бурнашев просьбу выполнил, но что он получил взамен? Не было ли книг в ответных дарах «послу»? Впрочем, за три месяца пребывания в Ташкенте в 1800 г. и во время путешествия 1794 г. у Бурнашева могли быть и другие возможности для приобретения книг. Косвенным свидетельством принадлежности ему Куллийата может служить тот факт, что рукопись значительно пострадала от воды, в то же время Бурнашев описывает случай, когда при переправе ящики с грузом упали в реку.

Если Куллийат действительно был привезен Бурнашовым, то его передача в руки страстного коллекционера-библиофила Фролова была просто неизбежной. Впрочем, это всего лишь догадка, не имеющая документального подтверждения.

1828 г. принес Библиотеке наиболее ценные поступления мусульманских рукописей, в целом, и списков сочинений Навои, в частности; они были привезены в Санкт-Петербург как трофей русско-иранской войны из Ардебиля. В этом небольшом южно-азербайджанском городе нашел упокоение глава суфийского ордена шейх Сафи ад-Дин Исхак Ардабили (1252–1334), родоначальник династии Сефевидов. Его гробница всегда почиталась верующими, а с приходом в 1501 г. к власти в Иране представителей этой тюркоязычной династии мусульман-шиитов постепенно превратилась в комплекс красивых зданий¹⁰. В одном из них, получившем название Чини-хана, наряду с предметами из китайского фарфора хранилась и библиотека. По описи 1759 г. в ней насчитывалось около тысячи рукописных книг, однако в настоящее время известны места хранения лишь части этого собрания¹¹.

Самый большой комплекс рукописей из Ардебиля оказался в Петербурге¹² — 166 списков литературных и исторических сочинений, каллиграфически исполненных и украшенных орнаментами, а часто и миниатюрами. История их приобретения такова¹³. В 1826 г. началась и к концу 1827 г. почти завершилась русско-иранская война. Однако переговоры о мире затягивались, и император Николай I повелел войскам вступить в Ардебиль и Марагу. 25 января 1828 г. Ардебиль был взят ге-

нералом-лейтенантом Павлом Петровичем Сухтеленом. Поскольку об интересе Николая I к восточным рукописям было хорошо известно, Павел Сухтелен (кстати сказать, сын известного библиофила, посла России в Швеции генерала Петра Корнильевича Сухтелена) проявил настойчивость и смог убедить «духовных особ, имеющих надзор за мечетью», расстаться с частью библиотеки. Когда книги были упакованы в ящики, Сухтелен положил на гроб шейха Сафи парчовый мешок с 800-ми червонцами; он также сделал мавзолею разные подарки, включая 50 червонцев на ремонт мечети.

В декабре 1828 г. Николай I распорядился передать в Публичную библиотеку этот замечательный трофей¹⁴: 148 персидских, 11 арабских манускриптов, а также 7 рукописей с сочинениями Навои (Кат. 2, 5, 9–11, 14). Все они в начале XVII в. были вложены в библиотеку Ардебилля шахом Аббасом I.

Как эти рукописи оказались в шахской библиотеке, неизвестно. Возможно, часть из них была среди книг Бади аз-Замана, вынужденного при Исмаиле I переселиться в Тебриз; к таковым может относиться Пятерица 898 / 1492–1493 г. (Кат. 2). О Куллийате (Кат. 14), переписанном в конце XVII в. для Абу-л-Мансур Фархад-хан Караманлу, с 1004 / 1595–1596 г. наместника Хорасана, Гиляна и Мазандарана, можно с большой долей вероятности предположить, что он попал в казну вместе с другим имуществом этого государственного деятеля после его убийства в 1007 / 1598–1599 г. по приказу Аббаса I.

В 1829 г. поступили две рукописи Навои, одна из них — «Ранний диван» (Кат. 1) — в составе дипломатического дара, метко окрещенного «ценой крови Грибоедова». Александр Сергеевич Грибоедов, дипломат, писатель-драматург и композитор, после окончания русско-иранской войны 1826–1828 гг. был назначен в Тегеран полномочным представителем Российской империи для наблюдения за исполнением условий Туркманчайского мирного договора, в том числе для получения контрибуции и возвращения пленных. 11 февраля 1829 г. *вазир-и мухтар* Грибоедов был зверски убит тегеранской «чернью», а вместе с ним почти все члены Русской миссии. Предполагая возможные осложнения в отношениях, и шахский двор, и русское правительство искали выход из острой ситуации. После получения приличествующих случаю объяснений и извинений Николай I счел желательным услышать извинения Фатх-Али-шаха, переданные одним из его сыновей или внуков. Выбор пал на Хосров-мирзу, седьмого сына наследника престола Аббас-мирзы. 16-летний Хосров-мирза исполнял обязанности статс-секретаря для внешних сношений при своем отце, который был губернатором провинции Азербайджан.

10 Canby 2009. P. 116–120.

11 Установлено, что сто рукописей из Ардебилля хранятся в Тегеранском Музее Иран-и бастан. В Тегеране находятся еще четыре ардебильские рукописи: в двух библиотеках (Кетабхане-йе Малек и Кетабхане-йе Мелли) и одном музее (Музе-йе Ках-е Голестан). Три книги находятся в Стамбульских хранилищах (в Музее турецкого и мусульманского искусства, Музее Топкапы Сарай и в библиотеке Стамбульского университета). В музеях США есть две рукописи (Галерея Фрира в Вашингтоне и Метрополитен в Нью-Йорке), по одной хранится в Национальной библиотеке Франции, в Музее Гульбенкяна в Лиссабоне (Португалия) и в частном собрании М. Слим в Лахоре (Пакистан). См.: Акимущкин 2004а.

12 Vasilyeva 2011b; Васильева 2014.

13 Борщевский 1984.

14 Академик Х.Д. Френ, профессора Ф.Ф. Шармуа и Мирза Джафар Топчибашев подготовили рукописный каталог на французском языке. Описания из него вошли в печатный каталог академика Б. Дорна: Dorn 1852.

Хосров-мирза вручил Николаю I подарки, в первую очередь алмаз «Шах». Среди даров были 18 рукописей из личной библиотеки Фатх-Али-шаха, которые царь передал в Публичную библиотеку. Это небольшое собрание состоит в основном из списков произведений классической поэзии и исторических сочинений на персидском языке¹⁵. Единственная неперсидская рукопись — «Ранний диван» Навои. Большинство книг были в Иране отреставрированы, включая переплеты, однако Диван, заключенный в парчовый чехол, вероятно, не имел крышек, а был завернут в шелк, которым позднее, уже в Библиотеке, обтянули новые фанерные крышки.

В декабре 1829 г. поступил чагатайско-турецкий словарь к произведениям Навои «Абушка» (Кат. 15): он был куплен в г. Эрзерум во время русско-турецкой войны.

В 1859 г. три списка Дивана Навои поступили в составе собрания Дмитрия Ивановича Долгорукова (1797–1867), который с 1845 по 1854 гг. занимал пост полномочного министра при персидском дворе. За время службы в Иране Д.И. Долгоруков составил замечательную коллекцию из 99 рукописей¹⁶, которые были куплены в соответствии с высочайшей волей Александра II для Публичной библиотеки. В их числе три списка Дивана Навои (Кат. 7–8, 13). Оттиски печатей с персидскими легендами содержат имена князя Долгорукова и его дочери Евгении.

В 1864 г. Публичной библиотекой было куплено собрание востоковеда-ираниста и дипломата Николая Васильевича Ханыкова (1819–1878)¹⁷. Он учился в Царскосельском лицее, по окончании которого посещал лекции профессора О.И. Сенковского в Петербургском университете, а затем служил драгоманом в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В 1841 г. Ханыков был прикомандирован к посольству К.Ф. Бутенева в Бухару в качестве его помощника. Позднее Ханыков служил в Тифлисе, с 1853 по 1857 гг. исполнял обязанности генерального консула в Тебризе (именно здесь он приобрел большую часть своего собрания), а в 1858–1859 гг. возглавлял комплексную экспедицию в Хорасан. В 1855–1859 гг. Ханыков отослал 70 рукописей в Азиатский музей (ныне — Институт восточных рукописей Российской Академии наук)¹⁸. Когда же, проживая в Париже, он решил продать оставшуюся часть собрания, Академия наук, в ведении которой находился Азиатский музей, вынуждена была отказаться от столь ценного приобретения по причине отсутствия средств. Такие средства нашлись у Императорской Публичной библиотеки, и в 1864 г. собрание, насчитывающее 166 единиц хранения, заняло свое место в Отделе рукописей.

15 Костыгова 2003.

16 Костыгова 1982.

17 О нем см.: Халфин, Рассадина 1977.

18 Акимускин 1987. С. 22.

С этой коллекцией поступили три списка сочинений Навои и два чатагатайско-персидских словаря к его произведениям¹⁹. Только две рукописи относятся к XV–XVI вв.: прижизненный список Куллийата, основная часть которого датируется 904 / 1499 г. (Кат. 3) и Диван в копии второй половины XVI в. (Кат. 12).

В 1879 г. у некоего Алиева были куплены две лицевые рукописи XVI в., одна из них — иллюстрированный Диван Навои (Кат. 6).

Все перечисленные манускрипты нашли отражение в печатных каталогах и отчетах Императорской Публичной библиотеки. В Отчете за 1887 г. был опубликован каталог выставки, подготовленной заведующим отделением искусств и технологий Библиотеки Владимиром Васильевичем Стасовым и заведующим восточным отделением Василием Дмитриевичем Смирновым; на выставке экспонировались джагатайские рукописи, четыре из которых представляли сочинения Навои. Несмотря на информационную доступность, изучать списки произведений поэта начали только после появления в 1946 г. статьи С.Л. Волина. Ученые исследовали в первую очередь тексты: прижизненные списки были использованы при подготовке критического издания трудов Навои. Не остались без внимания и элементы книжного искусства — каллиграфия, миниатюры, орнаменты, переплеты. Фотографии миниатюр и орнаментального убранства вошли в альбомы Н.В. Дьяконовой, О.И. Галеркиной, Х. и Ф. Сулеймановых, ими иллюстрировались издания русских переводов поэм Алишера Навои, однако как единый комплекс они до сих пор не публиковались.

¹⁹ Один из них (Ханыков 35) исследован и опубликован: Боровков 1961.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАВОИ В КНИЖНОМ ИСКУССТВЕ

«Ранний диван» 1465–1466 гг.

Кат. 1.7

Навои жил в эпоху, когда искусство книги достигло в Герате своего высшего расцвета. В мастерской-библиотеке Хусейна Байкара продолжали и развивали традиции гератской школы 1430-х гг., созданной в правление Шахруха его сыном Байсонкур-мирзой. Признаки того периода несет и «Ранний диван», самая старая сохранившаяся рукопись сочинений Навои, датированная 870 / 1465–1466 г.²⁰ (Кат. 1). В ней использована, помимо кремовой, бумага других цветов: зелено-фисташковая и зелено-салатная разных оттенков, коричневая, бежевая и голубая. Считается, что цветную бумагу впервые стали применять в Герате в 1430–1440-е гг. Таких примеров очень мало для XV в., зато позднее, особенно во второй половине XVI в., этот прием декора книги был нередок.

При внимательном рассмотрении можно увидеть, что листы «Раннего дивана» покрыты мельчайшим золотым крапом-пылью, причем, напыление производилось до того, как переписчик начал работу. Первоначально цветную бумагу с золотым разбрызгом завозили из Китая, но китайский крап — очень крупный.

Кат. 1.3–6

Даже исходя из особенностей бумаги, можно заключить, что книга создавалась для весьма состоятельного заказчика и скорее всего в Герате. (Оформление было завершено веком позже, когда два первых разворота-фронтисписа были украшены орнаментами, а листы с текстом были вмонтированы в плотные цветные орнаментированные поля.) Подтверждением может служить и имя каллиграфа, хотя и молодого, но зрелого мастера. Султан-Али Машхади (1432–1520). Он родился в Мешхеде, во время переписки «Раннего дивана» ему было 33 или 34 года, и он находился на службе у Темурида Абу Саида, также как и Алишер Навои.

²⁰ Вторая по времени рукопись — Диван с двумя миниатюрами, переписанная в 1471 г. Абд ар-Рахимом Хваразми (Аниси) — создана на территории государства Ак-койунлу, предположительно в Ширазе или в Тебризе, хранится в Национальной библиотеке Египта в Каире. См. факсим. изд.: Эркинов 2015.

Позднее Навои станет щедрым покровителем Султан-Али Машхади, и без преувеличения можно сказать, что искусство каллиграфа, непревзойденного мастера почеркового стиля *насталик*, развивалось и крепло не без участия поэта. В 1480–1490-е гг. создано около десятка копий его Дивана и Пятерицы, каллиграфом которых был Султан-Али²¹.

Пятерица 1492–1493 гг.

Хамса Мир Алишера Навои, написанная киблой писцов – мавлана Султан-Али Машхади, позолоченная мавлана Ёри-музаххибом и с переплетом редкостного [среди людей] века мастера Султан-Али-муджаллида Харави.

Эта запись на обороте первого (форзацного) листа выполнена почерком, отличающимся от каллиграфического *насталика*, которым переписана вся Пятерица (Кат. 2). Хотя атрибуция сделана, вероятно, человеком сведущим, ее необходимо попытаться проверить, поскольку в колофоне нет прямых указаний ни на имя орнаменталиста, ни на имя переплетчика, а имя каллиграфа дано в форме Султан-Али и не сопровождается *нисбой* знаменитого гератского мастера. Последнее обстоятельство дало возможность О.Ф. Акимушкину и А.А. Иванову атрибутировать Пятерицу другому каллиграфу – Султан-Али Каини, – правда, лишь предположительно и без приведения каких-либо аргументов²². В дальнейшем Акимушкин повторил общепринятую точку зрения²³, однако зароненные им сомнения заставляют нас тщательно рассмотреть вопрос о переписчике кодекса.

Под микроскопом были изучены особенности почерка и написания имени каллиграфа в имеющихся в Библиотеке восьми кодексах и двух десятках образцов, подписанных Султан-Али Машхади. Было проведено сравнение его подписи с манерой написания имен, имеющих в себе части Султан и Али, принадлежащих каллиграфам Султан-Мухаммаду Нуру, Султан-Мухаммаду Хандану и Миру Али Харави. В результате мы пришли к выводу, что, несмотря на отмеченную современниками каллиграфа из Мешхеда непропорциональность элементов, линии букв изящны и легки, отсутствует нажим, *калам* мастера не дрожит от напряжения руки, он порхает по странице без всяких затруднений, оставляя за собой то утончающийся, то утолщающийся след. Особенно характерно исполнены буквы *нун* и *син*; стабильное написание ромбовидных точек также отличает почерк Султан-Али от почерков других каллиграфов. В результате мы можем констатировать, что имеющиеся в нашем распоряжении подписанные Султан-Али Машхади работы значительно отличаются от работ других мастеров и, со всей очевидностью, выполнены одним, причем выдающимся мастером. Хотя мы не располагаем

Кат. 2.16

21 Мадраимов 2003.

22 Akimushkin, Ivanov 1984. P. 54, note 24 (b). См. также: Акимушкин, Иванов 2003. С. 180, примеч. 24 (б).

23 Акимушкин 1984. С. 526, примеч. 1.

образцом почерка Султан-Али Каини, у нас есть основания считать, что Пятерицу 1492–1493 г. переписал не он, как предположили в свое время О.Ф. Акимускин и А.А. Иванов, а все-таки Султан-Али Машхади. Кроме того, в своем сочинении «Маджалис ан-нафаис», составленном в 1491 г., Навои говорит о Султан-Али Каини как о живущем «в Ираке» (имеется в виду государство туркмен), а Султан-Али Машхади характеризует его как наилучшего каллиграфа Хорасана²⁴.

Декоративное убранство Пятерицы впечатляет своим разнообразием и гармоничностью, но в то же время мы найдем в нем элементы, на первый взгляд, плохо сочетающиеся друг с другом. Так, первый развернутый фронтиспис, выполненный в гератском стиле, коррелирует с оформлением внутренней стороны крышек переплета с той лишь разницей, что в первом случае структурно значимый орнамент выполнен белой «змейкой-цепочкой» с черными крестиками внутри, а во втором — золочением утолщенных линий кожаной сетки. Этот фронтиспис содержит в себе название всего сочинения «Хамса» и имя автора, а также название первой поэмы. (Обращает на себя внимание, что и здесь и далее в начальных заставках вписаны заглавия поэм Низами.)

Кат. 2.1

Кат. 2.17

Кат. 2.2

Кат. 2.3, 2.9, 2.12, 2.15

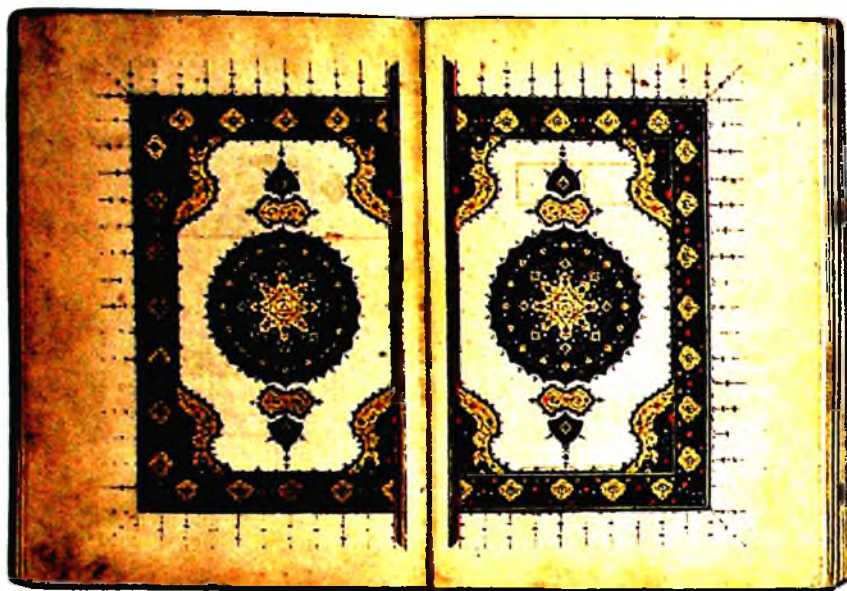
Второй развернутый фронтиспис, в который включено начало текста первой поэмы, хотя имеет общий с первым фронтисписом золотой бордюр, зрительно отличается от него цветовой гаммой благодаря введению красной и светло-зеленой красок, а также отсутствием белой «змейки»: геометрический структурно-образующий орнамент здесь выделен тонкой белой линией. В то же время заставки-*унваны* перед началом четырех последующих поэм близки по стилю и краскам ко второму фронтиспису и имеют мало общего с первым. Тем не менее, все они, включая первый фронтиспис, бесспорно, относятся к Герату конца XV в., так как имеют прямые аналогии в других рукописных книгах этого периода. К ним, например, можно отнести список Пятерицы Навои из Виндзорской королевской библиотеки (MS 65), переписанный в Герате в 897 / 1491–1492 г. тем же Султан-Али Машхади²⁵, и Пятерицу 901 / 1495 г., хранящуюся в Великобритании: четыре тома в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета (Elliot, 287, 408, 317, 339), и один — в Университетской библиотеке Манчестера (ms. turk. 3)²⁶.

Четыре развернутых фронтисписа, расположенных между поэмами нашей Пятерицы, и два одинарных фронтисписа в конце первой и четвертой поэм не похожи на оба начальных фронтисписа, лишь отчасти «перекликаются» с *унванами*, и, более того, по своей структуре не имеют прямых аналогов во внутреннем декоре рукописной книги (или мы их не знаем). При этом благодаря присутствию на них средника, парных медальонов и угольников, они напоминают внешнюю сторону крышек

24 См.: Навои 1970. С. 115–116.

25 Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 79–80, 82, 84, 86, 88.

26 Baharî 1996. P. 156–165; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 24–29 (здесь рукопись датирована 890 / 1485 г.).



переплета. Эти фронтисписы выполнены на листах между поэмами. Как заметила в устной беседе Элеанор Симс, по первоначальному замыслу, возможно, поэмы предполагалось переплести отдельно, как и упомянутую Пятерицу 1495 г. Когда же решение это было изменено, и рукопись готовили к переплетению в один блок, возникла необходимость заполнить пустые страницы. Это предположение более чем привлекательно, тем более, что тетради сформированы так, чтобы конец одной поэмы и начало последующей приходились на разные тетради и не были связаны друг с другом.

В любом случае орнаменты четырех фронтисписов, столь необычной для внутреннего декора формы, как бы намекают читателю на то, что одна книга закончена, начинается другая, и таким образом выполняют семантическую функцию переплета — обозначают начало и конец кодекса, его границы. Замысел о создании пяти отдельных томов, если таковой был, можно считать частично выполненным: Пятерица состоит из пяти четко разграниченных частей, хотя они сброшюрованы вместе и имеют общий переплет. Собственно, любой фронтиспис (как и унван и начальная *шамса*) символизирует начало текста, вход в мир книги, однако эта семантика, видимо, со временем перестала осознаваться, развитие орнаментики фронтисписа и переплета пошло разными путями. Художник-декоратор Пятерицы как будто вспомнил об историческом предназначении фронтисписов и орнаментировал их теми же элементами, что находятся на внешней стороне крышек. Весь кодекс оказался «связанным», казалось бы, легко видимыми, но не осознаваемыми узами, к которым надо добавить цветовую гамму, повторяющийся и на переплете, и во внутреннем убранстве орнамент-вьюнок.

Кат. 2.4, 2.8, 2.11, 2.14

Кат. 2.3, 2.13

Кат. 5.1

Кем и когда создавались эти разностильные, но столь гармонично связанные между собой элементы декора? В атрибутивной приписке иллюминатором назван мавлана Йари-музаххиб (позолотчик). Так ли это на самом деле? В Российской национальной библиотеке хранятся две рукописи, оформителем которых с достоверностью является Йари. Одна из них определенно создана в Герате в 901 / 1495–1496 г., вторая, выпшедшая из-под пера Султан-Али Машхади, — видимо, тогда же²⁷. Украшения в них имеют столь много общего с иллюминацией Пятерицы, что с большой долей вероятности можно предположить не только принадлежность их к одной школе, но и участие в их создании одного мастера — Йари музаххиба. Йари был современником Навои и писал стихи. По этой причине Навои включил сведения о нем в свое сочинение «Маджалис ан-нафаис» («Собрание избранных»), посвященное известным ему поэтам, в котором сообщает, что Йари — ширазец, по приезду в Хорасан был им представлен художником-оформителем и за короткое время стал хорошим мастером. Эти сведения приводятся в шестом маджлисе-разделе, посвященном поэтам, жившим вне Хорасана. Из других источников известно, мулла Йари был учеником муллы Вали и превзошел последнего (однако мавлана Махмуд рисовал еще лучше), вероятно, именно он в 1510 г. иллюминировал Пятерицу Низами, переписанную Султан-Али Машхади для первого шаха сефевидской династии Исмаила I (1501–1524)²⁸. Умер Йари в начале царствования Тахмаспа I (1524–1576)²⁹, то есть во второй половине 1520-х — начале 1530-х гг. То, что этот известный позолотчик работал и для сефевидов, дает повод задуматься, когда же в нашей Пятерице появились фронтисписы между поэмами, столь отличные от гератской иллюминации манерой равномерно чередовать синий лазурит с золотом двух оттенков, характерной для начала сефевидской эпохи. Нельзя исключать и того, что к фронтисписам имел отношение орнаменталист, знакомый с ширазскими традициями³⁰.

Переplet Пятерицы относится к типу комбинированных, сочетающих в себе две техники: лак и тиснение³¹. Основу крышек и клапана составляет клееный картон. Поверхность внешней стороны покрыта темно-коричневой кожей, по которой произведено глубокое золотое тиснение с цветочным орнаментом, состоящее из средника, парных медальонов и угольников на центральном поле и из картушей рамки. На оставшиеся свободными от тиснения участки кожи нанесен слой черной краски, по которому двумя оттенками золота выполнен изящный цветочный орнамент (вьюнок-ислими); эта плоская поверхность покрыта лаком. Такого типа переpleты крайне редки. Из известных нам шести в Российской национальной библиотеке хранятся помимо этого еще два. В один заключена поэма Хилали «Шах и нищий», датированная 944 /

27 Васильева 2008. С. 38.

28 Рукопись хранится в Музее Топкапы Сарай в Стамбуле под шифром Н-757.

29 Akimushkin, Ivanov 1979. P. 52.

30 Ср. Декор Дивана Хасана Дехлави 1525–1526 г. из Национальной библиотеки Франции (Richard 2013. Pl. XXI.2, p. 939–941).

31 Vasilyeva 2014. P. 177.

1537–1538 г. и украшенная миниатюрами тебризской школы³². Другой комбинированный переплет принадлежит Дивану Навои (Кат. 7), переписанному каллиграфом Челеби в 934 / 1527–1528 г. в Тебризе.

Не только внешние стороны его крышек, но и внутренние весьма близки по стилю крышкам Пятерицы. Основу составляет бордовое кожаное покрытие, в центре которого вырезан прямоугольник: на синий фон картонной основы наклеена ажурная кожаная сетка, окрашенная черной краской, структурные элементы сетки выделены золотом. Этот прямоугольник окружен двумя рамками, одна из них состоит из тисненых золотых картушей. Внешняя рамка представляет собой цепочку картушей разной формы, выполненных в той же технике аппликации кожаной сетки, что и центральный прямоугольник. Сетка изготавливалась в XVI в. следующим образом: несколько слоев тончайшей кожи одновременно подвергались тиснению штампом, по контуру тиснения проводилось вырезание острым инструментом³³. Такая технология позволяла получать до пяти синхронно выполненных оттисков-сеток. С помощью того же штампа в разное время производились тождественные друг другу сетки, имеющие лишь отличия, образовавшиеся при обрезании контура. Кроме синхронных и тождественных сеток, которые изготавливались, по всей видимости, в одной мастерской, существуют и сетки, полученные с помощью штампов, близких по рисунку орнамента, но отличающихся по размерам и некоторым элементам. Естественно, такие штампы могли использоваться как в одной мастерской, так и в разных, причем, со значительной разницей во времени.

Прямоугольные сетки переплетов Дивана и Пятерицы имеют лишь стилистическую общность, в то время как картуши рамки определенно тождественны друг другу. Произведенные с помощью того же штампа картуши мы находим в другом Диване Навои (Кат. 8), не датированном, но имеющем с предыдущим Диваном заметное сходство во внутреннем убранстве³⁴. Еще одну параллель в оформлении рамки из картушей внутренних сторон крышек можно увидеть в замечательной рукописи «Хал-нама» Ариффи, которая была переписана в Тебризе в 931 / 1524–1525 г. юным шахом Тахмаспом I. (Иллюминация этой книги весьма близка работам Ёри³⁵.)

С большой долей вероятности можно предположить, что все четыре переплета, в том числе и интересующий нас переплет Пятерицы Навои, изготовлены в Тебризе во второй половине 1520-х гг.

К сожалению, не представляется возможным проверить правильность атрибуции переплета «Хамсы» мастеру-устаду Султан-Али Хара-

Кат. 7.10
Кат. 2.17

Кат. 8.13

32 Васильева 2008. С. 75–77.

33 Tsyarkin, Vasiliyeva 1996.

34 Васильева 2008. С. 18–19.

35 С внешней стороны переплет представляет собой орнаментированную и покрытую лаком поверхность. См.: Stanley 2003. P. 198; Васильева 2008. С. 66.

ви³⁶ (Гератцу), как это указано в поздней приписке, поскольку нам не известны достоверные работы этого переплетчика.

Аналогичный комбинированный переплет из собрания Музея турецкого и исламского искусства в Стамбуле дважды был опубликован и оба раза отнесен к Герату конца XV в., исходя из даты переписки рукописи в 887 / 1483 г.³⁷ Возможно, частью тисненные, частью лакированные переплеты, действительно, появились в Герате³⁸, возможно также и то, что к ним имел отношение гератец Султан-Али-муджаллид, который мог переехать в Тебриз и продолжить плодотворно трудиться в придворной мастерской Сефевидов. Его имя отсутствует в списке мастеров, приведенном Дуст Мухаммадом в 951/1544–1545 г. в предисловии к альбому-муракка Бахрам-мирзы³⁹, но это может означать, что переплетчик уже умер.

В то же время нет веских аргументов в пользу правомерности датировки и локализации внешней стороны крышек стамбульского переплета с помощью данных о переписке рукописи. Наши многолетние наблюдения показывают, что художественная книга живет сложной жизнью, любовь, которую к ней испытывают владельцы, заставляет их постоянно заботиться о своем сокровище, совершенствовать и улучшать его путем подновления ее составных частей. Главное в рукописи — каллиграфия, она, как бриллиант, может вставляться в новую оправу по мере устаревания предыдущей. Поэтому датировка разных элементов часто не совпадает, особенно это касается переплета. Сшивка мусульманской книги не отличается долговечностью, крышки изнашивались и отрывались, требовался новый переплет. Кроме того, со временем менялись и эстетические требования. Имеются, правда, крайне редкие случаи, когда использовались старые, уже ставшие антикварными крышки. Так, например, в Лондоне в Музее Виктории и Альберта хранится «Хамса» Низами с датой 965 / 1557–1558 г.⁴⁰, заключенная в комбинированный переплет, аналогичный нашим, причем, внутренние стороны ее крышек оформлены в том же стиле, что и крышки нашей Пятерицы и упомянутого Дивана Навои 934 / 1527–1528 г. Крайне затруднительно считать, что на протяжении многих десятилетий мастер (или мастера) в разных городах при разных патронах изготавливали столь похожие друг на друга переплеты, причем, чрезвычайно редкого типа.

К изготовлению крышек имел отношение не только мастер-переплетчик. Кто-то выделывал кожу, кто-то готовил краски и золото для кожи и для фона под ажурную сетку, а кто-то отливал металлические штампы для тиснения, кто-то предварительно делал для этих штампов эскизы, кто-то варил лак для переплетов, а кто-то рисовал на них миниатюру или орнамент. Относительно миниатюр на лакированных

36 С.Л. Волин прочел нисбу мастера как Марви (Волин 1946. С. 211). Этот вариант был повторен последующими авторами.

37 Aga-Oglu 1935. II. X–XII. Aslanapa 1979. P. 63, 69.

38 О лакированных переплетах и их связи с производством лакированных луков в Герате конца XV в. см.: Stanley 2003.

39 Акимусшкин 2004. С. 355.

40 Haldane 1983. N. 83.

переплетах можно не сомневаться, что их выполнял художник-миниатюрист. Что же касается орнамента на крышках, то представляется, что мы имеем дело с работой орнаменталиста-позолотчика, однако далеко не всегда можно сказать, что это тот же мастер, которому принадлежит внутренняя иллюминация рукописи. Разная техника и разное назначение орнамента на крышках и внутри кодекса не позволяют говорить о чем-либо большем, чем стилистическое единство исполнения разных элементов декора книги.

Очевидно, что Пятерица Навои является великолепным памятником книжного искусства. Переписал ее в 898 / 1492–1493 г., вероятно, в Герате знаменитый каллиграф Султан-Али Машхади, в ее оформлении в конце XV — начале XVI в., видимо, принимал участие Ёри-музаххиб, комбинированный переплет был изготовлен, скорее всего, в Тебризе в конце 1520-х гг.

Куллийат с миниатюрами 1521–1522 г.

Еще один пример разновременности создания элементов книги, на этот раз имеющей отношение к Мавераннахру — Куллийат (Кат. 4). Считают, что он был переписан в Герате в конце XV — начале XVI в. По предположению О.И. Галеркиной, рукопись могла быть привезена в Среднюю Азию известным гератским писателем-мемуаристом Васифи, а году в 1518 подарена Музаффар ад-Дину Мухаммаду (Кельди-Мухаммаду, 1480–1532). Этот представитель династии Шейбанидов (Шибанидов), внук дочери Тимурида Улугбека и шибанида Абу-л-Хайр-хана, двоюродный брат Шейбани-хана, сын и наследник ташкентского удельного правителя Сийундж-ходжи (Суюунчходжи-хана), с 1517 г. жил в Шахрухийе, а в 1525–1532 гг. губернаторствовал в Ташкенте. Кельди-Мухаммад строил мечети и медресе, заказал историческое сочинение на тюрки, дал приют писателю Васифи и, вероятно, не только ему, но и художникам-миниатюристам.

Отнести серию 25 иллюстраций⁴¹ Куллийата к ташкентскому кругу мавераннахрской школы позволяют сведения об изготовлении первой миниатюры в 928 / 1521–1522 г. для Абу-л-Музаффара Султан-Мухаммада (Кельди-Мухаммада), зафиксированные на изображении тента. Более того, по замечанию О.И. Галеркиной, эти миниатюры близки иллюстрациям Дивана, который был переписан Султан-Али Машхади для Хусейна Байкара и хранится в Ташкенте, в Институте востоковедения под номером 1995. Сулеймановы датируют его весьма приблизительно — 1475–1480 гг. и высказывают удивление по поводу того, что «миниатюры выполнены просто, в них отсутствует изображение архитектур-

41 Галеркина 1980. С. 25–26. Некоторые миниатюры опубликованы: Галеркина 1980. Рис. 6–9; Пугаченкова, Галеркина 1979. Рис. 22–24; Дьяконова 1964. Рис. 7–8.; Сулейман 1981а. Рис. 7–9, 21–22.; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 64–76.

Кат. 4.5

ных сооружений, пейзаж беден, краски не отличаются разнообразием, одежда персонажей также очень проста», что не соответствует канонам гератской придворной школы конца XV в.⁴² О.И. Галеркина объясняет это несоответствие тем, что миниатюры были добавлены позднее, для Кельди-Мухаммада, печать которого с датой 1518 г. присутствует на ташкентском Диване. Третьей гератской рукописью, иллюстрированной около 1520 г. в Шахрухийе, О.И. Галеркина считает сборник басен «Анвар-и сухайли» («Свет Канопуса») Ваиза Кашифи, который также хранится в Ташкенте в Институте востоковедения (№ 9109)⁴³.

Отличительной особенностью живописи ташкентского круга является слияние гератского стиля, перенесенного мигрировавшими из Герата мастерами, с местными традициями и эстетическими запросами заказчика. Гератское наследие проявляется и в уже упомянутой миниатюре к поэме «Хайрат ал-абрар» («Изумление праведных»). Ее сюжет М.М. Ашрафи определяет как «Обращение матери Заля к шаху Гази с обвинениями»⁴⁴, а Сулеймановы — как «Старуха перед Султаном Хусейном»⁴⁵. Сама по себе разница в названиях не таит противоречия: в образе литературного героя художники нередко изображали правящего монарха. Но, как правило, здравствующего, а не усопшего. Тимурид Султан-Хусейн Байкара почил в 1506 г. Кроме того, облик сидящего на ковре мужчины, к которому обращается старуха, не соответствует облику Султан-Хусейна, известному по его портрету, приписываемому знаменитому художнику Камал ад-Дину Бехзаду⁴⁶. Но дело даже не в этом.

Миниатюра иллюстрирует притчу, в которой справедливый шах Гази был обвинен некой старухой в том, что во время военных действий убил ее сына. Шах Гази ведет старуху в суд и предстает перед судьей в качестве ответчика. Именно этот момент привлек внимание художника.

На миниатюре судья одет в черный плащ, у него длинная темная с проседью борода и усы, большой рот, дугообразные брови и слегка раскосые глаза, на голове — простая белая чалма с голубым верхом. Весьма вероятно, что это сам Кельди-Мухаммад. Однако Султан-Хусейн на миниатюре также присутствует — он (в образе шаха Гази) стоит перед судьей на коленях рядом с сидящей старухой. Небольшая черная борода с характерной черной точкой-прядью под нижней губой, тонкие усики со спущенными книзу концами, сильный раскос глаз. Эти черты лица, а также своеобразная чалма с торчащим концом ткани над левым ухом и с черным султаном-кисточкой с правой стороны — иконографические признаки Хусейна Байкара.

Рядом с сидящим на ковре Кельди-Мухаммадом изображен опирающийся на палку сутулый мужчины в коричневом халате. Эта фигура напоминает хранящийся в Мешхеде портрет Алишера Навои, подпи-

42 Сулейман; Сулейманова. 1982. С. 22

43 О.И. Галеркина 1980. С. 25, рис. 10–14. Это мнение не нашло безоговорочной поддержки у последующих исследователей, однако близость миниатюр «Анвар-и сухайли» миниатюрам Куллийата была отмечена. См.: Madraimov, Musaev, Ismailova 2001. P. 15, 19, 56–67.

44 Ашрафи 1987. С. 130.

45 Сулейман; Сулейманова. 1982. Рис. 65.

46 Семенов 1940; Горелик, 1971. Табл.; Soudavar 1992. P. 90; Bahari 1996. P. 102, 173.

санный Махмудом-музаххибом и датируемый исследователями по-разному — и 1500, и 1530–1540 гг. Считается, что образ поэта был срисован художником с миниатюры, выполненной Бехзадом⁴⁷. Во всяком случае, на атрибутируемой Бехзаду миниатюре «Танец суфиев», хранящейся в музее Метрополитен в Нью-Йорке, можно видеть ту же согбенную фигуру Навои, вместе с Абд ар-Рахманом Джами, наблюдающего за танцем⁴⁸.

Уместно вспомнить строки из газели Навои:

*Когда клюкой, как тетивой, твой стан изогнут луком,
Умчится жизнь твоя стрелой — уже ты на прицеле.*

Видимо, поэт в последние годы жизни, действительно, был сутул и ходил с палкой, чему есть еще одно свидетельство. Упомянутый выше мемуарист Васафи на маджлисе у Кельди-Мухаммада, состоявшемся в мухарраме 929 / ноябре–октябре 1522 г., рассказал случай, когда Бехзад принес Навои миниатюру. На ней был изображен цветущий сад, посреди которого стоял сам Навои, опершись на посох, а перед ним были видны блюда с золотом и серебром, предназначенными для подарков⁴⁹. Далее говорится об отзывах присутствующих на эту картинку, но для нас интересно здесь, что Навои описан опершимся на посох. И что тоже весьма важно, Васафи рассказывал этот случай в 1522 г., правда, несколько позже, чем была нарисована рассматриваемая нами миниатюра.

Итак, если наши предположения верны, то на миниатюре запечатлены три исторические личности. В образе судьи — прижизненный портрет удельного правителя Кельди-Мухаммада, пытавшегося культивировать при своем дворе в Шахрухийе и Ташкенте гератские традиции. Здесь же — двое уже отошедших в мир иной носителей этих традиций: последний представитель династии Темуридов Султан-Хусейн и поэт Алишер Навои. Их художник рисовал в соответствии с известными ему образцами, восходящими к еще одному знаменитому гератцу — Камал ад-Дину Бехзаду.

Прием включения в композицию отдельных персонажей из гератских работ предыдущего периода характерен и для других миниатюр Куллийата, выполненных несколькими художниками разного уровня мастерства⁵⁰. Однако миниатюра с Кельди-Мухаммадом, символизирующая преемственность, прямой перенос гератских эстетических ценностей и авторитетов в культурную среду удельного правителя из династии Шейбанидов, и исполнена мастером, который прекрасно знал гератские образцы и в совершенстве владел приемами портретной миниатюры.

47 См.: Soudavar 1992.

Р. 86; Bahari 1996. Р. 37; Акимушкин 1971. — С. 20–25; Ашрафи 1987. — С. 152–154, 156.

48 Bahari 1996. Р. 94.

О портретах см.: Семенов 1940; Акимушкин 1971; Рахимова 1991.

49 Болдырев 1946. С. 151–152.

50 Ашрафи 1987. С. 129–137.

Еще один портрет можно видеть на миниатюре «Пир у Бади аз-Замана», которая относится к посвященным этому принцу строкам во вступительной части поэмы «Лайли ва Маджнун». На голове молодого человека чалма с кисточкой, которую мы видели у Хусейна Байкара на предыдущей миниатюре.

Очень тонко охарактеризовала эту работу Н.В. Дьяконова: «Миниатюра написана первоклассным мастером в той мягкой и несколько интимной манере, без увлечения внешней декоративностью, которая, по-видимому, является одной из отличительных черт среднеазиатской живописи вообще»⁵¹.

Кат. 4.20

Близость с гератскими работами демонстрирует, например, миниатюра «Морское путешествие Фархада», которая и формой корабля, фигурами и одеждой людей напоминает иллюстрацию из «Хашт би-хашт» Амира Хосрова Дихлави 902 / 1496 г., атрибутируемую Бехзаду⁵², в то время, как морское чудовище в левой верхней части имеет аналогию в миниатюре из Пятерицы Низами 1494 г., также приписываемой этому художнику⁵³. Отличие весьма очевидно: художник Куллийата избегает рисовать береговой пейзаж и архитектурные строения, что можно объяснить не только их отсутствием в иллюстрируемом рассказе, но и упрощением композиции для придания ей большей динамичности.

Кат. 4.13

На рассмотренной миниатюре юный царевич Фархад изображен с тимуридской короной на голове, в ярком цветном одеянии. Он юн также на миниатюрах, где восседает рядом с отцом, беседует с каменотесами в горах и переносит Ширин вместе с конем. На иллюстрациях «Фархад рушит скалу» и «Фархад перед Махин-Бану» главный герой изображен с бородой, которая, как представляется, была дорисована позднее. Та же самая метаморфоза произошла и с Бахрам Гуром, причем, бородат он на первой миниатюре, где Мани преподносит ему портрет Диларам, а безус и молод — на последующих.

Кат. 4.12, 4.14, 4.16

Разница между миниатюрами этим не ограничивается. М.М. Ашрафи попыталась разделить цикл на несколько групп и обосновать их принадлежность разным художникам, однако сколько же их точно было — шесть или все же меньше — остается неизвестным⁵⁴. Не со всеми выводами исследовательницы можно согласиться. Так, нам представляется, что над миниатюрами все же работал опытный художник гератской выучки, а, возможно, и не один, поскольку простым «переносом» и компоновкой известных образцов трудно объяснить высокую художественность многих миниатюр. Особенно это касается иллюстраций к поэме «Хайрат ал-абрар», на которых не просто воспроизведены фигурки в гератских одеждах, но художник особыми приемами наполнил картинку внутренней экспрессией, движением.

⁵¹ Дьяконова 1964. С. 22.

⁵² Находится в Вашингтоне, в Галерее Фрира (№ 37.27). См.: Bahari 1996. P. 169.

⁵³ Находится в Британской библиотеке (Ог 68.10). См.: Bahari 1996. P. 154.

⁵⁴ Ашрафи 1987. С. 129–137.

В иллюстрациях к «Саба сайара» также заметно «тимуридское наследие», а именно, «костюмы гератских горожан конца XV века» и вполне традиционные композиции для изображения дворцов-павильонов разного цвета, в которых Бахрам Гур проводит семь ночей. Так иллюстрировалась Пятерица Низами. Некоторые сцены, имеющиеся у Низами и повторенные у Навои в поэме «Лайли ва Маджнун», также проиллюстрированы с «оглядкой» на предыдущую традицию.

Очевидно, что наименее удачны миниатюры «Лайли и Маджнун в школе», «Шапур, передающий Фархаду письмо Ширин». Их объединяет фон из зеленой травы и цветов, несоразмерность фигур и лиц, неловкость поз, общая несбалансированность композиции.

Кат. 4.26–32

В целом же миниатюры Куллийата, если сравнивать их с тринадцатью гератскими иллюстрациями к уже упомянутой выше пятитомной Пятерице Навои 901 / 1495 г., отличаются «ненасыщенностью» композиции, избыточными деталями и персонажами, мягкостью красок, а также подбором сюжетов. Впрочем, этот подбор обусловлен свободным местом, оставленным переписчиком для иллюстрации.

Рукописная мастерская Шахрухийи-Ташкента просуществовала недолго: она распалась со смертью Кельди-Мухаммада в 1532 г., а ее мастера перебрались в Бухару и Самарканд. Определенно, не без участия этих мастеров была оформлена «История Абу-л-Хайр-хана» Масуда ибн Усмана Кухистани. Она была поднесена двоюродному брату Кельди-Мухаммада Абу-л-Латиф-хану, который правил в Самарканде в 1540–1551 гг., и, соответственно, ее миниатюры датируются этим периодом⁵⁵.

Кат. 4.21, 4.18

Большой интерес представляет переплет Куллийата, крышки которого, хотя и серьезно пострадали, но позволяют оценить высочайший уровень мастерства неизвестного переплетчика. Наружные стороны украшены золоченой «тисненной миниатюрой» с расположенным горизонтально изображением зверей и птиц в лесу. В центре — схватка львицы с оленем, по бокам расположены два цветущих дерева; на левом дереве сидят две птицы с длинными хвостами, а над правым деревом летят две утки. По паре животных находятся в нижних углах: слева они похожи на газелей, а справа — на лисиц. Точных аналогов такого тиснения пока не удалось найти. Весьма интересна и тисненная рамка вокруг основной композиции. Она представляет собой полоску из гирлянд веток и цветов, в которых угадываются также профильные изображения звериной мордочки (лисицы?), а в четырех углах находятся физиономии львиц анфас. Такие изображения (мотив «говорящее дерево *вак-вак*») встречаются и в книжном, и в прикладном искусстве. Так, мы находим их на полях двух поэтических сборников, один из которых датируют серединой XV в.⁵⁶,

55 Галеркина 1980. Рис. 10–14.
56 Richard 1997. P. 83.

а второй — 1480-ми гг.⁵⁷ Или на покрытии тента на одной из приписываемых Бехзаду миниатюр, вставленных в 1480–1490-е гг. в рукопись «Зафар-нама»⁵⁸. Или на двух коврах, один из которых датирован *рамаданом* 933 / маем–июнем 1529 г., а на другом указано имя мастера — Мухаммад Джафар Кашани⁵⁹. Этот мотив занимает центральное поле на переплете с тисненными стихами Джами, который датируют приблизительно концом XV в. и относят к Герату⁶⁰. Эти же анималистические орнаменты вытеснены на картушах рамки переплета поэмы Низами «Хосров и Ширин», переписанной в Герате в 937 / 1531 г., но заключенной в новые поля и в переплет несколько позднее⁶¹.

Еще больший разброс вариантов времени изготовления крышек предоставляет нам декор внутренних сторон. Бордовое кожаное покрытие украшено стандартным набором: средником и угольниками, которые выполнены путем аппликации ажурной кожаной сетки на окрашенные в разные цвета сегменты основы крышки. Особенность заключается в том, что при окраске основы использована не только синяя краска. Основа под сеткой имеет два уровня: нижний уровень розового цвета, на нем расположены синие, зеленые и черные элементы второго уровня, оконтуренные золотой линией, сама сетка сделана из коричневой кожи. Очень близкий аналог представляет собой декор внутренних сторон крышек Пятерицы Низами, переписанной в Ширазе в 881 / 1476 г.⁶², однако на них нет таких малых медальонов и рамки из картушей, что имеются на крышках Куллийата. Второй пример с аналогичным декором — у переплета поэмы Аттара, переписанной также в Ширазе, в 885 / 1480–1481 г.⁶³ В то же время известны несколько переплетов с похожим внутренним декором, очень близкие между собой. Один принадлежит «Шах-нама», переписанной для шаха Тахмаспа около 1522–1535 гг. в Тебризе, другой — Корану 959 / 1552 г.⁶⁴, а третий — Корану 922 / 1584–1585 г.⁶⁵ Судя по некоторым признакам, все они изготовлены в Ширазе. К сожалению, наши поиски не помогают ответить на вопрос о месте и времени изготовления крышек Куллийата. В любом случае, они весьма необычны, хотя содержат известные декоративные мотивы и изготовлены с применением известных технологических приемов. Не исключено также, что они выполнены в Мавераннахре, но мастер имел отношение к Герату, Тебризу или Ширазу и всему тому художественному опыту, который был накоплен к 1520-м гг.

Очевидно, что исследование Куллийата, его миниатюр и всего оформления далеко не исчерпано, учитывая его значение для истории книжного искусства Мавераннахра.

Вернемся, однако, в сефевидский Иран.

Кат. 4.1

57 Richard 1997. P. 88–89; Deroche et al. 2005. P. 136, il. 45. Richard 1997. P. 88–89.

58 Находится в Балтиморе, в Галлере искусств Вальтера. См. Bahari 1996. P. 71.

59 Melikian-Chirvani 2007. P. 266–269.

60 Richard 1997. P. 102.

61 Васильева 2008. С. 14.

62 Aslanapa 1979. P. 88.

63 Süleymaniye... 2014. S. 44.

64 Tanındı 2003. P. 161, 177.

65 Melikian-Chirvani 2007. P. 372.

«Маджалис ан-нафаис» и Диваны XVI в.

Руке Султан-Али Машхади, возможно, принадлежит и небольшая рукопись, содержащая извлечения из «Маджалис ан-нафаис» (Кат. 5). Во всяком случае, у нас нет веских оснований не доверять атрибутивной записи на первом листе, поскольку сравнение почерка с подписными работами каллиграфа не дает отрицательного результата. И все же крупный *насталик* списка «Маджалис ан-нафаис» не характерен для работ каллиграфа периода расцвета его мастерства. В молодые годы он переписал крупным почерком «Ранний диван», но буквы тогда были ровные, здесь же они такой ровностью не отличаются. Возможно, Султан-Али работал над книгой в преклонном возрасте, утратив остроту зрения и твердость руки. Переплет, сделанный из светло-коричневой кожи и украшенный тисненым золотым средником, относится к 1560-м гг.

В 935 / 1528 г. гератский мастер Султан-Мухаммад Хандан, ученик Султан-Али Машхади, переписал Диван (Кат. 6), который отличает очень плотная желтоватая бумага с мельчайшим золотым крапом, нанесенным по полю текста, и мелким золотым орнаментом на некоторых листах, особенно, в обрамлении колофона. Представляется, что Диван создан в Герате, не исключено, что при краткосрочном губернаторстве младшего брата шаха Тахмаспа Сам-мирзы, ставшего со временем знатоком книжного искусства. Однако миниатюры списка, по всей видимости, добавлены позднее и в другом месте. О.И. Галеркина отнесла их к Средней Азии середины XVI в., а А.А. Иванов нашел признаки, позволившие ему приписать миниатюры турецкому кругу, уточнив датировку 1550-ми гг., когда персидское влияние постепенно перестает сказываться на работах турецких мастеров⁶⁶. Что касается развернутого фронтисписа и рамок вокруг диптихов (от первого сохранилась только левая сторона), то они вполне соотносимы с таковыми в трех следующих рукописях, две из которых представляют тексты Дивана Навои и хранятся в Российской национальной библиотеке, а третья — Диван Хусейна Байкара из собрания Института восточных рукописей Российской Академии наук — использована нами в качестве сравнительного материала.

В этих трех книгах представлен декор начального периода правления Тахмаспа I. Поскольку один из Диванов Навои определенно переписан в Тебризе в 1527–1528 г. (Кат. 7), то второй допустимо отнести к концу 1520-х, но скорее — к 1530-м гг. (Кат. 8). Значительно большую близость обнаруживает второй Диван Навои с Диваном Хусейна Байкара из Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге, что

Кат. 6.8

66 О.И. Галеркина б. г.;
Иванов 1993.

Кат. 7.9

особенно заметно при сравнении миниатюр. В приведенной ниже таблице подчеркиванием выделены миниатюры с одинаковым сюжетом, близкие по композиции, краскам и стилю исполнения.

По мнению О.Ф. Акимушкина, три первые миниатюры Дивана Хусейна Байкара выполнены в Герате около 1540 г., а последняя миниатюра — в Тебризе в 1530–1540-х гг.⁶⁷, хотя аргументация для такого вывода не выглядит убедительной. Однако вне зависимости от того, в Герате ли две последние рукописи иллюстрировались или гератским мастером, но в Тебризе, миниатюры относятся к стилю, характерному для придворной тебризской мастерской Тахмаспа. Что касается переплетов двух Диванов Навои, о которых мы уже говорили выше, то они соотносятся по времени с перепиской.

Кат. 9.4

Следующий Диван (Кат. 9) вышел из-под пера одного из учеников Султан-Али Машхади гератца Султан-Мухаммада Нура (ок. 1472 — ок. 1536). Каллиграфом были использованы разноцветные листы бумаги с мельчайшим золотым розбрызгом. Бумага и развернутый фронтиспис вполне соответствуют декоративной манере,работанной в Герате к концу XV в. Однако поля из контрастной цветной бумаги с золотым крапом характерны для более поздних рукописей. Переплет был изготовлен в 1580-х гг., вероятно, в Казвине. Существует целая группа таких золотых тисненых переплетов, внутренние стороны крышек которых, как правило, украшены золотой кожаной сеткой, наложенной по всему центральному полю на сегменты синего, черного, красно-оранжевого и светло-зеленого цветов⁶⁸.

Кат. 9.5

Верхние стороны крышек у этой группы переплетов могут быть покрыты двумя типами тиснения. Один из них — с изображением зверей и птиц в саду — можно увидеть на Куллийате 1592–1596 гг. (Кат. 14). (Заметим, что тиснение переплета Куллийата с миниатюрами (Кат. 4), видимо, предшествует появлению этой группы.) Второй тип — с традиционными элементами декора, но с применением тиснения нескольких уровней. Переплет Дивана имеет ряд особенностей: центральное поле стало «дном» со своими тисненными элементами декора, включая «китайские облачка»⁶⁹; использованы темно-фишашковая и бордовая краски, золото двух оттенков.

67 Akimushkin 1995.

Интересно, что Филиз Чагман, бывший директор Музея Топ-капы Сарай, исследуя миниатюры хранящихся там Диванов Хусейна Байкара и Алишера Навои, пришла к выводу, что сложившийся в Герате стиль иллюстраций получил распространение не только в Тебризе, но и в Стамбуле. См: Çağman 1978.

68 Vasilyeva 2009.

69 Турецкая исследовательница Зерен Танынды выявила в Музее Топкапы Сарай в Стамбуле еще два переплета, для изготовления которых были использованы те же металлические доски (Tanındı 2016. S. 227, fig. 7; s. 228, fig. 9).

Такой же технологически сложный переплет, но большего размера, принадлежит Дивану (Кат. 10), переписанному, видимо, в первой половине XVI в., а в 1580-е гг. обретшему не только крышки, но и плотные поля красно-малинового цвета.

Диван «Гараиб ас-сигар» (Кат. 11), переписанный в 959 / 1551–1552 г. изящным *насталиком* на бело-розовой, хорошо лощеной бумаге, также интересен своим переплетом. Крышки, украшенные

Диван Навои (ТНС 56) 1527-1528 г., Тебриз	Диван Навои (ТНС 58)	Диван Хусейна Байкара (ИВР В-284)
Фронтиспис, л. 1 об.-2	Фронтиспис, л. 1 об.-2	Фронтиспис, л. 2 об.-3
	<u>«Охота шаха на льва»</u> , л. 56 об.	Диптих: «Музыкальный маджлис в горах» (шах на троне) и <u>«Охота шаха на льва»</u> , л. 1 об.-2
	«Сбивание на скаку цели («золотой тыквы») на шесте», л. 23	
		
«Музыкальный маджлис на лоне природы» (шах на троне), л. 40 об.	<u>«Музыкальный маджлис в саду»</u> (шах на троне), л. 125 об.	<u>«Музыкальный маджлис в саду»</u> (шах на троне), л. 33 об.
	<u>«Выезд на соколиную охоту»</u> , л. 146	<u>«Выезд на соколиную охоту»</u> , л. 50 об.
«Шах и виночерпий» (пир), л. 75 об.		
«Шах и красавица» (музыкальный маджлис), л. 158 об.		

фигуративной живописью, покрытой лаком, встречаются редко, а в данном случае они имеют некоторые особенности, уникальные для XVI в.⁷⁰ Во-первых, изображения расположены не вертикально, а горизонтально. Вторая редкостная особенность: на верхней крышке размещены три или даже четыре сцены-иллюстрации к поэмам «Лайли и Маджнун» (в центре) и «Хосров и Ширин» (по бокам). Поскольку одна из них — «Хосров видит купающуюся Ширин» — не имеет отношения к поэме Навои, но присутствует у Низами, то, вероятно, для его Пятерицы крышки и были изготовлены, или же их делали не для какой-то конкретной книги. На нижней крышке мы видим четырех всадников, играющих в конное поло (гуй ва чауган) в окружении слуг и зрителей. Особенности головных уборов, одежды, изображение женских фигур с удлиненными шеями говорят о том, что миниатюры на переплете выполнены в казвинском стиле в 1570-е гг. В отличие от значительно попорченных миниатюр на крышках клапан с изображением трех пери сохранился очень хорошо. С внутренней стороны крышки украшены нарисованными средником угольниками и медальонами, имитирующими стандартный тисненый декор.

Кат. 11.1

К последним десятилетиям XVI в. можно отнести Диван (Кат. 13), переписанный известнейшим каллиграфом своего времени Миром Имадом Казвини (1553–1612)⁷¹. Мир Имад работал в Тебризе, Казвине, Герате, в Семнани, затем опять переехал в Казвин, а в 1601 г. — в Исфахан, где стал одним из любимых каллиграфов шаха Аббаса I. Был убит в результате интриг возглавлявшего придворную мастерскую Али Риза-и Аббаси.

Кат. 11.2

В это время каллиграфы предпочитали создавать и продавать образцы своего творчества на отдельных листах, поскольку цельные книги им, видимо, заказывали нечасто. Таких образцов каллиграфии Мир Имада сохранилось очень много: их собирали и компоновали в альбомы-муракка. Полностью переписанных им книг насчитывается не более четырех десятков, а в европейских хранилищах они крайне редки.

Кат. 13.3

Насталик Мир Имада своей стремительностью и нервозностью значительно отличается не только от письма корифеев гератской и тебризской школ, но и от письма его современников, продолжавших старые традиции (например, Али Ризы). Оформление же Дивана — разноцветные поля с золотым крапом и стандартный унван — вполне соответствует традициям казвинского периода и не позволяет отнести его к началу XVII в.

⁷⁰ Vasilyeva 2014.

⁷¹ См.: Акимущкин 2004. С. 8–32.

Куллийат 1592–1596 гг.

В 1001–1004 / 1592–1596 гг. каллиграф Назар Али Фаизи переписал Куллийат (Кат. 14) в г. Кизил-Акач для библиотеки наместника Хорасана, Гиляна и Мазендарана, мецената Абу-л-Мансура Фархад-хана Караманлу, в библиотеке которого одно время работали упомянутые каллиграфы Мир Имад Казвини и Али Риза-и Аббаси. Книга украшена заставками-унванами, но примечательна не ими, а своим переплетом. Внутренний декор представляет собой уже знакомую нам ажурную кожаную сетку, наложенную по всему центральному полю на картонную основу, сегменты которой окрашены в оранжевый, салатный, синий и черный цвета. Рамка состоит из картушей, выполненных в той же технике.

Снаружи крышки украшены золоченой «тисненной миниатюрой» с изображением птиц и зверей в лесу. В нижней рамке мелким почерком золотом выписано имя: Мухаммад-Заман ибн мирза-бек Табризи⁷². Подписные переплеты — не частое явление. Нам удалось выявить не только два точных аналога данного тиснения⁷³, но и круг казвинских работ этого мастера 1580-х гг.⁷⁴ Есть все основания полагать, что именно тогда и именно в Казвине крышки были изготовлены, а Куллийат был заключен в них или сразу после переписки, или на рубеже XVI–XVII вв. в Исфахане.

Кат. 14.20

Всего в мире сохранилось более двухсот художественно оформленных списков сочинений Навои XV–XVI вв. Значительное их число находится в библиотеках Великобритании, Турции и Индии, а также в собрании Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге⁷⁵.

Рассмотрев рукописи Навои, можно прийти к следующим выводам. Прижизненные списки произведений поэта создавались в Герате известными ему мастерами, зачастую вероятно, по его заказу. Рукописи XVI в. выполнены и/или оформлены в лучших традициях гератской, тебризской, казвинской школ, а это означает, что сочинения Навои были востребованы правящей элитой Ирана, тюркский сегмент которой был весьма велик при Сефевидях. Несомненно также, что гератские «семена» дали замечательные всходы и плоды на почве Мавераннахра. Совершенно очевидно, что шедевры книжного искусства — не всегда единовременный продукт. Главное в рукописной книге — каллиграфия, а оформление может быть добавлено позднее и в другом месте. Это касается орнаментального убранства, миниатюр, особенно — полей и переплетов. Редки, но не единичны случаи использования уже имеющихся старых крышек. Не всегда можно рас-

72 Впервые опубликован А.А. Ивановым: Loukonine, Ivanov 1996. P. 174–175; Иванов 2008.

73 Один принадлежит поэме Низами «Искандар-нама» 1582 г. и хранится в Российской национальной библиотеке (Васильева 2008. С. 21), другой, снятый с Пятерицы Хосрова Дехлави, находится в Галерее Саклера в Вашингтоне. (Lowry 1988. P. 178; Melikian-Chirvani 2007. P. 317)

74 Vasilyeva 2009.

75 Мадраимов 2003.

познать «неодновременность» создания элементов книги, ведь мастера книжного рукоделия, прекрасно владея опытом предыдущих поколений, строго соблюдали законы гармонии и старались, чтобы результаты их труда радовали глаз и душу читателя. Их усилия не пропали и не померкли с веками — созданные ими шедевры радуют нас и поныне.



КАТАЛОГ

CATALOGUE

КАТАЛОГ





«ИЛК ДЕВОН»,
1465–1466 йй.
(Дорн 564)

THE “EARLY *DIVAN*”
OF 1465–1466
(Dorn 564)

«РАННИЙ ДИВАН»
1465–1466 гг.
(Дорн 564)

«ИЛК ДЕВОН», 1465–1466 йй.
(DORN 564)

Ҳижрий 870 / милодий 1465–1466 йй. Хаттот Султонали Маишхадий.

143 б. 34×23 см. Майда зарҳал доначалар сачратилган ранг-баранг ялтиратилган коғоз; оч рангли коғозда йирик верже чизиклари яккол қўриниб туради. Матн 18×10, 2–10,7 см, 12 мисрадан икки устун. Ёзув: настаълик, колофон насх хатида ёзилган. Матн қора сиёҳда, ажратувчи сарлавҳалар ва колофон кизил сиёҳда ёзилган. Дастлабки иккита туташи бетлар ва калин рангли коғоздан андаза ёрдамида солинган хошиялар 1560–1570 йилларда қўшилган.

Мукова: XX аср.

Келиши: 1829 й., Фотиҳ Али шохнинг тўпламида (Николай I дан).

Адабиёт: Dorn 1852, p. 512; Волин 1946, 217–218 б.; Костыгова 1963, ил. 6; Навоий, 1968; Сулаймон, 1981б, ил. 1–2; Сулаймон, Сулаймонова 1982, 22 б., ил. 2–13; Vasilyeva, 2011a.

«Илк девон»да ғазаллар, мустазодлар, мухаммаслар, рубоийлар бўлиб, таркибига кўра кейинги тахрирлардан анчагина фарқ қилади.

Хаттот арабча колофонда йилни ёзганидан кейин «Қариган кунлар» (*фи аййам ши-шайб*) деб қўшиб қўйган. Ўша пайтларда уста 33–34 ёшларда бўлгани туфайли ҳам у ўзининг қариган даврини ёзаётганини тахмин қилиш қийин, шунинг учун ҳам йилнинг қаригани, яъни гап 1466 йил 12 августда тугаётган 870 йил ҳақида бораётганини тахмин қилиш мумкин.

Биринчи бетда бир неча қўшимча белги-ёзувлар бор, уларда китобнинг муаллифи кўрсатилган. Улардан бирига нарх ёзилган: «1000 рупия». Бу қумуш танга 1540-йилларда Ҳиндистонда муомалага киритилган бўлиб, у ердан ташқари жойларга ҳам тарқалган, Усмонийлар империясининг Богдод вилоятида ҳам муомалага киритилганди [Yilmaz 2010. 549 б.]. Бошқа белгида нархи «15 румий» деб кўрсатилган. «Румий» ёки «румий олтин» олтин танга бўлиб, у Усмонли турк империясига Султон Маҳмуд II (1808–1839) ҳукмронлик қилган даврда зарб этилган.

THE “EARLY DIVAN” OF 1465–1466
(DORN 564)

870 / 1465–1466. Calligrapher Sultan-Ali Mashhadi.

143 ff., 34×23 cm. Multi-coloured, polished paper with tiny golden spray; on the light coloured paper large laid lines can be seen. The text is 18×10.2–10.7 cm, in two 12-line columns. The handwriting is nasta’liq, the colophon is written with a naskhi script, in black ink, the sub-headings and the colophon are done in red ink. The first two double-frontispieces and the margins, made of thick multi-coloured paper and decorated using stencils, were added in the 1560s–1570s.

The binding belongs to the 20th c.

Acquisition: 1829, collection of Fath-Ali Shah Qajar (from Nicholas I)

Bibliography: Dorn 1852, p. 512; Волин 1946, pp. 217–218; Костыгова 1963, ил. 6; Navoi 1968; Сулейман 1981б, ил. 1–2; Сулейман, Сулеймонова 1982, p. 22, ил. 2–13; Васильева 2016б, p. 52; Vasilyeva 2011a.

The “Early Divan” contains ghazals, mustazad, mukhammas and ruba’i; its contents greatly differ from that of the subsequent editions.

In the colophon written in Arabic, the calligrapher adds the following phrase after the year: “in the days of greying hair/in old age” (*fi ayyam al-shaib*). Since at that time the master was around 33–34 years of age, it is difficult to assume that he is writing about his own greying hair, so it is possible to assume that he is talking about the ‘old age’ or the end of the year 870, which occurred on August 12, 1466.

On the first page there are a few notes, which indicate the title and author of the book. One of them also lists the price of 1000 rupees. This silver coin was introduced in India in the 1540s and was very common, even being in circulation in the Baghdad Vilayat of the Ottoman Empire [Yilmaz 2010. S. 549]. In the other note a sum of “15 rumi” is mentioned. The rumi or rumi altin is a golden coin which was minted in the Ottoman Empire during the reign of Sultan Mahmud II (1808–1839).

Since the notes do not indicate the year or name of the client who purchased the book, we cannot be sure that it was sold for the listed amount. It is pos-

**«РАННИЙ ДИВАН» 1465–1466 гг.
(ДОРН 564)**

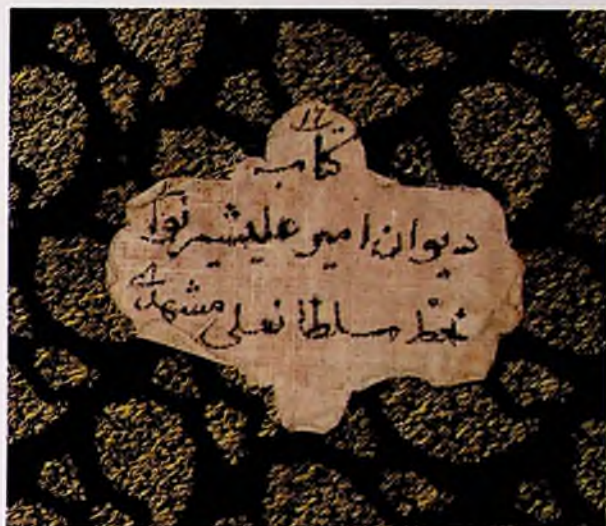
870 / 1465–1466 гг. Каллиграф Султан-Али Маши-
хади.

143 л. 34×23 см. Лощеная бумага разного цвета,
с мельчайшим золотым разбрызгом-напылением; на
светлой бумаге видны крупные линии-верже. Текст
18 × 10,2–10,7 см, в два столбца по 12 строк. Почерк
– насталик, колофон написан насхом, чернила чер-
ные, заголовки-разделители и колофон – красными
чернилами. Два первых разворота и поля из плотной
разноцветной бумаги, орнаментированной по тра-
фарету, добавлены в 1560–1570-е гг.

Переплет XX в.

Поступление: 1829 г. Собрание Фатх-Али-шаха
(от Николая I).

Литература: Dorn 1852. P. 512; Волин 1946.
С. 217–218; Костыгова 1963. Рис. 6; Навои 1968; Су-
лейман 1981б. Рис. 1–2; Сулейман, Сулейманова 1982.
С. 22, рис. 2–13; Васильева 2016б. С. 52; Vasilyeva 2011а.



«Ранний диван» содержит газели, мустазад,
мухаммас, рубаи и своим составом значительно от-
личается от последующих редакций.

Каллиграф в арабском колофоне добавляет
после года: «в дни седины (старости)» (*фи аййам
аш-шайб*). Поскольку мастеру в ту пору было 33–
34 года, трудно предположить, что он говорит о
своей седине, а потому не исключено, что речь идет
о старости (конце) 870 года, который завершился 12
августа 1466 г.

На первой странице имеются несколько при-
писок-помет, в которых указываются заглавие и
автор книги. У одной из них проставлена цена —
1000 рупий. Эта серебряная монета была введена в
Индии в 1540-х гг. и имела широкое распростране-
ние; была в ходу и в Багдадском вилайете Осман-
ской империи [Yilmaz 2010. S. 549]. Другая помета
сопровождена суммой 15 руми. Руми или руми ал-
тын — золотая монета, которую чеканили в Ос-
манской империи в правление султана Махмуда II
(1808–1839).

Поскольку в приписках не указаны год или имя
покупателя книги, нельзя быть уверенным, что ее



Белги-ёзувларда йил ёки китоб харидорининг исми ёзилмагани туфайли ҳам уни шу пулга сотишганига ишониб бўлмайди. Эҳтимол, бу китобнинг бор-йўғи бахоловчи нархидир? Шунингдек, қўлёзманинг Ҳиндистонда, китоб санъатининг ашаддий ишқибозлари бўлган Бобурийлар қўлида бўлгани ва қўлёзма шох асарлар жуда юкори баҳоланадиган Туркияда бўлганини ҳам тахмин қилиш мумкин.

Ҳижрий 1232/милодий 1816 йилда Навоий девони Кожорлар сулоласидан бўлган Эрон шоҳи Фатх Али шохнинг кутубхонасида бўлган, бу ҳақда мирза Абдулвахоб Мусовий муҳр босиб тасдиқлаган. Биз унинг Нишот таҳаллуси остида шеърлар ёзгани, Исфaxonдан Техронга келгач, шох девонига ишга киргани, девонбоши лавозимиғача кўтарилиб, охирида ташки ишлар вазири бўлганини билламир.

Мукова кутубхонада тайёрланган: ёғоч қоқоқлар устига олтинранг гулли нил рангли эски Эрон шойиси тортилган, чамаси, муковаланмаган қўлёзма шу мато бўлагига ўралган бўлса керак. Қадимий қўлёзманинг бошида ва охирида муковаланган янги варақлардан ташқари, XVIII аср охири — XIX аср бошларида руслар ишлаб чиқарган бегона қоғоз варақлари ёпиштирилган.

Китоб зар иллар билан барг шакли тикилган мовий ранг шойидан тикилган филоф-хатжилдга жойланган. Филофга ичкаридан қизил мато билан пардоз берилган. Клапанига оқ мато бўлаги ёпиштирилган бўлиб, унга китобнинг номи, муаллиф ва хаттотнинг исми ёзилган. Кейинчалик унга «17» рақами ёзилган бўлиб, бу академик Х.Д. Френ тузган Фатх Али Шох тўпламининг қисқа хатловида Девон шу рақам остида қайд қилинганини билдиради.

сible that what we have in front of us is simply the estimated value. One can only assume that the manuscript had been in India under the Great Mughals, who were connoisseurs of fine books, and in Turkey where the arts of the book were also much appreciated.

In 1232/1816 Navoi's *Divan* was kept in the library of the Iranian Shah of the Qajar dynasty Fath-Ali, as is evidenced by the lengthy entry with a seal's stamp that reads, "Mirza Abd al-Vahhab Musavi". (It is known that he wrote poems under the pseudonym Nishat, that he was a calligrapher, and that upon moving from Isfahan to Tehran he began working in the Shah's office, which he eventually led, and it is also known that later he became a Foreign Minister.)

The binding was completed in the Library: plywood covers were wrapped with old, blue (indigo) Persian silk of the 17th-18th c. with golden flowers, which was probably used to wrap the unbound manuscript. At the beginning and end of the codex, in addition to the new flyleaves, there were also leaves of Russian paper of the late 18th — early 19th c. glued in.

The book is placed into an envelope casing also made of blue silk, but with leaves woven from gold-en thread. From the inside the casing is decorated with red fabric. The flap has a sticker made of a piece of white cloth, which has the name of the book, as well as the name of the author and calligrapher on it. Later the number "17" was added, this number was used for the *Divan* in H.D. Frähn's brief catalogue of Fath-Ali-Shah's collection.

продавали за эти деньги. Возможно, перед нами лишь оценочная стоимость. Можно только предполагать, что рукопись побывала в Индии Великих Моголов, больших любителей книжного искусства, и в Турции, где также высоко ценили рукописные шедевры.

В 1232 / 1816 г. Диван Навои находился в библиотеке иранского шаха Каджарской династии Фатх-Али, о чем свидетельствует заверенная печатью пространная запись с именем мирза Абд ал-Ваххаб Мусави. (Известно, что он писал стихи под псевдонимом Нишат, был каллиграфом и, переехав из Исфахана в Тегеран, поступил на службу в шахскую канцелярию, которую со временем возглавил, позднее стал министром иностранных дел.)

Переплет выполнен в библиотеке: фанерные крышки обтянуты старым иранским синим (индиго) шелком XVII-XVIII вв. с золотистыми цветами, в который, видимо, была завернута непереплетенная рукопись. В начале и конце кодекса помимо новых переплетных листов вклеены листы инородной бумаги русского производства конца XVIII — начала XIX вв.

Книга вложена в чехол-конверт также из синего шелка, но с ткаными золотой нитью листьями. Изнутри чехол отделан красной тканью. На клапане имеется наклейка из куса белой ткани, на которой написаны название книги, имена автора и каллиграфа. Позднее вписан номер «17», под которым Диван значится в краткой описи собрания Фатх-Али-шаха, составленной акад. Х.Д. Френом.





1.1
Биринчи очик фронтиспис.
Фатх Али шоҳ экслибриси
1 в, ор.-2

1.1
The first double-frontispiece with
Fath-Ali Shah's bookplate
F. 1v-2r

1.1
Первый развернутый фронтиспис.
Экслибрис Фатх-Али шаха
Л. 1 об.-2



1.2
Иккинчи очик фронтиспи
2-в. ор.—3

1.2
The second double-frontispiece
F. 2v—3r

1.2
Второй развернутый фронтиспис
Л. 2 об.—3



یکصد نیکوئی که مغلوبی داد

شهاب و پستاید طلوع

بولوبی زنی تو باشد یک عالم آرا

نوبی پس طلایه فاش

رسیدن و لما خسر چه مقامی مارا

تیا متراکما بهین سوتیا کا

رسو لوکی شمس یک دگا





اَللّٰهُمَّ اِنَّا بِدُشْمَانِكَ كَارِ

سِنِكَ كَاَجْمَعِ نَمَانِ وَكَارِ

صَبُوْر اِسْمِیْ بِقَلْبِیْ كَجِی

قَلْبِیْ نَزُوْدِغِیْ یُزْنِیْكَ اَرِ

یُوْلُوْكَ تَاشِیْ یُوْلُوْیْ قُوْتِ اَمْرِ

اِشْكِیْكَ نِیْزِ كَرْدِیْ شِیْ

قَا جَانِ كِیْمِ طَاوِرِ تِیْكَ اَمْرِ





1.3
Ҳошиялар беази намуналари
4-в. ор.—5

1.3
Sample of margin's decoration
F. 4v—5r

1.3
Декор полей
Л. 4 об.—5



1.4
Ҳошиялар беази намуналари
7-в. ор.—8

1.4
Sample of margin's decoration
F. 7v—8r

1.4
Декор полей
Л. 7 об.—8



1.5

Ҳошиялар беази намуналари

27-в. ор.-28

1.5

Sample of margin's decoration

F. 27v-28r

1.5

Декор полей

Л. 27 об.-28



1.6

Ҳошиялар беази намуналари

84-в. ор.-85

1.6

Samples of margin decoration

F. 84v-85r

1.6

Декор полей

Л. 84 об.-85

و مرقا رزاشه

بولدی قاتل کو زنده زلفیه کایه

ایستاد کایه محسنو عشق حریفان

کور وای دل حریف کو کنگووم شکان

توبه و هم تنی زنجیره کو کنگووم شکان

قوی قهرنگ یاسیند کیم بوا

دیر کوی سنک که انی پاریش صنع

جام نوت کیم طرحی نعلان

ای نوبی لعل جانجشی مسکا بولصیب

کانر پستی کمریان توشتی ناز طلیه

مین بطیری مین بولونک یاریم نموداری

سلیان افغان قلیه یاکا دلده منقاری

چشمه جان هم صفاسون کو کنگووم شکان

هم ترا بولدی و هم حکمتی دیواری

سک این و قیاسه کنگووم شکان

قلیدی غم شینی ناز و دیر کادی

تاک ایما پس خطه بولون جان کایه

و مرقا قاپس قدیب

نیه ای عشق کلر چپا رایی شوب تمک

کو کنگووم شکان قلیه یاکا دلده

سجای طحال آله شیدین عذو علی

ریا حین خلی دین چکا کاکا مرزند

خرین کاتل تی غم سر پستی نیر کایه

جمن نخر کسبو سید یوز چمن کنگووم

پری کنگووم شکان قلیه یاکا دلده

بولوت عیار دین هر قطارین هر کایه

وفا و امانت

بولدی قاتل کوز پیل زلف سیاه کانی

ایستاسا کنی لیلی حسن و حسن

کل کوردی دل سحر من کو کلوم سکا فین لبت
تویمه مریم تنغی زنجیره کو نکولدا ای رفیق
تویمه قهر نیک سایه سیند اکیم بواه و آسکده

دیگر کوی منک که انی باغش صنع
جام توت کیم طر حنی قلعان

ای نوایی لعل جانجشی مسکا یو کسبه نصیب

کانر پشی که مران توشتی نازی انک

مین فطیری مین بولونک یاریم نموداری

سلیمان افغان قلیدی چاکا ولد می منقاری
چیتک جان هم چیتا سون کو کلومدن ازاری

هم قرا بولدی و هم حکمتی دیواری
مسک یوق و قیتدایر لسته خارکے انک

قلیدی غم شینی خاوج و بربر کادی

تا کن ایما پس خط لوز جان کانی

جون منجھ الیہ قیلور چہ برو یوق عیب صلا پس آئیک منجھ کرو

رباعی

بو قیلہ کشتہ قیل کجایے تو بہ اول چرم بولیا عذر خواہیے تو بہ
قیلاق خیب کاہ جرم کا سی تو بہ بو جرم ایہ تو بہ دین آلتے تو بہ

رباعی

یا کاشف اسرار نہاں کیشی حلال رموز کن و کان بولسہ کیشی
یا عاشق زار نا توان بولسہ کیشی دیوانہ ور سپوای جہاں بولسہ کیشی

رباعی

آخروم عمر ایستابای سائے تو قیل مکا سنجہ منی ابای سائے

کیم حشر داسپت اولای غراب ای سائے
تا اسکلامای اسپت لار غراب ای سائے

چرمہ العبد سلطان علی المشهدی فی شہر سنہ ۹۷۰ و ثمانین فی ایام الشیث

رباعی

تو یقین مکن آنحبه منابای سنا

عمر استا شتابای سنا

کیم حشر و مسیت اولای خرابای سنا

تا انکلامای متیپه لار غرابای سنا

سلطان علی المشهدی فی شهر سنه سبعین و ثمان مائتہ فی ایام الرشید

1.7
Колофон
143-в.

1.7
Colophon
F. 143r

1.7
Колофон
Л. 143





«ХАМСА»,
1492–1493 йй.
(Дорн 560)

KHAMSA
1492–1493
(Dorn 560)

ПЯТЕРИЦА
1492–1493 гг.
(Дорн 560)

«ХАМСА», 1492–1493 йй.
(DORN 560)

Хижрий 898/милодий 1492–1493 йй. Хаттот Сул-
тонали [Маишадий].

325 в. 24,5×17 см. Қаймоқранг юпка силликланган
коғоз ва иккита нисбатан кейинроқ даврга мансуб
форзац варақ, матн 4 та устунда 20 сатрдан ёзил-
ган, ўлчами 17,2–17,4×11 см бўлган зарҳал хошия би-
лан ўралган. Ёзуви: майда настаълик. Қора сиёҳ, сар-
лавҳалар кизил рангда. Нақшли безак: қўлёзманинг
бошида иккита очик фронтиспис, дostonлар орасида
тўртта очик фронтиспис, тўртта унвон, матндаги
лавҳалар.

Аралаш мукова: чармга босма нақш ва локланган
зарҳал нақш тўширилган.

Эски таъмирлаш: тағизга қора чарм ёпиштирил-
ган.

Нуксонлари: 152, 180 ва 204-саҳифалардан кейин
матнда кичик узилишлар бор.

Келиши: 1828 й., Ардабил тўплами.

Адабиёт: Dorn 1852, p. 511; Волин, 211-б; Кости-
гова, 1963, ил. 7; Сулаймон 1981б, ил. 5–6; Сулаймон,
Сулаймонова, 1982, ил. 43–58; Шамсиев, 1970, 16–19-б.

Қўлёзманинг батафсил тасвирини «Навоий
асарлари китоб санъатида» бўлимидан кўринг.

Фронтисписларда Навоий дostonларининг сар-
лавҳалари ўрнига Низомийнинг Навоий «жавоб»
ёзган бешта дostonи номлари келтирилган: «Маҳ-
зан ул-асрор» («Хайрат ул-аброр», 3-в ор.–57 ор.);
«Хисрав ва Ширин» («Фарход ва Ширин» ўрнига,
58-в–133), «Лайли ва Мажнун» (133-в, ор.–168), «Хафт
пайкар» («Сабъайи сайёр» ўрнига, 168-в ор.–129),
«Искандарнома» («Садди Искандарий», 229-в ор.–
325 ор.)

2-варақда хижрий 1037/милодий 1627–1628 йил-
ларда шох Аббос қўлёзмани Ардабилдаги шайх Са-
фий макбарасининг вақфига қўйгани ҳақида ёзув
бор.

KHAMSA OF 1492–1493
(DORN 560)

898 / 1492–1493. Calligrapher Sultan Ali [Mashhadi].

325 f. 24.5×17 cm. Thin polished paper with a creamy
shade and two more recently added flyleaves. The text is
written in four columns, each consisting of 20 lines, it is
enclosed by a golden frame the measurements of which are
17.2–17.4×11 cm. Small nasta'liq script. Black ink, headings
done in red. Decorations: two double-frontispieces at the be-
ginning of the codex, four double-frontispieces between the
poems, four unvans, headpieces in the text.

Combination binding technique: embossed leather with a
lacquered golden ornament.

Old restoration: the spine, covered with black leather.

Defects: small lacunas after folios 152, 180 and 204.

Acquisition: 1828, Ardabil collection.

Bibliography: Dorn 1852, p. 511; Волин 1946, p. 211;
Костыгова 1963, ил. 7; Сулейман 1981б, ил. 5–6; Сулейман,
Сулеймонова 1982, ил. 43–58; Шамсиев 1970, pp. 16–19.

A more detailed description of the manuscript can
be found in the “The Works of Navoi in the arts of the
book” section of the present volume.

In the frontispieces, instead of the titles of Navoi's
poems, the names of five poems by Nizami are written,
to which Navoi wrote his “responses”: *Makhzan al-Asrar*
(instead of *Hairat al-Abrar*, f. 3v–57v); *Khosraw va Shirin*
(instead of *Farhad va Shirin*, f. 58r–133r), *Laili va Ma-
jnun* (f. 133v–168r), *Haft Paikar* (instead of *Sab'a Sayara*,
f. 168v–129r), *Iskandar-Nama* (instead of *Sadd-i Iskandari*,
f. 229v–325v).

On f. 2, there is a record about Shah Abbas I depos-
iting the manuscript in Shaikh Safi's Shrine in Ardabil
in 1037 / 1627–1628.

ПЯТЕРИЦА 1492–1493 гг. (ДОРН 560)

898 / 1492–1493 гг. Каллиграф Султан-Али [Маши-хад].

325 л. 24,5×17 см. Тонкая лоцная бумага кремового оттенка и два более поздних форзацных листа. Текст написан в четыре столбца по 20 строк, заключен в золотую рамку размером 17,2–17,4 × 11 см. Почерк — мелкий насталик. Чернила черные, заголовки красным. Орнаментальное убранство: два развернутых фронтисписа в начале кодекса, четыре развернутых фронтисписа между поэмами, четыре унвана, заставки в тексте.

Переплет комбинированный: кожаный, с тиснением и лакированным золотым орнаментом.

Старая реставрация: черной кожей оклеен корешок.

Дефекты: небольшие лакуны после листов 152, 180 и 204.

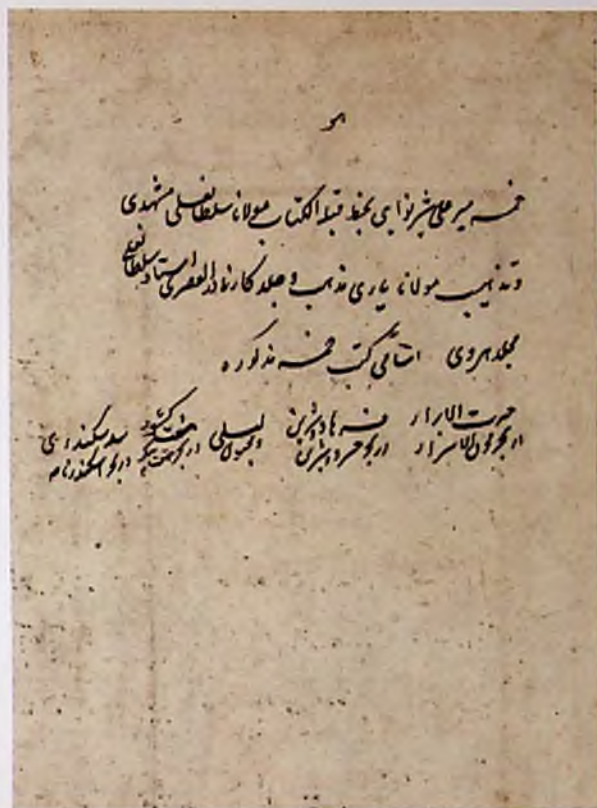
Поступление: 1828 г. Ардебильское собрание.

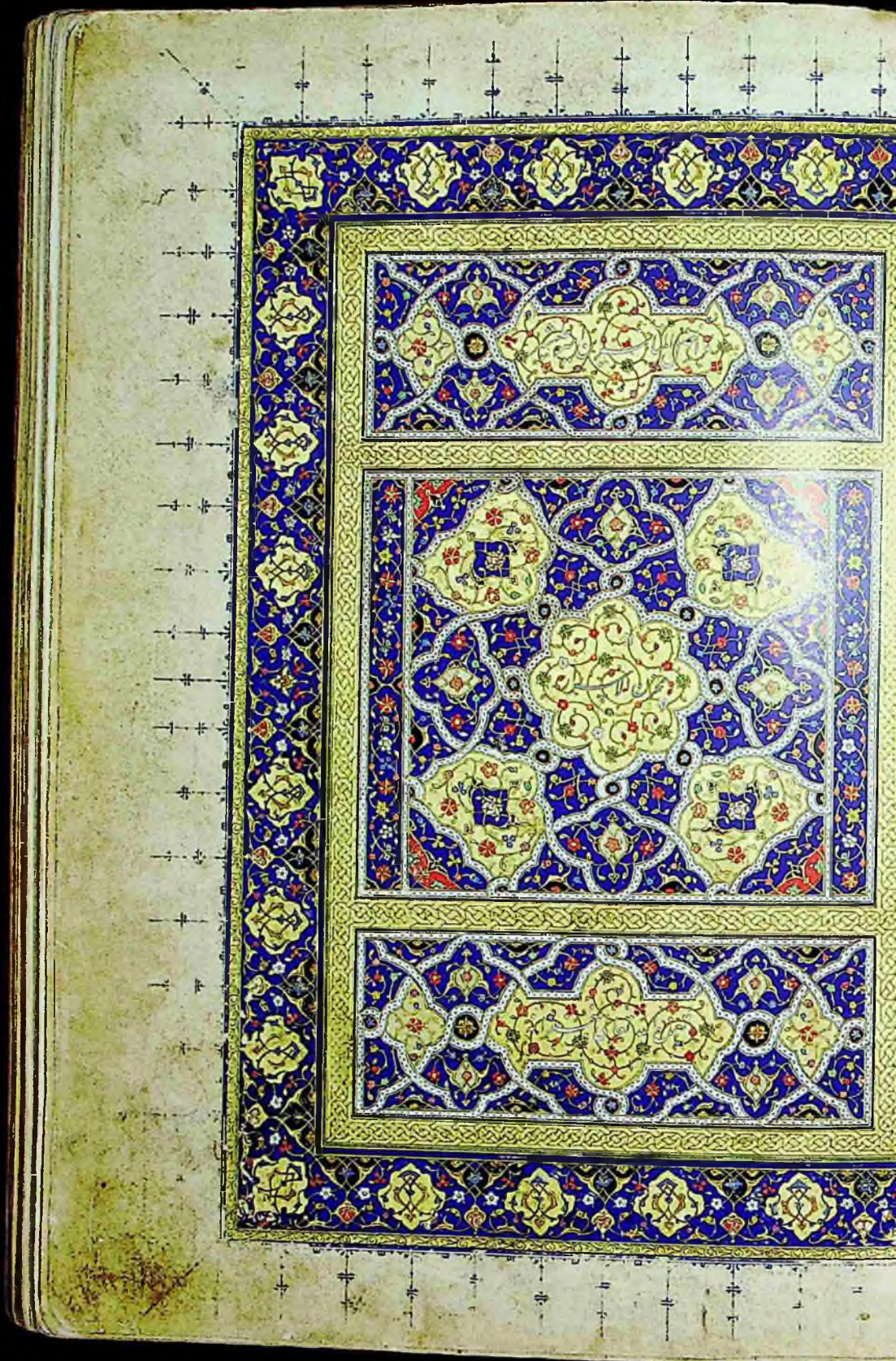
Литература: Dorn 1852. P. 511; Волин 1946. С. 211; Костыгова 1963. Рис. 7; Сулейман 1981б. Рис. 5–6; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 43–58; Шамсиев 1970. С. 16–19.

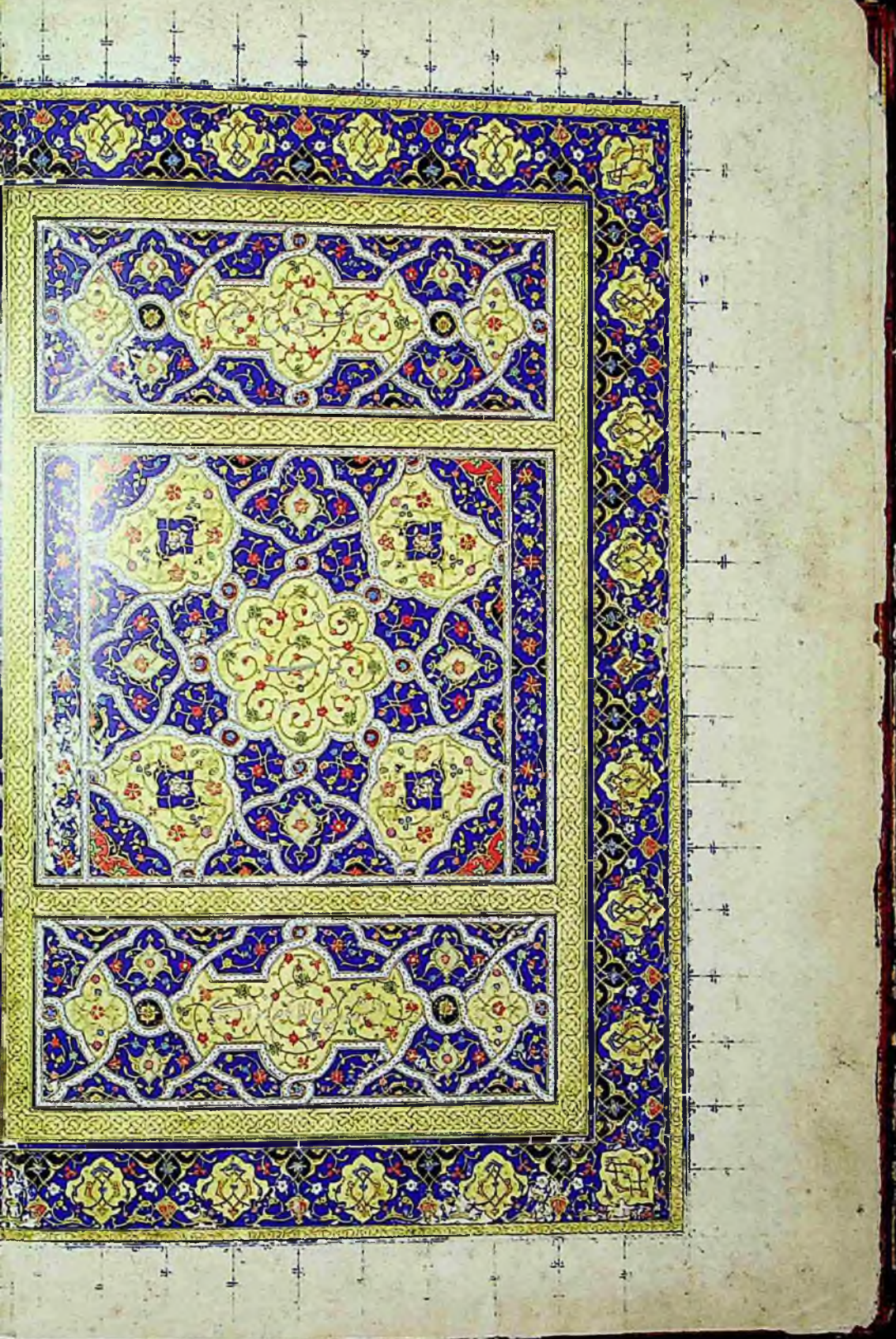
Подробное описание рукописи см. в разделе «Произведения Навои в книжном искусстве» настоящего издания.

Во фронтисписах вместо заглавий поэм Навои приведены названия пяти поэм Низами, на которые Навои писал «ответы»: «Махзан ал-асрар» (вместо «Хайрат ал-абрар», л. 3 об.–57 об.); «Хосров ва Ширин» (вместо «Фархад ва Ширин», л. 58–133), «Лайли ва Маджнун» (л. 133 об.–168), «Хафт пайкар» (вместо «Саба сайара», л. 168 об.–129), «Искандар-нама» (вместо «Садд-и искандари», л. 229 об.–325 об.)

На л. 2 запись о вложении рукописи шахом Аббасом в вакф гробницы шейха Сафи в Ардебиле в 1037 / 1627–1628 г.



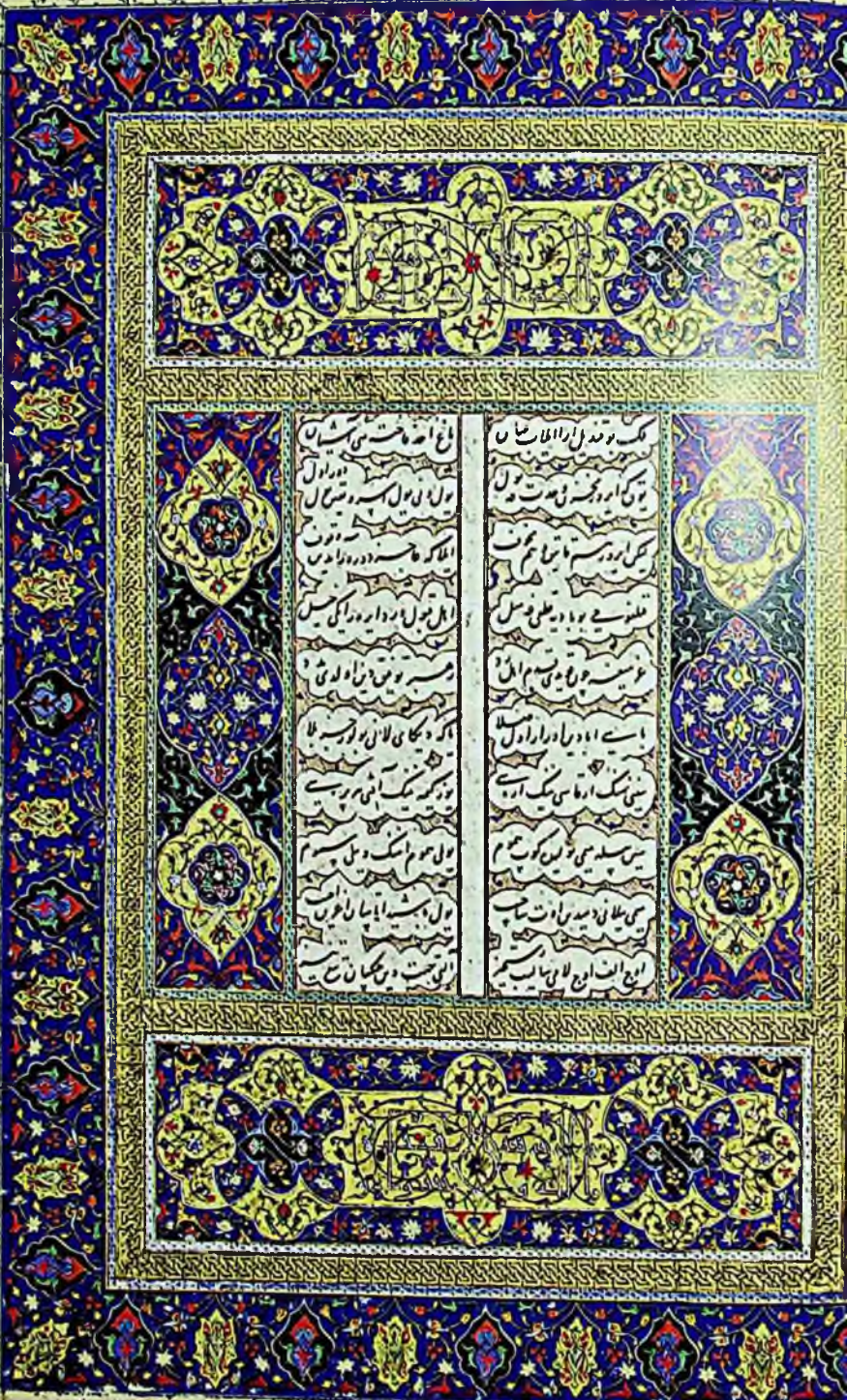




2.1
Биринчи очик фронтиспис
 2-в. ор.-3

2.1
First double-frontispiece
 F. 2v-3r

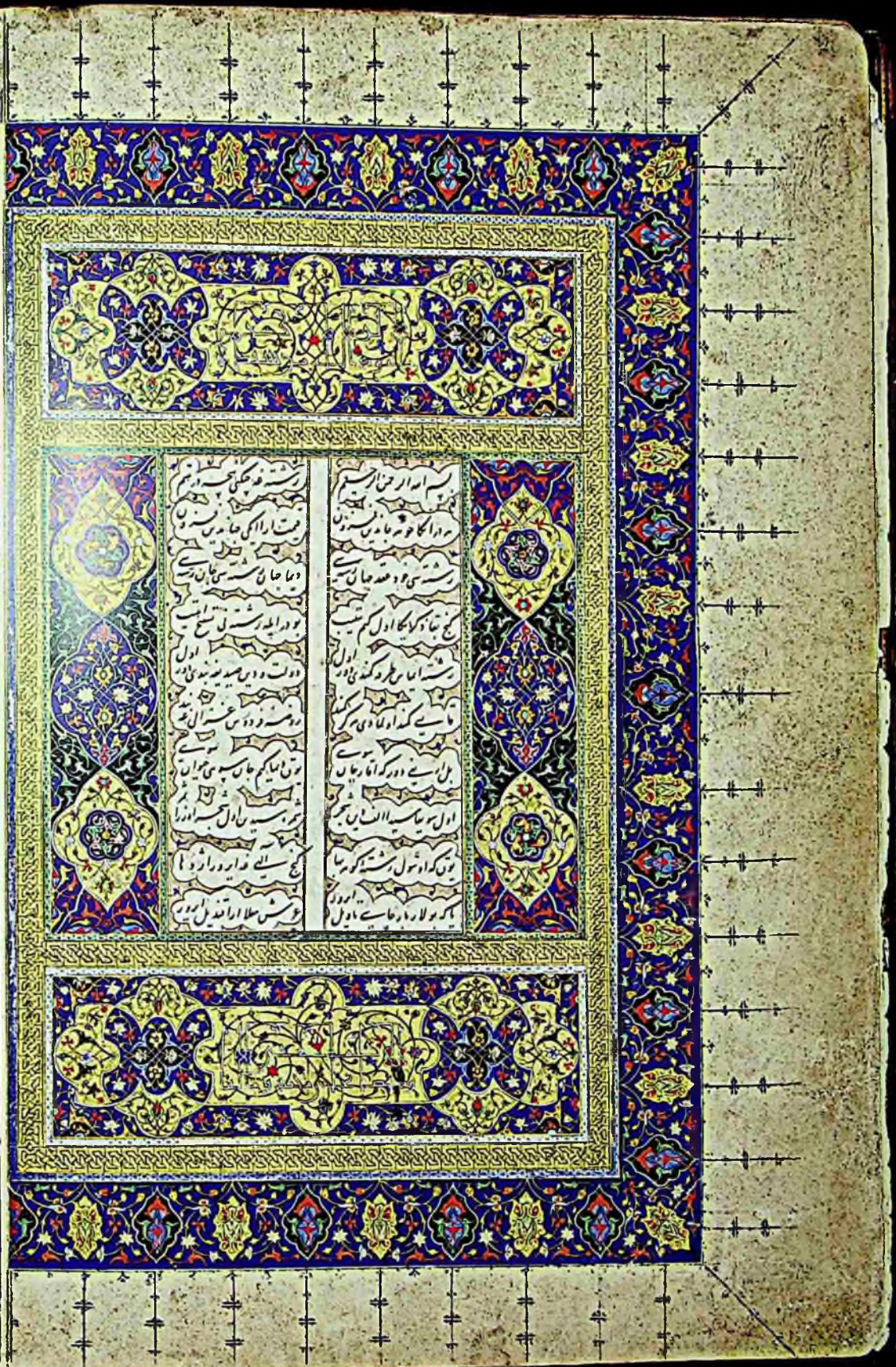
2.1
Первый фронтиспис
 Л. 2 об.-3



کتاب و مدنی را از انظار صاف
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین

بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین

بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین
بوی که از دین و دین و دین و دین



2.2

Иккинчи очик фронтиспис

3-в. ор. - 4

2.2

Second double-frontispiece

F. 3v-4r

2.2

Второй фронтиспис

П. 3 об. - 4



58



2.3

«Хайрат ул-аброр» (хотима)
ва «Фарход ва Ширин»
(битталиқ фронтисписи)

57-в. ор. - 58

2.3

Hairat al-Abrar (ending)
and Farhad va Shirin
(single frontispiece)

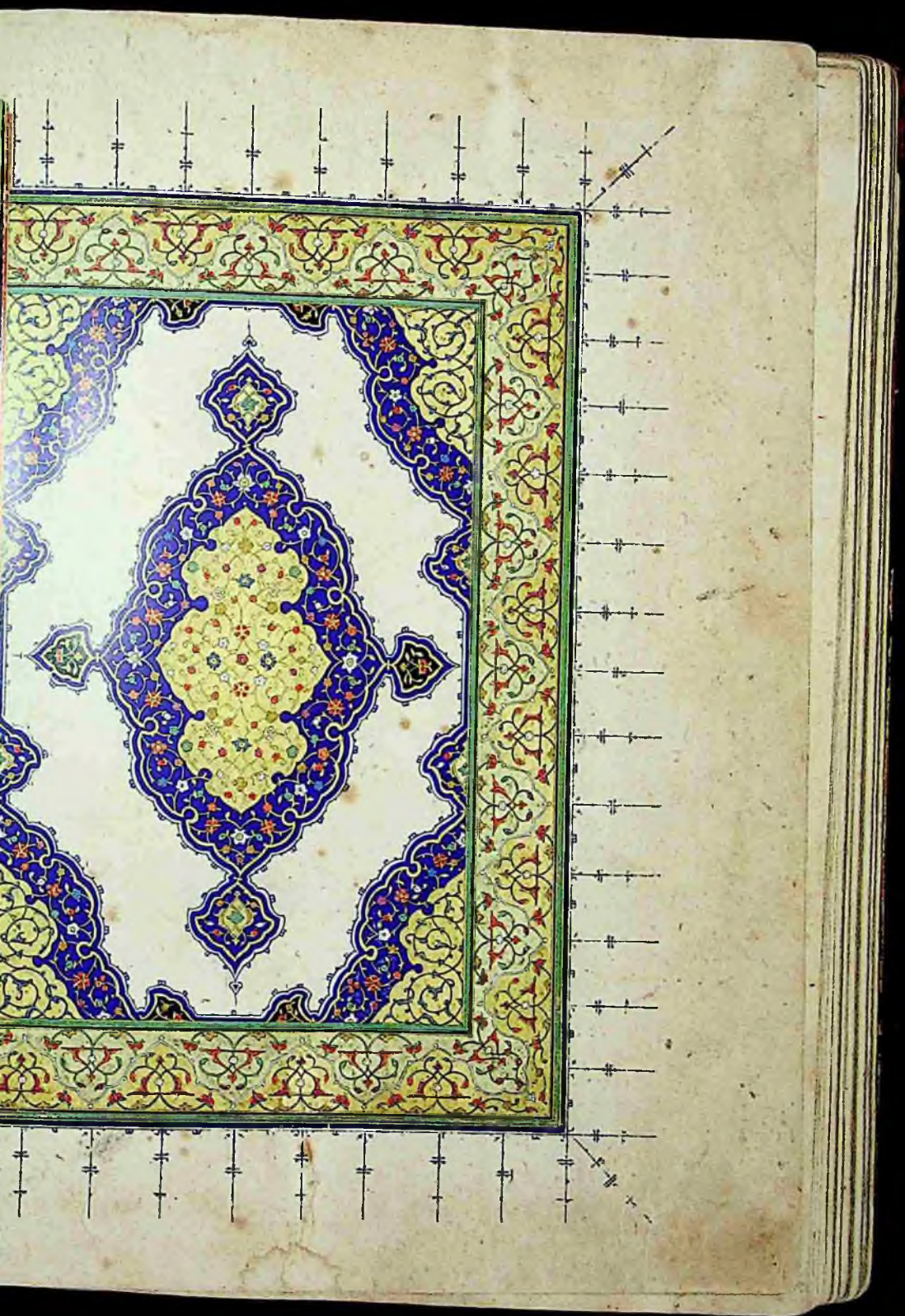
F. 57v-58r

2.3

«Хайрат ал-абрар» (окончание)
и «Фарход ва Ширин»
(одинарный фронтиспис)

Л. 57 об. - 58





2.4

«Фарход ва Ширин». Жупт
фронтиспис ва мукова клани

58-в. ор. — 59

2.4

*Farhad va Shirin. Double-page
frontispiece and flap of binding*

F. 58v–59

2.4

«Фарход ва Ширин». Двойной
фронтиспис и клани переплета

Л. 58 об. — 59





[illegible]

[illegible]

سراق املیغہ نام داپستانی

سکیم پوریکسان ایدی داعی توغوز

توب ساغ تولایر طرفه سایی

پ ایتیب سوز بغایت بولدی محمور

کھا تو تعیل که سوزنی کوته ایتیم

نوکامای مایه غم و موی

نواپی سیر ایتیب سوز بوستان

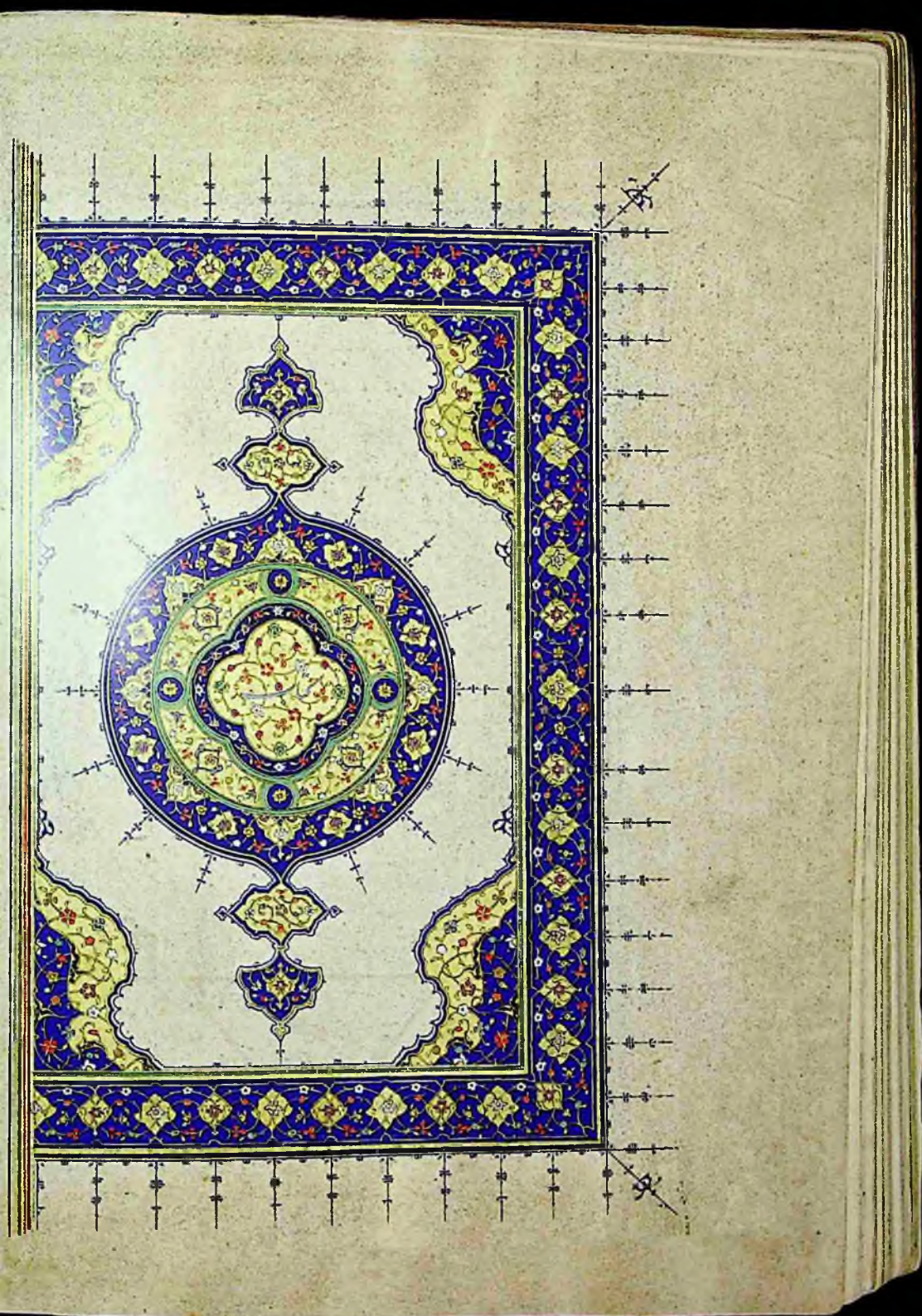
بالب چون تیب اول جام

کیسور ساقی انکا پردو

یتای سپر خطه چون منزلعه







2.8

«Лайли ва Мажнун»

Жуфт фронтиспис.

133-в. ор. – 134

2.8

Laili va Majnun

Double-page frontispiece.

F. 133v–134r

2.8

«Лайли ва Маджнун»

Двойной фронтиспис

Л. 133 об. – 134



2.9

2.9

Laili va Majnun

Unwan and beginning of the poem.

F. 134v-135r

2.9

«Лайли ва Маджнун»

Унван'и начало поэмы.

Л. 134 об.-135



2.9

«Лайли ва Мажнун»

Унван ва достон мукаддимаси.

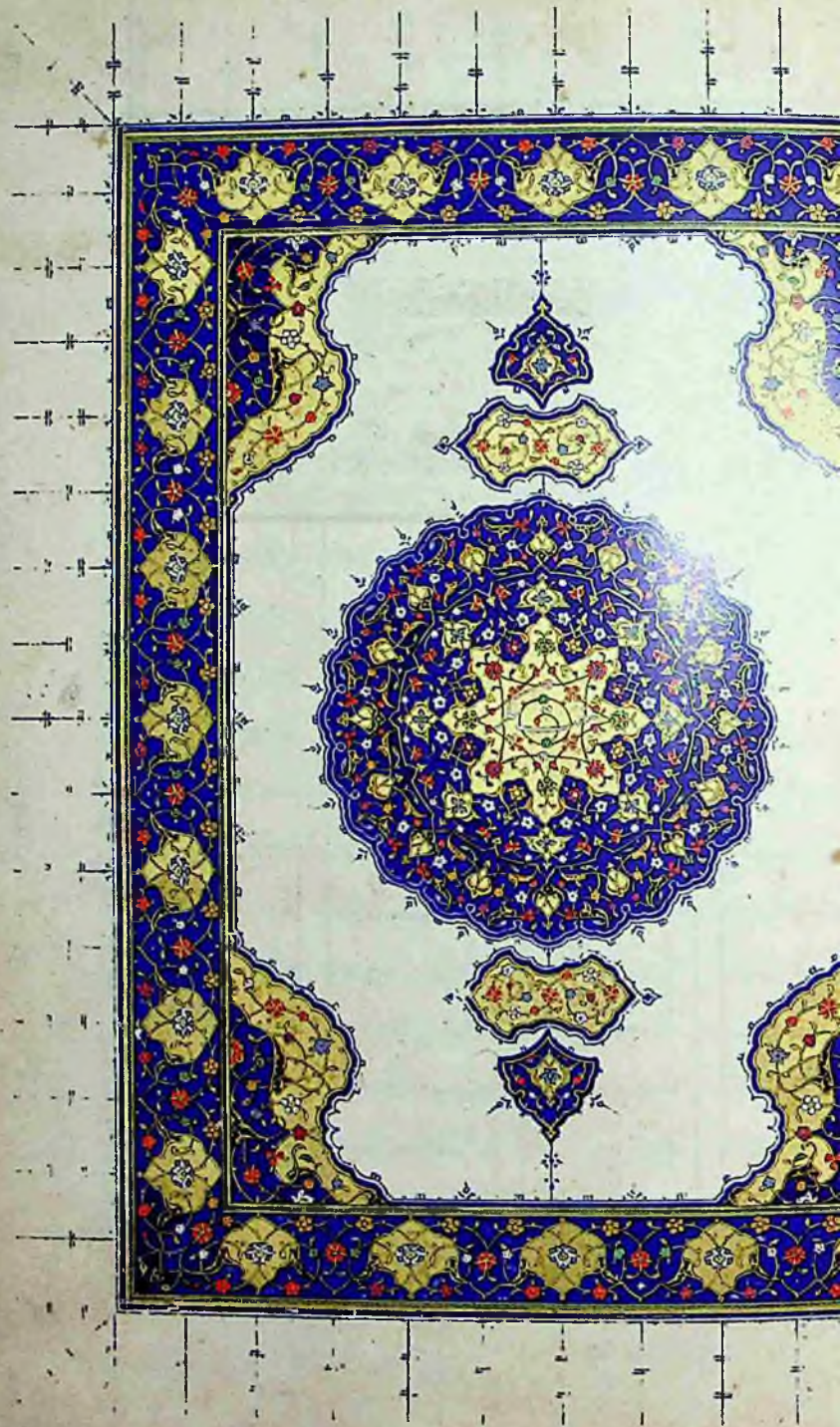
134 в. фр.-135



2.10
«Лайли ва Мажнун»
Хотима.
167-в. ор. – 168

2.10
Laili va Majnun
Ending of the poem.
F. 167v–168r

2.10
«Лайли ва Маджнун»
Окончание.
Л. 167 об. – 168





2.11

«Сабъаи сайёр»

Жуфт фронтиспис.

168-в. ор. — 169

2.11

Sa'ba Sayara

Double-page frontispiece.

F. 168v — 169r

2.11

«Саба сайара»

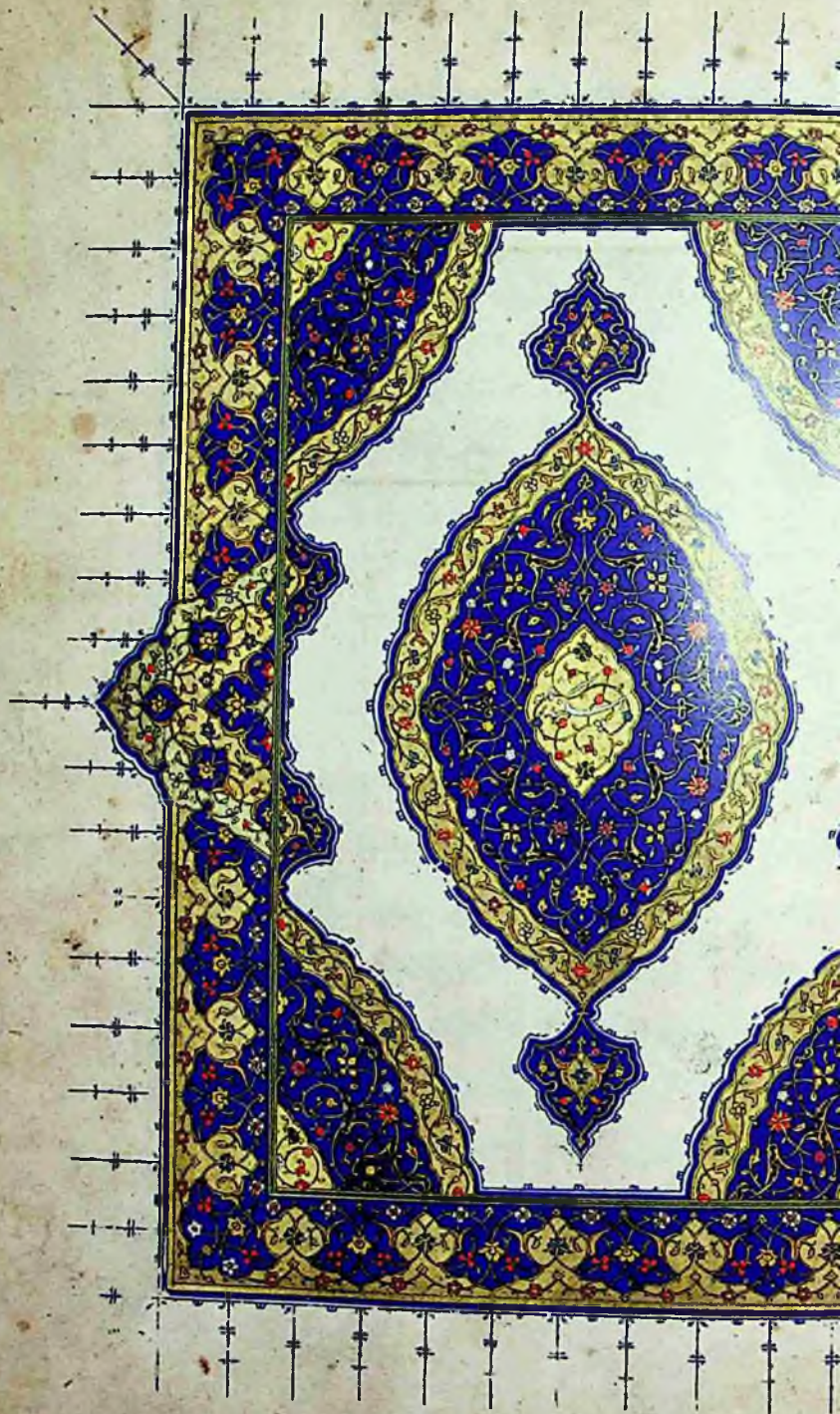
Двойной фронтиспис

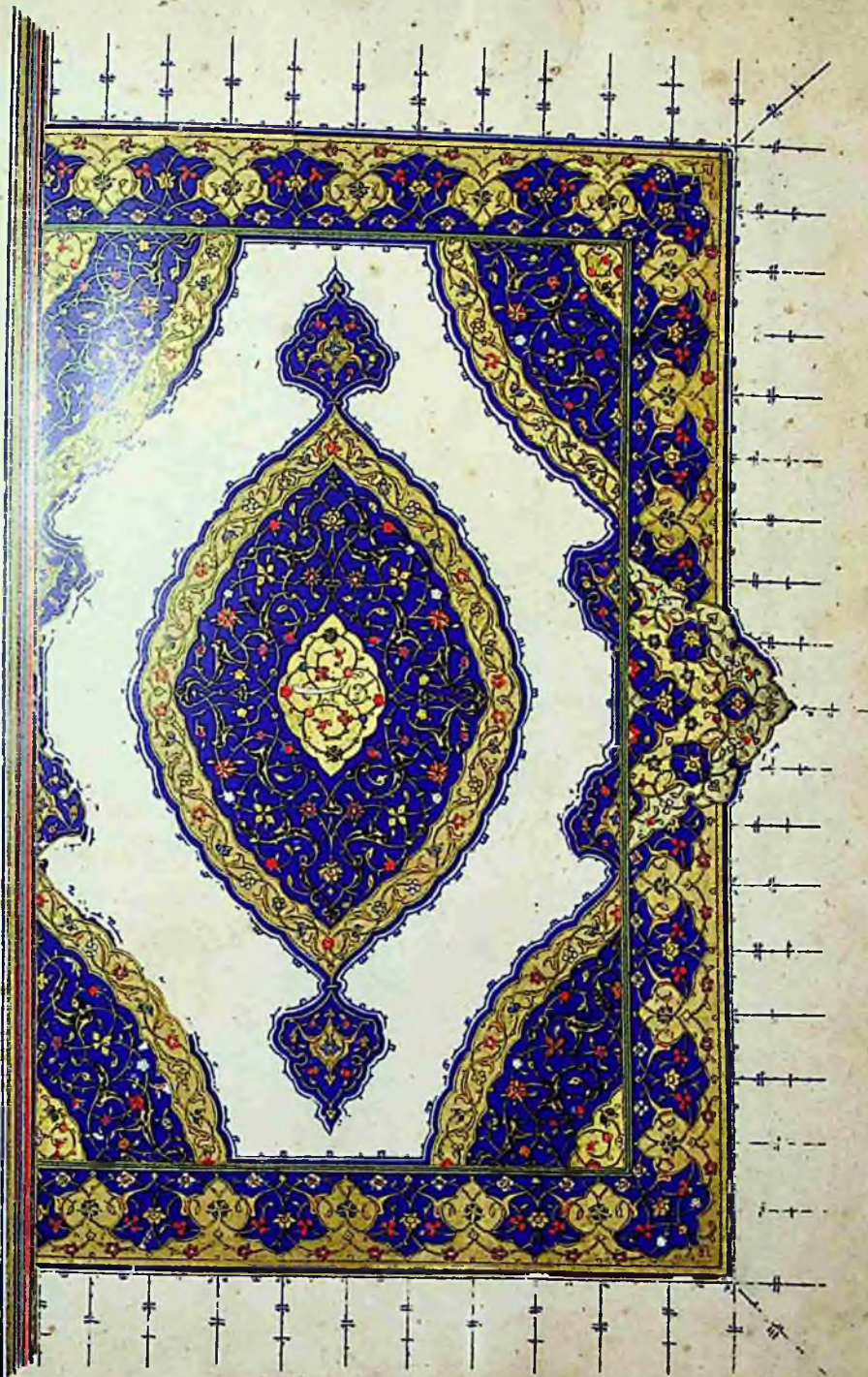
Л. 168 об. — 169



سینک دیا کد ایل تل لال ب فرق اوید اپنه این یدین سپر بر ایس اتی بوتنی کاخ رفیع خانه بار چاسی دبند مرفع تنی افلاک ج کوکب افروزی	ایکاتیل سپندین اولدی تیکقال کارگاه دماغ اناسینه چک زن سره تنیک دلارای نجم کو بر لاری پله حصیع اکیسی بر پر کا یوق نهند منخط ایلاب بوتیر هر کر خاک کوکبی کو نه شب افروزی	سیندین اناسنعه مارو بود جسد کوکل تا پیر ویر سکون سنیدن حکیمک ایکانه اوده بنیادین تیه کاخ اچره قیفسه زان تینی کنبه اگر چه مینار تک تیه کرده نیا کیستنه کن بر پر یسیند اوز کا صحت	جسد اچره کوکول کو بر پر کش بر پر کور تیه کنبه سپر دیکالی حکیمک تیه افغانه لیک بر پر ی احه اشیر اوز کا چار ک
--	---	--	--







2.14

«Садд-и Искандарий»

Жуфт фронтиспис.

229-в. ор. - 230

2.14

Sadd-i Iskandari

Double-page frontispiece.

f. 229v - 230r

2.14

«Садд-и искандари»

Двоплатный фронтиспис.

Л. 229 об. - 230



2.15

«Садд-и искандари»

Унван и начало поэмы.

Л. 230 об. — 231



2.15

Sadd-i Iskandari

Unwan and beginning of the poem.

F. 230v — 231r

2.15

«Садд-и Искандарий»

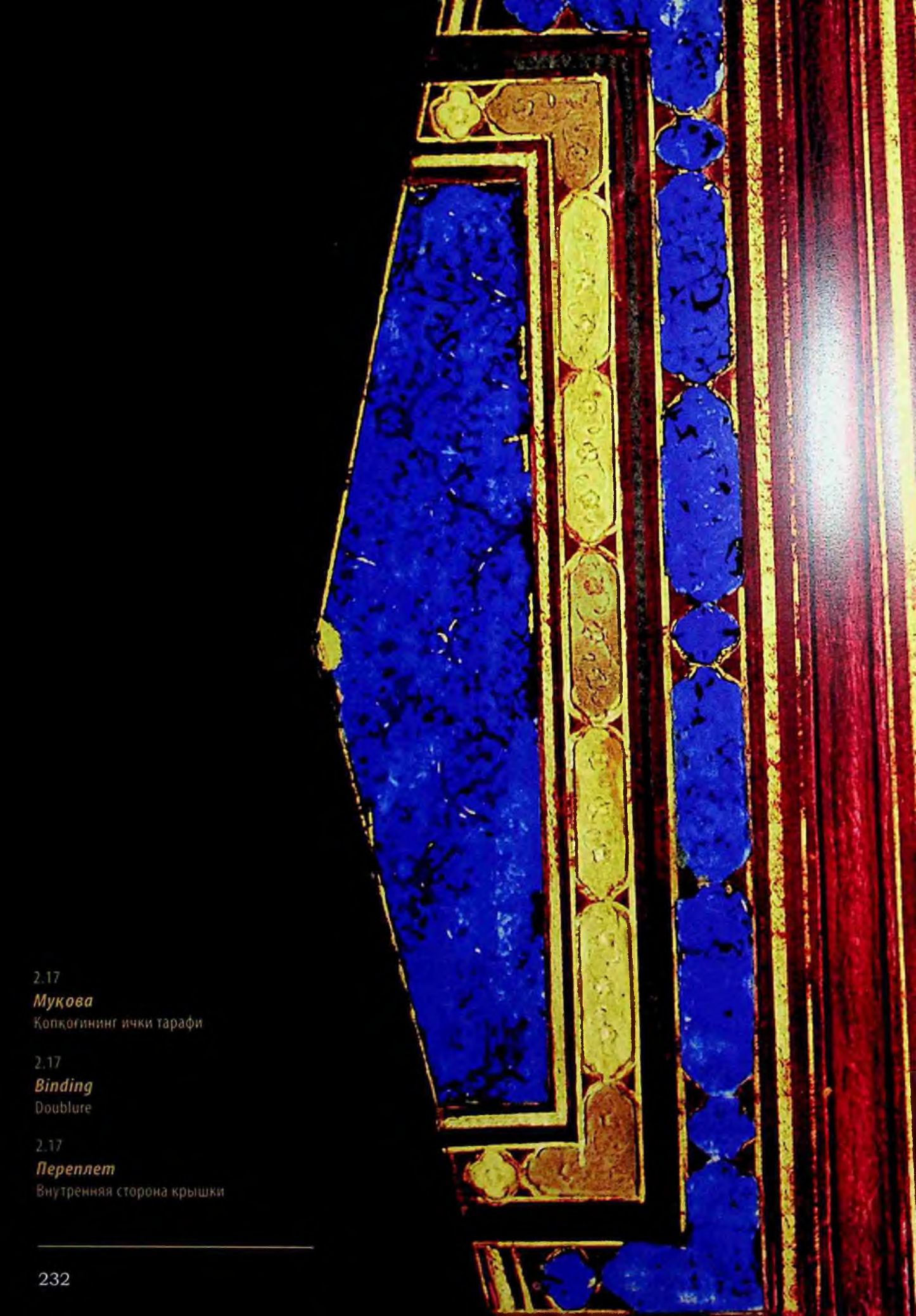
Унван ва достон муқаддимаси.

230 ы. об. — 231



فی شہور پسمہ شام و تسعین و ثمانیہ

کتابتہ العبد سلطان علی



2.17

Мукова

Қопқогининг ички тарафи

2.17

Binding

Doublure

2.17

Переплет

Внутренняя сторона крышки







КУЛЛИЁТ, 1499 й.
(Хаников, 55)

KULLIYAT OF 1499
(Khanykov 55)

КУЛЛИЙАТ 1499 г.
(Ханыков 55)

КУЛЛИЁТ, 1499 й. (ХАНИКОВ, 55)

Хижрий 904 йил зулҳижжа ойи 22 куни / милодий 1499 йил 31 июль (сана: 177-в ор.).

550-в. 33×22 см. Сифати турлича бўлган юпка локланмаган ялтирок коғоз. Матн майдони 24×16,5 см, назм — 4 устунли, наср — устунларга бўлинмаган, 27 сатр. Ёзув — настаълик, сиёҳ — қора, сарлавҳалар ва эски рақамлаш — кизил сиёҳда.

Бир неча марта таъмирланганлик излари бор.

Муқовалаш Ўрта Осиё, сўнги даврлар.

Келиши: 1864 йил, Н.В. Ханников тўпламида.

Адабиёт: Дорн 1865. 23-б; Волин 1946. 212, 218, 226, 229, 230, 232-б.

Навоийнинг ҳаётлик чоғларида тузилган ушбу «Куллиёт»нинг асосий қисмини Навоийнинг ўзи ёзгани ҳақида тахмин қилинади. Ханниковнинг тўпламини сотиб олаётган пайтдаёқ «Ушбу тўпламдаги қўлёзмаларнинг қўпчилиги муаллифлар томонидан ёзилган ёки кўриб чиқилган; айтайлик, Навоий асарларининг тўлиқ тўплами ва Зайн ал-Обидиннинг саёҳатлари шу жумладандир» деб таъкидланганди [Халфин, Рассадина 1977. 174-б.]. Бундай тахмин қилиш учун сабаблар бир нечта. Биринчидан, «Садди Искандарий» (448-в)да ёзувчи Аллоҳдан ўзи (яъни ёзган инсон), шунингдек, «ўқиган ва қараган» одамга марҳамат қилишини сўрайди-ю, аммо ҳаёт бўлмаган муаллифни назарда тутмайди, бундан келиб чиққан ҳолда ҳулоса қилиш мумкинки, «қўчирган/ёзган» ва «тўқиган/ёзган»лар — битта шахсдир. Иккинчидан, ёзув гарчи оддий китобларни кўчириш талабларига жавоб берса-да, нозик хаттотлик намунаси бўлмайди. Учинчидан, профессионал кўчирувчилар колофонда арабча «таммат» («тутади») сўзини ишлатишади, ушбу тўпламнинг баъзи колофонларида эса худди шундай маънони англатувчи туркча «түгенди» сўзи ишлатилган. Тўртинчидан, баъзи жойларда муҳаррирлик тузатишлари киритилган (тўғри, бу ишни бошқа шахс амалга оширган бўлиши ҳам мумкин).

Нима бўлишидан қатъи назар, куллиёт муаллифлик тўплами бўлиб, Алишер Навоий ҳаётининг охириги йилларида ўзи томонидан тузилган дастлабки энг тўлиқ асарлар тўпламидир.

KULLIYAT OF 1499 (KHANYKOV 55)

22 Dhu al-Hijja 904 / July 31 1499 (date is on f. 177v).

550 ff. 33×22 cm. Thin, polished laid papers of different quality. The field of the text is 24×16.5 cm, the poetry is written in four columns, while the prose is not divided into columns. 27 lines. Nasta'liq script, black ink, headings and old foliation in red ink.

Signs of multiple restoration works.

The binding is of a later period from Central Asia.

Acquisition: 1864, collection of N.V. Khanykov.

Bibliography: Dorn 1865, p. 23; Волин 1946, pp. 212, 218, 226, 229, 230, 232.

With regard to this copy of the *Kulliyat*, which was made during the author's lifetime, it has been suggested that the most part was written by Navoi himself. Even at the time of the purchase of Khanykov's collection it was noted that, "many of the manuscripts of this collection were written or revised by the authors themselves: for instance the complete collection of Navoi's works and Zain al-Abidin's Travels" [Халфин, Рассадина 1977, p. 174]. There are several reasons for these assumptions. First of all, at the end of the poem *Sadd-i Iskandari* (f. 448r) a message of good wishes has been written, in which the scribe asks for Allah's mercy for himself (the person who wrote it), as well as for "the reader and 'seer'", but not for the still living author. One could draw a conclusion that the person who "copied/wrote" and "created/wrote" is the same person. Secondly, the handwriting is not an intricate calligraphic one, although it does meet the standards of script used for copying regular books. Thirdly, professional scribes write the Arabic word *tammāt* ("finished") in the colophon, and in some colophons of this copy the Turkic word *tügendü* is used with the same meaning. Fourthly, there are signs of proofreading (which, of course, could have been done by someone else).

Either way, the *Kulliyat* is an authentic book, one of the earliest and most complete collections of Alisher Navoi's works, that was compiled in the last years of his life.

КУЛЛИЙАТ 1499 г. (ХАНЫКОВ 55)

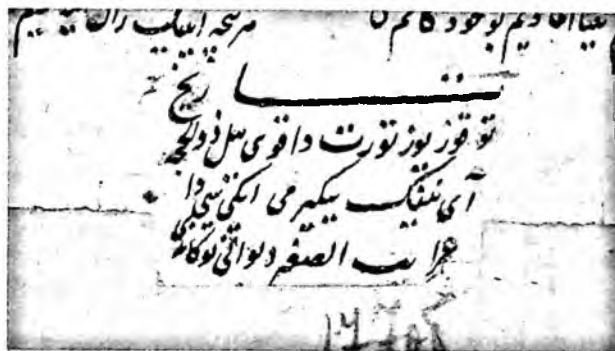
22 зу-л-хиджа 904 / 31 июля 1499 (дата на л. 177 об.).
550 л. 33×22 см. Тонкая лощенная вержированная бумага разного качества. Поле текста 24×16,5 см, поэзия в 4 столбца, проза — без деления на столбцы, 27 строк. Почерк — насталик, чернила черные, заголовки и старая фолиация — красными чернилами.

Следы неоднократной реставрации.

Переплет поздний среднеазиатский.

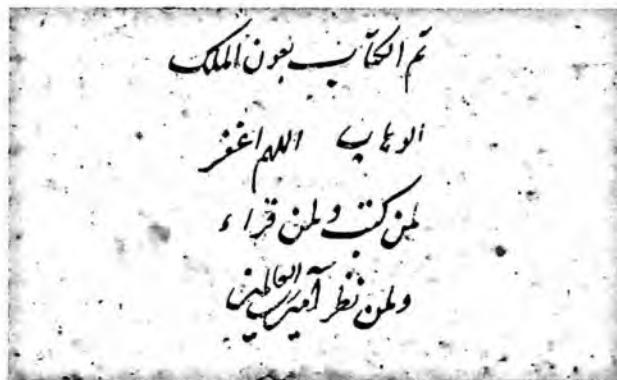
Поступление: 1864 г. Собрание Н.В. Ханыкова.

Литература: Dorn 1865. S. 23; Волин 1946. С. 212, 218, 226, 229, 230, 232.



Относительно этого прижизненного списка Куллийата делались предположения, что его составил и основную часть написал сам Навои. Еще при покупке коллекции Ханыкова отмечали: «Многие из рукописей сего собрания писаны или пересмотрены самими авторами: таковы, например, полное собрание сочинений Навои и путешествия Зейн эль-Абедина» [Халфин, Рассадина 1977. С. 174]. Причин для такого предположения несколько. Во-первых, в конце поэмы «Садд-и исхандари» (л. 448) имеется благопожелание, в котором писец просит милости Аллаха для себя (того, кто написал), а также для «читающего и глядящего», но не для живущего еще автора, из чего можно сделать вывод, что «переписавший/написавший» и «сочинивший/написавший» — одно лицо. Во-вторых, почерк не является изысканно каллиграфичным, хотя вполне отвечает требованиям переписки рядовых книг. В-третьих, профессиональные переписчики в колофоне пишут арабское слово «тамамат» («закончена»), а в некоторых колофонах данного списка употреблено тюркское слово «тюгендю» с тем же значением. В-четвертых, местами имеется редакторская правка (которая, впрочем, могла быть сделана другим лицом).

Как бы то ни было, Куллийат является авторитетным списком — одним из самых ранних и полных собраний сочинений Алишера Навои, составленным в последние годы его жизни.



Қўлёсмани бир неча марта қайта таъмирлашган. Хошиялар ва эски қоғознинг шикастланган жойлари нисбатан янгироғи билан алмаштирилган, эҳтимол, XIX асрда қайта таъмирланган бўлса керак. Ёпиштирилган қоғоз бўлақларидаги ипёрлар тикланган. Бошқа хуснихат билан бошқа қоғозга «Муншаот» (110-в.) ёзиб қўйилган, девонларга «эски» сўзбоши тўлиқ қўшилган (95-в. ор.–98-в. ор.). Бу хижрий 1258 / милодий 1842–1843 йиллардан олдинроқ, «Хайрат ул-аброр» (513–552 вв.) достони қўшилганида бажарилган, чунки у қайта таъмирланмаган қоғозга ёзилган, бошқа асарларнинг варақларидаги таъмирлаш излари эса аниқ сезилиб туради.

Барча варақларнинг тепадаги чап бурчагига қизил сиёҳ билан арабча рақамлар қўйилган, унга қараб, китобни ушбу муқова ичига жойлашдан аввал тўпламнинг тартиб рақами бошқача бўлганини аниқлаш мумкин. Бироқ, кўриниб турибдики, рақамлаш тўплам тузилаётган пайтда эмас, балки кечроқ — девонларга «эски» сўзбоши ва китоб қисмлари орасидаги баъзи тоза саҳифалар қўшилганида амалга оширилган.

Жадвалдан кўриниб турибдики, куллийёт «Муншаот» ва «Вақфия» билан бошланиб, кейинчалик тўртта девон, «Хамса» ва «Лисон ут-тайр» билан (агар кейинроқ ёзилиб, қўшиб қўйилган «эски» сўзбошини ҳисобга олмасак) тугаган. Баъзи қисмларнинг бошидаги варақларда мавжуд бўлган сезиларли шикастланишлар уларнинг қандайдир вақт давомида ягона муқова ичида жамланмаган ҳолда бўлганлигини билдиради.

Муқова XIX асрга хос, тури — «ўрта осийча» муқова: яшил рангли қалин қоғоз, қопқоқнинг ўрталигига босма нақш туширилган, медальонларидан эса устанинг исмини ўқиш мумкин: «Амала мулла Муҳаммад ... сахҳоф» («Мулла Муҳаммад ясади... муқовасоз»). Қопқоқлар ўлчами китобнинг ўзиникидан каттароқ, демак, атайлаб унинг учун ясалмаган. Китобнинг тикилган жойида жигарранг чарм билан қопқоқларнинг чеккалари ҳам маҳкамланган.

Бир нечта жойга «Муҳаммад Назариддин ибн Муҳаммад Ёдгор девонбеги» (фуқаролик ишлари бўйича қози) деган ёзувли овал шаклидаги муҳр босилган.

The manuscript was restored more than once. The margins and damaged parts of the old paper were replaced with newer ones, probably in the 19th c. The verses were restored on the glued on pieces of paper. The *Munsha'at* (f. 110r) were written on different paper and with different handwriting, also the entire “old” foreword to the *Divans* were added (f. 95v–98v). This happened before 1259 / 1842–1843, when the poem *Hairat al-Abrar* (ff. 513–552) was added, since it is written on paper that did not undergo restoration, while all the other leaves with the other texts bear signs of it.

The upper left corners of all of the folios have Arabic numbers written in red ink, which can be used to determine that prior to binding the book in its current covers, the order of the contents was different. However, it is clear that the foliation was not done at the same time as the codex was created, but actually later, when the “old” foreword was added to the *Divans* as well as some blank pages in between the parts of the book.

From the chart it can be seen that the *Kulliyat* began (if we do not consider the “old” foreword to the *Divans* added later) with *Munsha'at* and *Vaqfiya*, and the four *Divans*, *Quintet* and *Lisan al-Tayr* followed. Significant damage on the initial pages of some of the parts means that at some point they were not stitched in a single block.

The binding of the 19th c., type, “Central Asian” *mukovva*: green coloured cardboard covers are stamped with centrepiece and medallions, which contain the name of the master: “*Amal Mullah Muhammad ...sahhaf*” (“Done by Mullah Muhammad... bookbinder”). The covers are of a larger size than the block of the book, which means they were not specially produced for this book. The spine is made of brown leather, which was also used to bind the butts of the covers.

In some places impressions of an oval seal with the legend “Muhammad Nazar al-Din ibn Muhammad Yadgar *divan-bigi*” (civil case judge) can be seen.

Рукопись реставрировали неоднократно. Поля и повреждения старой бумаги восполнены более новой, вероятно, в XIX в. На подклеенных кусочках бумаги восстановлены стихи. Другой рукой на другой бумаге дописан «Муншаат» (л. 110), полностью добавлено «старое» предисловие к диванам (л. 95 об.–98 об.). Произошло это ранее 1258 / 1842–1843 г., когда была присоединена поэма «Хайрат ал-абрар» (л. 513–552), поскольку она написана на бумаге, не подвергавшейся реставрации, а все листы с остальными сочинениями несут ее заметные следы.

На всех листах красными чернилами, в верхнем левом углу проставлены арабские номера, по которым можно судить, что до заключения книги в нынешний переплет порядок сочинений был иной. Однако, очевидно, что нумерация проставлена не в момент создания кодекса, а позднее, когда было добавлено «старое» предисловие к диванам и некоторые чистые листы между частями книги.

Из таблицы видно, что Куллийат начинался (если не учитывать дописанное позднее «старое» предисловие к диванам) с «Муншаата» и «Вакфийа», далее следовали четыре дивана, Пятерица и «Лисан ат-тайр». Значительные повреждения на начальных листах некоторых частей говорят о том, что они какое-то время бытовали не спитыми в единый блок.

Переплет XIX в., тип — «среднеазиатский» *муковва*: картонные крышки зеленого цвета с тисненными средником и медальонами, в которых читается имя мастера: «Амала мулла Мухаммад ... *саххаф*» («Сделал мулла Мухаммад ..., переплетчик»). Крышки большего размера, чем блок книги, и значит, не были изготовлены специально для нее. Корешок коричневой кожи, на который крепятся торцы крышек.

В нескольких местах встречается оттиск овальной печати с легендой «Мухаммад Назар ад-Дин бен Мухаммад Йадгар *диван-биги*» (судья по гражданским делам).



КУЛЛИЁТ ТАРКИБИ:

Т. р.	Варақлар (янги рақами)	Асар номи	Варақларнинг эски номи	Қисмларнинг эски тартиби
1	1 ор.-36	«Лисон ут-тайр»	522 ор.-557	13
2	37 ор.-94 ор.	«Фарход ва Ширин»	306 ор.-364 ор.	9
3	95 ор.-98 ор.	Девонларга «эски» сузбоши (бошқа хуснихат)	1 ор.-4 ор.	1
4	99 ор.-110 ор.	«Муншаот»	5 ор.-16	2
5	111 ор.-118 ор.	«Вақфия»	18 ор.-25 ор.	3
6	119 ор.-177 ор.	«Ғаройиб ус-сиғар», 904 йил, зулҳижжанинг 22 куни	26 ор.-84 ор.	4
7	178 ор.-234 ор.	«Наводир уш-шабоб»	86 ор.-142 ор.	5
8	235 ор.-292 ор.	«Бадоеъ ул-васат»	144 ор.-201 ор.	6
9	294 ор.-329 ор.	«Лайли ва Мажнун»	365-400 ор.	10
10	330 ор.-378	«Сабъаи сайёр»	401 ор.-449	11
11	378 ор.-448	«Садди Искандарий»	449 ор.-519	12
12	449 ор.-510	«Фавойид ул-кибор»	204 ор.-265	7
13	511 ор.-550	«Ҳайрат ул-аброр», 1258.	266 ор.-305	8

CONTENTS OF THE KULLIYAT:

№	Folios (actual foliation)	Titles of works	Previous foliation	Previous order of the parts
1	1v-36r	<i>Lisan al-Tayr</i>	522v-557r	13
2	37v-94v	<i>Farhad va Shirin</i>	306v-364v	9
3	95v-98v	Old" foreword to the Divans (another handwriting)	1v-4v	1
4	99v-110v	<i>Munsha'at</i>	5v-16r	2
5	111v-118v	<i>Vaqfiya</i>	18v-25v	3
6	119v-177v	<i>Ghara'ib al-Sighar</i> , 22 Dhu'l-Hijja 904	26v-84v	4
7	178v-234v	<i>Navadir al-Shabab</i>	86v-142v	5
8	235v-292v	<i>Bada'i' al-Wasat</i>	144v-201v	6
9	294v-329v	<i>Laili va Majnun</i>	365r-400v	10
10	330v-378r	<i>Sab'a Sayara</i>	401v-449r	11
11	378v-448r	<i>Sadd-i Iskandari</i>	449v-519r	12
12	449v-510r	<i>Fava'id al-Kibar</i>	204v-265r	7
13	511v-550r	<i>Hairat al-Abrar</i> , 1258	266v-305r	8

СОСТАВ КУЛЛИЯТА:

№	Листы (новая нумерация)	Название сочинения	Старая нумерация листов	Старый порядок частей
1	1 об.-36	«Лисан ат-тайр»	522 об.-557	13
2	37 об.-94 об.	«Фархад ва Ширин»	306 об.-364 об.	9
3	95 об.-98 об.	«Старое» предисловие к диванам (другой рукой)	1 об.-4 об.	1
4	99 об.-110 об.	«Муншаат»	5 об. – 16	2
5	111 об.-118 об.	«Вакфийа»	18 об. – 25 об.	3
6	119 об.-177 об.	«Гараиб ас-ситар», 22 зу-л-хиджа 904	26 об. – 84 об.	4
7	178 об.-234 об.	«Навадир аш-шабаб»	86 об.-142 об.	5
8	235 об.-292 об.	«Бадаи ал-васат»	144 об.-201 об.	6
9	294 об.-329 об.	«Лайли ва Маджнун»	365-400 об.	10
10	330 об.-378	«Саба сайара»	401 об.-449	11
11	378 об.-448	«Садд-и искандари»	449 об.-519	12
12	449 об.-510	«Фаваид ал-кибар»	204 об.-265	7
13	511 об.-550	«Хайрат ал-абрар», 1258.	266 об.-305	8

کتابخانه ملی ایران

توق اولیخ دمنی غریق عقل یاری
ایشی بخون کپس بند اچره طاپاک
نخیریل رنج دخت ساین آرتوق
بویر کاتیکویم بولدی شماری
برایش دور طویم ایدری دکر راست
رقم چکا کاکات نونه خایه
کر اول تویر خط دور کر نقطه دور
کر اول کتیک کتیک قلم نیک
کر مقلدانه حجت سم تو مارین
بو سوزنی تو قاسانک یارب مسلم
فی قلعان ایش کر ابرو اس آندا کتوب
فی دیرین بس برج بی نواغز
دی یوق یاوه آتور دین قزاینک
چو دیوانه لیل فرما و یا یکنغ
جونین سوز کالولای پر دم آگاه
یوزوم سار غایبان نام قراسی
یوزوم لطفونک سوز دین تازه قلیقل
کتور ایلکیم داغی جام تو فیق

فی اول وقت که بولغای اختیار ی
اگر دایه برای حبسی فی ناپاک
فی دی کم سرنی دیسام آونین آرتوق
آنکازوق ایردی سچ ایش اختیار ی
قزیا ایلایس قدم بولای سکا خات
او شول دم کم قیلور خسر یزانه
بیلور کاکت که توز دور یا غلط دور
قلم نیک ایلکیم قلم نیک
بر حجت ایر اوقت سم تو مارین
یا ناپاط سرف راق موندن سوزوم
نیکم قیسانک ایرور عدلیکده خرب
کنی سی قیلاین قالغان بلاغز
جنون ایلکینک دین ایش اختیار یکنک
چیک تیل تیشه پولادیکنغ
کر آرتوق سوز دیدیم استغفر الله
قارایت نامه فی خام قراسی
سوزوم کوسین بلند اوز قلیقل
بیتور کورکلو مکا داغی راج عشق

فی منع کلاه غوغا سینه آتیک
بر صفت لاریقب عالم غده ساینک
بر حالت اچرا تو قای آنی معذور
که کر ایدری دکر توز کلک قیدر
شعوری مار مو ایلکی واقم نیک
شوری یوق سلو غیلسن دکر وای
انکابس برق ایولا بولی نواغز
پرور سین کاه انکا دوزخ سلیم هم
ازل صبحی دامکو طوکنکی کلتور
وکر اول لوح اوزده بولیه محسور
نواغز خایه دیکتار قیلب و زون تیل
جون نیکر یقه پاست سین مو
قراتیلن دیاک دین پر زمان چیک
الهی باقی غیل محبتون لر و غم
عنایت یعنی دین نام ساری باق
فی لطفوم طرب خیر ایلد یارب
سوزوم راجین قیلکوشن صنادین

فی ستر عورت اعضا سینه آتیک
یکم آنی ادنی خسی غده قاتیک
یا ناپا قیلک نچه امر سیکنه مامور
ازلدا ایلایش الیغه تحسیر
ویا اول خایه نوکی دارتم نیک
که برایش قلم نیک یوق کنای
قلم دیک سر کون لوق یوز قزایغ
قیلور سین کاه جینن اوتنه تسلیم
اراعه لوح محفوظ کنکی کبکتور
ازل تقیمی دین بولدی مستور
فی دی سین اوز حدیکنی یلکیل
اگر محنون ایلاس سیرست سین مو
ویسانک کیم بر نواغز ایلکیم قلم دیک
کرم دین چاره قیل محزون لر و غم
قزیر ایلد یوزوم نام فی هم آق
فی کلکیم شکر ریز ایلد یارب
شعاعت جانی سیکور مصطفی دین

اول تویش رخساری دمنی دایم تو کپی کیس تو یا شینه سایه سادی و شمس پیدا و الیللی سوره سینی اینک نور تویشی پیلور زانی
توینک اوخت یلقانی بین هر پیری هر سیک پایه آلدی اگر چه اول تویشش نه سایه یوق ایردی و اول کچه کاه منزل تویشش
او سید اوق ایردی وصلی ابد علی شمس حلاله و غل کاهه علی آله و اصحابه سلم
مهر کاف و نون غرقه الین
نبوت کشوری نیک تخت کیری
سایب هم عرش و هم کر سیک سایه
چراول حق ظلی بلاق پاره تاپتی
ایاغین اوپلکای کر توشی کیسو
کلی اوزره سنبلی اشاق غیب دور
رسالت خنی نیک صاحب سیری
بلوب کرسی آتیک تنخی غم یایه
قاچان سایه اوزیکا سایه تاپتی
بولور دایم چراغ الی قزایغ
قزایش قد سایه چرا شاق غیب دور
سر بریننه تو قز افلاک اولدیرش
دیبه سایه دیکل کیم ظل رافت
بوزی کیسونی چون پرایه ایللاب
معینر زنی دیک کم سایه بولغای
حایللاب حلقه لا اوزره بول



Мухрлар, хошияларнинг
эски реставрацияси

3.7
Seals,
old restoration of margins.
Л. 99r

3.2
Печати,
старая реставрация полей.
Л. 99

[illegible]



КУЛЛИЁТ,
МИНИАТЮРАЛАРИ БИЛАН
1521–1522 йй.
(Дорн 559)

*KULLIYAT WITH MINIATURES
OF 1521–1522
(Dorn 559)*

КУЛЛИЙАТ С МИНИАТЮРАМИ
1521–1522 гг.
(Дорн 559)

КУЛЛИЁТ, МИНИАТЮРАЛАРИ БИЛАН, 1521–1522 йй. (DORN 559)

XV аср охири – XVI аср боши, Хирот (?). Миниатюралар хижрий 928 / милодий 1521–1522 йй., Шохрухия (?).

227-в., ўлчами 32,5×22,5 см. Когози юпка, ялтироклигини йўқотган, йирик кийишк верже чизиклари тортилган. Матн зархал хошияда, 25×17 см, 25 мисрадан тўрт устун. Ёзув: насталик. Қора сиёх, сарлавхалари зархал, кизил ва зангори сиёхда. 6 унвон, 25 та миниатюра.

Зархал босма нақшли чарм мукова.

Когоз ва мукованинг таъмирланиши: 1980-йиллар.

Келиши: 1817 йил, П.К. Фролов тўнламида.

Адабиёт: Dorn 1852. p. 510–511; Волин 1946. 212, 232–233-б; Галеркина 1956. 221–234-б; Галеркина 1980. 24–25-б. 6–9-расм; Дьяконова 1964. 6–7-расм; Сулаймон 1981а. 7–9-расм, 21–22; Сулаймон, Сулаймонова 1982. 59–76-расм; Ашрафий 1987. 129–137-б; Васильева 2006б.

Куллиёт тўлиқ эмаслиги аниқ. У анъанавий равишда «Чихил хадис» (1-в ор.–3-в ор.) ва «Назм ул-жавоҳир»дан бошланади (в. 4 ор.–18 ор.), улар ортидан «Хамса»даги факат тўртта дoston келади: «Хайрат ул-аброр» (19-в ор.–65); «Фарход ва Ширин» (66-в ор.–131); «Лайли ва Мажнун» (132-в ор.–172) ва «Сабъаи сайёр», лавҳа-унвонда эса «Хафт пайкар» ёзилган (173-в ор.–227 ор.).

Тахминларга кўра, куллиёт XV аср охири – XVI аср бошларида Хиротда қўчирилган, кейин Мовароуннахрга келтирилган ва Шохрухия ўлкаси хукмдори Келдимухаммаднинг кўлига тушган. Бу ерда, тахминан хижрий 928 / милодий 1521–1522 йилларда қўлёзма катта аҳамият касб этадиган миниатюралар билан безатилган. Шунингдек, сезиларли шикастланишларига қарамай, санъат дурдонасига айланган муқоваси ҳам аҳамиятга сазовор. Унинг ички безатилиши ҳақида «Навоий асарлари китобат санъатида» бобида батафсил ўқиш мумкин.

1 в., 1 ор., 4 ор., 227 ор. да ёзувини тушуниб бўлмайдиган саккизбурчакли арабча муҳр мавжуд. 227-в. орқасида эса Пётр Фроловнинг дворянлик герб ва эгалик экслибриси бор.

KULLIYAT WITH MINIATURES OF 1521–1522 (DORN 559)

End of the 15th – beginning of the 16th c. Herat (?) Miniatures of 928 / 1521–1522, Shahrukhiya (?).

227 ff. 32.5×22.5 cm. Paper is thin, gloss is lost, with large, crooked laid lines. Text is enclosed in a golden frame 25×17 cm, 25 lines in four columns. Nasta'liq script. Black ink, headings written in gold, red and blue ink. 6 unwans, 25 miniatures.

Leather binding with gold embossing.

Conservation of the paper and binding in the 1980s.

Acquisition: 1817, collection of P.K. Frolov.

Bibliography: Dorn 1852, pp. 510–511; Волин 1946, pp. 212, 232–233; Галеркина 1956, pp. 221–234; Галеркина 1980, pp. 24–25. Il. 6–9; Дьяконова 1964, il. 6–7; Сулейман 1981a, il. 7–9, 21–22; Сулейман, Сулеймонова 1982, il. 59–76; Ашрафи 1987, pp. 129–137; Васильева 2006б.

The Kulliyat is certainly not complete. It begins traditionally with *Chihil Hadith* (f. 1v–3v) and *Nazm al-Javahir* (f. 4v–18v), it is then followed by four poems of the Quintet: *Hairat al-Abrar* (f. 19v–65r); *Farhad va Shirin* (f. 66v–131r); *Laili va Majnun* (f. 132v–172r) and *Sab'a Sayara*, the unwan-heading of which says *Haft Paikar* (f. 173v–227r).

It is possible that the Kulliyat was copied in Herat at the end of the 15th – beginning of the 16th c., then it was taken to Transoxiana and eventually ended up with Kildi-Muhammad, local ruler of Shahrukhiya. In 928 / 1521–1522 it was illustrated with miniatures, which add significant value to the manuscript. There are also remarkable covers that, despite substantial damage, happen to be a masterpiece of book decorating art. For more detailed information about the decorations, please refer to the “Navoi’s Works in the Arts of the Book” section of the current volume.

On ff. 1r, 1v, 4v and 227v there are imprints of an octagon shaped Arabic stamp with an unclear legend. On f. 227v there is a coat of arms and the bookplate of the owner Peter Frolov.

КУЛЛИЯТ С МИНИАТЮРАМИ 1521–1522 гг. (ДОРН 559)

Конец XV — начало XVI вв., Герат (?). Миниатюры 928 / 1521–1522 г., Шарухийа (?).

227 л. 32,5×22,5 см. Бумага тонкая, утратившая лощение, с крупными кривыми линиями-верже. Текст в золотой рамке 25×17 см по 25 строк в четыре столбца. Почерк — насталик. Чернила черные, заголовки — золотом, красными и синими чернилами. 6 унванов, 25 миниатюр.

Переплет кожаный, с золотым тиснением.

Реставрация бумаги и переплета 1980-х гг.

Поступление: 1817 г. Собрание П.К. Фролова.

Литература: Dorn 1852. P. 510–511; Волин 1946. С. 212, 232–233; Галеркина 1956. С. 221–234; Галеркина 1980. С. 24–25, рис. 6–9; Дьяконова 1964. Рис. 6–7; Сулейман 1981а. Рис. 7–9, 21–22; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 59–76; Аширафи 1987. С. 129–137; Васильева 2006б.

Куллийат определенно неполный. Он начинается традиционно с «Чихил хадис» (л. 1 об.–3 об.) и «Назм ал-джавахир» (л. 4 об.–18 об.), за ними следуют лишь четыре поэмы из Пятерицы: «Хайрат ал-абрар» (л. 19 об.–65); «Фархад ва Ширин» (л. 66 об.–131); «Лайли ва Маджнун» (л. 132 об.–172) и «Саба сайара», в заставке-унване которой написано «Хафт пайкар» (л. 173 об.–227 об.).

Предположительно Куллийат был переписан в Герате в конце XV — начале XVI вв., затем привезен в Мавераннахр и оказался у Кельди-Мухаммада, удельного правителя Шахрухия. Там он был в 928 / 1521–1522 г. иллюстрирован миниатюрами, которые придают рукописи большое значение. Замечателен также переплет, являющийся, несмотря на значительные повреждения, шедевром переплетного искусства. Подробнее о декоре см. в разделе «Произведения Навои в книжном искусстве» настоящего издания.

На л. 1, 1 об., 4 об., 227 об. имеются оттиски восьмиугольной арабографичной печати с неразборчивой легендой. На л. 227 об. дворянский герб и экслибрис владельца Петра Фролова.



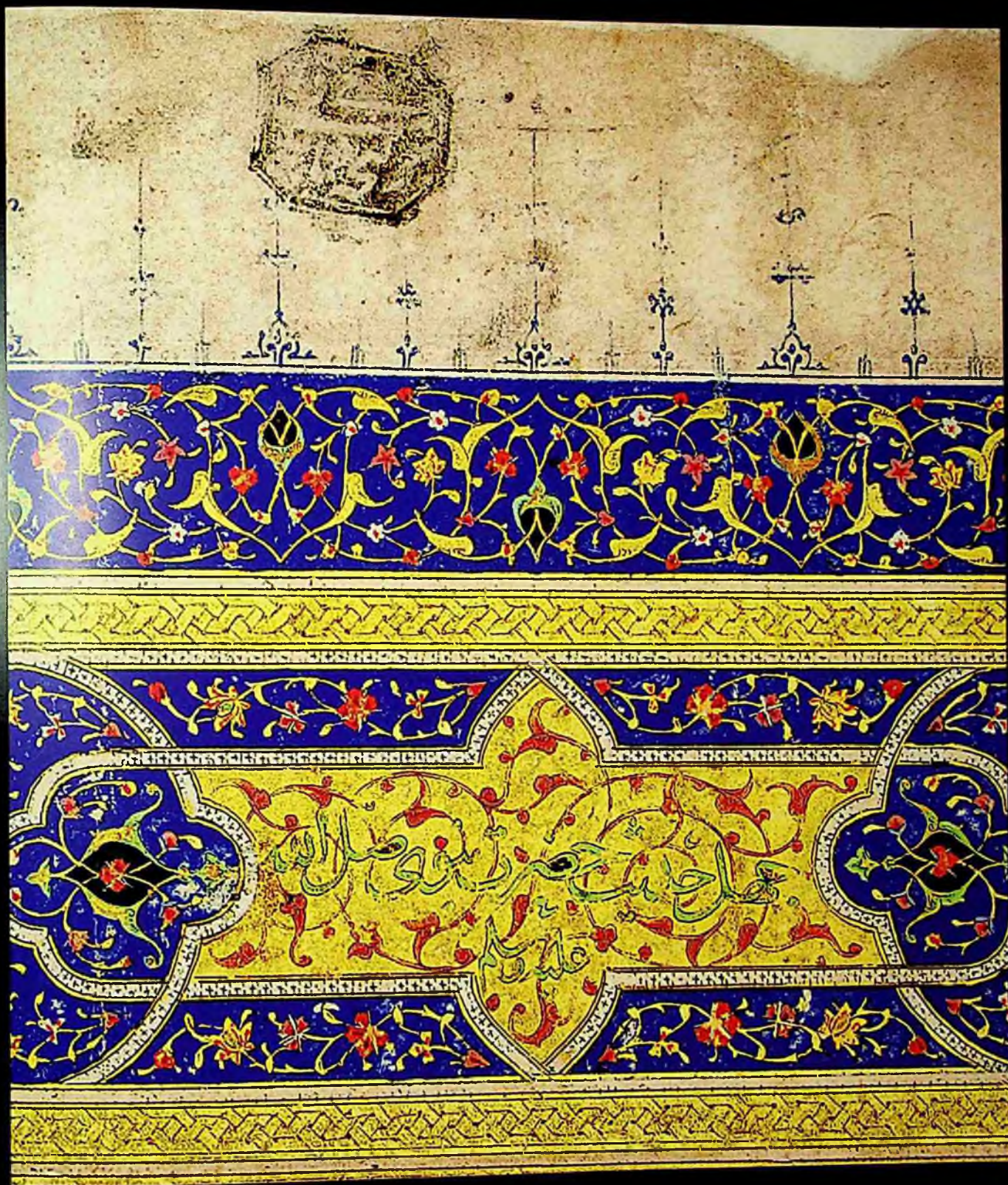


4.1
Муқова
Қопқоқнинг ички тарафи

4.1
Binding
Doublure

4.1
Переплет
Внутренняя сторона крышки







4.3
«Назм ул-жавоҳир»
Унван.
4-в. ор.

4.3
Nazm al-Javahir
Unwan.
F. 4v

4.3
«Назм ал-джавахир»
Унван.
Л. 4 об.



بسم الله الرحمن الرحيم
 مستطیع فی جود و عفو جان شری
 رشتا پسر طر ز کندی و دور
 بل ریشی دور که اقا جان بود
 بوقی کم او شال شمشک کور
 بگو قندیل را ایلا بستان
 بیکر او دریم قیام و هم خوف
 بی درون قیدی تو مل رو
 زبانی ملاقی میدن و دست حساب
 قیلا و قیلا قیلا قیلا
 ریشی ملاکی کیکالی قیلا کوش
 یاسی قیلا قیلا قیلا قیلا
 بسم الله الرحمن الرحیم
 مستطیع فی جود و عفو جان شری
 رشتا پسر طر ز کندی و دور
 بل ریشی دور که اقا جان بود
 بوقی کم او شال شمشک کور
 بگو قندیل را ایلا بستان
 بیکر او دریم قیام و هم خوف
 بی درون قیدی تو مل رو
 زبانی ملاقی میدن و دست حساب
 قیلا و قیلا قیلا قیلا
 ریشی ملاکی کیکالی قیلا کوش
 یاسی قیلا قیلا قیلا قیلا
 بسم الله الرحمن الرحیم
 مستطیع فی جود و عفو جان شری
 رشتا پسر طر ز کندی و دور
 بل ریشی دور که اقا جان بود
 بوقی کم او شال شمشک کور
 بگو قندیل را ایلا بستان
 بیکر او دریم قیام و هم خوف
 بی درون قیدی تو مل رو
 زبانی ملاقی میدن و دست حساب
 قیلا و قیلا قیلا قیلا
 ریشی ملاکی کیکالی قیلا کوش
 یاسی قیلا قیلا قیلا قیلا



4.5
«Кампир ва шоҳ Ғозий
қози ҳузурида»
35-в.

4.5
"The Old Woman and Shah Ghazi
in front of a Qadi-Judge"
F. 35r

4.5
«Старуха и шах Газы перед судьей-
кадиум»
Л. 35







4.6
«Қўшинлар юришда»
42-в. ор.

Андок эшиттимки: шахи комрон,
Турт улус хони Темур Курагон
Фатхи ақолимга қилгонда азм,
Ҳинд саводида қатиқ бўлди разм.
Фатх ила нусрат чу анга берди даст,
Чарх адув қалбига солди шикаст.

Миниатюранинг ички қисмида хикоянинг асосий сюжети тасвирланган. Бир жангчи икки содиқ дўстандани бирини ўлдирдишга чоғланади, иккинчиси эса унга қарата: «Аввал мени ўлдир!» — дея бақиради. Жангчи у томон юзланганда, биринчи дўст айна илтимосни ёлвориб айтади. Икки дўстнинг бундай илтимослари то ҳокон келиб, бу дўстларнинг олийжаноблигини қўриб, мағлуб бўлган халқни афв этгунча давом этади.

4.6
“Army Campaign”. Miniature illustrating
the parable about faithful friends
F. 42v

I once heard of a Khan of four Uluses
Amir Timur, a great Guregan
He led his forces with an iron fist
And began a brutal battle when he entered
Hind.
The unchanging star of fortune
Brought him victory, as it always had.

In the lower part of the miniature the main plot of the parable is illustrated. A warrior tried to kill one of his two faithful friends, but the second friend screamed out: “Kill me first!” When the warrior turned to him, the first of the friends screamed out the same request. This continued until the leader, who had seen the honourableness of the two friends, sent an order to have mercy on the defeated peoples.

4.6
«Войско в походе». Миниатюра
к притче о верных друзьях
Л. 42 об.

Слышал я: четырех улусов хан,
Эмир Тимур, великий Гураган,
Повел войска железною рукой
И, в Хинд войдя, жестокий принял бой.
Удачи неизменная звезда
Ему дала победу, как всегда.

В нижней части миниатюры проиллюстрирован главный сюжет притчи. Некий воин замахнулся, чтобы убить одного из двух верных друзей, но второй вскричал: «Убей меня сначала!» Когда воин повернулся к нему, первый из друзей выкрикнул ту же просьбу. Так продолжалось до тех пор, пока от правителя, увидевшего благородство двух друзей, ни пришел приказ о помиловании побежденного народа.





4.7
«Шайх Ироқий Мисрга кетаётиб, йўлда
хуснда Юсуфга тенг бўлган йигитни
учратади»

44-в. ор.

4.7
"Shaikh Iraqi, on his way to Egypt met
a young man in Syria, whose beauty could
only be compared to that of Yusuf"

F. 44v

4.7
«Шейх Ираки по пути в Египет
встречает в Сирии юношу, красотой
подобного Йусуфу»

Л. 44 об.



4.8

**«Шайх Сухравард халифа ҳузурида
хаттот Ёқутга ёнида ўтиришни
таклиф қилади»**

49-в. ор.

*Шайхга чун эл сори тушти назар,
Кузига Ёкут кӯрунди магар,
Қўпти равон зоҳир этиб изтироб,
Ҳайрат этиб, килди халифа хитоб.*

Халифанинг бундай ҳурмат-иззатга
нима сабаб эканлиги ҳақидаги саволига
жавобан:

*Шайх деди: Қайси бийик иззу жоҳ,
Мундин ўтарким, анга бермиш Илоҳ,*

*Ким бори Мусхаф битимақдур иши,
Ўйлаки андоқ бита олмас киши.
Чун қилур ул Ҳақ сўзининг зийнати,
Вожиб эрур бизга анинг ҳурмати».*
*Билгач ани муршиди огоҳдин,
Ҳукми жулус ўлди анга шоҳдин.*

4.8

**"In the presence of the caliph, Shaikh
Suhrawardi invites the calligrapher Yaqut
to sit next to him"**

F. 49v.

"There once was a famous holy Shaikh in
Suhraward", who was received in the caliph's
palace with great honour,

*The Shaikh glanced over the huge hall
And suddenly among the crowd he saw Yaqut
Then he rose decisively from the throne,
And bowed down before Yaqut.*

To the caliph's question about the reason
for this honour, the Shaikh responded:

*For beautifully copying the Quran
He is known well throughout the land,
No one quite comes close to his great talent
And that is why I bow before him.
Caliph was utterly amazed,
And praised the humble Yaqut.*

4.8

**«Шейх Сухраварди в присутствии
халифа приглашает каллиграфа
Йакута присесть рядом с собой»**

Л. 49 об.

«Был в Сухраварде славен шейх
святой», принятый во дворце халифа
с величайшим почтением.

*Окинул взглядом шейх огромный зал
И вдруг — в толпе Якута увидал,
И он, стремительно покинув трон,
Якуту отдал поясной поклон.*

На вопрос халифа о причине такого
почета шейх ответил:

*«Искусством переписывать Коран
Он славится до отдаленных стран,
И с ним никто в искусстве несравним,
Вот почему склоняюсь я пред ним».*
*Халиф был несказанно удивлен,
Якута скромного возвысил он».*





4.9
Уруш манзаралари
55-в.

Онинг учунким, қачон ўлса набард,
Айласа афлок юзин тира гард.
Икки тарафдин ялангоч тиги тез,
Солса жаҳон халқи аро рустахез.
Эл юрагин тиги шикоф айласа.
Хасм бошин гурзи ғилоф айласа.
Арзи хунар бўлса йигитлар иши,
Қилса аён ўз хунарин ҳар киши...

4.9
Battle scene
F. 55r.

When, brutally and unforgivably
The war comes crashing from all sides,
And darkness encloses over the sky and the view,
And the swords glare like lightning,
When seeing disaster and death
Doubt will cloud over people's hearts,
Then get up, young brave man, and show your
Bravery, strength and experience in battle.

4.9
Батальная сцена
Л. 55

Когда ж, неумолима и грозно,
Со всех сторон надвинется война,
И станет темен неба лик и взгляд,
И молниями сабли заблестят,
Когда при виде бедствий и смертей
Смятение потрясет сердца людей,
Тогда вставай, джигит, являй свою
Отвагу, силу, опытность в бою.



قوت و مانی
و مدد



کتاب فرهاد و شیرین

نصیب ایت کو کلو ماستج اولک
 نصیب الیم فی کم بار ایدم
 مویس بر کاج الورف دست پس
 نی کرب الفهم

کوز و مکا اول ایشک قلیق دید
 نیج کیم ایستام نفت و
 انکایکور قو لومنی کیم سراق و ور
 لو مخزن بر لاکه مکا غنا سال



4.11
«Фарҳод ва Ширин»

Унвон.
66-в. ор.

4.11
Farhad va Shirin

Unwan.
F. 66v

4.11
«Фарҳод ва Ширин»

Унван.
Л. 66 об.



4.13
«Хитой ҳақони ўгли Фарҳод билан
тахтда ўтирибди»
79-в.

4.12
“The Chinese Khaqan and his son Farhad
enthroned”
F. 79r

4.12
«Китайский хақан с сыном Фархадом
восседают на троне»
Л. 79

س وکل آگن می کلکون تو نو ب کلکھرہ سائے ایجا بہ ایل نو مایس



«Фарҳоднинг денгиз оша саёҳати»

94-в. ор.

Хитой шахзодаси Фарҳод ўзи сеҳрли кўзгуда қурган нотаниш гўзал қизнинг ишиқда куйиб-ёнардди. «У тезгина сўлар, гўё сояга айланиб борар» эди. Унинг отаси — Хитой ҳоқони табибларнинг маслаҳатига кўра, ўғли билан денгиз саёҳатига чиқишга ва уни оролда жойлашган тоғлар тепасидаги музлик ва шифобахш булоқларга олиб боришга қарор қилади. Денгиз сафари бошланганидан сўнг икки кун ўтгач, бўрон бошланади. Гўёки «фаришталар осмондаги йўлларидан адашиб, ўрдакка айланган ва денгизга шўнғиган эдилар». Фарҳод қайикка ўтириб олишга улгуради, аммо шу захоти бўрон уни оқизиб кетади, Фарҳоднинг отаси эса кемада қолади. Эрталаб отасининг кемаси Хитой соҳилларига етиб боради, Фарҳодни эса Ҳиндистондан Яманга сузиб кетаётган, аммо бўрон туфайли йўлидан адашган савдогарлар қутқариб олишади. Кейин савдогарлар ўз кемасини денгиз қароқчиларининг тезюрар кемалари ўраб олаётганини сезиб қолишади. Тажрибали денгизчилар қароқчиларнинг қорамои (нефть) тўлдирилган идишларни ёқиб, кемага отишларини, кейин ёнаётган кемани талон-торож қилишларини яхши билишарди. Ҳамма ваҳимага тушса-да, Фарҳод хотиржам эди. У дейди:

«... Сизинг хайл ичра борму эркин оё,
Неча ўк бирла кўпрак зўрлук ё»...
Анинг зўрига гарчи ё йўқ эрди,
Ҳамул ё лойиқи доғи ўқ эрди.
Ясаб ё гўшасин, ўқни туз айлаб,
Ул ишининг иртиқобин ёлғуз айлаб.
Тузотгунча ўқу ёйин диловар,
Етишти ҳар ён ул хайли жафозар.
Ясаб қоруларал ўт ёғдурурга,
Кемаву кема халқин ёндурурга.
Етиб ул ергаким қорура етмас,
Дема қорура, ўқ ҳам онча кетмас.
Қилиб қорураафканни нишона,
Анингдек отти Фарҳоди ягона
Ки, урди нафтлик қорурани-ўқ,
Ушотти ул ёлинлик қурани ўқ...
Алардин баъзи куйди, баъзи ўлди,
Неким қолгон қочиб овора бўлди.

“Farhad’s Sea Journey”

F. 94v

The Chinese prince Farhad was madly in love with the mysterious beauty whom he saw in the reflection of a magical mirror. “He quickly withered, he turned into a shadow”. On the advice of the doctors, his father, the Chinese Khaqan, decided to go on a journey by sea in order to bring his son to an island, where, high up in the mountains, there is a glacier with cold healing springs. Two days into their journey a storm broke out. “And the angels, having lost their path in heaven, turned into ducks and dived into the sea”. Farhad managed to get into a small boat that was instantly taken away by the hurricane, while his father stayed on the ship, which by morning made its way to the shores of China. Farhad’s boat, which ended up in the ocean, was found by merchants who were sailing from India to Yemen, but who had lost their way because of the storm. Suddenly the merchants saw that pirates in their speed boats were catching up with them and already surrounding them. The experienced sailors knew that the pirates would throw shells with oil in order to burn and then rob the ship. In a state of panic Farhad remained calm. He said

“Since the ship has yet to burn,
Find a bow and at least some arrows...”
Suddenly, the bow and arrows did appear
Although the bow was barely tight enough
The arrows too, turned out to be too short
And for Farhad they would be far too light,
But since their ship, from all sides
Was fenced in by the many boats
And the blaring fire of the oiled ammunition
Was visible in the pirate’s hand,
Farhad quickly launched an arrow
Into that vessel of oil
And did not make the slightest mistake:
He broke the vessel, and lit the fire
With the thrower and his helper next to him,
While the boat itself was engulfed by fire...
And only then did he stop shooting,
When all the others were forced to flee.

«Морское путешествие Фархада»

Л. 94 об.

Китайский царевич Фархад сгорал от любви к увиденной им в волшебном зеркале неизвестной красавице. «Он быстро чах, он превратился в тень». По совету врачей его отец — китайский хакан — решил предпринять морское путешествие, чтобы доставить сына на остров, на котором, высоко в горах, есть ледник и целительные прохладные ручьи. Через два дня морского пути разразилась буря. «И ангелы, путей небес лишась, ныряли в море, в уток превратясь». Фархад успел пересесть в челн, тут же унесенный ураганом, а его отец остался на корабле, который наутро принесло к берегам Китая. Челн Фархада, унесенный в океан, подобрали купцы, плывущие из Индии в Йемен, но сбившиеся с курса из-за бури. Внезапно купцы увидели догоняющие и окружающие их корабль быстроходные лодки морских разбойников. Опытные моряки знали, что разбойники будут метать снаряды с нефтью, чтобы зажечь корабль и затем разграбить его. В охватившей всех панике Фархад остался спокоен. Он сказал:

«Корабль еще покуда не сгорел,-
Найдите лук и хоть немного стрел...»
И тут нашелся лук и стрелы вдруг,
Лук, правда, недостаточно был туз,
И стрелы оказались коротки
И для Фархада чересчур легки,
Но так как был уже со всех сторон
Корабль их челноками окружен
И нефтяной пылающий снаряд
Уже держал один дикарь-пират,
Фархад немедля с жилы тетивной
Пустил стрелу в сосуд тот нефтяной
И не ошибся даже на вершок:
Сосуд разбил он, и огонь зажег
Метальщика, подручника при нем,
И самый челн охвачен был огнем...
И лишь тогда стрельбу он прекратил,
Когда всех прочих в бегство обратил.



4.14
«Арманистон тоғларида уч сангтарош
билан суҳбатлашайтган Фарҳод ва
мусаввир Шопур»

96-в.
Кемада кетаётиб, Фарҳод мохир мусаввир Шопур билан танишиб қолади ва унга ўзи излаётган ажойиб замин ҳақида сўзлаб беради, аммо саёҳатдан асосий мақсади бўлган бемисл соҳибжамол ҳақида оғиз очмайди. Кўпгина мамлакатларни кўрган Шопур Фарҳод Арманистонни излаётганини тушунади ва у ерга бирга боришни таклиф қилади. Арманистонга етиб боргач, улар қояни чуқичлар билан майдалашга уринаётган одамларни кўришади. Ишчиларнинг гап-сўзларидан Фарҳод арман маликаси Меҳинбону тоғдан ўзан қазиб, жияни Шириннинг саройига сув ўтказишни буюрганидан хабар топади. Тоғ жинслари жудаям қаттиқ бўлгани боис ишчиларнинг қўлидан ҳеч бир иш келмаётганди.

4.14
“Farhad and the artist Shapur, talking to
three stonemasons in the mountains of
Armenia”

F. 96r.
Back on the ship, Farhad met with a skilful artist named Shapur. He told Shapur about a beautiful land that he wanted to visit, but he didn't mention anything about the enchanting beauty, who was the real reason behind his journey. Shapur, who had seen many countries, was sure that Farhad was looking for Armenia, and offered to accompany him there. Having reached Armenia they discovered people breaking rocks with a pickaxe. From their conversation Farhad learned that they were ordered to cut out a passage for a creak through which water will reach the palace of Shirin, who is the niece of the Armenian Queen Mahin-Banu. The rock however, is very strong and the workers aren't able to do anything with it.

4.14
«Фарҳад и художник Шапур,
беседующие в горах Армении с тремя
каменотесами»

Л. 96
Еще на корабле Фархад знакомится с искусным художником Шапуrom и позднее рассказывает ему о некой красивой земле, в которую он стремится попасть, умолчав о невиданной красавице – истинной цели своего путешествия. Шапур, повидавший немало стран, уверен, что Фархад ищет Армению, и предлагает его туда сопроводить. Достигнув Армении, они видят людей, бьющих скалы кирками. Из разговора Фархад узнает, что им приказано вырубить в горах русло для будущего ручья, по которому вода должна пойти к дворцу красавицы Ширин, племяннице армянской царицы Михин-Бану. Горная порода, однако, очень тверда, и рабочие ничего не могут с ней сделать.







4.15

«Қояни қулатаётган Фарҳод ва темирчилар»

98-в. ор.

Фарҳод сангтарошларга ёрдам беришга қарор қилади. Аввалига у барча чукич ва тешаларни йиғиб олади, уларни ўзи биладиган усул ёрдамида тоблаб, каттароқ қилиб қайтадан ясайди.

*Кесиҳ ҳар тешаси қилғоч хороши,
Фалак пили юкидек пора тоши.*

4.15

"Farhad, breaking apart the rocks, and the blacksmiths"

F. 98v.

Farhad decided to help the stonemasons. At first he melted all of the pickaxes, and forged new, bigger ones, using the hardening technique he was familiar with.

*He swung the pickaxe, and there he was
Already breaking the granite with his mighty
hand.*

4.15

«Фарҳад, рушащий скалу, и кузнецы»

Л. 98 об.

Фарҳад решил помочь каменотесам. Сначала он переплавил все кирки и тиши, сковал новые — большего размера, подвергнув их закалке известным ему способом.

*Киркой взмахнул — и вот уже громит
Он богатырскою рукой гранит.*



4.16
«Фарҳод Ширинни оти билан бирга
қўтармоқда»

102-в. ор.

Кейинчалик, малика ва Ширин билан танишгач, Фарҳод ўзан қазиш ишини ниҳоясига етказди, ҳовуз қовлайди, қоя устида Ширин учун қаср қуради ва уни мусаввир Шопур билан бирга безатади. Қазилган ўзанга сув очиш куни байрам қилишади ва Ширин ўз саройига сув қандай оқиб боришини кўриш учун оти Гулгунни чоптириб кетади. От шамолдек елиб кетиб, сўнг чавандозини йиқитиб юбормаслик учун тўхтайтиди. Ана шунда:

Чу ошиқ онглади қилғоч тааммул
Ки, елдин тушқудекдур ер уза гул.
Ер ўпмакликка мажнундек ҳам ўлди,
Қуёш остида гардундек ҳам ўлди.
Қўтарди орқасига бодпони,
Нечукким бодпо ул дилрабони.
Бир илги икки кўлин қилди маҳкам,
Яна бир илги икки бутларин ҳам...

Фарҳод севгилисини оти билан бирга қўтариб олади. Тез орада улар саройга етиб келишади ва ўзан бўйлаб оқаётган сув ҳовузга етиб келганини кўришади.

4.16
“Farhad lifts Shirin together with the
horse”

F. 102v.

Later, having already met the princess Shirin, Farhad finished working on the channel, created a reservoir, built a castle for Shirin on the rocks and decorated it together with Shapur. On the day when there was a celebration of the release of the water, Shirin rushed on her horse Gulgun from the source of the water to the castle, in order to see how the water reached it. The horse galloped like the wind, but in order to prevent its passenger from falling the horse slowed down. At that moment

Farhad, driven by his desire
To save the rose from blowing away,
Bent down, like the sun under the dome of the sky,
With his back pressed under the horse,
He lifted the two front legs with one hand
And he grabbed the two back legs with the other
And carried both, like a daring horse.

They soon found themselves in front of the palace and could see how the water travelled through the carved channel to the reservoir.

4.16
«Фарҳад поднимает Ширин вместе
с конем»

Л. 102 об.

Позднее, уже познакомившись с царицей и с Ширин, Фарҳад завершает работу над руслом, вырубает водоем, строит на скале замок для Ширин и украшает его совместно с художником Шапуром. В день, когда состоялся праздник пуска воды, Ширин мчится на своем коне Гульгуне от истока к замку, чтобы увидеть, как вода его достигает. Подобный ветру конь поскакал, но дабы не уронить седока, приостановился. В этот миг

Фарҳад, которого примчала страсть,
Чтоб розе с ветра наземь не упасть,
Согнулся, как под солнцем небосвод,
Спиной уперся он коню в живот,
Передние схватил одной рукой,
Две задние ноги схватил другой...
Понес обоих, как лихой скакун...

Вскоре они очутились перед дворцом и смогли увидеть, как вода по прорубленному руслу дошла до водоема.

تو کاشا و سدا کردن یکم اولد

یر او پاکلیک کا مجنون یکم اولد

کریک و شکریک دور و دور اولد

چو عاشق کنگادی قلیغ ساج نال

لو تاروی اردق پیغز او پانی
یخچر کیم یلدیا اولد ربا سینه



بر لکمی ایکی قولی قیاسی محکم
یا نابر لکمی ایکی بت لاری سم

تا با آملای علا جیر ناره ایلاب
سالت خشی بر لکمی و آس
او پوب یلان یغلاب یزی فی الحال
قدیم یوز خشی ایلا کیم سیل

هیرتا بوانی نظاره ایلاب
قوی قوی قیدی قهر اوانی ساری
باشی نوز دیک ایلا دی فی الحال
چو اول قیدی بولون کیم قیاس

که روی سر بوی قیدی سیل کوریل
بولوب الید اقصرو و من پی
محول تورغان بولوب کیم سیل
جلیب اوانی یلا کیم ایلا ساران

اینگله کیم بوی اکر کوریل
چو ایکی اوج یغلاب کیم سیل
توروب ایوانی سالم چون ایلا
جیش تاغ اوزر ایلا کیم سیل

پادشاه در بهار به باغ می‌رود





4.17
«Меҳинбону богда Фарҳод билан
суҳбатлашмоқда»
103-в. ор.

4.17
"Mahin-Banu talking to Farhad in the
garden"
F. 103v

4.17
«Махин-Бану беседует с Фархадом
в саду»
Л. 103 об.



4.18
«Шопур Фарҳодга Шириннинг
номасини узатмоқда»

116-в. ар.

4.18
“Shapur hands Farhad a scroll with
a message from Shirin”

F. 116v

4.18
«Шопур протягивает Фархадү свиток-
послание Ширин»

Л. 116 об.



4.19
«Лайли ва Мажнун»

Унван.
132-в. ор.

4.19
"Laili va Majnun"

Unwan.
F. 132v

4.19
«Лайли ва Маджнун»

Унван.
Л. 132 об.





4.20
«Бадиуззамон ҳузуридаги зиёфат»
137-в. ор.

4.20
"A feast hosted by Badi' al-Zaman"
F. 137v

4.20
«Пир у Бади аз-Замана»
Л. 137 об.





4.21

«Табиат қўйнидаги мактабда»

141-в. ор.

«Арабистонда бой ва қудратли бир одам яшарди». У қариган чоғидагина ота бўлиш бахтига эришади. Уғли Қайс келишган ва ақлли бола бўлади, беш ёшида уни Лайлининг отаси қурдирган мактабга беришади. Қайс кизни жудаям қаттиқ севиб қолади, шунинг учун ҳам уни Мажнун (девона) деб атай бошлашади.

Лайлининг отаси йигитнинг отасига таҳдидли нома жўнатади ва у ўғлини уйга кишанлаб қўяди. Бироқ Қайс кишандан чикиб, чўлга қочиб кетишни уddалайди. Бу вақтда Лайлини Ибн Саломга унаштиришади, Қайснинг отаси эса ўғлини Маккага, ҳаж сафарига жўнатади.

4.21

“At school in the bosom of nature”

F. 141v.

“In Arabia there once lived a man, a rich and almighty gentleman”. He became a father at an old age. His son Qais grew up to be a handsome and bright boy, and when he was five he was sent to a school that was founded by Laili’s father. Qais fell madly in love with this girl, and as result received his nickname Majnun (madman).

Laili’s father sent an angry letter to the young man’s father, who in turn bound his son in chains. However Qais was able to free himself and run away to the desert. Meanwhile Laili was to marry Ibn Salam, and Qais was sent by his father on a pilgrimage to Mecca.

4.21

«В школе на лоне природы»

Л. 141 об.

«Жил человек в Аравии один, богатый и всеильный господин». Лишь на старости лет он стал отцом. Сын Кайс рос красивым и смышленным мальчиком, в пятилетнем возрасте его отдали в школу, основанную отцом Лайли. Кайс влюбился в девочку до безумия, за что и был прозван Маджнуном (беумцем). Отец Лайли послал отцу юноши грозное письмо, и тот заковал сына в цепи. Однако Кайс смог освободиться и убежать в пустыню. Меж тем к Лайли посватался Ибн-Салам, а отец Кайса отправил сына в паломничество в Мекку.



4.22

«Мажнун чўлдаги ҳайвонлар орасида»

151-в. ор.

Маккадан қайтиб келгач, Мажнун яна чўлга кетиб, ёввойи ҳайвонлар орасида яшай бошлайди. «Навфалки Арабда эрди нодир, Тиғига қадар, ўқига қодир. . .» Навфал ҳайвонларни овламоқчи бўлганида, улар гўё «ҳимоя ва бошпана излаб» Мажнун томон отилишади. Бундай мўъжизани кўрган Навфал овни тўхтатиб, шикорбегилардан суриштиради, йигитнинг ўзи билан гаплашади ва унинг содиқ дўстига айланади.

4.22

“Majnun among the wild animals in the desert”

F. 151v.

Having returned from Mecca, Majnun once again left for the desert where he talked to wild animals.

“During that time a skilled archer lived among the Arabs, the noble Nawfal”. When Nawfal created a trap for the animals, they ran toward Majnun, “seeking refuge and protection”. Having seen this phenomenon, Nawfal stopped the hunt and asked the hunters to tell him about the boy. He then spoke to Qais himself and became his faithful friend.

4.22

«Маджнун в степи среди зверей»

Л. 151 об.

Вернувшись из Мекки, Маджнун опять ушел в пустыню, где общался с дикими зверями.

«В то время среди арабов проживал стрелок искусный, доблестный Навфал». Когда Навфал (Науфаль) устроил облаву на зверей, те метнулись к Маджнуну, «защиты и прибежища ища». Увидев такое чудо, Навфал остановил охоту и расспросил ловчих о юноше, поговорил с ним самим и стал ему верным другом.





4.23
«Мажнуннинг ўлими»
159-в.

4.23
"Majnun's death"
F. 159r

4.23
«Смерть Маджнуна»
Л. 159

ناتمام ایستادگی فاجا
ناتمام ایستادگی فاجا

میا و ایستادگی فاجا
آه او روی الیه تعلد

کای بود باره لغ با غیره ماره
باشن کوتار ب قوجوب اما



شتی لاریا بمت و سلم
مارس بوتا پی شکم

کیم بختی بختی بختی
ندوانت اول ضعف بختی

بیر خطه منی وینا روی آشوب
ویدی کیم اما بختی بختی





4.24
«Сабъаи сайёр»

Унван.
173-в. ор.

4.24
"Sab'a Sayara"

Unwan.
F. 173v

4.24
«Сабъа сайъара»

Унван.
Л. 173 об.

4.25

**«Баҳром Гур тахтда, унга
Дилоромнинг суратини
бераётган мусаввир Моний билан
суҳбатлашмоқда»**

184-в.

Ов пайтида шоҳ Баҳром Гур бир йўловчини кўриб қолади, уни ўзи билан овқатланишга таклиф этади ва ўзининг кимлигини билдирмай, гап бошлайди. Ўзини мусаввир Моний деб таништирган йўловчи Баҳром Гурни излаётганини айтади. Излаётган одами қаршисида ўтирганини билгач, Моний узоқлардаги Хитой салтанатида яшовчи жудаям бой бир одам ўзининг ҳуснда тенги йўқ қўшиқ айтувчи канизаги Дилоромни сотмоқчи эканини, аммо бунинг учун жуда катта пул сўраётганини сўзлаб беради:

*Анга ҳар кимнинг эҳтиёжидур,
Байъи онинг Хито хирождур.*

Моний бундай пулни фақат шоҳ тўлай олишини тушунади ва Дилоромнинг суратини чизиб, шоҳ Баҳромни излаб кетади. Мусаввирнинг ўйи тўғри бўлиб чиқади: Баҳром суратга бир қарагандаёқ сохибжамолни севиб қолади ва уни сотиб олиш учун Хитойга элчи жўнатади. Дилоромга эришган шоҳ ундан сира айрилмас, бутун вақтини шикор ва зиёфатларда ўтказарди. Бир куни Дилоромдан жаҳли чиққан шоҳ унинг оёқ-қўлини боғлаб, чўлга ташлаб кетишни буюради. Кайфи таркагач, Баҳромнинг эси жойига келиб, Дилоромни топиб келишни буюради, аммо у ғойиб бўлганди. Шоҳ қайгудан эсдан айрилади, аъёнлари эса унинг эс-ҳушини жойига қайтариш учун дунёнинг етти томони, етти сайёра ва ҳафтанинг етти кунига монанд қилиб еттита сарой қуришади. Дунёнинг етти қисмидаги ҳукмдорлар ўз қизини шоҳга хотинликка беришади. Ҳафтанинг ҳар бир кунини Баҳром саройларнинг бирида ўтказар ва саёхатчиларнинг ҳикояларини тингларди.

4.25

***“Bahram Gur on a throne, talking to the
artist Mani, who offers him Dilaram’s
portrait”***

F. 184r.

During the hunt, Shah Bahram-Gur saw a traveller, invited him to a feast and began a conversation with him without giving away his own name. In talking about the purpose of his journey the artist only mentioned that he is looking for Bahram-Gur. Having found out that the man who he is looking for is sitting right in front of him, Mani tells him of the faraway kingdom of Hito and of the rich Khoja, who is willing to give up the beautiful singer Dilaram (literally “Peaceful Heart”), who is currently residing in his home, but for a very steep price:

*Her price is a full year of dues in Hito
There’s no one who could pay that sum.*

Mani, having decided that only a Shah could pay this price, drew Dilaram and went to search for Bahram-Gur. He was right: Bahram looked at the portrait, fell in love with the beauty and sent an envoy to Hito in order to pay the ransom. Shah Bahram and Dilaram were inseparable; he spent time with her during the hunt and during feasts. One day he was so mad at her beauty that he ordered to have her tied up and left in the steppe. Having come to his senses, Bahram decided to get her back; however, Dilaram had already disappeared. The Shah lost his mind from grief and his confidants, in order to rid him of his madness, built seven palaces, the same number as the seven continents, seven planets and days of the week. The rulers of these seven climes gave Bahram their daughters, so that they could become his wives. Bahram would spend one day of the week in one of the palaces and listen to the stories told by the travellers.

4.25

**«Баҳрам Гур на троне, беседующий
с художником Мани, который
передает ему портрет Диларам»**

Л. 184

Во время охоты шах Бахрам-Гур увидел путника, пригласил его к трапезе и завел разговор, не называя себя. Говоря о цели своего пути, гость — художник Мани — упоминает только, что ищет Бахрам-Гура. Узнав, что тот, кого он хочет увидеть, сидит перед ним, Мани рассказывает о дальнем царстве Хито и о богатом ходже, который готов уступить живущую в его доме красавицу-певунью Диларам (букв. «Покой сердца»), но за чрезмерно высокую плату:

*Цена ей — оброк годичный Хито,
Такой уплатить не может никто.*

Мани, решив, что эта цена доступна только шаху, нарисовал Диларам и пошел на поиски Бахрам-Гура. Расчет оказался верен: взглянув на портрет, Бахрам влюбился в красавицу и отправил посольство в Хито для ее выкупа. Шах Бахрам, не разлучаясь с Диларам, проводил время на охоте и в пиршествах. Однажды он рассердился на красотку настолько, что приказал связать ее и бросить в степи. Протрезвев и одумавшись, Бахрам хотел ее вернуть, однако Диларам исчезла. Шах лишился рассудка от горя, и приближенные, дабы излечить его от безумия, построили семь дворцов по числу семи частей света, семи планет и дней недели. И правители этих семи частей отдали Бахраму в жены своих дочерей. День в неделю Бахрам проводил в одном из дворцов и слушал рассказы странников.

برای وقت عظیم پیر و ایل
ی مانی جبار امین کیشی لار
سکا اول پری وصال کلا
بریل خطای مالیدین و ت
ماین مینت لوله جانان غم
خواجده سرای بر کسب سیز
خاقانه داعی تاتی وقوع

در و مندا ایل و یک دوا ایل
جانب اندیش و خرد من کیشی لار
نظریک الد اچالی کیر اک
یا خطا بعنی خیالی دین اوت
منتش قویغه میں داعی حاف
تو اعلیٰ سر و سپه بهری غم
انجا بولدی حصولی وجوع

ایتم کیم سلا ماک کیر اک تور بات
انجا کیم یکم ایک ایتاجی دور
قیمتین تابی دور و حسین
ویدی شته کروتور کونکول عالی
ویا اهر ایلادی کیر یوزج کیش
بات خطا کورتوغه بارونلار
سل اول خل عزم آشین لازم

کیم وصالغ میکا مین مینات
سعی ایک خطا خراجی دور
برالور سین اوتونکات کین
ای خطا مالی کیم جهان سیل
دانش و پاکلیک الازیک ایش
آچی نی اول عقده دین جمار ملار
بولدیلار ایتقال طرف عازم

فاله کیم خرام و ناتوان حاشی
ایکاید اصورت ایلد امانی



والی لار و یلار خطا کیم
ل اولعاج الافر اول کتور
و بانخان کیر بر دیلار نامه
ای یک کوز کا قودی منت بلا
ریب خواجده فی طلب سیدی
دی ج خدیو عالی دین

کیم کیم علم آیت سیدی بهرام
عزم ایت سیدی کیر و و ایتور
توز و ایت سیدی سوز اوزر کلا
یوز و ایت سیدی سوز اوزر کلا
سوز و ایت سیدی سوز اوزر کلا
کیم یوز و ایت سیدی سوز اوزر کلا

خاتی مارا قه پاتی خواجده
سوز کیم خدیو حاکمی دن

قهرم ایله ایلاما کورد کیم کوک شرف دیکار دور مشکوی غلاما کورنگ یوزیکاطلای کافیه اجمالی شکو غزال ایلام لعل باغش پسن دیکش سکه دوزایره قوتوب غزالین کیردی موش ساری غزالای مشک دیزه نوری آمار	ایلاما کورد ایلاما کورد قهرم ایله ایلاما کورد مشکوی غلاما کورد یوزیکاطلای کافیه اجمالی شکو غزال ایلام لعل باغش پسن دیکش سکه دوزایره قوتوب غزالین کیردی موش ساری غزالای مشک دیزه نوری آمار	ایلاما کورد ایلاما کورد قهرم ایله ایلاما کورد مشکوی غلاما کورد یوزیکاطلای کافیه اجمالی شکو غزال ایلام لعل باغش پسن دیکش سکه دوزایره قوتوب غزالین کیردی موش ساری غزالای مشک دیزه نوری آمار
---	--	--



4.26

«Шанба (Сатурн-Кайвон кун)да
Баҳром қора қасрга таширф буюради»

190-в. ор.

4.26

"On Saturday (day of Saturn-Kaivan)
Bahram visits the black palace"

F. 190v

4.26

«В субботу (день Сатурна-Кайвана)
Бахром посетил черный дворец»

Л. 190 об.





4.27
«Якшанба (Қуёш куни)да Баҳром
тилларанг қасрга боради»
196-в.

4.27
“On Sunday (day of the Sun) Bahram
visits the golden palace”
F. 196r

4.27
«В воскресенье (день Солнца) Бахрам
вступил в золотистый дворец»
Л. 196







4.28

«Душанба (Ой кун) да баҳор гуллари
рангидаги либосларда қора қасрга
ташриф буюради»

199-в. ор.

4.28

"On Monday (day of the Moon) Bahram
dressed in the colours of spring, steps
under the arches of the black palace"

F. 199v

4.28

«В понедельник (день Луны) Бахрам
в одеждах цвета весны вступил под
своды черного дворца»

Л. 199 об.



4.29
«Сешанба (Марс-Миррах кун)да
Баҳром алвон рангли саройида
вақтини ўтказди»
204-в. ор.

4.29
"On Tuesday (day of Mars-Mirrah)
Bahram spent time in
the red palace"
F. 204v

4.29
«Во вторник (день Марса-Мирриха)
Бахрам провел время в красном
дворце»
Л. 204 об.



بسم الله الرحمن الرحيم





4.30
*"On Wednesday (day of Mercury-Utarid)
 Bahram is in the blue palace"*
 F. 209v

4.30
*«В среду (день Меркурия-Утарида)
 Бахрам – в синем дворце»*
 Л. 209 об.





4.31
«Пайшанба (Юпитер-Муштарий кун)да
Баҳром сандалдан ясалган саройида дам
олади»

213-в. ор.

4.31
"On Thursday (day of Jupiter-Mushtar)
Bahram spends time in the sandalwood
palace"

F. 213v

4.31
«В четверг (день Юпитера-Муштари)
Баҳром отдыхал в сандаловом
дворце»

Л. 213 об.





4.32

«Жума (Венера - Зухро кун)да

Баҳром қордек оппоқ қасрга келади
ва Хоразмдан келган созанданинг
ҳикоясини тинглайди. Шу тариқа,
у Дилоромнинг қўлида ўз санъатини
такомиллаштиришга муваффақ
бўлган хонандадан бир савдогар
қутқариб қолган соҳибжамолнинг
тақдири ҳақида хабар топади»

217-в. ор.

4.32

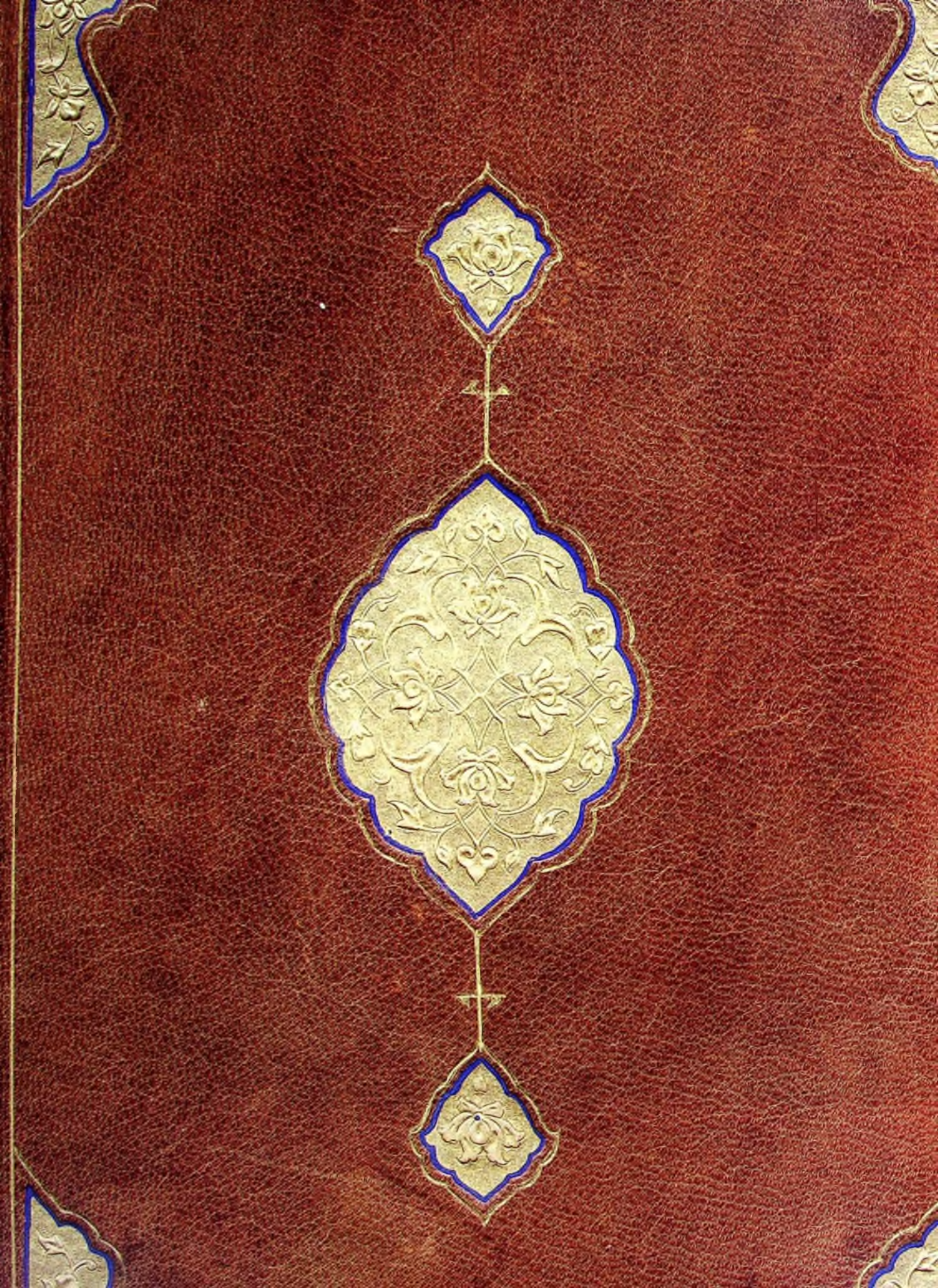
On Friday (day of Venus-Zuhra) in the
camphor-white palace, Bahram listened
to the tales of the musician from Khorezm,
who came to know Dilaram and her story
of how she was saved by a merchant,
because she worked with him to improve
his art

F. 217v

4.32

В пятницу (день Венеры-Зухры)
в камфарно-белом дворце
Бахрам выслушал рассказ
пришедшего из Хорезма музыканта,
совершенствовавшего свое искусство
у Диларам, и таким образом узнал
о судьбе спасенной неким купцом
красавицы

Л. 217 об.



«МАЖОЛИС УН-НАФОИС».
ПАРЧАЛАР
(Дорн 553)

MAJALIS AL-NAFA'IS.
EXTRACTS
(Dorn 553)

«МАДЖАЛИС АН-НАФАИС».
ИЗВЛЕЧЕНИЯ
(Дорн 553)

«МАЖОЛИС УН-НАФОИС».
ПАРЧАЛАР
(ДОРН 553)

1520 йилгача. Хатмат — Султонали Машхадий (1-варақда атрибут ёзуви бор).

I-38-I ff. 25×17 см. Когози калин, оч рангли, салгина ялтиратилган. Хошия ичидаги матн 15,5×9 см, 11 мисрадан. Ёзув: йирик настаълик. Қора сиёх, сарлавҳа ва исмлар зарҳалда. Унвон. Хошиялар ва биринчи саҳифалар зарҳал зираҳолли калинрок коғоздан.

Муқоваси оч жигарранг чармдан, зарҳал босма нақш туширилган.

Келиши: 1828 й. Ардабил тўплами.

Адабиёт: Dorn 1852. к. 503–504: Волин, 1846. 226-б.

Китоб ўзининг ажиб тарзда сақлангани, кўп, аммо меъёридан ошмаган ҳолдаги зарҳал безаклари, турли безатиш усулларининг уйғун қўшилгани билан ҳайратга солади. Муқованинг зарҳал ўрталиги, учбурчаклари ва медальонлари зангори бўёқ билан ўраб олинган бўлиб, ложувард унвон ва ингичка хошиялар билан уйғунлашиб кетади; босма нақшларда унвон суратидаги нақш мавзуларидан фойдаланилган; унда стандарт бўёқлардан ташқари, баргикарам туси пайдо бўлиб, у билан хошия чизиқлари ўтказилган; унвон нақшлари мукова қопқоқларининг ички тарафидаги чарм турнини нақшларига уланиб кетади ва бу ҳашаматнинг бари зарҳал билан бирлаштирилади: у қопқоқларнинг иккала тарафида, унвонларда ва хошияларда бўлиб, матннинг ўзида у билан сарлавҳа ва исмлар ёзилган, хошияларга эса сийрак нукралар сачратилган.

Мукова материали ва услуби бўйича 1560-йилларда, афтидан Машхадда тайёрланган муқоваларга ўхшайди. Муқованинг ўзи ва ички безатилиши ўша даврларда тайёрлангани эҳтимолдан холи эмас.

1-вараққа шайх Сафий макбараси вақфининг думалок муҳри урилган ва шоҳ Аббос I нинг ҳижрий 1022 / милодий 1613–1614 йиллардаги ёзуви қўшилган.

MAJALIS AL-NAFA'IS.
EXTRACTS
(DORN 553)

Before 1520. Calligrapher Sultan-Ali Mashhadi (note of ascription on f. 1).

I-38-I ff. 25×17 cm. Paper is thick, white and slightly polished. Text is in a frame 15.5×9 cm, eleven lines each. Large nasta'liq script. Black ink, headings and names in gold. Unwan. Margins and flyleaves are made of thicker paper with golden specks.

Binding of light-brown leather with a golden embossing.

Acquisition: 1828, the Ardabil collection.

Bibliography: Dorn 1852, pp. 503–504: Волин 1846, p. 226.

The book stands out as very well preserved, as having an abundant, but yet not excessive use of gold, and a harmonious combination of the various different elements. The golden centre- and corner-pieces and medallions of the covers are outlined with blue paint, which has something in common with the lapis lazuli of the headpiece and the thin contour of the frames; in the embossed elements the same ornamental motifs are used as in the *unwan*; besides the typical colours, it also has shades of salad-green, which is also used to outline the frames; the ornamental design of the *unwan* correlates with the ornamental design of the leather mesh that can be found in the middle of the inner sides of the front and back covers. All this splendour is unified with gold: it is present on both sides of the covers, in the *unwan* and the frames; in the text it is used to write headings and names, on the margins there are frequent specks.

In its material and style, the binding is similar to the bindings of the 1560s that were most likely made in Mashhad. It is likely that the entire decoration was also completed at that time.

On f. 1 there is an imprint of the round seal of the *vaqf*-foundation of the Shaikh Safi Shrine and the donation record of Shah Abbas I dated 1022 / 1613–1614.

«МАДЖАЛИС АН-НАФАИС».
ИЗВЛЕЧЕНИЯ
(ДОРН 553)

До 1520 г. Каллиграф Султан-Али Маишади
 (атрибутивная помета на л. 1)

I-38-I л. 25×17 см. Бумага плотная светлая слабо
 лощенная. Текст в рамке 15,5×9 см, по 11 строк. По-
 черк — крупный насталик. Чернила черные, заголовки
 и имена — золотом. Унван. Поля и форзацные листы
 из более плотной бумаги с золотым крапом.

Переплет светло-коричневой кожи с золотым
 тиснением.

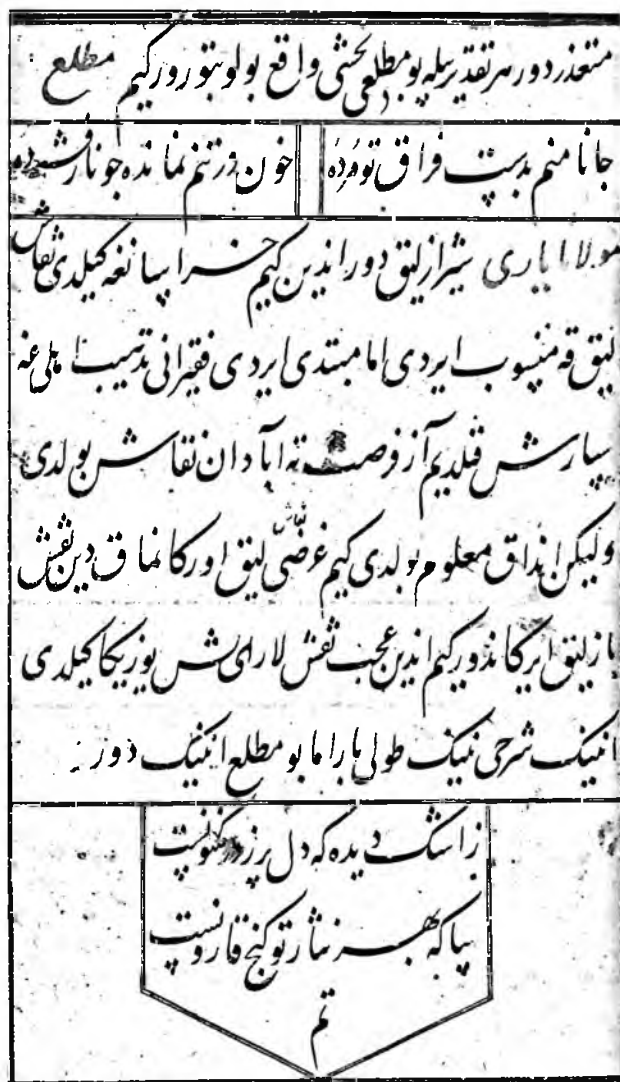
Поступление: 1828 г. Ардебильское собрание.

Литература: Dorn 1852. P. 503-504; Волин 1846.
 С. 226.

Книга поражает своей исключительной сохран-
 ностью, обильным, но не избыточным использо-
 ванием золота, гармоничным сочетанием разных
 элементов декора. Золотые средник, угольники
 и медальоны переплета оконтурены синей краской,
 сочетающейся с лазуритом начальной заставки
 и тонкой обводкой рамок; в тиснении использованы
 те же орнаментальные мотивы, что и в рисунке ун-
 вана; в нем помимо стандартных красок появилась
 зелено-салатная, которой также проведены линии
 рамок; орнамент унвана коррелирует с орнаментом
 кожаной сетки на среднике внутренней стороны
 крышек переплета. И все это великолепие объеди-
 нено золотом: оно присутствует на обеих сторонах
 крышек, в унване и на рамках, в самом тексте им
 написаны заголовки и имена, а на полях им нанесен
 частый крап.

Переплет по материалу и по стилю схож с пе-
 реплетами 1560-х гг., происходящими, видимо, из
 Мешхеда. Вполне вероятно, что и все оформление
 выполнено тогда же.

На л. 1 оттиск круглой печати вакфа мавзо-
 ля шейха Сафи и вкладная запись шаха Аббаса I
 1022 / 1613-1614 гг.



5.1

Ёрий ҳақида эслатма.

Колофон.

38-в. ор.

5.1

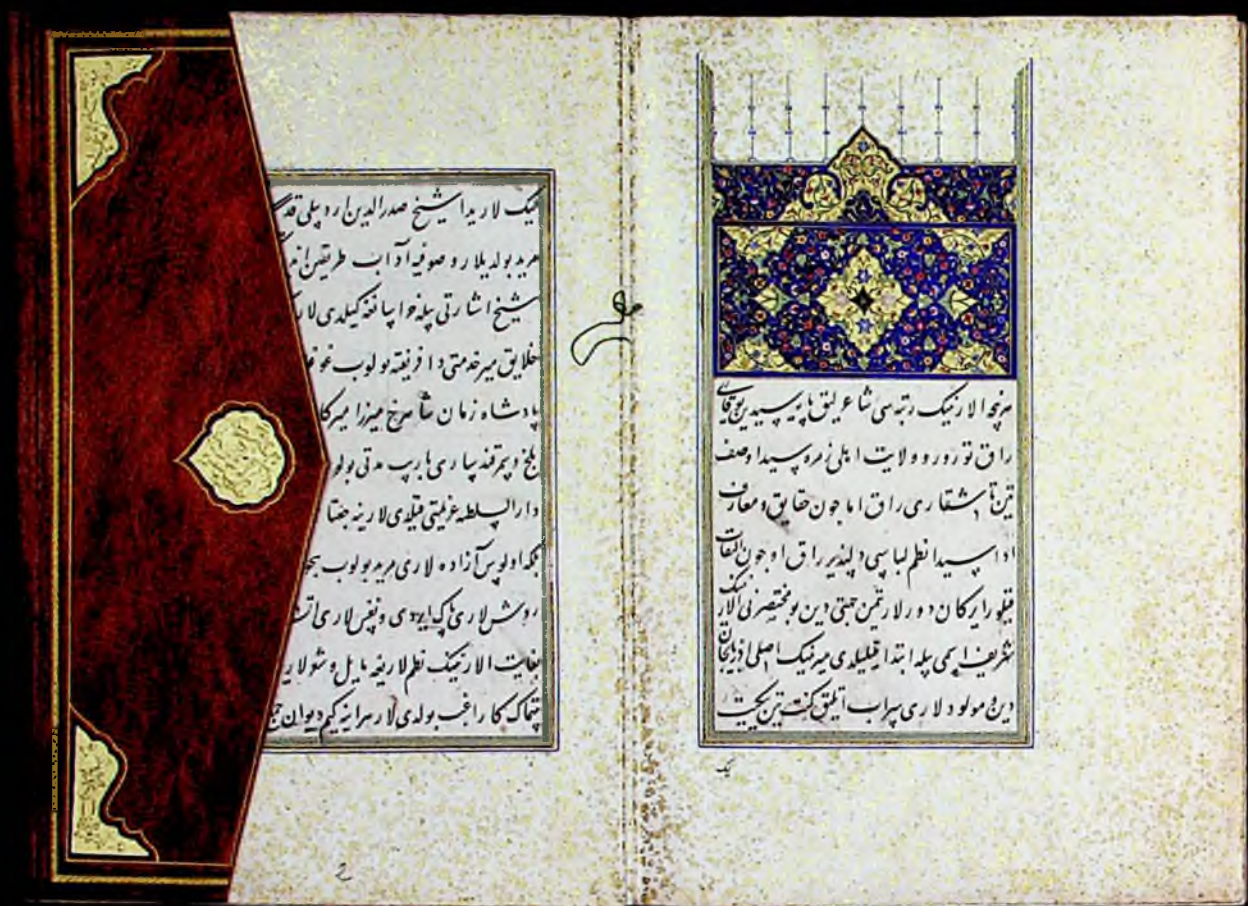
Notes on Yari. Colophon.

F. 38v

5.1

Заметка о Ёри. Колофон.

Л. 38 об.



5.2

Муқаддима

Орқа тарафида унвон бор ва муқованинг ёлиқ клапани мавжуд.

1-в. ор.—2

5.2

Beginning

Double page with unwan and closed flap of the binding.

F. 1v—2r

5.2

Начало

Унван и клапан переплета.

Л. 1 об.—2



5.3
Муқова. Ички томони

5.3
Doublure of the cover with open flap

5.3
*Переплет. Внутренняя сторона
с клапаном*





ДЕВОН, 1528 й.
(ТНС 57)

DIVAN OF 1528
(TNS 57)

ДИВАН 1528 г.
(ТНС 57)

ДЕВОН, 1528 й.
(TNS 57)

935 йил сафар ойининг 10-куни / 1528 йил 24 октябрь. Хаттот — Султон Мухаммад Хандон.

192 6. 27,7×16 см. Көгөз каттик, сарғиш рангли, ялтиратилган, йирик верже чизиклари бор. Матн 18×8,6 см ўлчамли хошия ичига олинган, 17 мисрадан 2 устун. Ёзув: настаълик. Қора сиёх, сарлавхалар тилларанг. Очик фронтиспис, унвон, баъзи жойларида майда зархал нақш (баъзан зангори кистирма жимжимадор лавх) бор, матннинг бутун майдони бўйлаб майда зархал зирахоллар сачратилган. 7 та миниатюра бор.

Муқоваси ярим чарм, жигарранг, европача (китоб тикилган жойи «дока»ли), XIX аср.

Нуксонлари: хошияларида сув доғлари бор.

Келиши: 1879 й. Алиевдан олинган.

Адабиёт: 1879 йил учун хисобот, 80-б.; Волин 1946. 219-б.; Костыгова 1963. ил. 19; Иванов 1993.

Қўлёзманинг батафсил тавсифини «Навоий асарлари китобат санъатида» бобида қўриш мумкин.

Китоб «эски» сўзбоши билан бошланади (1-в ор.— 11); унга диптих муқаддима қилинган бўлиб, ундан фақат чап томондаги миниатюра қолган. Девоннинг бошида иккинчи диптих жойлаштирилган. А.А. Иванов барча миниатюраларни 1550-йиллардаги усмонийлар мактабига киритиш учун ишончли далиллар топган.

1-в. даги муҳр: «Мухаммад...»

Санкт-Петербург университети профессори ва Халқ кутубхонаси Шарқ бўлими раҳбари Василий Дмитриевич Смирнов (1846–1922) ҳақидаги варақ илова қилинган.

DIVAN OF 1528
(TNS 57)

10 Safar 935 / October 24 1528. Calligrapher Sultan-Muhammad Khandan.

192 ff. 27.7×16 cm. Paper is thick, yellowish, polished, with large laid lines. The text is in a frame that is 18×8.6 cm, two columns in 17 lines each. Nasta'liq script. Ink is black, headings in gold. Double-frontispiece, unwan, in some places small gold decorative elements (sometimes in blue cartouches), tiny golden specks spread all over the text. 7 miniatures.

Binding is half leather, brown, (a spine with headbands) European, 19th c.

Defects: streaks from water damage on the margins.

Acquisition: 1879, from Aliev.

Bibliography: Отчет за 1879, p. 80; Волин 1946, p. 219; Костыгова 1963, il. 19; Иванов 1993.

For a more detailed description of the manuscript refer to the “Navoi’s Works in the Arts of the Book” section of the present volume.

The book begins with the “old” foreword (f. 1v–11r); it was preceded by a diptych, of which only the left miniature has survived. The second diptych can be found before the *Divan*. A.A. Ivanov has argued that all seven of the miniatures should be attributed to the Ottoman school of the 1550s.

Seal on f. 1: “Muhammad...”

Description is included, made Professor of Saint Petersburg University Vasilii Dmitrievich Smirnov (1846–1922).

ДИВАН 1528 г. (ТНС 57)

10 сафара 935 / 24 октября 1528 г. Каллиграф Султан-Мухаммад Хандан.

192 л. 27,7×16 см. Бумага плотная, желтоватая, лощеная, с крупными линиями-верже. Текст в рамке 18×8,6 см, по 17 строк в 2 столбца. Почерк – насталик. Чернила черные, заголовки – золотом. Развернутый фронтиспис, унван, местами мелкий золотой орнамент (иногда в синих картушах-заставках), мельчайший золотой крап-напыление по полю текста. 7 миниатюр.

Переплет полукожаный, коричневый, европейский (корешок с «бинтами»), XIX в.

Дефекты: потеки влаги на полях.

Поступление: 1879 г. От Алиева.

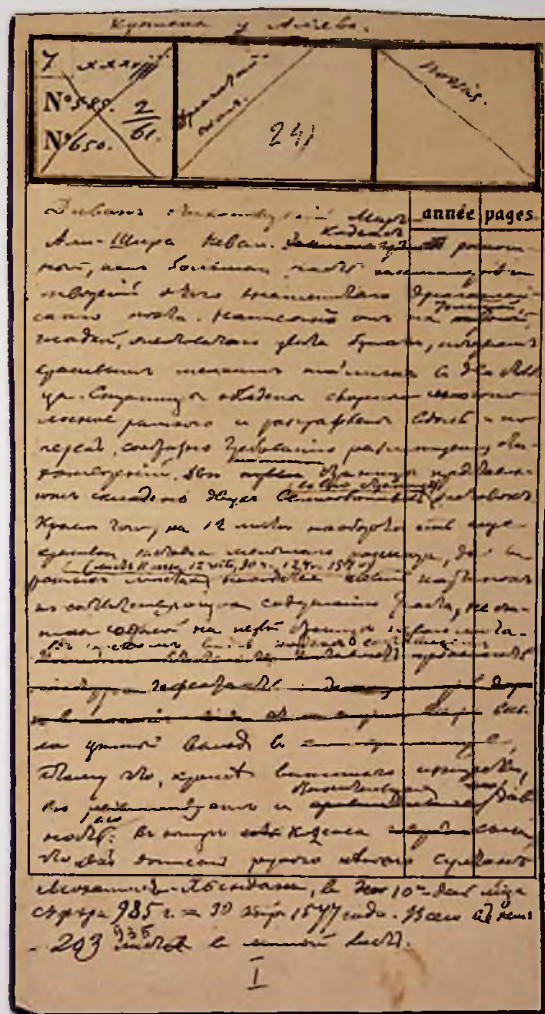
Литература: Отчет за 1879. С. 80; Волин 1946. С. 219; Костыгова 1963. Рис. 19; Иванов 1993.

Подробное описание рукописи см. в разделе «Произведения Навои в книжном искусстве» настоящего издания.

Книга начинается со «старого» предисловия (л. 1 об.-11), ему был предпослан диптих, от которого сохранилась лишь левая миниатюра. Перед собственно Диваном размещен второй диптих. А.А. Иванов нашел аргументы, чтобы приписать все семь миниатюр османской школе 1550-х гг.

Печать на л. 1: «Мухаммад...».

Вложено описание, выполненное профессором Санкт-Петербургского университета Василием Дмитриевичем Смирновым (1846–1922).



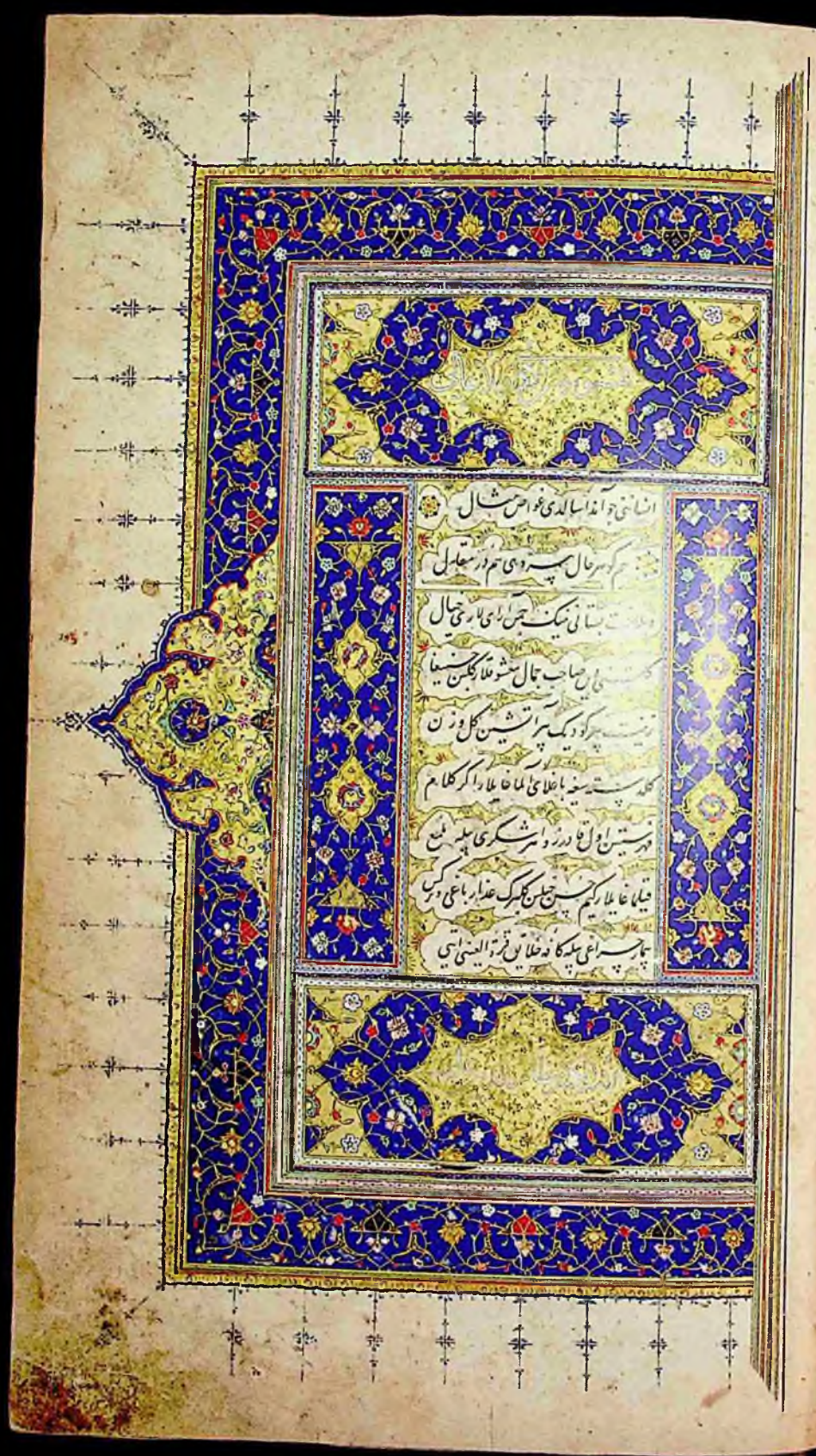


6.1
«Табиат қўйнидаги мажлис»
 Диптихнинг чап тарафи
 (ўнг тарафдагиси сақланиб қолмаган).
 1-в.

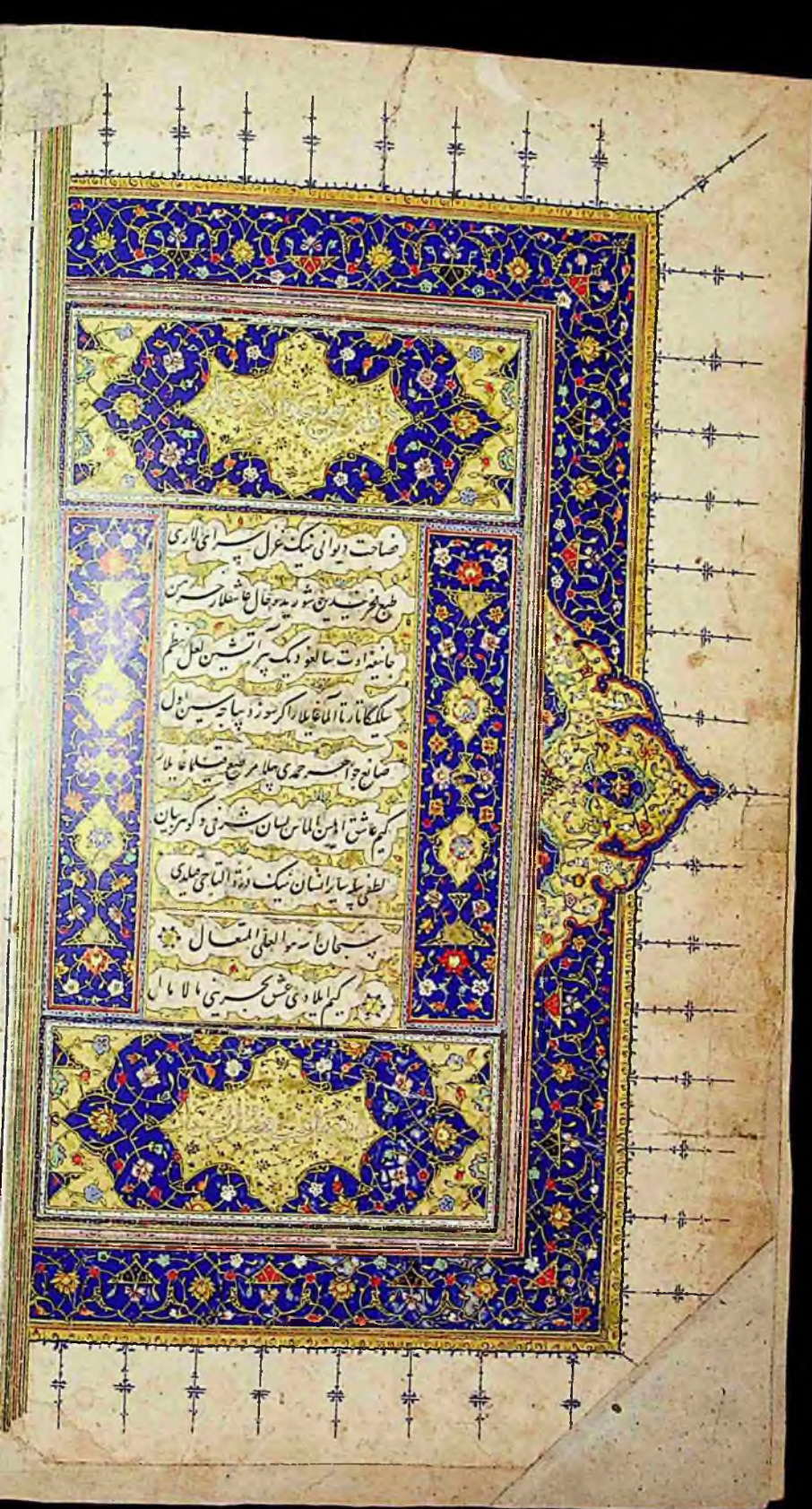
6.1
"Majalis in the bosom of nature"
 The left side of the diptych
 (the right one is absent).
 F. 1r

6.1
«Маджлис на лоне природы»
 Левая сторона диптиха
 (правая не сохранилась).
 Л. 1





اشنانی جو آنداسالیدی و اس شال
مهر کرم کرم مال پیروی هم در سجد
و در ستانی نیکت چن رای لاری خیال
مهر کرم کرم مال پیروی هم در سجد
و در ستانی نیکت چن رای لاری خیال
مهر کرم کرم مال پیروی هم در سجد
و در ستانی نیکت چن رای لاری خیال
مهر کرم کرم مال پیروی هم در سجد
و در ستانی نیکت چن رای لاری خیال
مهر کرم کرم مال پیروی هم در سجد
و در ستانی نیکت چن رای لاری خیال



6.2
Очик фронтиспис
1-в. ор.-2

6.2
Double-frontispiece
F. 1v-2r

6.2
Развернутый фронтиспис
Л. 1 об.-2





6.3
*«Шоир ва ҳукмдор сарой аъёнлари
 қуршовида»*
 Диптих.
 11-в. ор.-12

6.3
*"The poet and ruler in the presence
 of his courtiers"*
 Diptych.
 F. 11v-12r

6.3
*«Поэт и правитель в окружении
 придворных»*
 Диптих
 Л. 11 об. - 12



6.4
«Шахзода ва сарой аъёнлари дарё
бӯида»
53-в

6.4
"The prince and the courtiers near
a creek"
F. 53r

6.4
«Принц и придворные
у ручья»
Л. 53



نیا تور سر خطه اول مرد می نو





6.5
«Гуй ва чавгон»
90-в.

6.5
"Polo game" (guy va chawgan)
F. 90r

6.5
«Конное поло»
Л. 90



6.6
«Шахзода ва соқий гуллаётган дарахт
олдида»
123-в. ор.

6.6
"The prince and a servant near a blooming
tree"
F. 123v

6.6
«Принц и виночерпий у цветущего
дерева»
Л. 123 об.



6.7
«Шахзода ва соқий саройда»
146-в. ор.

6.7
"The prince and a servant in the palace"
F. 146v

6.7
«Принц и виночерпий во дворце»
Л. 146 об.



192

192

6.8
Колофон.
192-в.

6.8
Colophon.
F. 192r

6.8
Колофон.
Л. 192

ضعفاد والمساكين معاذ الفقراء والمطلوبين افصح الفصحا وابلغ الب
ميرالكبير مير نظام الدين عيشير تيمذه الله بعرفانه واسكنه فرا ديسر

بيد العبد الراجي المترجي رحمة ربه

المنان سلطان محمد خندان حشره الله

مع من تميانه في عاشر شهر الصفر

تتم بالخير والظفر سنة خمس وثلثين

وتسغايه وليتم بالصلوته

على محمد وآله و

صحبته وسلم



ТЎПЛАМ, 1527–1528 йй.:
«ЧИҲИЛ ҲАДИС»,
ДЕВОН ВА «ВАҚФИЯ»
(ТНС 56)

COLLECTION OF 1527–1528:
CHIHIL HADITH, DIVAN AND VAQFIYA
(TNS 56)

СБОРНИК 1527–1528 гг.:
«ЧИХИЛ ХАДИС», ДИВАН И ВАКФИЙА
(ТНС 56)

ТЎПЛАМ, 1527–1528 йй.:

«ЧИХИЛ ХАДИС», ДЕВОН ВА «ВАҚФИЯ» (TNS 56)

Хижрий 934 / милодий 1527–1528 йй. Табриз. Хатматот – Чалобий.

224 ғ. 27×15,5 см. Қозғоз қорамтиррок, силликланган, кийишк верже ва понтюзо чизиклари бор. Матн зарҳал хошияда, 16×8,3 см, 15 мисрадан; назмий мисралар икки устундан. Ёзув: настаълик. Қора сиёх, сарлавҳалар зарҳал, кизил, мовий ва ок бўёқларда ёзилган. Очик фронтиспис, иккита унвон, қўшимча ёзувлар, нақш туширилган колофон, 5 та миниатюра.

Муқоввага аралаш, зарҳал босма ва локли нақшлар туширилган.

Нуксонлари: 1-ғ. ажралиб кетган, муқова титилган, тепадаги қопқок туби узилган, ички тарафининг баъзи жойларидаги чарм тўр йўқ.

Келиши: 1859. Д.И. Долгоруков тўплами.

Адабиёт: Волин 1946. 219, 233-б; Веймарн 1974. ил. 157–159; Сулаймон 1981б, ил. 17–19; Сулаймон, Сулаймонова 1982. ил. 151–163.

Тўпламнинг асосий қисмини Девон эгаллайди, аммо қўлёзма даставвал қуйидагича тартибда тузилган: «Чихил ҳадис» (1-ғ. ор.-8 ор.), девонларга «эски» сўзбоши (9-ғ. ор.-21), Девон (ғ. 22 ор.-200), «Вақфия» (ғ. 200 ор.-224).

Китобнинг безатилиши, шу жумладан, ёзувлари ҳам жуда нафис. Табриз мактаби миниатюралари, муқовадаги ва ички безак нақшлари жудаям уйғунлашиб кетган. Қопқоқларнинг ташки томонида аралаш техникадан фойдаланилиб, зарҳал билан босма нақш тушириш қора чарм сатҳдаги зарҳал нақш устидан лок билан қоплашга қўшилиб кетган. Ичкари томонда мовий фонга чарм тўр ўрнатилган; жимжимадор лавҳларнинг ташки хошиясида ҳам шу усул қўлланилган, ички хошияга эса зарҳал нақш туширилган.

1-ғ. да китоб соҳибининг қизи Евгения Долгорукованинг муҳри бор.

COLLECTION OF 1527–1528:

CHIHIL HADITH, DIVAN AND VAQFIYA (TNS 56)

934 / 1527–1528. Tabriz. Calligrapher Chelebi.

224 ff. 27×15.5 cm. Paper is slightly dark, polished, with crooked laid and chain lines. The text is in a golden frame 16×8.3 cm, poetic lines are written in two columns, 15 lines each. Nasta'liq script. The ink is black; headings are done in gold, red, blue paint and white. Double-frontispiece, two unvans, headpieces, ornamented colophon. Five miniatures.

Combination binding technique: embossed leather with a lacquered golden ornament.

Defects: f. 1 falls out, the covers are worn, the spine of the flap is ripped, on the inside the leather mesh is partially missing.

Acquisition: 1859. Collection of D.I. Dolgoruky.

Bibliography: Волин 1946, pp. 219, 233; Веймарн 1974, il. 157–159; Сулейман 1981b, il. 17–19; Сулейман, Сулеймонова 1982, il. 151–163.

The main part of the collection is comprised of the *Divan*. However, the manuscript was initially compiled with the following contents: *Chihil Hadith* (f. 1v–8v), “old” foreword to the *Divans* (f. 9v–21), *Divan* (f. 22v–200r), *Vaqfiya* (f. 200v–224r).

The book was very intricately decorated, and it was done simultaneously with the copying. The miniatures of the Tabriz school are created in complete harmony with the decorative features found inside the cover. On the outer sides of the front and back covers, a combination technique consisting of gold embossed elements together with a lacquered golden floral ornament on a black background, is used. Inside there is a filigree leather network that is placed onto a blue background; the outer frame of the cartouche is made using the same technique, whereas the inner frame uses only gold embossing.

On f. 1 the seal of Eugenia Dolgorukova (daughter of the owner) can be found.

**СБОРНИК 1527–1528 гг.:
«ЧИХИЛ ХАДИС», ДИВАН И «ВАКФИЙА»
(ТНС 56)**

934 / 1527–1528 гг. Тебриз. Каллиграф Челеби.

224 л. 27×15,5 см. Бумага слегка темная, лоцная, с кривыми линиями-верже и понтюзо. Текст в золотой рамке 16×8,3 см по 15 строк; поэтические строки – в два столбца. Почерк – насталик. Чернила черные, заголовки – золотом, красной, голубой красками и белыми. Развернутый фронтиспис, два унвана, заставки, орнаментированный колофон, 5 миниатюр.

Переплет комбинированный, с золотым тиснением и лакированным орнаментом.

Дефекты: л. 1 выпадает, переплет потрепан, корешок клапана оборван в верхней части, с внутренней стороны местами утрачена кожаная сетка.

Поступление: 1859 г. Собрание Д.И. Долгорукого.

Литература: Волин 1946. С. 219, 233; Веймарн 1974. Рис. 157–159; Сулейман 1981б. Рис. 17–19; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 151–163.

Основную часть сборника занимает Диван, но рукопись изначально формировалась именно таким составом: «Чихил хадис» (л. 1 об.–8 об.), «старое» предисловие к Диванам (л. 9 об.–21), Диван (л. 22 об.–200), Вакфийа (л. 200 об.–224).

Книга оформлена чрезвычайно изысканно, причем, одновременно с перепиской. В полной гармонии исполнены миниатюры тебризской школы, орнаменты внутреннего декора и переплета. На наружных сторонах крышек представлена комбинированная техника, сочетающая тисненые золотом элементы с покрытым лаком золотым цветочным орнаментом по черному кожаному полю. Внутри – ажурная кожаная сетка, наложенная на синий фон; внешняя рамка картушей исполнена в той же технике, а на внутренней рамке использовано золотое тиснение.

На л. 1 печать Евгении Долгоруковой, дочери владельца.







7.1
Очик фронтиспис
1-в. ор.-2

7.1
Double-frontispiece.
F. 1v-2r

7.1
Развернутый фронтиспис.
Л. 1 об.-2



اول باغ امارت که در کتب حکیم علم جان او می یاروی شمشیر
 به دست که در شاهی چو سطره خاک کونال و سیل قایل بود لب کوکب که آرام و تن کا
 کام تیشا کای تار سالت بر جی نیک نیز خرمی و نبوت در جی نیک نشین
 کوهی و نایط عن الهی را نیک سارا ایی ان موالا و می نویس
 حواری نیک معتد علی و اما افصح سر و نیک سینه و اما اعلی و درودی
 نیک شکلی نیک خسته سی اکا و اسپه و درودی نیک پیری سی اکا و سیله
 و لایحای عوالم رسل انجم و دال ای قایو ای بکه مسر عالم ای
 و جوی نیک خطی تو را طاک بود و می نشو رو لا ک
 آب و بر جین رست نمدی یکا اول ای نمدی سپیدی
 ستم که بر جیس و نایسد ایکا نین جانی ای و نرسید
 سلات که نیک نوزان یزد جبال و شنی نیک نوزان یزد
 شمع ایکال ای جا و دایک یسی هم تو کا خیل نرسید یکه
 و سالی الله علی الوطین الطاهرین و علی من با بعد جمیع ایله یوم الدین
 پورشان اجزا نیکش ورق نگاری و پوراشده اوراق نیکه کداری
 نیک چارسی نیک جرد می و علامت نهارسی نیک سیوسکی



7.2

Ушанли орқа тарафи ва ёпиқ
клапанли муқова

9-a. op.-10

7.2

Double-page with unwan and
closed flap

F. 9v-10r

7.2

Разворот с унваном и закрытым
клапаном переплета

Л. 9 об.-10





7.3
Диптих. «Шахзода ҳузурида
музикий мажлис» (ўнг тараф);
«Тоғлардаги ов» (чап тараф)
21-в. ор.-22

7.3
Double-page miniature "Musical majlis
hosted by the prince" (right side) and "A
hunt in the mountains" (left side)
F. 21v-22r

7.3
Диптих. «Музыкальный
маджлис у принца» и «Охота
в горах»
Л. 21 об.-22







7.5
«Табиат қўйнидаги мажлис»
40-в. ор.

7.5
"Majlis in nature's bosom"
F. 40v

7.5
«Маджлис на лоне природы»
Л. 40 об.





7.6
«Шоҳ ва соқий боғдаги айвончада»
75-в. ор.

7.6
"Shah and the cupbearer in the garden
pavillon"
F. 75v

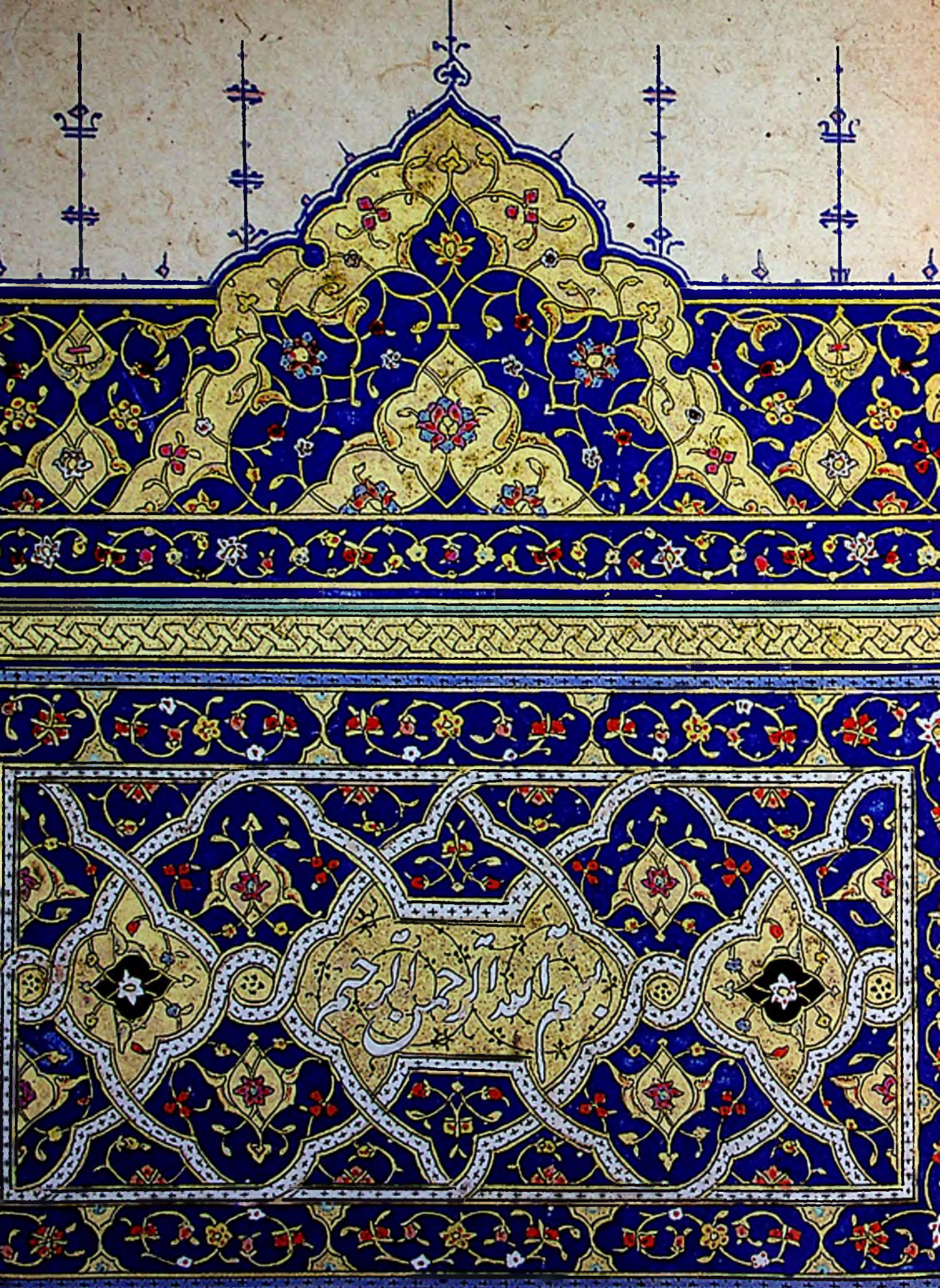
7.6
«Шах и виночерпий в садовой беседке»
Л. 75 об.



7.7
«Шоҳ ва соҳибжамол сарой
аъёнлари созандалар қуршовида»
157-в. ор.

7.7
"Shah and the beauty in the
pavilion, surrounded by confidants
and musicians"
F. 157v

7.7
«Шах и красавица в беседке
в окружении приближенных
и музыкантов»
Л. 157 об.





7.8
«Вақфия». Унвон
200-в. ор.

7.8
Unwan
F. 200v

7.8
«Вақфийа». Унван
Л. 200 об.—201

نور علیہ السلام کہ نور ارباب اولسون
میکرمی برحی حالت دالکھا

کم نور سا بور و علو غا سزاوار اولسون
حق تعالیٰ و قدر ناکر مآرا اولسون

تمت الکتاب علی الفقہ
علی بن سہروردی

اربع و بیستین

و تسع و ثمان
فی ثمان

بدر السلطہ

Всех мученичъ и чюдотворниче митрополитъ Дмитръ (224)
 1906, 18 февраля, 18 февраля

و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك	و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
و قد كثر ما طيحي في رحمتك	
و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك	و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك	و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك	و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
و قد كثر ما طيحي في رحمتك شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك	

و قد كثر ما طيحي في رحمتك
 شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
 و قد كثر ما طيحي في رحمتك
 شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
 و قد كثر ما طيحي في رحمتك
 شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك
 و قد كثر ما طيحي في رحمتك
 شروا ما كثر ما طيحي في رحمتك

7.9
 Колофон
 224-в. ор.

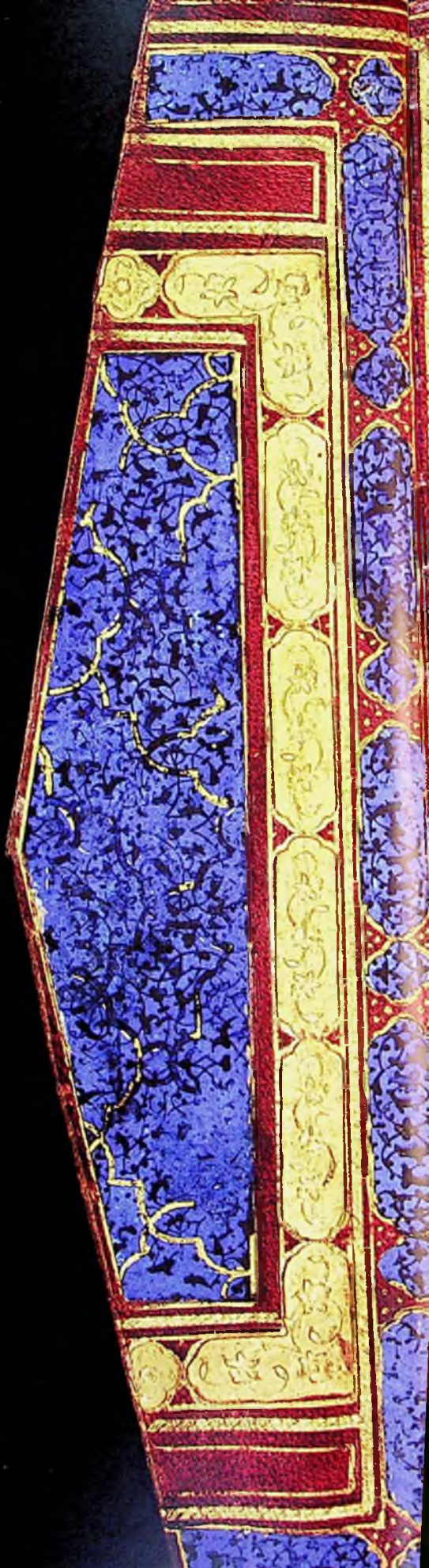
7.9
 Colophon
 F. 225v

7.9
 Колофон
 Л. 224 об.

7.10
*Муқова. Қопқоқнинг ички
томони, очиқ клапанли*

7.10
*Inner side of the back cover with an
open flap*

7.10
*Переплет. Внутренняя сторона
крышки с открытым клапаном*







ДЕВОН
(THC 58)

DIVAN
(TNS 58)

ДИВАН
(THC 58)

ДЕВОН (TNS 58)

1520–1530 йй.

194 в. 24×15 см. Когоз юпка, сарғиш, силликланган, майда кийиш чизик – верже ва понтюзолар кўринадиган жойлари бор. Матин 15,4×8 см хошияда, 17 мисрадан; назмий мисралар икки устундан. Ёзув: майда наста'лиқ. Қора сиёх, сарлавхалар зарҳал ва мовий бўёқларда ёзилган. Шамсда очик фронтиспис, учта унвон, майда қўшимча ёзувлар, 3 та нақш туширилган колофон. 5 та миниатюра.

Мукова қора чармдан, зарҳал босма нақшлар туширилган. Форзац варақлари «Учта шаъна ва V литераси» бор сувтамга туширилган европа когозидан тайёрланган (XVIII асрлар охири – XIX асрлар боши).

Нуксонлари: сув доғлари, туби шикастланган.

Келиши: 1859. Д.И. Долгоруков тўплами.

Адабиёт: Волин 1946. с. 220; Сулаймон, Сулаймонова 1982. ил. 244–257.

Девон «эски» сўзбоши билан бошланади (1 ор–11 ор). Анъанавий жанрлар тўпламидан ташқари, унга ихчамгина дoston-маснавий «Ҳасби ҳол» («Кечмишлар ҳақида хикоят», 167–176 в.) киритилган.

Тўпламга ҳижрий 934 / милодий 1527–1528 йилларда Табризда қўчирилган тўпламники каби сана қўйилган (КАТАЛОГ 7), чунки уларнинг безатилиши орасида ўхшаш жойлар кўп. Биринчи варақда – чиройли «қуёш»-шамс бўлиб, кўпинча бўлгани каби унга на букортмачининг исми, на асарнинг номи ёзилган. Очик фронтиспис жуда серҳашам қилинган, унинг марказий тўғрибурчакларидаги «булутчалар»да биринчи шеърнинг зарҳал мисралари «сузиб» юради.

Қора чарм мукова ташки сатҳи ўрталикларида, учбурчакларида ва гулдор нақшли лавҳларида деярли анъанавий, аммо жудаям ингичка зарҳал босма нақш билан безатилган. Айнан шунақа тузилишдаги таркибий қисмлар қопқоқларнинг ички қисмларида ҳам қайтарилган бўлиб, жимжимадор чарм тўр аппликация техникаси ёрдамида ўрнатилган, зарҳал билан бўялган.

Биринчи ва охириги саҳифаларда ўчиб кетган муҳрларнинг изи сақланиб қолган, 1-варақдаги муҳрда соҳиб – форс давлатида машҳур бўлган князь Долгоруков ва унинг қизи Евгениянинг исмлари ёзилган: «...киназ Долгоруков вазири мухтари давлати алийа Русийа 1261 [/ 1845]», «Ужани, 1265 [/ 1848–1849]».

DIVAN (TNS 58)

1520s–1530s.

194 ff. 24×15 cm. The paper is thin, yellowish, polished, with fine crooked laid lines and sometimes visible chain lines. The text is in a frame 15.4×8 cm; poetic text in two columns, 17 lines per page. Small nasta'liq script. Ink is black, headings are written in gold and blue. Shamsa, double-frontispiece, three umwans, small headpieces, three decorated colophons, five miniatures.

Binding of black leather with gold embossing. Flyleaves are made of European paper with watermark "Three hats" and letter "V" (end of the 18th – beginning of the 19th c.)

Defects: water streaks, the spine is damaged.

Acquisition: 1859. Collection of D.I. Dolgorukov.

Bibliography: Волин 1946, p. 220; Сулейман, Сулеймонова 1982, il. 244–257.

The Divan begins with the "old" foreword (f. 1v–11v). Besides the traditional collection of lyrical genres it also includes a small masnavi-poem *Hasb-i hal* ("A Tale of Experiences", ff. 167r–176r).

The copy is datable to the same date as the previous manuscript, copied in Tabriz in 934 / 1527–1528 (Cat. 7), since they have a lot in common in terms of their decoration. The first page is decorated with a delicate *shamsa-sun*, which does not contain, as it usually does, the name of the principal, or the title of the essay. The double-frontispiece is beautifully executed, the central rectangles of which contain "clouds" that surrounded the lines of the first poem written out in gold.

The outer side of the black leather binding is covered in traditional, but very thin gold embossing in the centrepiece, corners and cartouches. The same elements are repeated on the inner side of the covers, they are done by applying filigree leather net that is also covered with gold.

On the first and last folios there are signs of erased seals, on f. 1r there are seals with Persian legends with the names of the owner, prince Dolgorukov, and his daughter Eugenia: "kinaz Dolgorukyi vazir-i mukhtar-i dawlat-i aliya Rusiya 1261 [/ 1845]", "Ujani, 1265 [/ 1848–1849]".

ДИВАН (ТНС 58)

1520–1530-е гг.

194 л. 24×15 см. Бумага тонкая, желтоватая, лощеная, с мелкими кривыми линиями-верже и видимыми местами потяго. Текст в рамке 15,4×8 см, по 17 строк; поэтические строки — в два столбца. Почерк — мелкий насталик. Чернила черные, заголовки — золотом и голубой краской. Шамса, развернутый фронтиспис, три унвана, мелкие заставки, три орнаментированных колофона. Пять миниатюр.

Переплет черной кожи с золотым тиснением. Форзацные листы европейской бумаги с филигранью Три шляпы и литерой V (кон. XVIII — нач. XIX вв.).

Дефекты: потеки влаги, корешок поврежден.

Поступление: 1859 г. Собрание Д.И. Долгорукова.

Литература: Волин 1946. С. 220; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 244–257.

Диван начинается со «старого» предисловия (л. 1 об.–11 об.). Помимо традиционного набора лирических жанров в него включена небольшая поэма-маснава «Хасб-и хал» («Рассказ о пережитом», л. 167–176).

Список датирован по аналогии с переписанным в Тебризе в 934 / 1527–1528 г. сборником (Кат. 7), поскольку имеет с ним много общего в оформлении. На первой странице — изящная шамса-«солнце», в которую не вписано ни имя заказчика, ни название сочинения, как это часто бывает. Роскошно выполнен развернутый фронтиспис, в центральных прямоугольниках которого в «облачках» парят золотые строки первого стихотворения.

Черный кожаный переплет снаружи украшен вполне традиционным, но очень тонким золотым тиснением в среднике, угольниках и картушах рамки. Те же структурные элементы, повторенные на внутренних сторонах крышек, выполнены в технике аппликации ажурной кожаной сетки, окрашенной золотом.

На первом и последнем листах имеются следы стертых печатей, на л. 1 печати с персидскими легендами — именами владельца, князя Долгорукова, и его дочери Евгении: «киназ Долгорукий вазир-и мухтар-и давлат-и алия Русийа 1261 [/ 1845]», «Ужани, 1265 [/ 1848–1849]».

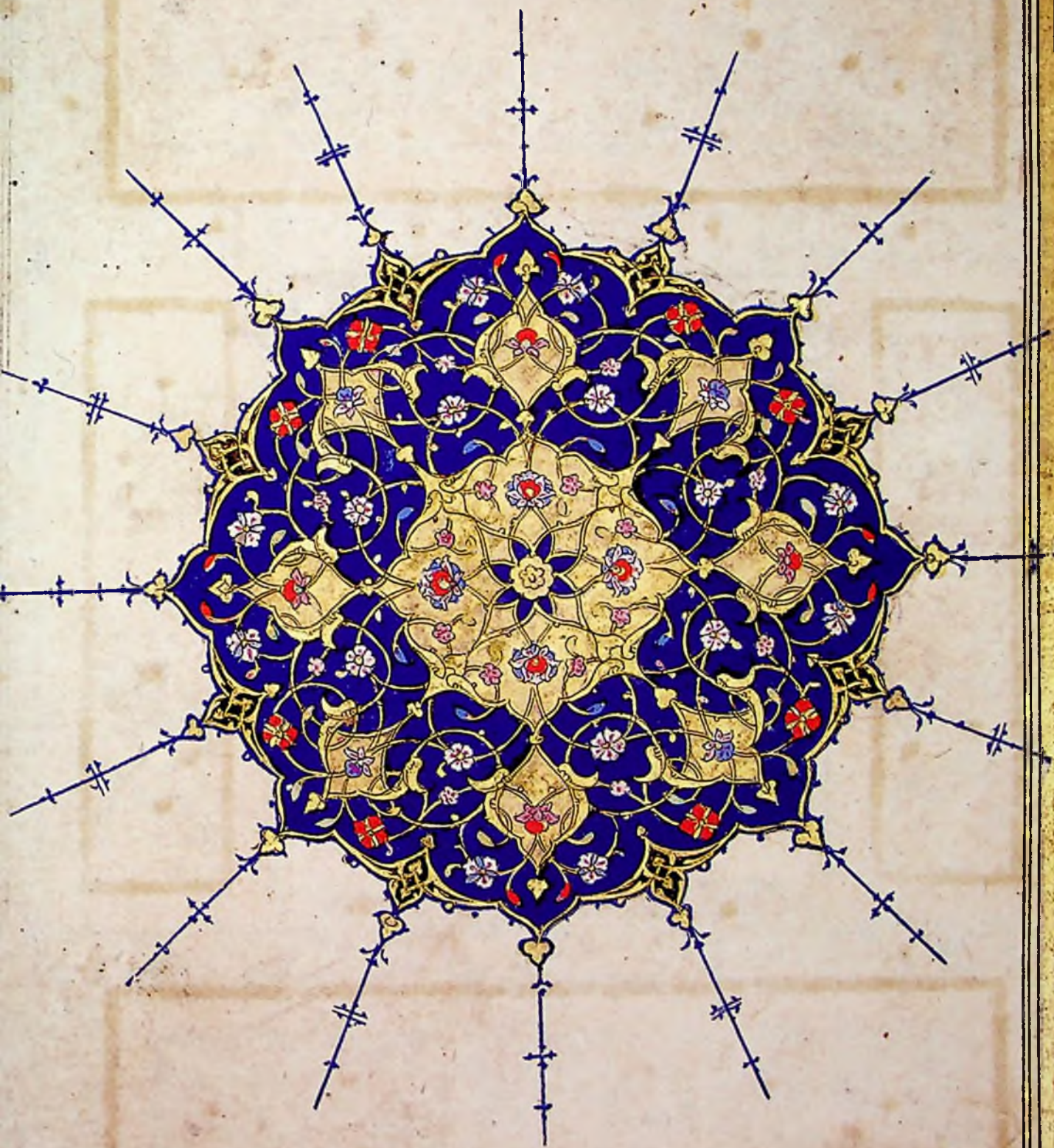


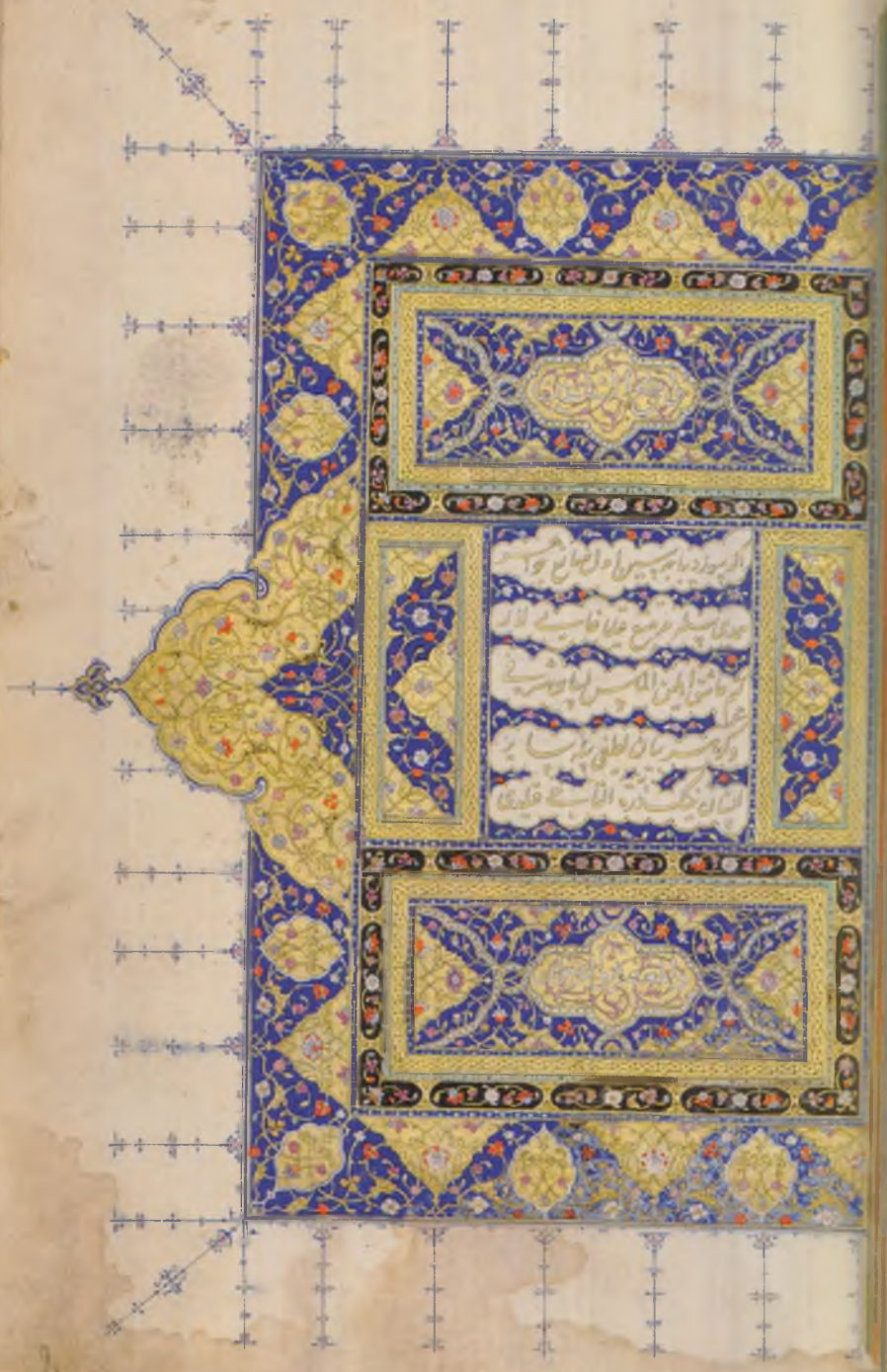


8.1
Шамс-медальон и оттиски печатей

8.1
Shams-medallion and imprints of seals
F. 1r

8.1
Медальон-шамса и оттиски печатей
Л. 1







8.2

Очиқ фронтиспис

2-в. ор.-3

8.2

Double-frontispiece

F. 2v-3r

8.2

Развернутый фронтиспис

Л. 2 об.-3

وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے	موتوں جو مرد بکری پر کا لی اضاف
-----------------------------------	---------------------------------

وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے	وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے
-----------------------------------	-----------------------------------

وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے	وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے
-----------------------------------	-----------------------------------

وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے	وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے
-----------------------------------	-----------------------------------

وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے	وہ جو سیرت علی علیہ السلام سے ملے
-----------------------------------	-----------------------------------





8.3
 Биринчи колофон ва очик
 клапанли мукова
 10-в. ор. – 11

8.3
 The first colophon
 F. 10v – 11r

8.3
 Первый колофон и открытый
 клапан переплета
 Л. 10 об. – 11



8.4

Унван и закрытый клапан переплета

Л. 11 об. – 12



8.4

Double-page with unwan and closed flap

F. 11v–12r

8.4

Унван ва ёпиқ клапанли муқова

11-в. ор. 12



من چسبم شمس اکا پس انوار الهدی
 سیدین کو نکول جامی ابوسپاس از کغم
 وارم که انکار طوف اوله سر سنفال

یار عین می واکور و بجام وین
 یو قورای ساقی وحدت می مثل لک
 کستر زاجند از انار



8.5

«Комонда баланд таёқдаги
нишон (олтин қовоқ)ни уриб
тушириш»

23-в.

8.5

"Archery (golden
pumpkin) on a high
pole a bow"

F. 23r

8.5

«Стрельба из лука по мишени
(золотой тыкве) на высоком
шесте»

Л. 23







8.6
«Шахзоданинг шикори» ва
саҳифани безатиш намунаси
56-в. ор.—57

8.6
"The prince's hunt" and a sample of
the decorations of the page
F. 56v—57r

8.6
«Охота принца» и образец
оформления страницы
Л. 56 об.—57







8.9
«Лочин овига чиқиш»
146-в.

8.9
"A falcon hunting trip"
F. 146r

8.9
«Выезд на соколиную охоту»
Л. 146



[illegible]

 سیرت کف و کفایت و کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت	 کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت  کفایت کفایت کفایت کفایت
---	---



سن لطف ائمه کون و مکا

وراث همان حه شله



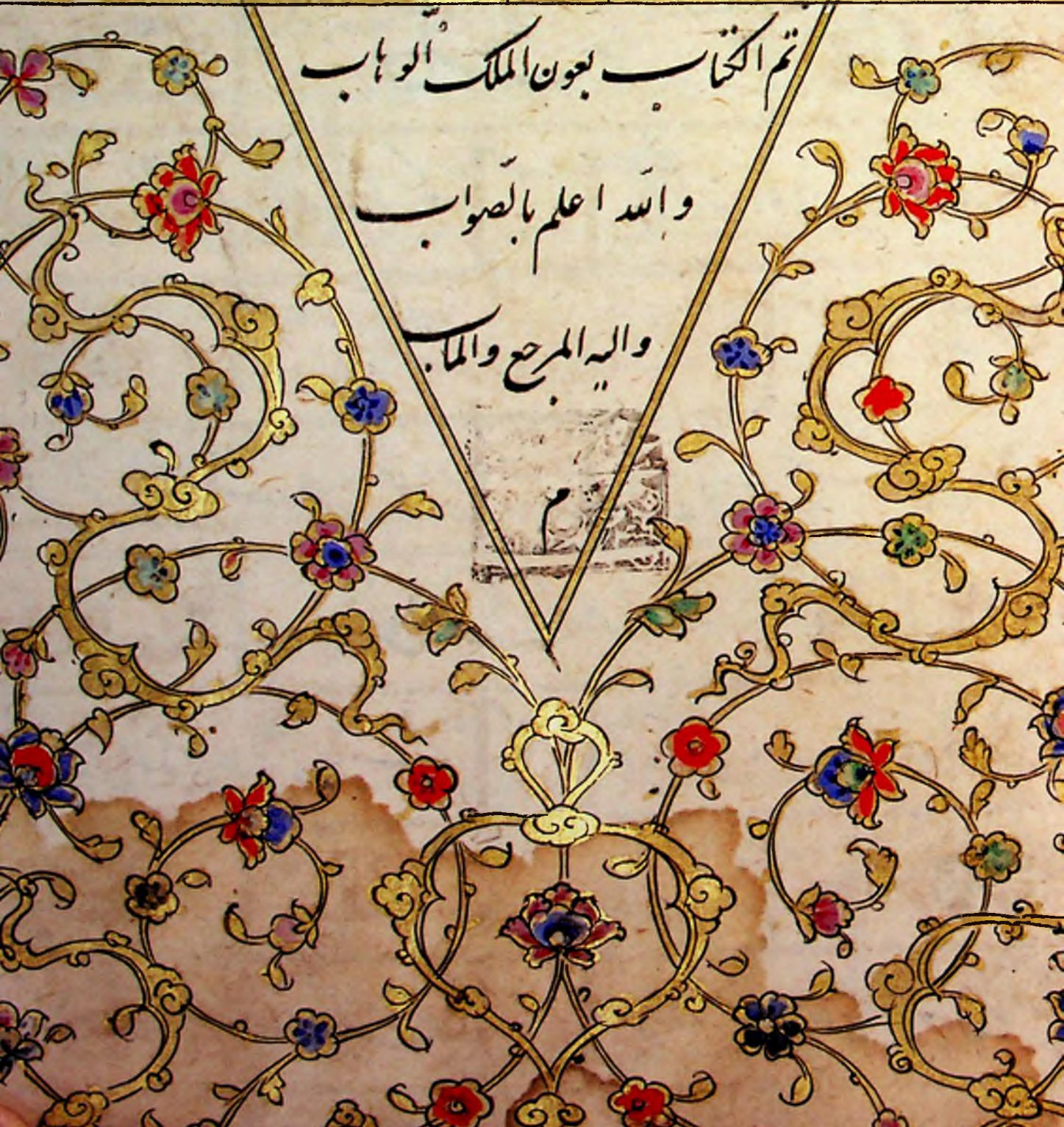
فنا دشتی دایم کاینم ایام پس

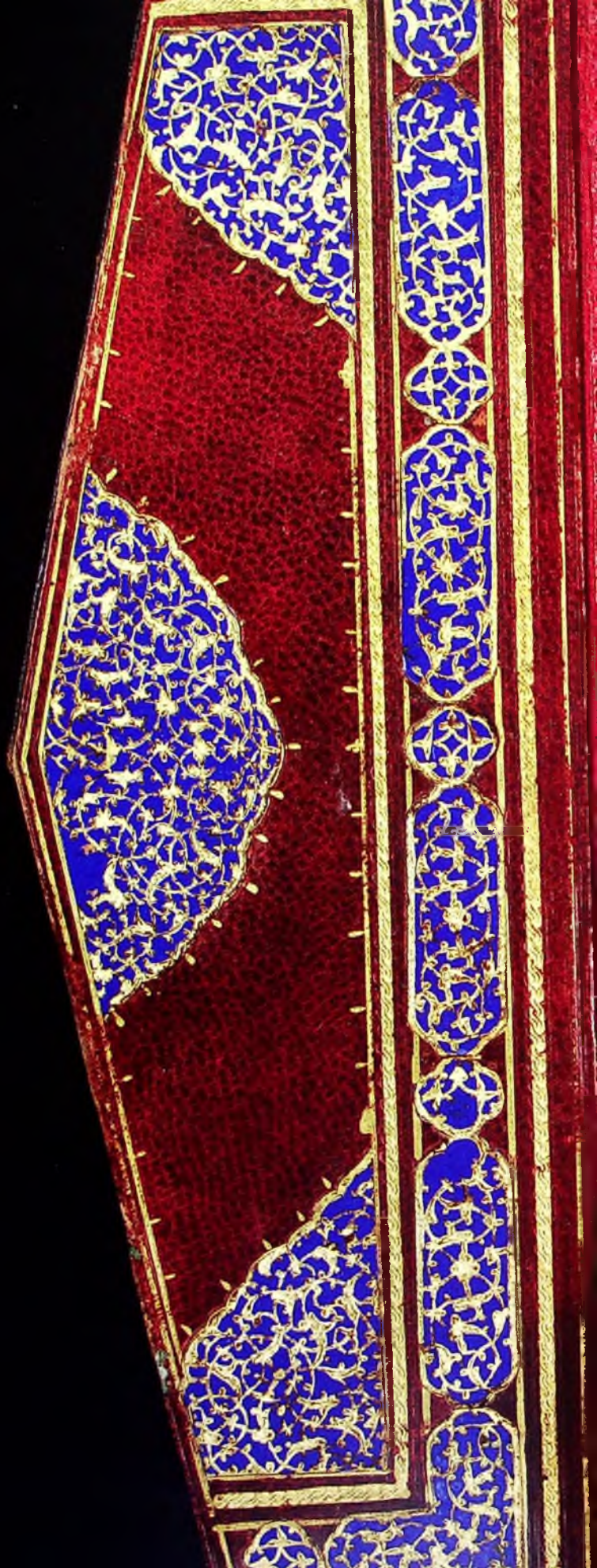
کوز الا حق لاری نیک و دویکان او قلا

تم الكتاب بعون الملك الوهاب

والله اعلم بالصواب

والله المبرج والملا





8.13

*Мукова. Ички томони, очик
клапанли орқа қопқоғи*

8.13

*Inner side of the back cover with an
open flap*

8.13

*Переплет. Внутренняя сторона
крышки с открытым клапаном*





ДЕВОН. ПАРЧАЛАР
(Дорн 563)

DIVAN. EXCERPT
(Dorn 563)

ДИВАН. ИЗВЛЕЧЕНИЯ
(Дорн 563)

ДЕВОН. ПАРЧАЛАР (DORN 563)

XVI асрнинг биринчи ярми, хатмат — Султон Муҳаммад Нур (тахминан 1472–1536 йиллар).

90-б. 27×17 см. турли рангли коғоз, ялтиратилган, зарҳал сепилган. Хошиядаги матн 16,5×9,3 см, 15 мисрадан икки устун. Ёзув: настаълик. Қора сийёх, сарлавҳалар ок бўёқда, лавҳа-ёзувлар зарҳал харфда ёзилган. Фронтиспис. Зарҳал зирахолли турли хил рангли коғоздан хошиялар.

Мукова чармдан, тўқ пистоки рангли, зарҳал босма нақш тунширилган. 1580 й.

Келиши: 1828 й. Ардабил тўплами.

Адабиёт: Dorn, 1852. к. 512; Волин 1946. 220-б; Сулаймон, Сулаймонова 1982. ил. 113–122; Vasilyeva 2009. к. 46–47, fig. 12–13.

Девоннинг безатилишида хиротча усул ривожлантирилган. Масалан, Хиротда ранг-баранг коғоздан фойдаланишган, аммо бунақанги ёрқин ранглари ишлатишмаган. Ноодатий технология қўлланилган: матн ёзилган варақлар бўлақлари хошиялар ичидан кесиб олиниб, ранги кескин фарқ қиладиган коғоздаги матнлар ёпиштирилган, елимланган жойлар кўринмаслиги учун бир неча чизикли хошиялар билан яширилган. Охирги варақларга қўл теккизилмаган. Этимол, бу ўзгартиришлар кўчириб ёзилганидан кейин, қўлёзamani муковага жойлаётганда бажарилган бўлиши ҳам мумкин. XVI асрнинг иккинчи ярмида эски қўлёзмаларни рангли коғоздаги янги, жудаям кенг хошияларга жойлашарди. Девонда эса бундай мақсад учун «ўзининг» коғозидан фойдаланишган.

Мукова қопқоқлари ташки томонидан бир неча қатламли мураккаб босма нақш, икки хил тусли зарҳал бўёқлар ва қисмларини турли рангларга бўяш билан безатилган. Ички тарафидан эса қопқоқларнинг турли рангдаги қалин коғоз асосига зарҳалли чарм тўр жойланган. Хошиянинг нақшин лавҳаларида ҳам шунақа усулдан фойдаланилган.

1-варақда шох Аббос I нинг хижрий 1017, 1608–1609 йиллардаги ёзуви ва шайх Сафий мақбараси вақфининг ўша сана билан қўйилган думалок бўртма муҳри бор. Вақф муҳри охирги варақда ҳам, каттароқ ўлчамдаги (33 мм) ўчиб кетаётган бошқа муҳр ёнига ҳам урилган.

DIVAN. EXCERPT (DORN 563)

The first third of the 16th c. Calligrapher Sultan-Muhammad Nur (ca. 1472 – ca. 1536).

90 ff. 27×17 cm. Different coloured polished paper, with golden spray. Text is in a frame 16.5×9.3 cm, in two columns, 15 lines each. Nasta'liqscript. Black ink, headings done in whitewash in golden headpiece-cartouches. Frontispiece. Margins made from different coloured paper with golden specks.

Binding of dark-pistachio leather with golden embossing of the 1580s.

Acquisition: 1828. The Ardabil collection.

Bibliography: Dorn 1852, p. 512; Волин 1946, p. 220; Сулейман, Сулеймонова 1982, ил. 113–122; Vasilyeva 2009, pp. 46–47, fig. 12–13.

The design of the *Divan* is reminiscent of the Herat style. For instance, different coloured paper was used in Herat; however, the colours were not as bright. An unusual technique is employed: fragments of the pages with text were cut out of the margins, into which fragments of texts on contrasting coloured paper were glued in, while the areas of the join were covered with a frame consisting of multiple rulings. The last leaves were left untouched. It is possible that re-mounting, or changing of margins occurred after the copy was done, when the book was being bound. Usually in the last quarter of the 16th c. old manuscripts were placed into wide new margins made of very thick coloured paper, while in the *Divan* its own “native” paper was used for this purpose.

The outer sides of the front and back covers are decorated with complicated, multi-level embossing, with two different shades of gold and use of different colours for the elements. The inner sides are decorated with a golden leather network that is placed upon multi coloured segments of the cardboard base of the cover. The same technique was used for the cartouches.

On f. 1 there is a *vaqf* record of Shah Abbas I dated 1017 / 1608–1609 and the imprint of a round seal of the Foundation of Shaikh Safi's Shrine with the same date. The same seal can also be found on the last page next to an erased round seal of a larger diameter (33 mm).

ДИВАН. ИЗВЛЕЧЕНИЯ (ДОРН 563)

Первая треть XVI в. Каллиграф Султан-Мухаммад Нур (ок. 1472 – ок. 1536).

90 л. 27×17 см. Бумага разного цвета, лощенная с золотым напылением. Текст в рамке 16,5×9,3 см, по 15 строк в два столбца. Почерк – насталик. Чернила черные, заголовки – белилами в золоченых заставках-картушах. Фронтиспис. Поля из бумаги разного цвета, с золотым крапом.

Переплет кожаный, темно-фисташковый, с золотым тиснением, 1580-х гг.

Поступление: 1828 г. Ардебильское собрание.

Литература: Дорн 1852. Р. 512; Волин 1946. С. 220; Сулейман, Сулейманова 1982. Рис. 113–122; Vasil'eva 2009. Р. 46–47, fig. 12–13.

По своему оформлению Диван развивает гератский стиль. К примеру, разноцветную бумагу использовали в Герате, но не таких пронзительно ярких цветов. Применен необычный технологический прием: фрагменты листов с текстом вырезаны из полей, в которые потом вклеены текстовые фрагменты на бумаге контрастного цвета из других листов, а места подклейки прикрыты рамкой из нескольких линий. Последние листы остались нетронутыми. Не исключено, что переделка произошла позднее переписки, во время заключения блока в переплет. Обычно в последней четверти XVI в. старые рукописи монтировали в новые широкие поля очень плотной цветной бумаги. В Диване же для этих целей использована «собственная» бумага.

Крышки переплета с наружной стороны украшены сложным тиснением нескольких уровней, с позолотой двух оттенков и окраской элементов разным цветом. С внутренней стороны золоченая кожаная сетка положена на разноцветные сегменты картонной основы крышек. Такая же техника применена и в картушах рамки.

На л. 1 вкладная запись шаха Аббаса I 1017 / 1608–1609 г. и оттиск круглой печати вакфа мавзолея шейха Сафи с той же датой. Печать вакфа есть и на последней странице рядом со стертой круглой печатью большего диаметра (33 мм).



دیر را به مشعل ای سواد لعلی از چشم
 جام می تو تا شکست سیاهی بر این قتل است
 کار دل می این کوکل جانم از لعل جلوه گر
 بنفشه شود و نم او بی سیاه سولدم و عله
 و حدلی به لعلی سیاهی می جام سپردم
 جام می به لعلی سیاهی می سپردم
 سیرک قتلایدن در کجا جام می بود
 بدین سیاهی آید به سیاهی می





9.1
Фронтиспис
1-в. ор.-2

9.1
Double-page frontispiece
F. 1v-2r

9.1
Фронтиспис
Л. 1 об.-2

مش میگوید خبر را به پادشاه رسانید
و پادشاه که بشنید خبر شهادت
چهار تنده را اینها را شنید که

کیم ایک بخون پد یک جہا یما
یک سر اپنی شکر خانی
رسم ان کی پیش کن تو ان کی

دوی و نور و رنگ های گیم که برکت تقدی
 دوی و نور یک یک نور و یک یک نور و یک
 چون که از این راه به راه تقدی پس
 بعد از شب غم شامی ظاهر ایام سلوا درود
 می خواند و در وقت نماز و یک یک نور
 پس از این یک یک یک یک یک یک یک یک
 بن بر همان بنا و در و در و در و در

پند و اندرز الیه مرتبی قلم است
 مشرق را که از اینک است
 به کمالی که از کمالی بود
 به کمالی که از کمالی بود
 به کمالی که از کمالی بود
 به کمالی که از کمالی بود
 به کمالی که از کمالی بود
 به کمالی که از کمالی بود

نور نبی کلی جانیا جافینلا و
سیر و کجا چش کی یکی نور بدین
قانا وی و کجا انون نک کجا کلا کسکی

زینب یمنی کو شکوہ لے کر مدینہ پہنچی
 پھر مدینہ پہنچی اور کہا کہ میں نے
 جو کچھ کہنا تھا وہ یہ ہے۔

قاسم سیب و سبزه کی زاری را سیب و سبزه	کوکب و سرسبز کی یک در دو با سبزه و سبزه
کازی قیاس و یک سبزه کی زدن سبزه و سبزه	بوکه دانت از زبانی سبزه و سبزه و سبزه
عشق و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	بو قاتین در و راه سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
ارقی و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	پری یک سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
عشق و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	بو قاتین در و راه سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
طوفان و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	ماوی کوکب و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	عاجیه سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	قاسم سیب و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه

عشق و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	عشق و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
آه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	یک سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه
سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه	سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه و سبزه





9.3
Безатиш намуналари
48-в. ор.-49

9.3
Sample of the design
F. 48v-49r

9.3
Образец оформления
Л. 48 об.-49

خداوند و یکتا و یگانه	مستور است که آب زمزمه در بر
استیانتان که کوه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
سرحدی که در کوه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
کوه در بر که در کوه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر

مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر
مستور است که آب زمزمه در بر	مستور است که آب زمزمه در بر



حوشور قیلما جان قویا شیره شیره شروع

اول و منعه چه کیم قیلور قویا شیره حاجی صلور



سم صومعه کنخی شینخ طرازعه پس

سم شینخ لوزی ز اها شینارعه پس

سم دیرد اپست لبع منی زارعه پس

سم منجه وصلی جان سیمارعه پس



جا بل که حسد بولغای اینک جملی غم

نوز ایل کوز بدین انکلا سا اوز کوز بدیه کم

بسم الله الرحمن الرحیم

کوزلارنی البشما فقه چکیت تنع پستم
ایل کوز بنی سم اوینغای و اوز کوز بنی سم

سلطان محمد بن





9.5

Лабак ички нақши

9.5

Binding. Inner side of the cover with an open flap

9.5

Переплет Внутренняя сторона крышки с открытым клапаном





ДЕВОН. ПАРЧАЛАР
(Дорн 562)

DIVAN. EXCERPT
(Dorn 562)

ДИВАН. ИЗВЛЕЧЕНИЯ
(Дорн 562)

ДЕВОН. ПАРЧАЛАР (ДОРН 562)

XVI асрнинг биринчи ярми.

141 6. 30×22 см. Ок коғоз, ялтиратилган, сийрак верже чизиклари бор. Матн 20×12,2 см бўлган хошияда, 13 мисрадан икки устун. Ёзув: йирик насталик. Қора сиёҳ, сарлавхалар ок харфларда, кистирма лавҳалар ичида. Шеърлар орасидаги кистирмаларга мўлжалланган жойлар тўлдирилмаган. Унвон. Калин коғозли хошиялар тўқ пушти рангда.

Зарҳал босма нақшли чарм мукова, 1580 й.

Келиши: 1828 й. Ардабил тўплами.

Адабиёт: Dorn 1852. к. 512; Волин 1946. 219–220-б. Vasilyeva 2009. к. 5–48, fig. 10–11.

Қуринишдан Хиротда тайёрланганга ўхшайди, балки шунинг учун ҳам В.С. Волин XV аср охири санасини қўйишни таклиф қилгандир. Бироқ унвон, гарчи Хирот аъналарига мос келса-да (оқ илончали занжир, зарҳалли ўрилган нақшли хошия), хира зангори туси билан ажралиб туради, гуллик нақшлар ва тепа хошияда чикиб турадиган зарҳал учбурчаклар у қадар кўп эмас.

Зич хошиялар ва босма нақшин мукова олдинги қўлёзманикига ўхшаган, фақат кейинроқ, 1580 йилларда, эхтимол, Қазвинда қўшилган бўлса керак.

1-в. да шайх Сафий макбараси вақфининг думалок муҳри туширилган ва шоҳ Аббос I нинг хижрий 1017 / милодий 1608–1609 йиллардаги ёзуви қўшилган. Муҳр кўпгина варақларнинг хошиясига ва шеърлар бошланиши олдидан босилган.

DIVAN. EXCERPT (DORN 562)

First half of the 16th c.

141 ff. 30×22 cm. Paper is white, polished, with rare laid-lines. The text is in a frame 20×12.2 cm, in two columns, 13 lines each. Large nasta'liq script. Black ink, headings are done with white in the cartouche headpieces. Unvonn. The spaces for headpieces between the poems were left blank. Margins made from thick, crimson coloured paper.

Leather binding with gold embossing, 1580s.

Acquisition: 1828. The Ardabil collection.

Bibliography: Dorn 1852, p. 512; Волин 1946, pp. 219–220. Vasilyeva 2009, pp. 45–48, fig. 10–11.

The script gives the impression of a Herat style handwriting; it is possible that this fact allowed F.S. Volin to assume that it dated back to the 15th c. However the *unvonn*, while in accordance with the Herat style (outlining with a white chain, golden intertwined frame), differs in its pale-blue colour, the lack of floral elements, and a protruding golden triangle on the upper part.

Thick margins and an embossed binding of a similar kind as in the previous manuscript, were added later, in the 1580s, possibly in Qazvin.

On f. 1 there is an imprint of a round seal of the Foundation of Shaikh Safi's Shrine and a donation record of Shah Abbas I dated 1017 / 1608–1609. The imprint of the *vaqf* seal can be found on many leaves and margins as well as before the beginning of the poems.

ДИВАН. ИЗВЛЕЧЕНИЯ (ДОРН 562)

Первая половина XVI в.

141 л. 30×22 см. Бумага белая лощеная, с редкими линиями-верже. Текст в рамке 20×12,2 см, по 13 строк в два столбца. Почерк — крупный насталик. Чернила черные, заголовки белилами в заставках-картушах. Унван. Места для заставок между стихами остались незаполненными. Поля из плотной бумаги малинового цвета.

Переплет кожаный, с золотым тиснением 1580-х гг.

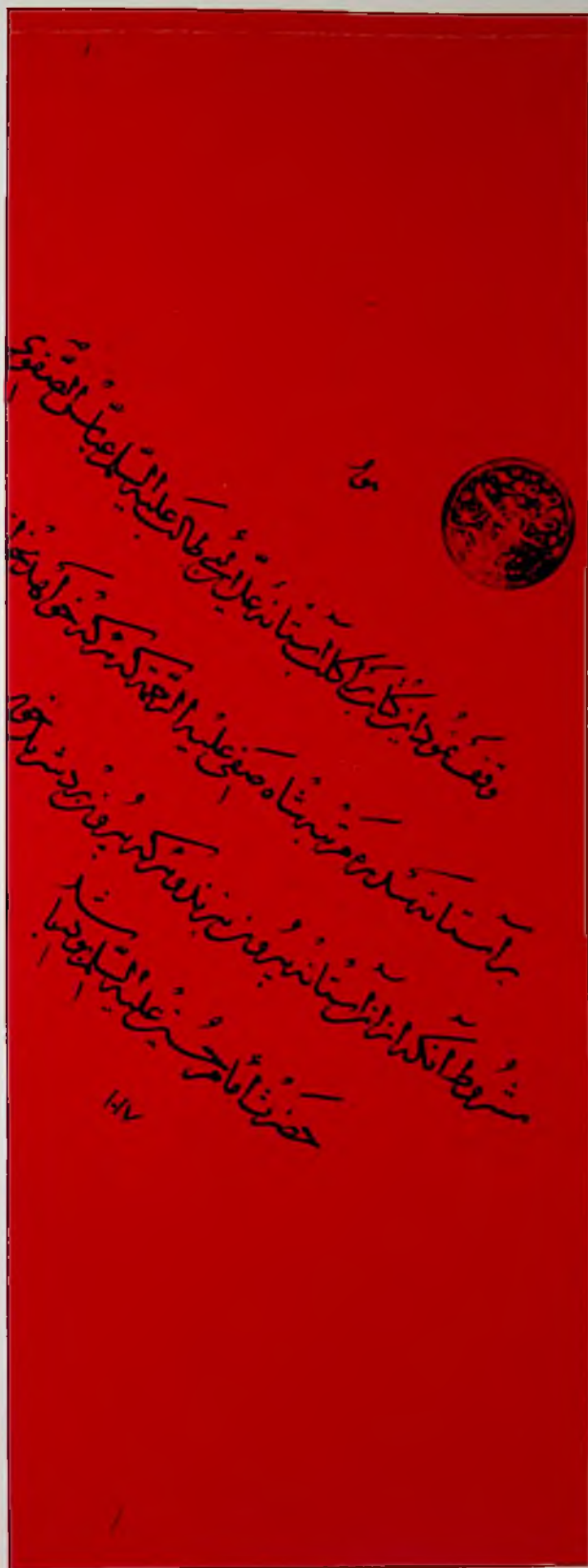
Поступление: 1828 г. Ардебильское собрание.

Литература: Dorn 1852. P. 512; Волин 1946. С. 219–220. Vasilyeva 2009. P. 45–48, fig. 10–11.

Почерк производит впечатление гератского, возможно, именно это обстоятельство позволило Л.С. Волину предложить датировку концом XV в. Однако унван, хотя и согласуется с гератскими тенденциями (структурное выделение белой цепочкой-змейкой, золотая рамка-плетенка), отличается тускло-синим цветом, недостаточной насыщенностью флористическими элементами и выступающим золотым треугольником на верхней полоске.

Плотные поля и тисненый переплет того же типа, что и в предыдущей рукописи, были добавлены позднее, в 1580-е гг., вероятно, в Казвине.

На л. 1 оттиск круглой печати вакфа мавзолея шейха Сафи и вкладная запись шаха Аббаса I 1017 / 1608–1609 г. Печать оттиснута на многих листах на полях и перед началом стихов.





نویای سن کیم و غریب بی با هموسین کیم است
اگر قان اچمه سم باشی که کتور او ز

یکت یکده ایدیم بملایکت لار کا
یوزی ساریغ باشی قیر قاری هم اولدی حیف
دیسانک قاریب بولایرید و عاقبت پر لا
تیلار ایسانک قاریغ غوغو تر به پشین مکر
نجه که بولیکت یکده شوخوغ مطلق
قاریغ سر نه بولسه پستم کیت لار دین
نی نوع ز به ایملاتوی پی این منو خط
تیار عذاب قاریب ماخلط او عول لار دین
جوسج لدی فایست مانک کیت لار دین
نجه که پست کیت لار نی امل عشق تیار
نویا قاری مانک هم جهانده انحر به کون

قاریب سم او زنی تیلایر
اینگلی غریل کوز قاشق
مکر که بولما غایب
کو کولونی بر ماک
ولی ادب پملاخ
نی بولموشی قاریدین
که او چو ایدیم قاریملق
نجه که تو پتام او ز ونسی تاب
کرتیکری بر مادی چن فایک
ویک عشق دور در پارایک
زیمیل تیلار ایر سانک نوایکت





10.1
 Муқаддима. Унван ва ёпиқ
 клапанли муқова
 1-в. ор.-2

10.1
 First double-page with unwan and
 closed flap
 F. 1v-2r

10.1
 Начало. Унван и закрытый
 клапан переплета
 Л. 1 об.-2

10.2

*Мукова. Қопқоқнинг ички
томони, очиқ клапанли*

10.2

*Binding. Inner side of the cover with
open flap*

10.2

*Переплет. Внутренняя сторона
крышки с открытым клапаном*







«ҒАРОЙИБ УС-СИҒАР»,
1551–1552 йй.
(Дорн 561)

GHARA'IB AL-SIGHAR 1551–1552
(Dorn 561)

«ГАРАИБ АС-СИГАР» 1551–1552 гг.
(Дорн 561)

«ҒАРОЙИБ УС-СИҒАР», 1551–1552 йй.
(DORN 561)

Хижрий 959 / милодий 1551–1552 йй.

235 в. 25×18 см. Когоз сареишдан пушти ранггача, калин, ялтиратилган, кийшик верже чизиклари бор. Матн 14×8,2 см келадиган зархал хошияга олинган, 14 мисрадан икки устун. Ёзув: майда настаълик. Қора сиёҳ. Унвон. Матн майдони бўйлаб майда нукралар сачратилган.

Мукова локланган, 1570–1580 йиллардаги қазвинча тасвирий санъатга хос.

Қопқокларнинг эски таъмирланиши: чеккаларига қора чарм тортилган.

Нуксонлари: китобга намлик зарар етказган, мукова атрофи шикастланган, қлапани узилиб кетган, қопқоклардаги безак қатламининг баъзи жойлари тўкилиб тушган.

Келиши: 1828 й. Ардабил тўплами.

Адабиёт: Dorn 1852. к. 511–512; Волин 1946. 226–б.; Васильева 2008а. 16–б.; Vasilyeva 2014. к. 177.

Китобнинг локланган муковаси эътиборни тортади. Қора фонда бўёқлар билан миниатюралар чизилган, аммо уларнинг мавзуси Навоий асарларига тааллуқли эмас.

1-варақда форсча ёзувда «Амири девони аъло шоҳи хуррами соҳибқирон 994 [ҳижрий 1585–1586 йй.]» деб ёзилган муҳр изи бор. Шуниси эътиборга молиқки, китоб соҳиби Муҳаммад Худобанда (1578–1587) амир девони олий мансабида бўлиб, ундан бир аср илгари Алишер Навоий шу лавозимда бўлган. Муҳрда исм бўлса ҳам, шоҳ Аббос I нинг санаси кўрсатилмаган ёзуви остида кўринмай кетган. Шу ерда ва баъзи варақларда, шу жумладан охиргисида ҳам шайх Сафий мақбараси вақфининг ҳижрий 1017 / милодий 1608–1609 йил санаси қўйилган думалоқ муҳри туширилган.

GHARA'IB AL-SIGHAR OF 1551–1552
(DORN 561)

959 / 1551–1552.

235 ff. 25×18 cm. The colour of the paper ranges from yellowish to pinkish, it is thick, polished, with crooked laid-lines. The text is in a golden frame 14×8.2 cm, two columns, 14 lines each. Small nasta'liq script. Black ink. Unwan. Finest spray over the background of the text.

Lacquered binding with Qazvin paintings of the 1570s–1580s.

Old restoration of the binding: black leather is glued onto the spine.

Defects: the text-block has been damaged by moisture, the perimeter of the covers is damaged, the flap has been ripped off, the coloured layer of the cover painting is damaged and has crumbled in some places.

Acquisition: 1828. The Ardabil collection.

Bibliography: Dorn 1852, pp. 511–512; Волин 1946, p. 226; Васильева 2008а, p. 16; Vasilyeva 2014, p. 177.

The lacquered covers of the book are its most interesting feature. Colourful miniatures are painted onto a black background, the narrative story of which does not have anything to do with Navoi's compositions.

On f. 1r there is an imprint of a round seal with the Persian legend: “[Pir Ghaib-Khan] amir-i divan-i a'la... Shah-i khurram-i sahib-qiran, 994 [/ 1585–1586]”. It is interesting that during the reign of Muhammad Khudabanda (1578–1587), the owner occupied the same position as an Amir of the *divan-i a'la*, as Alisher Navoi did a century earlier. The owner's name is hardly visible behind the undated vaqf record of Shah Abbas I. Also, on some of the leaves, including the last one, an imprint of a round seal of the Foundation of Shaikh Safi's Shrine dated 1017 / 1608–1609 can be seen.

**«ГАРАИБ АС-СИГАР» 959 / 1551–1552 гг.
(ДОРН 561)**

959 / 1551–1552 гг.

235 л. 25×18 см. Бумага от желтоватой до розоватой, плотная, лоцная, кривые линии-верже. Текст в золотой рамке 14×8,2 см, по 14 строк в два столбца. Почерк — мелкий насталик. Чернила черные. Унван. Мельчайший розбрызг-напыление по полю текста.

Переплет лакированный, казвинская живопись 1570–1580 гг.

Старая реставрация крышек: черной кожей оклеены торцы.

Дефекты: блок пострадал от влаги, переплет поврежден по периметру, клапан оторван, красочный слой на крышках поврежден и местами осыпался.

Поступление: 1828 г. Ардебильское собрание.

Литература: Dorn 1852. P. 511–512; Волин 1946. С. 226 Васильева 2008а. С. 16; Vasilyeva 2014. P. 177.

Книга интересна своим лакированным переплетом. По черному фону красками нарисованы миниатюры, сюжеты которых не имеют отношения к сочинениям Навои.

На л. 1 имеется оттиск круглой печати с персидской легендой: «[Пир Гайб-хан] амир-и диван-и ала шах-и хуррам-и сахиб-киран 994 [/ 1585–1586 гг.]». Любопытно, что владелец книги занимал в правление Мухаммада Худабанда (1578–1587) ту же должность амира диван-и ала, что и Алишер Навои за век до него. Имя владельца плохо видно под строкой недатированной вкладной записи шаха Аббаса I. Здесь же и на некоторых листах, включая последний, оттиснута печать вакфа мавзолея шейха Сафи с датой 1017 / 1608–1609 гг.





11.1

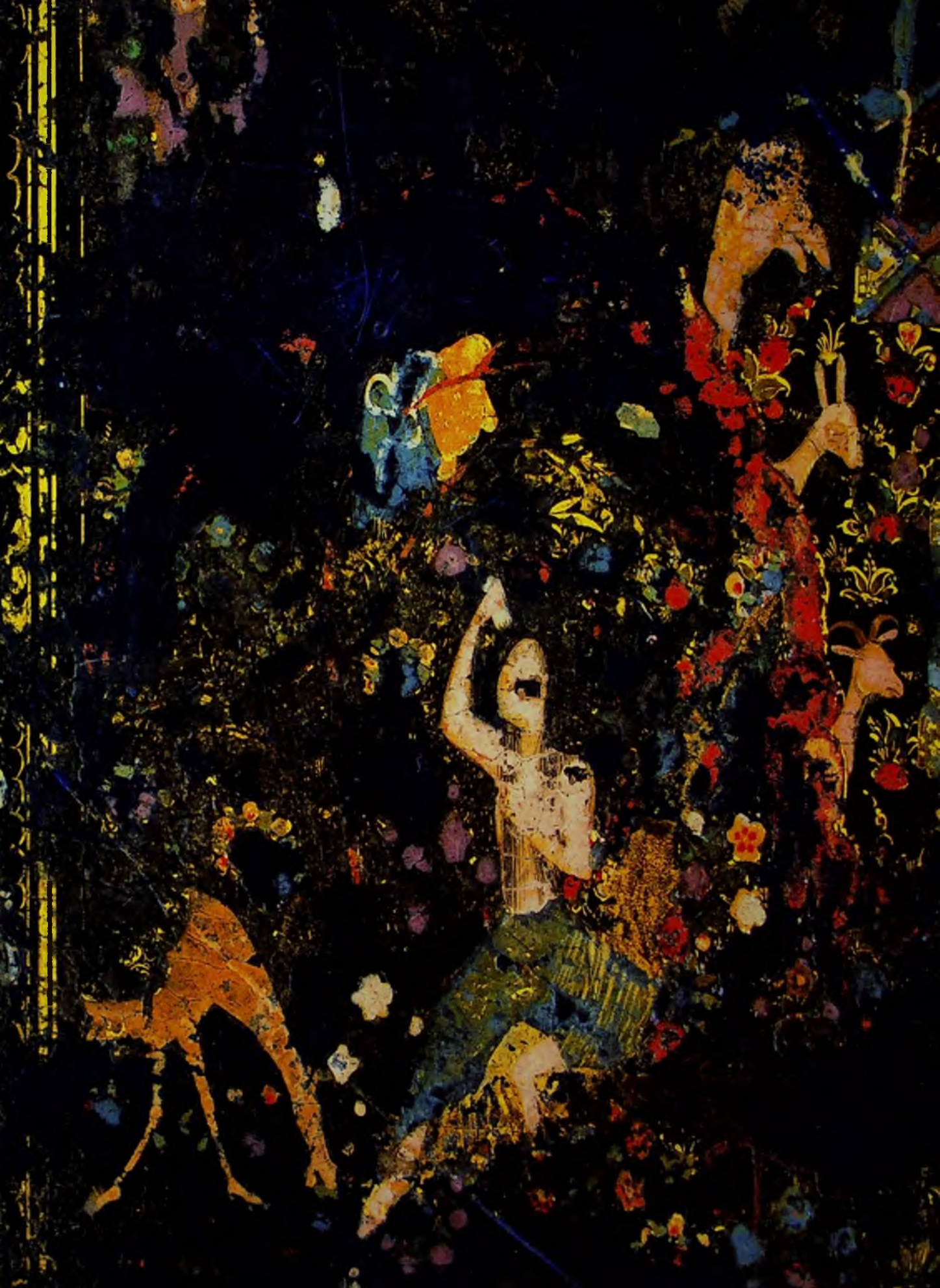
Мукова. Қопқоқ тепасининг ташқи томони: Низомийнинг «Хусрав ва Ширин» («Хусрав чумилаётган Ширинга қарамоқда») ва «Лайли ва Мажнун» дostonларидан сахналар

11.1

Outer side of the front cover with scenes from Nizami's *Khosraw va Shirin* ("Khosraw sees Shirin bathing", "Shirin on horseback and Farhad with a cup of milk") and *Laili va Majnun*

11.1

Переплет. Наружная сторона верхней крышки: сцены из «Хосров ва Ширин» Низами («Хосров видит купающуюся Ширин», «Ширин на коне») и «Лайли ва Маджнун»





11.2
Мукова. Пастки қопқоқнинг ташқи
томони («Ўй ва човгон»)

11.2
Outer side of the back cover
("Polo game")

11.2
Переплет. Наружная сторона нижней
крышки («Конное поло»)





ДЕВОН
(Хаников 54)

DIVAN
(Khanukov 54)

ДИВАН
(Ханыков 54)

ДЕВОН (ХАНИКОВ 54)

XVI асрнинг 2-ярми.

I-225-I в. 23×16 см. Қаймоқранг, силликланган юпка қоғоз, кийишк верже чизиклари бор. Матн 15×9,5 см бўлган хошия ичида, 12 мисрадан икки устун. Ёзув: настаълик. Қора сиёҳ (сарлавхаларнинг жойи тўлдирилмай қолган). Унвон.

Муқова жигарранг чармдан, зархал босма медальонлари сийкаланиб кетган, ички тарафи яшил чарм билан қопланган.

Нуксонлари: намлик излари бор, I ва I-варақ периметри бўйича титилиб кетган ва муқовадан тушиб қолади.

Келиши: 1864 й. Н.В. Ханников тўплами.

Адабиёт: Dorn 1865. 23-б; Волин 1946. 221-б.

Унвон устига арабча харфлар билан «Бадоеъ ул-васат» деб ёзилган, аммо бу девондан фақат ғазаллар олинган (в. 1-ор.-186), қолганлари эса бошқа девонлардаги шеърлардир.

Ушбу рўйхат сифатли тайёрланган китобга намуна бўла олади. Хаттотлик иши нафис бўлмаса-да, аммо маҳорат билан бажарилган, қоғоз сифати бўйича энг яхши намуналарга ета олмайдиган, ички безатилиши битта йирик унвон билан чегараланган, муқова анча кечроқ тайёрланган. Қопқоқлар китобдан сал торроқ, балки илгари бошқа китобники бўлган бўлиши ҳам мумкин. Қайта таъмирланганда тикилган жойи алмаштирилган, форзац варақлари ва биринчи ҳамда охириги варақларнинг хошиялари қўшилган.

Охириги форзац варағида аниқ, аммо тушуниб бўлмайдиган ёзув бор: «Монла [У]вайс-эфенди [1]100 [/ 1688–1689 й.]. Биринчи форзац варағидаги байт Атторнинг «Асрорнома»сидан бўлиб, номи ва санаси «1246 хижрий жумодил аввал 27 куни / 1830 йил 12 декабрь» деган ёзув ўчиб кетаётган. Муқова клапаннинг ички тарафида қора сиёҳ билан форс тилида битилган шеър ёзилган ва 1246 хижрий ражаб ойи 8 куни/ 1830 йил 23 декабрь санаси қўйилган.

1-в. орқаси, 2 ва 225-варақларда ичига арабча харфлар билан «Базилевский» деган ёзув туширилган овал шаклидаги муҳр босилган. А.А. Базилевский тўпламидаги китоблардан еттитаси 1924 йилда Шарқ қўлёзмалари институтига келган, яна биттаси 1940 йилда Эрмитаж томонидан сотиб олинган.

DIVAN (KHANYKOV 54)

Second half of the 16th c. I-225-I ff. 23×16 cm. Thin, polished, cream coloured paper with crooked laid lines. The text is surrounded by a frame 15×9.5 cm, two columns, 12 lines each. Nasta'liq script. Ink is black, the spaces for headings were left blank. Unwan.

Brown leather binding with a faded golden embossed medallions; the doublures are covered with green leather.

Defects: streaks of moisture, two initial leaves are worn around the perimeter and are detached from the binding.

Acquisition: 1864. Collection of N.V. Khanykov.

Bibliography: Dorn 1865, S. 23; Волин 1946, p. 221.

On top of the unwan, in Arabic letters it reads *Bada'i' al-vasat*, although only ghazals (f. 1v-186r) are taken from this *Divan*, while the other poems are from other *Divans*.

This copy is an example of a well, but not fine-made book. The calligraphy is professional, but not elaborate, the paper is not the best in quality, the design is limited to a single large *unwan*, the cover was completed a little later. The binding is a little narrower than the text-block, thus it can be assumed that at some point it was used for a different book. During the restoration the spine was replaced, and flyleaves as well as the margins of the first and last folios were added.

On the last flyleaf there is a clear, but difficult to interpret note that reads: “monla (!) [U]wais-efendi [1]100 [/ 1688-1689]”. On the first flyleaf there is a *bait*-couplet from Attar’s *Asrar-Nama* and a note with an erased name and date: 27 Jumada II 1246 / December 12, 1830. On the reverse side of the flap of the cover there is a poem that’s written using black ink, in the Persian language with the date 8 Rajab 1246 / December 23, 1830.

On f. 1v-2r and 225r there are imprints of an oval seal with the legend written in Arabic letters: “Bazilevsky”. In 1924 seven manuscripts from the collection of A.A. Bazilevsky were received by the Institute of Oriental Manuscripts, and one more was purchased by the State Hermitage in 1940.

ДИВАН (ХАНЫКОВ 54)

2-я половина XVI в. I-225— I л. 23×16 см. Тонкая лощеная бумага кремового оттенка, с кривыми линиями-верже. Текст в рамке 15×9,5 см, по 12 строк в два столбца. По черк — насталик. Чернила черные (места для заголовков остались незаполненными). Унван.

Переплет коричневой кожи, с поблекшими золотыми тисненными медальонами; с внутренней стороны оклеен зеленой кожей.

Дефекты: потеки влаги, л. I и 1 потрепаны по периметру и выпадают из переплета.

Поступление: 1864 г. Собрание Н.В. Ханькова.

Литература: Dorn 1865. S. 23; Волин 1946. С. 221.

Над унваном написано арабскими буквами «Бадаи ал-васат», однако из этого Дивана взяты только газели (л. 1 об.-186), а остальные стихи — из других Диванов.

Данный список представляет собой образец добротной изготовленной книги. Каллиграфия профессиональная, но не изысканная, бумага уступает по качеству лучшим образцам, декор ограничен одним крупным унваном, переплет — чуть более поздний. Крышки немного уже блока, а потому, возможно, принадлежали другой книге. При реставрации был заменен корешок, добавлены форзацные листы и поля первого и последнего листов.

На последнем форзацном листе четкая, но плохо интерпретируемая запись: «монла [У]вайс-эфенди [I]100 [/ 1688-1689 г.]». На первом форзацном листе бейт из «Асрар-нама» Аттара и помета со стертым именем и с датой 27 джумадя II 1246 / 12 декабря 1830. На внутренней стороне клапана переплета черными чернилами написано стихотворение на персидском языке и проставлена дата 8 раджаба 1246 / 23 декабря 1830 г.

На л. 1 об.-2 и 225 оттиски овальной печати с легендой арабскими буквами: «Базилевский». Семь рукописных книг из собрания А.А. Базилевского в 1924 г. поступили в Институт восточных рукописей, еще одна была приобретена Эрмитажем в 1940 г.

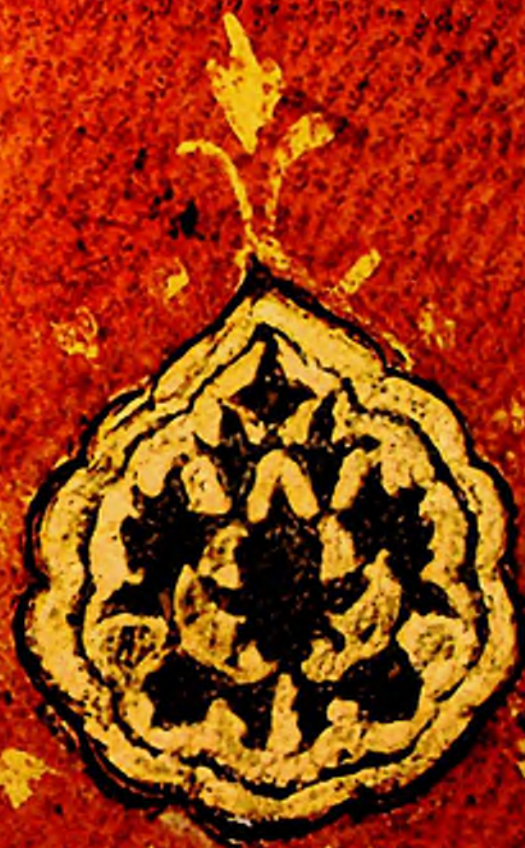




12.1
Муқованинг унван ва лабаки
тарафи
1-в. ор.-2

12.1
Double-page with unwan and
closed flap
F. 1v-2r

12.1
Разворот с унваном
и закрытым клапаном
Л. 1 об.-2



کتابوں میں پڑھا
یہ
مواظف
لے آئے



ДЕВОН. ПАРЧАЛАР
(THC 59)

DIVAN. EXCERPT
(TNS 59)

ДИВАН. ИЗВЛЕЧЕНИЯ
(THC 59)

ДЕВОН. ПАРЧАЛАР (TNS 59)

XVI асрнинг сўнгги чораги. Ражаб ойининг охирида (пили кўрсатилмаган). Машҳад. Хаттот — Имод Хусайний.

55 в. 27×15,5 см. Қаймоқранг қоғоз, юпка, силликланган, йирик верже чизиклари бор. Матн 15,5×7 см бўлган хошия ичида, икки устун, 12–13 мисрадан. Ёзув: майда настаълик. Қора сиёҳ. Очик фронтиспис. Хошиялар зарҳал нуқрали турли рангдаги қоғозлардан килинган.

Мукова эронча, XIX аср, қора чармдан, медальонларнинг иккитасига эзгу тилакли матн жойланган.

Нуқсонлари: матн бўйлаб суюқлик оккан излар бор, фронтисписга сезиларли шикаст етган; варақлар тартиби чалкаштириб юборилган.

Келиши: 1859 й. Д.И. Долгоруковнинг тўплами.

Адабиёт: Волин 1946. 220-б; Васильева 1995. 82-б.

Тўпламда бут бўлмаган ғазаллар ва таржеъ-бандлар бор.

Хошияларда фронтиспис ва матндаги каби шикастланишлар йўқлигидан келиб чиққан ҳолда, улар кейинроқ қўшилган деган хулосага келиш мумкин. Шу билан бирга, уларнинг бошқа китобдан олинган бўлиши эҳтимоли ҳам йўқ эмас. Турли сидирға, аммо ёрқин бўлмаган рангдаги қоғозлар ишлатилгани ҳолда, айрим хошиялар учун «мармар» қоғоз ишлатилгани эътиборни тортади.

Охири саҳифада хижрий 1267 / милодий 1850–1851 йилларда ёзилган, Мир Имоднинг дастхати ҳақиқий эканлиги хаттот Абдулғаффорнинг муҳри билан тасдиқланган ёзув бор.

DIVAN. EXCERPT (TNS 59)

The last quarter of the 16th c. "At the end of the month of Rajab" (year is not provided). Mashhad. Calligrapher Imad Husaini.

55 ff. 27×15.5 cm. The paper is a cream shade, thin, polished, with large laid-lines. The text is in a frame 15.5×7 cm, two columns, 12–13 lines each. Small nasta'liq script. The ink is black. Double-frontispiece. The margins are made of different coloured thick paper with golden specks.

Black leather binding decorated with medallions, in two of them blessings are embossed, 19th c.

Defects: streaks on the text from moisture damage, the frontispiece is considerably damaged; the order of the leaves is confused.

Acquisition: 1859. Collection of D.I. Dolgorukov.

Bibliography: Волин 1946, p. 220; Васильева 1995, p. 82.

The copy contains fragmented ghazals and tarji's.

Based on the signs of damage on the frontispiece and to the text, and the lack of damage on the margins, it can be concluded that the margins were added later. Moreover, it is likely that they were taken from another book. It is noteworthy that besides monochrome paper of various colors but dim shades, masters also used stained marble-patterned paper for some margins.

On the last page there is a note dated 1267 / 1850–1851 with the calligrapher Abd al-Ghafar's seal, which confirms that the handwriting does in fact belong to Mir Imad.

ДИВАН. ИЗВЛЕЧЕНИЯ (ТНС 59)

Последняя четверть XVI в. «В конце месяца раджаба» (год не указан). Мешхед. Каллиграф Имад Хусайни.

55 л. 27×15,5 см. Бумага кремового оттенка, тонкая, лощеная, с крупными линиями-верже. Текст в рамке 15,5×7 см, по 12–13 строк в два столбца. Почерк – мелкий насталик. Чернила черные. Развернутый фронтиспис. Поля из плотной бумаги разного цвета с золотыми крапом.

Переплет иранский, черной кожи, с медальонами, в двух из них – тиснение с благопожелательным текстом. XIX в.

Дефекты: потеки влаги по тексту, значительно пострадал фронтиспис; порядок листов перепутан.

Поступление: 1859 г. Собрание Д.И. Долгорукова.

Литература: Волин 1946. С. 220; Васильева 1995. С. 82.

Список содержит разрозненные газели и тарджи.

Судя по следам повреждений на фронтисписе и по тексту, при их отсутствии на полях, можно заключить, что эти поля были добавлены позднее. При этом не исключено, что они были сняты с другой книги. Обращает на себя внимание, что помимо однотонной бумаги разных цветов, но неярких тонов, для некоторых полей использована «мраморная» бумага с разводами.

На последней странице имеется приписка 1267 / 1850–1851 гг., подтверждающая подлинность почерка Мира Имада, с печатью каллиграфа Абдал-Гафара.







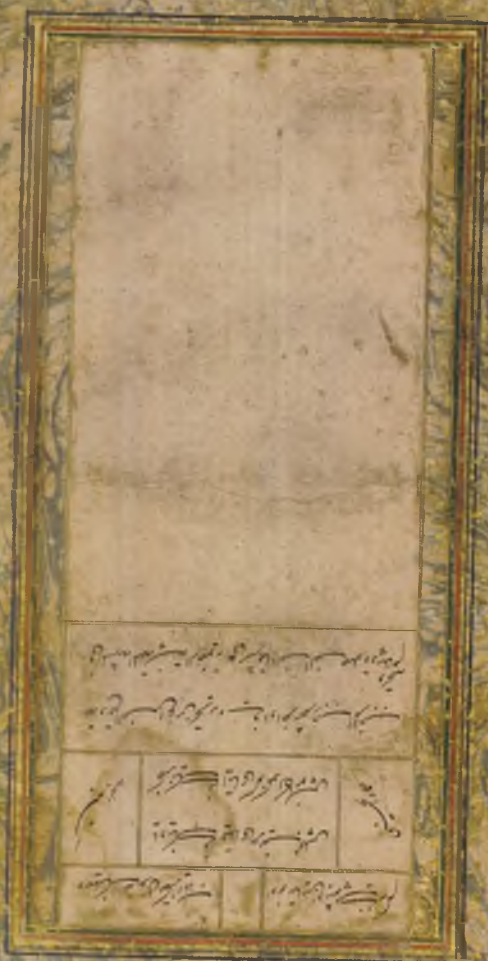
13.1
Очиқ фронтиспис
1-в. ор.-2

13.1
Double-frontispiece
F. 1v-2r

13.1
Развернутый фронтиспис
Л. 1 об.-2

تیرگی و درین بین بدینسان بدینسان
 باخیزد و از غلظت و دیرنگای قیاسم
 فی فی پسند که آید به کار و شایسته
 که در میان حجب و غیب و درین
 که کمال خود را بی حدی و آستان
 غرضش آنگاه اول که پسندش
 فرما سازد و از کجاست تا به بین

جوهری و درین بین و درین بین
 که کمال آنگاه اول که پسندش
 فی فی پسند که آید به کار و شایسته
 که در میان حجب و غیب و درین
 که کمال خود را بی حدی و آستان
 غرضش آنگاه اول که پسندش
 فرما سازد و از کجاست تا به بین





13.3

Колофон (күш саҳифа)

54-в. ор.-55

13.3

Last double-page with a colophon

F. 54v-55r

13.3

Колофон (разворот)

Л. 54 об.-55



КУЛЛИЁТ. 1592-1596 йй.
(Дорн 558)

KULLIYAT OF 1592-1596
(Dorn 558)

КУЛЛИЙАТ 1592-1596 гг.
(Дорн 558)

КУЛЛИЁТ. 1592–1596 йй. (DORN 558)

Хижрий 1001–1004 / милодий 1592–1596 йй, Кизилогоч, Озарбайжон ва Мугон. Хаттот Назарали Файзий. Фарходхон Қораманлу кутубхонаси учун (ф. 325 ор., 694).

722 ф. 39×24 см. Қогоз қорамтиррок, калин, йирик кийшик чизик – верже бор. Матн 16×8,3 см бўлган хошяда, 25 мисрадан; назмий мисралар 4 устундан. Ёзув: настаълик. Қора сиёҳ, сарлавхалар кизил бўёкда ёзилган. 17 та унвон.

Зарҳал босма нақили чарм мукова, 1580 й.

Келиши: 1828 й. Ардабил тўплами.

Адабиёт: Dorn, 1852. к. 509–510; Волин 221, 226–231, 233–234–б; Loukonine, Ivanov 1996. к. 150, 152; Иванов 2008. Васильева 2008а. 21–б; Vasilyeva 2009. plate 2.

Ушбу катта ҳажмли китоб 17 асарни қамраб олган: «Чихил ҳадис» (1-в. ор.–3); «Назм ул-жавоҳир» (3-в. ор.–12 ор.); «Хайрат ул-аброр» (13-в. ор.–55 ор.); «Фарход ва Ширин» (56-в. ор.–118); «Лайли ва Мажнун» (119-в. ор.–157 ор.); «Сабаи сайёр» (15-в. ор.–209 ор.); «Садди Искандарий» (210-в. ор.–286); «Лисон ут-тайр» (287-в. ор.–325 ор.); «Девонга янги сўзбоши» (326-в. ор.–330 ор.); Девон (330-в. ор.–586); «Мажолис ун-нафоис» (587-в. ор.–613 ор.); «Тарих» (614-в. ор.–654 ор.); «Муншаот» (655-в. ор.–668); «Махбуб ул-қулуб» (669-в. ор.–694); «Хамсат ул-мутаҳхайрин» (695-в. ор.–709); «Рисолаи муаммо» (710-в. ор.–713 ор.); «Вақфия» (714-в. ор.–722).

Эҳтимол, кўчириш ишларида бир нечта хаттотлар иштирок этишгандир. Балки Куллийтга кирган асарлар даставвал бутунлай бошқача тартибда жойлашгандир ёки камида иккита китобдан иборат бўлган бўлса керак. 325 ва 694-варақларидаги иккита турли вақтларни кўрсатувчи колофонларни фақат шундайгина изоҳлаш мумкин, холос. Уларда нафақат сана ва хаттотнинг, балки буюртмачининг исми ҳам ёзилган бўлиб, биринчи колофон араб тилида ва батафсил ёзилган.

Абу ал-Мансур Фарходхон Қораманли — шох Аббос I ҳукмронлиги давридаги йирик давлат арбоби, фан ва санъатга ҳомийлик қилувчи давлатманд кимса бўлиб, 1592 йилдан Табриз ҳокими (ва

KULLIYAT OF 1592–1596 (DORN 558)

1001–1004 / 1592–1596, Kizil-Agach of Azerbaijan and Mughan. Calligrapher Nazar Ali Faizi. For the library of Farhad-Khan Qaramanlu (ff. 325v, 694r).

722 ff. 39×24 cm. The paper is polished, thick, dark, with large crooked laid lines. The text is in a frame 25.5×18 cm, four columns, 25 lines each page. Nasta'liq script. Ink is black, headings are done in red. 17 unvans.

Leather binding with gold embossing of the 1580s.

Acquisition: 1828. The Ardabil collection.

Bibliography: Dorn 1852 pp. 509–510; Волин 1946, pp. 221, 226–231, 233–234; Loukonine, Ivanov 1996, pp. 150, 152; Иванов 2008; Васильева 2008а, p. 21; Vasilyeva 2009, plate 2.

This large volume includes 17 compositions: *Chihil Hadith* (f. 1v–3r); *Nazm al-Javahir* (f. 3v–12v); *Hairat al-Abrar* (f. 13v–55v); *Farhad va Shirin* (f. 56v–118r); *Laili va Majnun* (f. 119v–157v); *Sab'a Sayara* (f. 158v–209v); *Sadd-i Iskandari* (f. 210v–286r); *Lisan al-Tayr* (f. 287v–325v); “New” foreword to the *Divan* (f. 326v–330v); *Divan* (f. 330v–586r); *Majalis al-Nafa'is* (f. 587v–613v); *Tarikh* (f. 614v–654r); *Munsha'at* (f. 655v–668r); *Mahbub al-Qulub* (f. 669v–694r); *Khamsat al-Mutahayyirin* (f. 695v–709r); *Risala-yi Mu'amma* (f. 710v–713v); and the *Vaqfiya* (f. 714v–722r).

It is possible that more than one calligrapher took part in the copying of this codex. It is also possible that the essays that are included in the *Kulliyat* were initially put together in another order or were compiled into two volumes. This could explain why there are two colophons from different periods on ff. 325v and 694r. They contain not only the dates and name of the calligrapher, but also the name of the person for whom it was being made; moreover, the first colophon was written in Arabic and is quite long.

Abu'l-Mansur Farhad-khan Qaramanlu, a very important government official and patron of the beginning of Abbas I's rule, was from 1592 the governor of Tabriz (and the keeper of Shaikh Safi's Shrine in Ardabil); later he was appointed as governor of Gilan, Fars, and from 1596 was the governor of Mazandaran. In 1598 he was killed on the orders of the Shah.

КУЛЛИЙАТ 1592–1596 гг. (ДОРН 558)

1001–1004 / 1592–1596 гг., Кизил-агач (Кызыл-агач) Азербайджанский и Муганский. Каллиграф Назар Али Фаизи. Для библиотеки Фархад-хана Караманлу (л. 325 об.–694).

722 л. 39×24 см. Бумага лощеная, плотная, темная, с крупными кривыми линиями-верже. Текст в рамке 25,5×18 см, по 25 строк, поэзия в 4 столбца. Почерк – насталик. Чернила черные, заголовки красным. 17 унванов.

Переплет кожаный с золотым тиснением 1580-х гг.

Поступление: 1828 г., Ардебильское собрание.

Литература: Dorn, 1852. P. 509–510; Волин 1946. С. 221, 226–231, 233–234; Loukonine, Иванов 1996. P. 150, 152; Иванов 2008; Васильева 2008а. С. 21; Vasilyeva 2009. Pl. 2.

Этот объемистый том включает в себя 17 сочинений: «Чихил хадис» (л. 1 об.–3); «Назм ал-джавахир» (л. 3 об.–12); «Хайрат ал-абрар» (л. 13 об.–55); Фархад ва Ширин» (л. 56 об.–118); «Лайли ва Маджнун» (л. 119 об.–157); «Саба сайара» (л. 158 об.–209); «Садд-и искандари» (л. 210 об.–286); «Лисан ат-тайр» (л. 287 об.–325); «новое» предисловие к Дивану (л. 326 об.–330); Диван (л. 330 об.–586); «Маджалис ан-нафаис» (л. 587 об.–613); «Тарих» (л. 614 об.–654); «Муншаат» (л. 655 об.–668); «Махбуб ал-кулуб» (л. 669 об.–694); «Хамсат ал-мутахайирин» (л. 695 об.–709); «Рисала-и муамма» (л. 710 об.–713); «Вакфийа» (л. 714 об.–722).

Возможно, что в переписке принимал участие не один каллиграф. Возможно также, что сочинения, входящие в Куллийат, первоначально располагались в несколько ином порядке и/или были сформированы не менее чем в два тома. Этим можно объяснить наличие двух разновременных колофонов на л. 325 об. и 694. В них зафиксированы не только даты и имя каллиграфа, но и имя заказчика, причем, первый колофон написан на арабском языке и весьма просторен.

Абу-л-Мансур Фархад-хан Караманлу — крупный государственный деятель и меценат начала правления шаха Аббаса I, с 1592 г. был губернатором Тебриза (и хранителем мавзолея шейха Сафи



Ардабилдаги шайх Сафий мақбарасининг қурикчиси), кейин Ғилон, Форс, 1596 йилдан эса Мозандарон хукмдори бўлган. 1598 йилда шох амрига қўра қатл этилган.

Куллийётнинг муковаси жуда ажойиб. Унинг қопқоклари ташқаридан ўрмондаги қуш ва ҳайвонларни тасвирловчи зарҳал «босма миниатюра» билан безатилган. Пастдаги хошияда майда зарҳал харфлар 1580 йилда Қазвинда фаол ишлаган уста Мухаммадзамон ибн Мирзабек Табризийнинг исми ёзилган. Ички тарафларини безатиш учун тилла суви югуртирилган жимжимадор чарм тўр ранг-баранг асос устига ўрнатилган.

Қопқоклар бу китоб учун ясалмагани аниқ, чунки уларнинг ўлчами кичикроқ. Айтайлик, 365-варақда колофоннинг пастки қисми текис қирқилиб, тепага қайириб қўйилган, яъни бутун китоб қопқокқа мослаб қирқилаётганида, матн қирқилиб кетмаслиги учун шундай қилинган. Эҳтимол, соҳиби қатл қилинган, китоб мусодара қилинган ва шох Аббоснинг кутубхонасига тушиб қолган, у ерда эса мавжуд эски қопқокқа муқовалаб, кейин Ардабил мақбарасига топширишган бўлса керак.

1-варақда шох Аббос I нинг хижрий 1017 / милодий 1608–1609 йиллардаги ёзуви бор. Шу ерда ва бошқа варақларда ўша сана билан шайх Сафий мақбараси вақфининг думалок муҳри туширилган.

The covers of the *Kulliyat* are truly amazing. The outer sides of the front and back covers are decorated with a golden “embossed miniature” that depicts birds and animals in a forest. In the lower frame, the name of the master is written in small gold letters. This master, Muhammad-Zaman ibn Mirza-bek Tabrizi, was actively working in the 1580s in Qazvin. The inner sides of the covers are decorated with golden leather filigree gauze that was placed onto different coloured segments.

The covers were definitely not intended for this manuscript as they are much too small for its format. Thus, on folio 365 the lower part of the colophon is delicately cut out and folded upwards, in order to protect it during the cutting of the block’s paper margins to fit the size of the covers. It is possible that the manuscript was confiscated after the death of its owner and given to Shah Abbas’ library, where it was bound into the old luxury covers and then handed over to Ardabil.

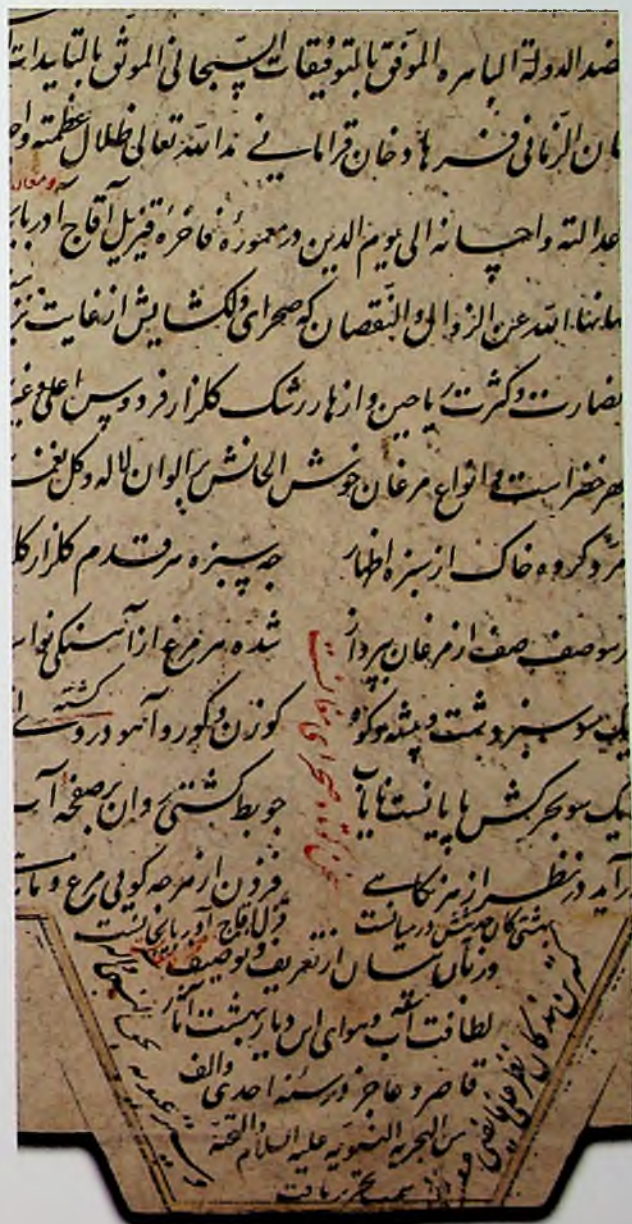
On f. 1 Shah Abbas I’s vaqf record (1017 / 1608–1609) can be found, along with an imprint of a round seal of the Foundation of Shaikh Safi’s Shrine of the same date.

в Ардебиле), затем Гиляна, Фарса, а с 1596 г. — наместником Мазандарана. В 1598 г. был убит по приказу шаха.

Замечателен переплет Куллийата. Его крышки снаружи украшены золоченой «тисненой миниатюрой» с изображением птиц и зверей в лесу. В нижней рамке мелким почерком золотом выписано имя мастера, активно работавшего в 1580-е гг. в Казвине: Мухаммад-Заман ибн мирза-бек Табризи. Внутренние стороны украшены золоченой кожаной ажурной сеткой, наложенной на разноцветные сегменты.

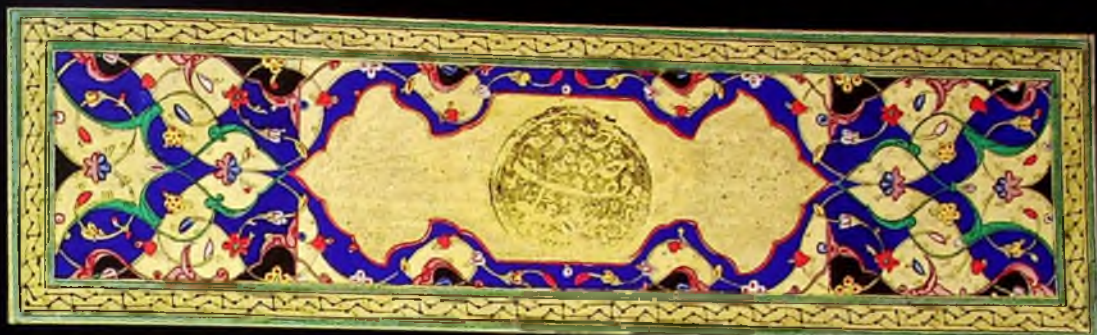
Определенно, крышки не предназначались для данной рукописи: они меньше по формату. Так, на л. 365 нижняя часть колофона аккуратно вырезана и загнута вверх, чтобы не утратить текст во время обрезки (фальцовки) блока по размеру имеющихся крышек. Не исключено, что манускрипт был конфискован после смерти его владельца, попал в библиотеку шаха Аббаса и уже там был переплетен в имеющиеся старые крышки, а затем передан в ардебильский мавзолей.

На л. 1 вкладная запись шаха Аббаса I 1017 / 1608-1609 гг., здесь же и на других листах оттиск круглой печати вакфа мавзолея шейха Сафи с той же датой.





بسم الله الرحمن الرحيم رشته سی خود عهد جهان ریشه رشته ای بس طراوت کند سی دور اول بل ریشه در که قارغان سوس برق کیم او مل رشته کومر بها بلکه بر تامل ایاب بیان لکن برورم قانع و بیم خوف غریبه چون تویدی قدم ابل رو سین سنگ آردی مشکند سی سین تلمانی دسین دس آب علا راجی نعل شیده نیز اولوب ایسک ایسکالی تقاب و کش ایسک خالت ساری حرف ندا نیم لاری آتا کره اوزره کره هر کچیم ناطر مقصد اولوب ایسک بدون آجا بشارت دورد یسر لچ منزل متعنه یول لام لاری بارچه لوانی طسفر روحه جت وایسک رالاری باید سین قلیب اظهار یم	رشته در چکنی بخ در سیم وید جان شیدی جان شیدی در لک و دین صید نه بدی دور برق دید که جان سوس جوانی کچ آتشی غایر در ارشد بانغ احد فاجده سی آستان ایسک عاقد دور دایزین دوت ربر تو من لین اولمای دود رک که کینک آتشی هر به سی برل شیده ایسکان آغون آت رع اوج دیکر بری عزیز اولوب مکده خیر ارا تقاب کش ینت ایت اندا جانیگ ندا خرم لاری اندا زره اوزره زره ایل نظر کویسکا دورد اولوب نمودی کیر کالک اشارت دورد بل که بوشنل رار بر شید اول پرپ ایسک علوه هوا طسفر مغزو عدنه چنگ مالاری ایسکالی عنسه در کور کم	رود انکا جهر جانین فون کچ بنا در کیکا او کیم سبت فایسی مکده اولادی مرکز کند اول سولیا کیمدا انسانی بخ بکه بر لار بارچه سی نایل برود برق کور ایرد بخون و عدنه یول قبندچی بر باره طغی غریب ایسک ایزین اورار اول صلا سین سیدیمی بولید کوب سوم اوج الف اوج لایسک سبت رالاری کیم غلر آتسار آت نوزن چک ایل سوس اوجن آت شط لاری ایل لاری لاری مر ساری شیده بر تعد وید یک قلن طغی غریب ایل یول سین سلات یولی کینک زیت مر لانی کیم سوس دور جان ارا ایسک سوبت لی قلیب جلد که بیر که نوزن قلیب ان آت شط و شیده بر انکا جت ان آت	نیت ارا ککی جانین شیده بود اید رشته لی شبح آت رودنه فودوس غریب بند نور سیدین اول شجر اوند عمر سلا ارا قلیب یول رود برل نوزن لاری سوسین و لور اول ایل یول رود اید و ارا ککی غریب بکه دیکالی لاری بر لور جسد برل محرم انکلی سی سوس آت جت دین چکان سی سینه کیش اولد آتین نوزن چکان یک تباری اوجن دوسینی آتسار لاری کور کور کور غلر ایدر جت کینک شیده غرم قلیب یول سول یول یک سعادت یول میانه سی شع اولوب اولد زه شینانی ارا لای بد قایل الکک نه جاننه قلیب سبت جی شینا مقدن اوجن بر تان سوس شینا
---	--	---	--



14.4
«Фарҳод ва Ширин». Унвон
56-в. ор.

14.4
Farhad va Shirin. Unwan
F. 56v

14.4
«Фарҳад ва Ширин». Унван
Л. 56 об.



14.5
«Лайли ва Мажнун». Унвон
119-в. ор.

14.5
Laili va Majnun. Unwan
F. 119v

14.5
«Лайли ва Маджнун». Унван
Л. 119 об.



14.6
«Сабъайи сайёр». Унвон
158-в. ор.

14.6
Sab'a Sayara. Unwan
F. 158v

14.6
«Саба сайара». Унван
Л. 158 об.



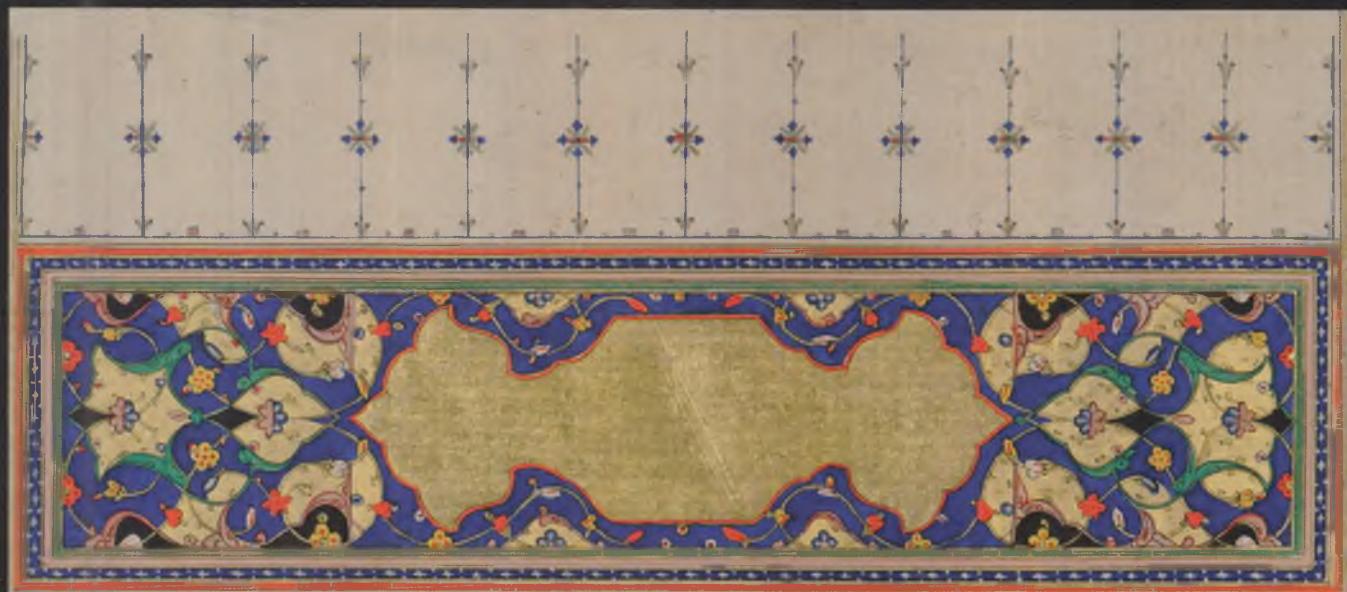




14.9
«Лисон ут-тайр». Колофон
325-в. ор.

14.9
Lisan al-Tayr. Colophon
F. 325v

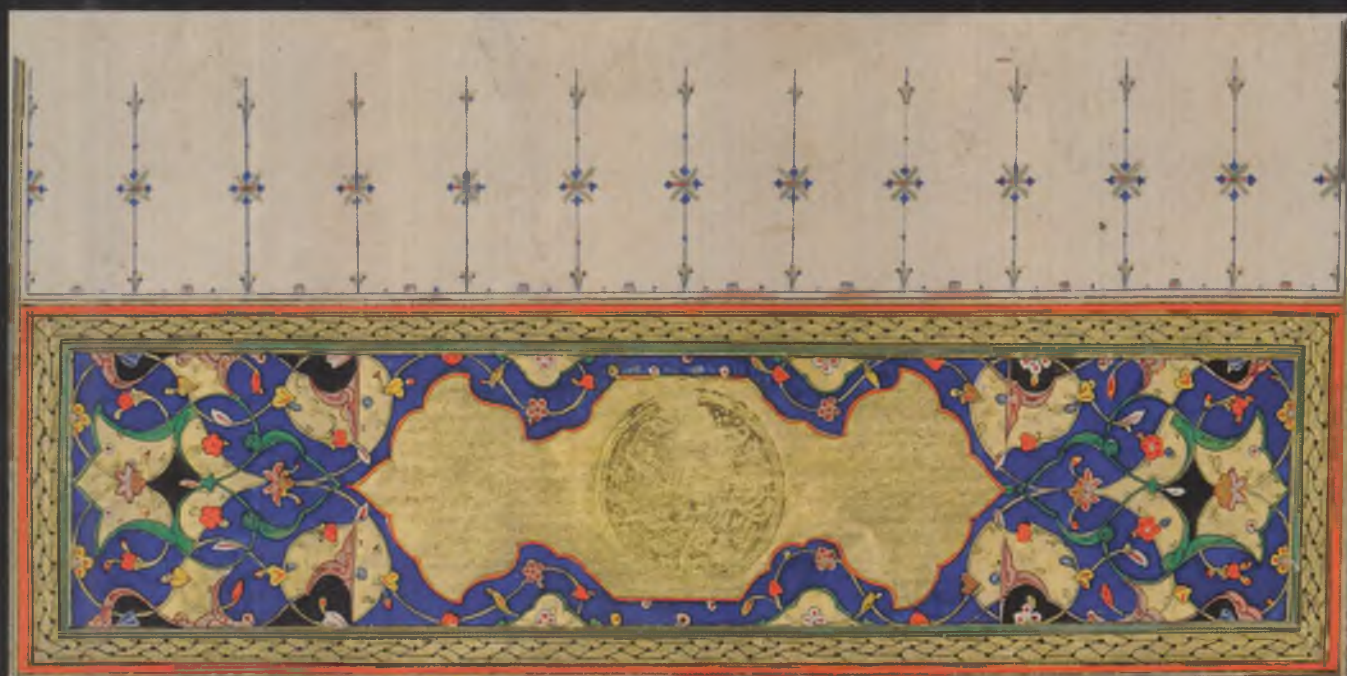
14.9
«Лисан ат-тайр». Колофон
Л. 325 об.



14.10
Девонга «янги» сүзбоши. Унвон
326-в. ор.

14.10
"New" foreword to the Divan. Unwan
F. 326v

14.10
«Новое» предисловие к Дивану. Унван
Л. 326 об.



14.11
Девон. Унвон
330-в. ор.

14.11
Divan. Unwan
F. 330v

14.11
Диван. Унван
Л. 330 об.



14.12
«Мажолис ун-нафоис». Унвон
 587-в. ор.

14.12
Majalis al-Nafa'is. Unwan
 F. 587v

14.12
«Маджалис ан-нафаис». Унван
 Л. 587 об.



14.13
«Тарих». Унвон
 614-в. ор.

14.13
Tarikh. Unwan
 F. 614v

14.13
«Тарих». Унван
 Л. 614 об.



14.14
«Муншаот». Унвон
 655-в. ор.

14.14
Munsha'at. Unwan
 F. 655v

14.14
«Муншаат». Унван
 Л. 655 об.

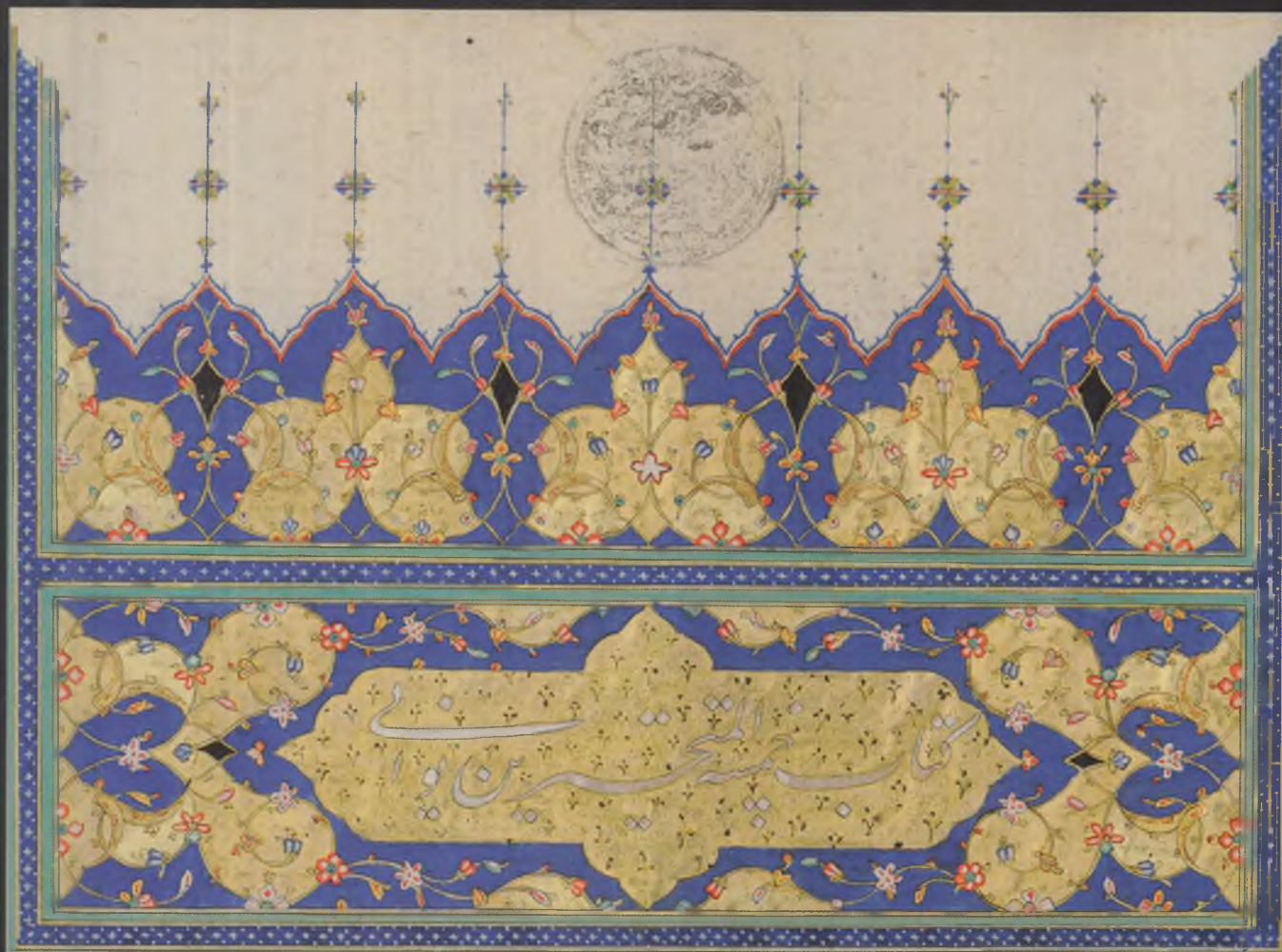


۶۹۴

14.16
«Махбуб ул-қулуб». Колофон
694-в.

14.16
Mahbub al-Qulub. Colophon
F. 694r

14.16
«Махбуб ал-қулуб». Колофон
Л. 694



14.17
«Хамсат ул-мутахаййирин»
Унван. 695-в. ор.

14.17
Khamsat al-Mutahayirin. Unwan
F. 695v

14.17
«Хамсат ал-мутахаййирин». Унван
Л. 695 об.



14.18
«Рисолаи муамма». Унван
710-в. ор.

14.18
Risala-i Mu'amma. Unwan
F. 710v

14.18
«Рисала-и муамма». Унван
Л. 710 об.



14.20

Мукова. Ички томони

14.20

Doublure of the binding

14.20

Переплет. Внутренняя сторона





АБУШҚА.
ЧИҒАТОЙ-ТУРКИЙ ЛУҒАТИ,
1560 й.
(Дорн 594)

*ABUSHKA. CHAGHATAI-TURKISH
DICTIONARY OF 1560
(Dorn 594)*

АБУШКА. ДЖАГАТАЙСКО-ТУРЕЦКИЙ
СЛОВАРЬ 1560 г.
(Дорн 594)

**АБУШКА. ЧИГАТОЙ-ТУРКИЙ ЛУГАТИ,
1560 й.
(ДОРН 594)**

967 хижрий, жумодилаввал уртаси / 1560 йил февраль.
Нусха кўчирувчи — Алоий ибн Муҳиббий аш-Шариф.

162 в. 21×13,5 см. Когоз юнка, ялтиратилган, хар гу-
руҳда учтадан верже ва кийинкик понтизо чизиклари бор.
Матн 14,8×7,2 см бўлган хошияда, 15 мисрадан. Ёзув: на-
таълиқ. Қора сиёҳ, луғат мақолаларининг сарлавҳалари —
зангори бўёқда, чигатой сўзлари — кизил сиёҳда, «Байт»
(шеър) сўзлари — тўқ кизил бўёқда. Унвон.

Муқова клапанли, тўқ кизил-жигарранг чармга зарҳал
босма нақш туширилган.

Келиши: 1830 й. Эрзерум тўплами.

Адабиёт: Dorn 1852. к. 532–533; Вельяминов-Зернов
1868. Veliaminof-Zernof 1869.

«Ал-Луғат ал-Наваиййат ва ал-истишхадат ал-жаға-
таиййат» («Навоийнинг сўзлари ва чигатойча мисолла-
ри») — Навоий асарларига тузилган ва биринчи бўлиб
турган сўз тўфайли «Абушқа» номи билан танилиб кет-
ган луғат шундай деб номланган. Луғат алифбо тарти-
бида, хижрий 959 / милодий 1552 йилда тузилган.

Китоб XVI аср ўрталарида ҳали Эрон таъсири куч-
ли бўлган пайтда турк-усмонли русумда безатилган. Бу
унинг биринчи варағиданоқ кўзга ташланади. Айтай-
лик, унвон ўлчамлар, шакли ва безак қисмлари бўйи-
ча анъанага мутлақо мос келади, нафақат зарҳалнинг
икки хил туси, балки зангори бўёқнинг ҳам икки хили
ишлатилган; шу билан бирга устунлар қийшайтириб
юборилган, бу эса эроний китобларда йўл қўйиб бўл-
майдиган ҳолатдир.

Муқованинг туркий эканлиги аниқ. Босма нақшли
зарҳал ўрталиклар ва медальонлар ўртасининг нақшин
тўлдирилишида чиннигул пайдо бўлгани шундан да-
рак беради. Қопқоқ ичидаги ўрталик нақшлари қора
чарм тўрнинг яшил чармга ўрнатилиши тарзида бажа-
рилган. Бундай технология эроний китобларда учрайди.

1-варақда ёпиштирилган коғоз тасма остида «...
ал-хожа Аҳмад» деган ёзув аниқ кўриниб туради.
Пастроқда сиёҳда лотин тилида ёзилган «...Lexicon
Djaghataicum. an. 967» деган ёзув борки, бу Арзирум
тўпламидаги китобларга хосдир.

**ABUSHKA. CHAGHATAY-TURKISH
DICTIONARY OF 1560
(DORN 594)**

Middle of Jumada I 967 / February 1560. Scribe Ala'i ibn
Muhibbi al-Sharif.

162 ff. 21×13.5 cm. Paper is thin, polished, with laid and
chain lines in groups of three.

The text is in a frame 14.8×7.2 cm, in 15 lines. Nasta'liq
script. Black ink, headings of the dictionary entries are done
with blue ink, Chaghatay words are done in red ink, the word
“bait” (verse) is written in dark red. Unwan.

Binding of burgundy-brown leather with gold embossing.

Acquisition: 1830. The Erzerum collection.

Bibliography: Dorn 1852, p. 532–533; Вельяминов-
Зернов 1868; Veliaminof-Zernof 1869.

*Al-Lughat al-Nava'iyyat va al-Istishkhat al-Jagha-
ta'iyyat* (“Navoi's words and Chaghatay examples”) —
this is what the dictionary for Navoi's works is called,
but it is known by its first word entry, “Abushka”. It was
compiled in an alphabetic order in 959 / 1552.

The book is completed in a Turkish-Ottoman style,
which in the middle of the 16th c. still had a strong Per-
sian influence. This is evident on the first page. The un-
wan, which is of a typical size, shape and has typical
decorative elements, is not only done with two shades
of gold, but also using two shades of blue; while the col-
umns are slanted, which is something that is unaccept-
able for a Persian book.

The binding is definitely Turkish. This is evidenced
by the design inside of the embossed golden centrepiece
and medallions, in which a carnation flower is visible. On
the inner side of the covers the centrepiece is done by in-
laying black leather gauze into green leather. This type of
technique can also be found in Persian books.

On f. 1, under the glued on paper strip a fragment
of a name can be seen: “...al-khoja Ahmad”. Below there
is writing in Latin, which is characteristic for the books
received with the Erzerum collection: “...Lexicon Djagha-
taicum. an. 967”.

АБУШКА. ДЖАГАТАЙСКО-ТУРЕЦКИЙ СЛОВАРЬ 1560 г. (ДОРН 594)

Середина джумада I 967 / февраль 1560 г. Переписчик Алай ибн Мухибби аш-шариф.

162 л. 21×13,5 см. Бумага тонкая, лощеная, с верже и кривыми линиями понтюзо по три в группе. Текст в рамке 14,8×7,2 см, по 15 строк. Почерк — насталик. Чернила черные, заголовки словарных статей — синей краской, джагатайские слова — красными чернилами, слово «бейт» (стих) — темно-красным. Унван.

Переплет с клапаном бордово-коричневой кожи, с золотым тиснением.

Поступление: 1830 г. Эрзерумское собрание.

Литература: Dorn 1852. P. 532–533; Вельяминов-Зернов 1868; Veliâminof-Zernof 1869.

«Ал-Лугат ал-Навайийат ва ал-истишхадат ал-джагатаийат» («Слова Навои и примеры джагатайские») — так называется словарь к произведениям Навои, известный по первому слову Абушка. Составлен в алфавитном порядке в 959 / 1552 г.

Книга оформлена в турецко-османском стиле, который в середине XVI в. еще носил сильный отпечаток иранского влияния. Это заметно и на первой странице. Так, унван, вполне традиционный по размерам, форме и элементам декора, выполнен не только золотом двух оттенков, но и синей краской двух тонов; при этом столбцы размечены криво, что недопустимо в иранской книге.

Переплет, определенно, турецкий. Об этом свидетельствует орнаментальное наполнение тисненых золотых средника и медальонов, в которых появляется цветок-гвоздика. Внутри крышек орнамент средника выполнен способом инкрустации черной кожаной сетки в зеленую кожу. Такая технология встречается в иранской книге.

На л. 1 под наклеенной бумажной полоской просматривается часть имени: «...ал-ходжа Ахмад». Ниже запись чернилами на латинском языке, характерная для книг, полученных с Эрзерумской коллекцией: «...*Lexicon Djaghataicum. an. 967*».







یوز محمد انکا کیم و صفیدا و دیر لیل لال کیم چیل ارالین ایر و یوز کاجا
کراپیه مختلفه جبع اولنا محمد چیل اوا قیلاق ایر و یوز کاجا

اول شاه پسر که ذاتی در نور خدا
مستبح شماعی عذرش و کدا

بولسا بیر او اسپم و غنچه دین کیم
دی صلی علی و سید ایتلما

سبب طرکات و موجب خطای

چونک است اوضاع کسب دایر	ر و جیم ایتی بدن سپاری
توشد ورم او شبد و جهان ارا کران	کور و دم ایشید اهر کیشی حیران
خورد و خوابی کاشش لایق	او تککار و دیر طریق بیر لایق
کوشه اختیار ایتیب حسن	فی انپس ایردی اندانی حرم
یا مایب الیدین کوز و قولا عزم	ایشکار کیم کاجیکیب یا غنیم

دوم

Переплет. Внутренняя сторона
с открытым клапаном

15.2

flap

inner side of the cover with open

15.2

булан

Мукова. Ички томонни конкози

15.2





**ХАЛҚЛАРНИ
БИРЛАШТИРУВЧИ МЕРОС
КИТОБ-АЛЬБОМНИ НАШРГА ТАЙЁРЛАШДА
ИШТИРОК ЭТГАН ОЛИМЛАРГА
МИННАТДОРЛИК**

**HERITAGE UNITING PEOPLES
ACKNOWLEDGEMENT TO THE SCHOLARS PARTICIPATED
IN THE PUBLICATION OF THE BOOK-ALBUM**

**НАСЛЕДИЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ
БЛАГОДАРНОСТЬ УЧЕНЫМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ
В ИЗДАНИИ КНИГИ-АЛЬБОМА**

ХАЛҚЛАРНИ БИРЛАШТИРУВЧИ МЕРОС

КИТОБ-АЛЬБОМНИ НАШРГА ТАЙЁРЛАШДА ИШТИРОК ЭТГАН ОЛИМЛАРГА МИННАТДОРЛИК



Россия миллий кутубхонаси билан ҳамкорлик «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси ривожланиш жараёнига мазмунан бой ва ўзаро манфаатли янги боб бўлиб кирди. Ушбу нодир кутубхона фондларида Ўзбекистон ҳудудида яратилган нодир қўлёзмалар, шу жумладан, ўзбек мумтоз адабиёти буюк вакили Алишер Навоийнинг асарлари мавжуд. Россия миллий кутубхонаси раҳбарияти Навоийнинг қўлёзма асарларига бағишланган китоб-альбомни нашр қилиш ҳақидаги мурожаатимизни самимий қўллаб-қувватлади, бу икки томон учун ҳам қувончли воқеа бўлди.

Алишер Навоий Ўзбекистон маданияти учун рамзий тимсолдир. Ўрта асрларнинг атоқли ўзбек шоири ва сиёсий арбоби меъморчилик, санъат ва шеърят равнақ топган Темурийлар даврининг ёрқин намояндаларидан бири эди.

Навоий асарлари турли мамлакатларда ва турли ҳукмдорлар буюртмасига кўра жуда кўп марта қайта кўчирилган. Бу далил Навоий ҳаётлик давридаёқ энг юқори эътироф ва ҳурматга сазовор шахс бўлганини ифодалайди.

Буюк шоирнинг бугунги кунда Россия миллий кутубхонаси фондларида сақланаётган асарлари қўлёзма нусхалари рўйхатларда XV–XVI асрларга оид деб қайд қилинган ва бу албатта ноёб жамланмадир. Тўпламнинг лойиҳага жалб этилиши уларни ўрганиш учун тўртки берди.

Мамлакатимиз қўлёзма мероси «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг дастлабки кадамлариданоқ эътиборимиз марказида бўлди. Шубҳасиз, барча санъат буюмларининг алоҳида аҳамияти бор, бироқ қўлёзма ёдгорликлар ҳар қандай тамаддун маданий даражасининг асосий кўрсаткичи ҳисобланади. Бу меросни барчага, энг аввало атоқли ва дунё тан олган ўтмиш аجدодлари ижодига муносиб келажакни барпо этаётган ёш авлодга таништириш фойда муҳим.

Фурсатдан фойдаланиб, Ўзбекистон маданий меросини ўрганиш, сақлаш ва оммалаштириш Бутунжаҳон жамиятининг бошқарув идораси ва Илмий кенгаши номидан «Алишер Навоий асарлари XV–XVI асрлар китобат санъати дурдоналарида (Россия миллий кутубхонаси тўпламидан, Санкт-Петербург, Россия)» китоб-альбоми муаллифи ва тузувчиси, дунё тан олган мутахассис, Қўлёзмалар бўлими Шарқ фондлари шўъбаси мудираси Ольга Васильевага, шунингдек, «Навоийшуносликка қўшилган ҳисса» мақоласи муаллифлари Низомиддин Маҳмудов ва Эргаш Очиловга



РМКда «Алишер Навоий асарлари XV–XVI асрлар китобат санъати дурдоналарида» китоб-альбоми устида олиб борилаётган ишлар хақида музокаралар. Санкт-Петербург ш.

Talks at the National Library of Russia on work on the book-album "Alisher Navoi's works as masterpieces of book art of the 15th–16th centuries." St. Petersburg.

Переговоры в РНБ о работе над книгой-альбомом «Произведения Алишера Навои в шедеврах книжного искусства XV–XVI веков». г. Санкт-Петербург.

қойилмақом иш учун самимий миннатдорчилик билдираман. Аминманки, улар томонидан тайёрланган, ажойиб суратлар билан бойитилган нашр Алишер Навоий ижодини ўрганишга катта хисса қўшади.

Китоб-альбом устида ишлаш жараёнидаги учрашувлардан бирида Ольга Васильева Россияда Ўзбекистон санъати ва маданияти юксак кадрланишини тасдиқловчи таъсирли тарихий далил ҳақида эслатиб ўтди. Гап шундаки, суронли 1941 йилнинг декабрь ойида Иккинчи жаҳон уруши олови алангалаган бир вақтда, немис-фашист қўшинлари қуршовида қолган Ленинградда (ҳозирги Санкт-Петербург) Алишер Навоий таваллудининг 500 йиллиги нишонланган. У Шарқшунослик институти ва Эрмитажда шоир шарафига бағишланган мутолаа кечалари, илмий сессиялардан иборат бўлган. Бугун бизнинг асосий вазифамиз – буюк аجدодлар васият қилиб қолдирган маънавий меросни янада қўпайтириш, россиялик ҳамкасблар билан даврлар синовидан ўтган дўстлик ва ҳамкорлик муҳитини сақлашдан иборат.



О. Васильева РМК бой тўпламларининг асл хазинасини акс эттирувчи қизиқарли экскурсия олиб борди.

Olga Vasilyeva conducted an interesting tour, showing us the real treasures of the richest collection of the National Library of Russia.

О. Васильева провела интереснейшую экскурсию, показав подлинные сокровища богатейшего собрания РНБ.



*А. Алексеев, Россия миллий кутубхонаси
Қўлёзмалар бўлими мудири.*

*A. Alekseev, Head of the Manuscript Department
of the National Library of Russia.*

*А. Алексеев, заведующий Отделом рукописей
Российской национальной библиотеки.*

Мазкур нашрнинг вужудга келишида Лойиха илмий раҳбари, академик Э.В. Ртвеладзенинг ўрни жуда муҳим. Россия музейлари тўпламлари билан яхши таниш бўлгани ҳолда, у мазкур жилднинг илмий асосини ташкил қилган материалларни кўриб чиқиш, тақриз қилиш ва таҳрирлашда фаол иштирок этди.

Маълумки, Лойихамиз мультимедиа, шунинг учун ҳар бир китоб-альбомга видеофильм ёзилган диск илова қилинган, шунингдек, планшетлар ёки смартфонлар ёрдамида сканерлаб, 3Д-форматдаги қўшимча визуал маълумотларни олиш учун махсус ёрликлар мавжуд.

Китобхон қўлида турган ушбу китоб-альбомнинг тақдими Тошкентда, «Ўзбекистон маданий мероси – халқлар ва мамлакатлар ўртасидаги мулоқотга йўл» I халқаро илмий-маданий конгресси доирасида (2017 йил 15–16 май, Тошкент–Самарқанд) ва шунингдек II конгрессда ҳам (2018 йил 6–8 июнь, Санкт-Петербург) бўлиб ўтди.

Виз Санкт-Петербург конгресси кунларида мазкур нашр тақдими айнан Россия миллий кутубхонасида бўлиб ўтганлиги учун кутубхона раҳбариятидан бағоят миннатдормиз. Шунингдек, Санкт-Петербургта ташрифимиз кунларида кутубхона залларида конгресс иштирокчиларида ажойиб таассурот қолдирган Мовароуннаҳр қўлёзмалари мероси махсус кўргазмаси бўлиб ўтди. О. Васильева биз учун экскурсия ўтказиб, ижодий гуруҳни ушбу бой тўпламнинг асл хазинаси билан яқиндан таништирди.

Мазкур китоб-альбом навоийшуносликка кириш учун ўзининг муҳим хиссасини қўшади ва бутун дунё мутахассислари учун фойдали бўлади, деб умид қиламан.

Китоб-альбом Ўзбекистон Республикаси Ҳукуматининг ташкилий-молиявий кўмагида чоп этилганлигини алоҳида таъкидлаб ўтмоқчиман. Ва албатта, Янги Ўзбекистонда маданий меросни ўрганиш, сақлаш ва кенг тарғиб бўйича амалга оширилаётган кенг қўламдаги лойиҳаларни ҳар томонлама қўллаб-қувватлагани учун «Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг бош ҳомийси «ERIELL» халқаро нефть сервис компаниясига, шахсан Бахтиёр Фозиловга ўзимизнинг самимий миннатдорчилигимизни билдирамыз.

Ф. Ф. Абдухолиқов,

*«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси муаллифи ва раҳбари,
Ўзбекистонда хизмат кўрсатган журналист*

HERITAGE UNITING PEOPLES

ACKNOWLEDGEMENT TO THE SCHOLARS PARTICIPATED IN THE PUBLICATION OF THE BOOK-ALBUM

Cooperation with the National Library of Russia has become a new, rich and mutually beneficial chapter in the development of the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections". The collections of this unique repository have magnificent manuscripts created on the territory of Uzbekistan, including the works of the classic of Uzbek literature Alisher Navoi. Our appeal to the leadership of the National Library of Russia on the publication of an album-book devoted to manuscripts of Navoi's works, to the delight of both parties, was warmly supported.

Alisher Navoi is an emblematic name for the culture of Uzbekistan. An outstanding Uzbek poet and politician of the Middle Ages, he became one of the brightest symbols of the Timurid era with its flowering of architecture, art and poetry.

Navoi's works were copied countless times in different countries and by order of different rulers. This is the evidence of the highest recognition and respect for Navoi at his lifetime.

The copies of the great poet's works now kept in the manuscript funds of the National Library of Russia are dated to the 15th-16th centuries and as a whole are a unique collection. Their implication in the project gave a new impetus to their study.

From the very begging of the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections" the manuscript heritage of our country was in the focus of our attention. Despite the undoubted significance of other pieces of art, it is manuscripts that are an indicator of the cultural level of any civilization. It is extremely important to show this heritage to everyone, and first of all to the young generation, so that they build a future worthy of outstanding masterpieces of past generations recognized by the whole world.



*Кулѳзмалар булими Шарқ фондлари шўъбаси мудири
О. Васильева РМК дурдоналари билан.*

*Olga Vasilyeva, Head of the Oriental Fund Sector of the
Manuscripts Department, with masterpieces of the National
Library of Russia.*

*Заведующая сектором Восточных фондов Отдела
рукописей О. Васильева с шедеврами РНБ.*



*Биз Санкт-Петербург конгресси
қуналида мазкур нашр тақдимотини
Россия миллий кутубхонасида
ўтказганимиз учун РМК дан бағоят
миннатдормиз.*

*We are grateful to the National Library of
Russia for the fact that during the Congress
in St. Petersburg we were able to make a
presentation of this publication within the
walls of the library itself.*

*Мы признательны РНБ за то, что в дни
питерского конгресса смогли провести
презентацию настоящего издания в
стенах самой библиотеки.*

Taking this opportunity, on behalf of the Academic Council of the World Society of the Study, Preservation and Promotion of the Cultural Heritage of Uzbekistan I express my deep gratitude to the author and compiler of the book "The Works of Alishir Navai in Fine Books of the 15th-16th centuries", the world-renowned specialist, Head of the Oriental Fund sector of the Manuscript Department, Olga Vasilyeva, as well as the authors of the article "Great Contribution to the Navoi studies", Nizamiddin Makhmudov and Ergash Ochilov, for their excellent work. I am sure that the publication they prepared, enriched by amazing illustrations, will make a great contribution to the study of Alisher Navoi's works.

At one of our meetings related to working on the album, Olga Vasilyeva recalled a touching historical fact confirming that the art and culture of Uzbekistan are highly valued in Russia. It was about the fact that the celebration of the 500th anniversary of Alisher Navoi took place in Leningrad (now St. Petersburg) besieged by the Nazi troops in December of severe 1941, when the flames of the Second World War were burning with might and main. It was the readings in honor of the poet, scientific sessions at the Institute of Oriental Studies and within the walls of the Hermitage. Today our main task is to increase the spiritual heritage bequeathed by great ancestors, to maintain the atmosphere of friendship and cooperation with the Russian colleagues, which has stood the test of time.

I would like to note the Project scientific adviser, Academician E.V. Rtveladze's important role in



«Ўзбекистон обидаларидаги битиклар» китоб-альбомлари тўплами РМКга тухфа қилинди.

*Donating to the NLR a series of book albums
"Architectural Epigraphy of Uzbekistan".*

*Передача в дар РНБ серии книг-альбомов
«Архитектурная эпиграфика Узбекистана».*

the appearance of this publication, who, being very familiar with the collections of Russian museums, has taken an active part in the scientific component of this volume, reviewing and editing the basic materials.

As a matter of fact, our project is multimedia and, therefore, each book-album has a video disc attached, as well as special tags for scanning with a tablet or smartphone to receive additional visual information in 3D format.

The presentation of the album-book, which the reader holds in hands, took place in Tashkent during the First International Scientific and Cultural Congress "The Cultural Heritage of Uzbekistan – the Path to Dialogue between Peoples and Countries" (May 15–16, 2017, Tashkent – Samarkand), and at the Second Congress in St. Petersburg (June 6–8, 2018).

We are very grateful to the administration of the National Library of Russia for the fact that during the days of the St. Petersburg Congress the presentation of this publication took place within the walls of the library itself. A special exhibition of the manuscript heritage of Maverannahr was also prepared in the halls of the library, which made an exceptional impression on all participants in the congress during the days of our visit to St. Petersburg. Olga Vasilyeva gave us an interesting tour, showing the real treasures of the rich collection.

I hope that this book-album will be an important contribution to the Navoi studies and will be useful to specialists around the world.

I would like to emphasize that the publication of the album-book has taken place with the organizational and financial support of the Government of the Republic of Uzbekistan. And, of course, our sincere gratitude goes to the main sponsor of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World Collections", Bakhtiyor Fazylov on behalf of the International oilfield services company "ERIELL" supporting the large-scale processes taking place in the new Uzbekistan to study, preserve and promote the cultural heritage.

F.F. Abdukhaliqov,

*Author and Head of the Project "Cultural Legacy of Uzbekistan
in World Collections", Honored Journalist of Uzbekistan*

НАСЛЕДИЕ, ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАРОДЫ

БЛАГОДАРНОСТЬ УЧЕНЫМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ В ИЗДАНИИ КНИГИ-АЛЬБОМА

Сотрудничество с Российской национальной библиотекой стало новой главой в развитии проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» – насыщенной и взаимопользующей. Фонды этого уникального хранилища обладают великолепными рукописями, созданными на территории Узбекистана, в том числе – трудами классика узбекской литературы Алишера Навои. Наше обращение к руководству Российской национальной библиотеки об издании книги-альбома, посвященного рукописям произведений Навои, к радости обеих сторон, было горячо поддержано.

Алишер Навои – знаковое имя для культуры Узбекистана. Выдающийся узбекский поэт и политический деятель средневековья, он стал одним из ярких символов Темуридской эпохи, ознаменованный расцветом архитектуры, искусства и поэзии.

Произведения Навои переписывались бесчисленное количество раз, в разных странах и по заказу разных правителей. Этот факт был выражением высочайшего признания и уважения, которого Навои был удостоен еще при жизни.

Списки произведений великого поэта, которые ныне хранятся в рукописных фондах Российской национальной библиотеки, датируются XV–XVI веками и в целом представляют собой уникальное собрание. Вовлечение в Проект дало новый импульс для их изучения.

Рукописное наследие нашей страны попадает в эпицентр нашего внимания с первых шагов проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира». При всей несомненной значимости иных предметов искусства, именно рукописные памятники являются показателем культурного уровня любой цивилизации. Крайне важно показать это наследие всем, и в первую очередь – молодому поколению, чтобы оно строило будущее, достойное выдающихся и признанных всем миром творений прошлых поколений.

Пользуясь случаем, от имени правления и научного совета Всемирного Общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана хочу выразить огромную благодарность автору и составителю книги «Произведения Алишера Навои в шедеврах книжного искусства XV–XVI веков (из собрания Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия)», признанному в мире специалисту, заведующей сектором Восточных фондов Отдела рукописей Ольге Васильевой, а также авторам статьи «Большой вклад в навоиведение» Низамиддину Махмудову и Эргашу Очилову, за великолепно проделанную работу. Уверен, что подготовленная ими публикация, обогащенная изумительными иллюстрациями, внесет большой вклад в изучение творчества Алишера Навои.



Россия миллий кутубхонаси, Санкт-Петербург ш.

The National Library of Russia, St. Petersburg.

Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург.



Кулёмалар бўлими Шарк фондлари шўъбаси мудири Ольга Васильева Ф. Абдухоликовни РМК дурдона асарлари билан таништирмоқда.

The head of the Oriental Fund sector of the Manuscript Department, Olga Vasilyeva, shows Firdavs Abdukhalikov the masterpieces of the National Library of Russia.

Заведующая сектором Восточных фондов Отдела рукописей О. Васильева знакомит Ф. Абдухаликова с шедеврами РНБ.

Во время одной из наших встреч, связанных с работой над альбомом, Ольга Васильева вспомнила трогательный исторический факт, подтверждающий, что в России высоко ценят искусство и культуру Узбекистана. Речь шла о том, что в декабре сурового 1941 года, когда повсюду полыхало пламя Второй мировой войны, в осажденном немецко-фашистскими войсками Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге) прошло празднование 500-летия со дня рождения Алишера Навои. Оно включало в себя чтения в честь поэта, научные сессии в Институте востоковедения и в стенах Эрмитажа. Сегодня наша основная задача – приумножить духовное наследие, завещанное великими предками, сохранить атмосферу дружбы и сотрудничества с российскими коллегами, которая прошла испытание временем.

Также важна роль в появлении этого издания научного руководителя Проекта академика Э.В. Ртвеладзе. Будучи прекрасно знаком с коллекциями российских музеев, он принял активное участие в научной составляющей данного тома, рецензировании и редактировании материалов, положенных в его основу.

Как известно, наш Проект мультимедийный, и потому каждая книга-альбом имеет в качестве приложения диск с видеофильмом, а также специальные метки для



*О. Васильева РМК бой тўпламларининг
асл хазинасини акс эттирувчи
қизикарли экскурсия олиб борди.*

*Olga Vasilyeva conducted an interesting
tour and showed us the real treasures of the
richest collection of the National Library of
Russia.*

*О. Васильева провела интереснейшую
экскурсию, показав нам подлинные
сокровища богатейшего собрания РНБ.*

сканирования планшетом или смартфоном для получения дополнительной визуальной информации в 3D-формате.

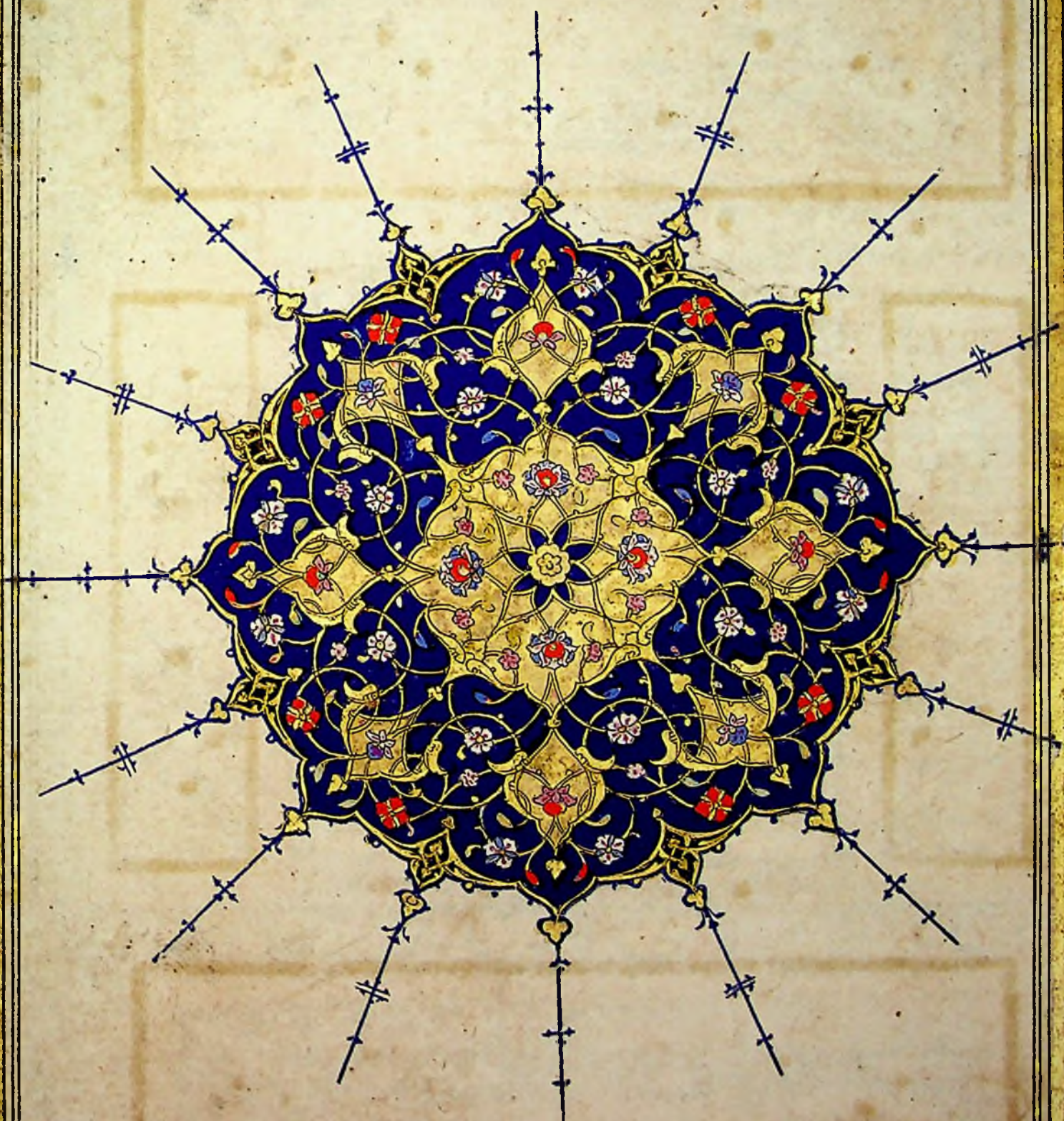
Презентация книги-альбома, которую читатель держит в руках, состоялась как в Ташкенте, в ходе I Международного научно-культурного конгресса «Культурное наследие Узбекистана – путь к диалогу между народами и странами» (15–16 мая 2017 года, Ташкент – Самарканд), так и на втором конгрессе в Санкт-Петербурге (6–8 июня 2018 года).

Мы весьма признательны руководству Российской национальной библиотеки за то, что в дни питерского конгресса презентация настоящего издания состоялась в стенах самой библиотеки. К дням нашего визита в Санкт-Петербург в залах библиотеки была подготовлена также специальная выставка рукописного наследия Мавераннахра, которая произвела исключительное впечатление на всех участников конгресса. О. Васильева провела для нас интереснейшую экскурсию, показав подлинные сокровища этого богатейшего собрания.

Надеюсь, что данная книга-альбом станет важным вкладом в навоиведение и будет полезна специалистам всего мира.

Хочу особо отметить, что публикация книги-альбома состоялась при организационно-финансовой поддержке Правительства Республики Узбекистан. И, конечно, наша искренняя благодарность основному спонсору проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» – международной нефтесервисной компании «ERIELL» в лице Бахтиера Фазылова, которая всемерно поддерживает масштабные процессы, реализуемые в новом Узбекистане по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия.

Ф. Ф. Абдухаликов,
*автор и руководитель проекта «Культурное наследие Узбекистана
в собраниях мира», заслуженный журналист Узбекистана*



АДАБИЁТЛАР BIBLIOGRAPHY ЛИТЕРАТУРА

Акимушкин 1971 — Акимушкин О. Ф. Портрет Навои // Искусство и археология Ирана: к 2500-летию иранского государства. — М., 1971. — С. 20-25.

Акимушкин 1984 — Акимушкин О. Ф. Предисловие // Алишер Навои. Фархад и Ширин: 1484-1984 гг.: к 500-летию создания поэмы. — М., 1984. — С. 8-60.

Акимушкин 1987 — Акимушкин О. Ф. К истории формирования фонда мусульманских рукописей Института востоковедения АН СССР // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования: ежегодник. 1978-1979 гг.. — М., 1987. — С. 9-27.

Акимушкин 2004а — Акимушкин О. Ф. Вес и весомость: о собрании рукописей в Ардебиле // Ирано-славика. — М., 2004. — № 2. — С. 54-56.

Акимушкин 2004б — Средневековый Иран: культура, история, филология. — СПб., 2004.

Акимушкин, Иванов 2003 — Акимушкин О. Ф., Иванов А. А. Художественное оформление персидской рукописной книги в 14-16 веках // Восточный сборник / Рос. нац. б-ка. — СПб., 2003. Вып. 6. — С. 160-184.

Ашрафи 1987 — Ашрафи М. М. Бехзад и развитие бухарской школы миниатюры 16 в. — Душанбе, 1987.

Бертельс 1965 — Бертельс Е. Э. Навои и Джами. — М., 1965. (Избранные труды).

Болдырев 1946 — Болдырев А. Н. Алишер Навои в рассказах современников // Алишер Навои: сб. ст. / под. ред. А. К. Боровкова. — М.; — Л., 1946. — С. 121-152.

Боровков 1961 — Боровков А. К. «Бада'и' ал-лугат»: словарь Та'ли' Им'ани Гератского к сочинениям Алишера Навои. — М., 1961.

Борщевский 1984 — Борщевский Ю. Е. История приобретения Ардебильского собрания рукописей Россией // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). – М., 1984. – С. 204–217.

Васильева 1985 — Васильева О. В. Списки сочинений Алишера Навои XV–XVII вв. в Государственной Публичной библиотеке // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. – Л., 1985. – С. 16–25.

Васильева 1986 — Васильева О. В. Списки произведений Алишера Навои в Государственной Публичной библиотеке // Адабий мерос. – Ташкент, 1986. – № 3. – С. 19–25.

Васильева 1995 — Васильева О. В. Восточные рукописи // Российская национальная библиотека: 1795–1995. – СПб., 1995. – С. 76–85.

Васильева 2005а — Васильева О. В. Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки // Письменные памятники Востока. – М., 2005. 1 (2), весна-лето. – С. 217–238.

Васильева 2005б — Васильева О. В. Восточные фонды // Жемчужина в короне. – СПб., 2005. – С. 46–55.

Васильева 2006а — Васильева О. В. Восточные рукописи собрания П. К. Фролова // История в рукописях и рукописи в истории: сб. тр. к 200-летию Отдела рукописей РНБ. – СПб., 2006. – С. 318–326.

Васильева 2006б — Васильева О. В. Три портрета на одной миниатюре // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы: актуальные проблемы и перспективы. – СПб., 2006. – С. 292–293.

Васильева 2007 — Васильева О. В. Сочинения Алишера Навои в шедеврах книжного искусства 15–16 веков (из фондов Российской национальной библиотеки) // Россия и тюркский мир: востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. – СПб., 2007. – С. 67–74.

Васильева 2008а — Васильева О. В. Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. – СПб., 2008.

Васильева 2008б — Васильева О. В. Петр Фролов как собиратель памятников письменности Востока // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение

памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965–2005). – Новосибирск, 2008. Т. 1. – С. 91–101.

Васильева 2011 — Васильева О. В. Рукописные книги и документы из фондов Российской национальной библиотеки // Кутубхона. – Ташкент, 2011. – № 11. – С. 16–24.

Васильева 2012 — Отдать в Публичную библиотеку как трофеи российского оружия: Николай I и отечественное востоковедение // Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций. – СПб., 2012. – С. 169–171.

Васильева 2014 — Васильева О. В. Ардебильская библиотека есть государственная собственность и... принадлежит к хранению в Публичной библиотеке: история поступления и описания (1828–1829) // Исторический архив. – М., 2014. – № 5. – С. 44–53.

Васильева 2016a — Васильева О. В. Книга как искусство: списки сочинений Алишера Навои XV–XVI веков в собрании Российской национальной библиотеки // Кутубхона. – 2016. – № 1 (29). – С. 5–10.

Васильева 2016b — Васильева О. В. «По высочайшему повелению переданы...»: Восточные рукописи из Зимнего дворца и Эрмитажной библиотеки в Российской национальной библиотеке // Книги имеют свою судьбу: материалы науч. конф. к 250-летию библиотеки Эрмитажа. – СПб., 2016. – С. 48–62.

Васильева 2016в — Русские императоры и создание источниковедческой базы отечественного востоковедения: из истории формирования рукописного фонда Российской национальной (Императорской Публичной) библиотеки // Династия Романовых и Восток. – СПб. – С. 43–51.

Васильева, Ришар 2005 — Васильева О. В., Ришар Ф. Orientalia Петра Дубровского, дипломата и коллекционера // Восточная коллекция – М., 2005. – № 1. – С. 10–20.

Веймарн 1974 — Веймарн В. В. Искусство арабских стран и Ирана 7–17 веков. – М.

Вельяминов-Зернов 1868 — Словарь джагатайско-турецкий / изд. В. В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1868.

Волин 1946 — Волин Л. С. Описание рукописей произведений Навои в Ленинградских собраниях. – М. – Л., 1946. – С. 203–235.

Галеркина 1956 — Галеркина О. И. Рукопись сочинения Навои 1521–1522 гг.: из собрания

Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде // Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. – Сталинабад. – С. 221–224.

Галеркина 1980 — Миниатюра Мавераннахра / авт. вступ. ст. и сост. О. И. Галеркина. – Л., 1980.

Галеркина б. г. — Миниатюра Мавераннахра: [набор открыток] / сост. О. И. Галеркина. – Л., б. г.

Горелик 1971 — Горелик М. В. Портреты Бехзада: к вопросу о творческом методе // Искусство и археология Ирана: к 2500-летию иранского государства. – М., 1971. – С. 111–121.

Дьяконова 1964 — Среднеазиатские миниатюры 16–18 вв. / вступ. ст. Н. В. Дьяконовой. – М., 1964.

Жемчужина в короне / Отв. ред. И. В. Дацук; ред.-сост. О. В. Васильева, Е. В. Крушельницкая. – СПб., 2005.

Иванов 1993 — Иванов А. А. О миниатюрах «Дивана» Алишера Навои (Т.н.с. 57) // Восточный сборник. – СПб., 1993. – С. 139–142.

Иванов 2008 — Иванов А. А. О переплетах иранских рукописей XVI–XIX веков: История в рукописях — рукописи в истории: – СПб., 2008. – С. 30–36.

ИПБ 1914 — Императорская Публичная библиотека за 100 лет: 1814–1914. – СПб., 1914.

Костыгова 1963 — Образцы каллиграфии Ирана и Средней Азии XV–XIX вв. – М., 1963.

Костыгова 1982 — Костыгова Г. И. Коллекция рукописей Д. И. Долгорукого в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. Ежегодник. – М., 1982. – С. 59–66.

Костыгова 2003 — Костыгова Г. И. Собрание персидских рукописей, поступившее в Публичную библиотеку в 1829 году // Восточный сборник. – СПб., 2003. – С. 338–345.

Мадраимов 2003 — Мадраимов А. А. Источники истории рукописной книги Центральной Азии XV–XVI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ташкент: ИВ АН РТ, 2003.

Навои 1968 — Алишер Навои. Ранний диван: факсимильное издание рукописи 1466 г.

Навои 1991 — Автограф Навои (Навадир ун-нихая): Подгот. к печ., авт. предисл.

С. Ганиева. — Ташкент, 1991.

Отчет за 1879 г. — Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1879 год. — СПб., 1880.

Пугаченкова, Галеркина 1979 — Пугаченкова Г. А., Галеркина О. И. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах: из советских и зарубежных собраний. — М., 1979.

Рахимова 1991 — Алишер Навои: образ Навои в миниатюрной живописи Востока / сост. З. И. Рахимова. — Ташкент, 1991.

РНБ 1995 — Российская национальная библиотека: 1795–1995 / отв. сост. Е. В. Бархатова. — СПб., 1995.

РНБ 2014 — Российская национальная библиотека: к 200-летию со дня открытия / отв. сост. Г. В. Михеева, Н. Ю. Прохорцова. — СПб., 2014.

Семенов 1940 — Семенов А. А. Портреты эпохи Навои. — Ташкент, 1940.

Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. — СПб. 1995–2013. — Т. 1–4.

Сулейман Х. — Миниатюры к произведениям Алишера Навои. — Ташкент, 1981.

Сулейман Х. — Художественно оформленные рукописи произведений Алишера Навои. — Ташкент, 1981.

Сулейман Х., Сулейманова Ф. — Миниатюры к произведениям Алишера Навои XV–XIX веков. — Ташкент, 1982.

Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф., Ханьков Н. В. — востоковед и дипломат. — М., 1977.

Шамсиев 1970 — Шамсиев П. Научно-критический текст «Хамсы» Алишера Навои и принципы его подготовки: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Ташкент, 1970.

Эркинов А.С. — Алишер Наваи. Диван Ак-коюнидских почитателей (1471 г.). — Токио, 2015.

Aga-Oglu 1935 — Aga-Oglu M. Persian bookbindings of the fifteenth century. Ann Arbor, 1935.

Akimushkin, Ivanov 1979 — Akimushkin O. F., Ivanov A. A. The art of illumination // The arts of the book in Central Asia, 14th-16th centuries. UNESCO, 1979. P. 35-57.

Akimushkin 1995 — Husain Baiqara. Divan-I Husaini // Pages of perfection: Islamic paintings and calligraphy from the Russian Academy of sciences. St-Petersburg; Milan, 1995. P. 210-217.

Aslanapa 1979 — Aslanapa O. The art of bookbinding // The arts of the book in Central Asia, 14th-16th centuries. UNESCO, 1979. P. 59-91.

Bahari 1996 — Bahari E. Bihzad: master of Persian painting. London; New York.

Canby 2009 — Canby Sh. Shah 'Abbas: the remaking of Iran. London, 2009.

Çağman 1978 — Çağman F. The miniatures of the Divan-i Hüseyini and the influence of their style // Fifth International congress of Turkish art / ed. G. Fehér. Budapest, 1978. P. 457-476.

Déroche et al. 2005 — Islamic codicology: an introduction to the study of manuscripts in Arabic script / by F. Déroche et al. London, 2005.

Dorn 1852 — Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St. Petersburg / [ed. par B. A. Dorn]. St. Petersburg, 1852.

Dorn 1865 — Dorn B. Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserliche Öffentliche Bibliothek zu St. Petersburg im Jahre 1864 von Hr. v. Chanykov erworben hat. St. Petersburg, 1865.

Haldane 1983 — Haldane D. Islamic bookbindings. London, 1983.

Loukonine, Ivanov 1996 — Loukonine V. G., Ivanov A. A. Persian art. Bournemouth; St Petersburg, 1996.

Lowry, 1988 — Lowry G. et al. An annotated and illustrated checklist of the Vever collection. Arthur M. Sackler Gallery. Washington (DC), 1988.

Madraimov, Musaev, Ismailova 2001 — Madraimov A., Musaev Sh., Ismailova E. Oriental miniatures: The collection of the Beruni Institute of Oriental studies of the Academy of sciences of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, 2001. Vol. 1: 14th-17th centuries.

Melikian-Chirvani 2007 — Melikian-Chirvani A. S. Le chant du monde: l'art de l'Iran safavide, 1501-1736. Paris, 2007.

Melville 2012 – Melville F. Khosrow Mirza's mission to St Petersburg in 1829 // Iranian-Russian encounters: Empires and Revolutions since 1800 / ed. S. Cronin. London; New York, 2012. P. 69–94.

Richard 1997 – Richard F. Splendeurs persanes: manuscrits du XIIe au XVIIe siècle. Paris, 1997.

Richard 2013 – Catalogue des manuscrits persans / Bibliothèque nationale de France, Département des manuscrits. T. 2: Richard F. Le Supplément persan. 2me partie: Supplément persan, 525 a 1000. Roma, 2013.

Soudavar 1992 – Soudavar A. Art of the Persian courts: selections from the Art and History trust collection. New York, 1992.

Stanley 2003 – Stanley T. The rise of the lacquer binding // Hunt for paradise: court arts of Safavid Iran, 1501–1576. Milan, 2003. P. 185–201.

Subtelny 1995 – Subtelny M. E. Mir 'Ali Shir Nawa-i // The Encyclopedia of Islam. Leiden; New York, 1995. Vol. 7. P. 90–93.

Süleymaniye... 2014 – Süleymaniye yazma eser kütüphanesi koleksiyonundan seçme eserler // Uluslararası cilt sanatı buluşması sempozyumu: katalog. İstanbul, 2014. S. 24–76.

Tanırdı 2003 – Tanırdı Z. Safavid bookbinding // Hunt for paradise: court arts of Safavid Iran, 1501–1576. Milano, 2003. P. 154–183.

Tanırdı 2016 – Tanırdı Z. Topkapı Sarayı kitap hazinesi'nin nadide eserlerinden bir diğeri: Hazine 2166 numaralı Safevi albümü hakkında // Sanat tarihi yillığı. İstanbul, 2016. N. 25. S. 187–238.

Tsyppkin, Vasiliyeva 1996 – Tsyppkin D. O., Vasiliyeva O. V. Codicological analysis of manuscripts by means of modern optic-electronic methods and some issues of restoration // Care and conservation of manuscripts: 2: proc. of the 2d intern. seminar, Copenhagen, Oct., 14–15, 1995. Copenhagen, 1996. P. 72–84.

Vasiliyeva 1995 – Vasiliyeva O. V. The Eastern manuscripts stocks // The National Library of Russia: 1795–1995. St. Petersburg, 1995. P. 76–85.

Vasiliyeva 1996 – Vasiliyeva O. V. Oriental manuscripts in the National Library of Russia // Manuscripta Orientalia. St. Petersburg, Helsinki, 1996. Vol. 2, N. 2, June. P. 19–35.

Vasilyeva 1999 — Vasilyeva O. V. A survey of information sources about Central Asian Muslims preserved in the Manuscript department of the National Library of Russia. Riyadh, 1999. (Offprint: Symposium on Islamic world information sources, 31 Oct. — 3 Nov. 1999: Research papers).

Vasilyeva 2009 — Vasilyeva O. V. Gilt-stamped bindings of the last quarter of the 16th century and the Qazwin workshop // *Manuscripta orientalia*. St. Petersburg, 2009. Vol. 15, N. 2, December. P. 38–56.

Vasilyeva 2011a — Vasilyeva O. V. Divan of Mir ‘Ali Shir Nava’i // *Gifts of the Sultan: the arts of giving at the Islamic courts* / ed. by L. Komaroff; Los Angeles County Museum of Art. New Haven; London, 2011. P. 284–285.

Vasilyeva 2011b — Vasilyeva O. V. From the Ardabil shrine to the National library of Russia // *Gifts of the Sultan: the arts of giving at the Islamic courts* / ed. by L. Komaroff; Los Angeles County Museum of Art. New Haven; London, 2011. P. 200–201.

Vasilyeva 2014 — Vasilyeva O. V. Lacquer and lacquer-stamped Persian bindings of the 16th century in the National library of Russia // *Uluslararası cilt sanatı buluşması sempozyumu: tebliğler*. (=International meeting of bookbinding: proceedings). Istanbul, 2014. S. 171–179.

Véliaminof-Zernof 1869 — Véliaminof-Zernof V. *Dictionnaire djaghataï-turc*. St. Petersbourg, 1869.

Yılmaz 2010 — Yılmaz F. *Osmanlı tarih sözlüğü*. Istanbul, 2010.

ИСМЛАР КЎРСАТКИЧИ

- Аббос I 75, 95, 310, 388, 402, 410, 434, 436
Абдул-Ғаффор 422
Абдуллох Марварид 63
Абдуллох Хотифий 63
Абдурахмон Жомий 63, 67, 87, 90
Абу Саид 59, 60, 65, 79
Абу Саид Чанг 59
Абулқосим Бобур 59, 60
Абул-Мансур Фарходхон Қорамон-
ли 75, 95
Абул-Музаффар Султон-Муҳаммад
(Келдимухаммад) 85, 86, 87, 88, 89, 90,
248
Абул-Хайрхон 85, 90
Акимушкин Олег Федорович 79, 80,
90
Александр I 55
Александр II 95
Али Ризо Аббосий 95, 96
Алиев 77, 318
Алоий ибн Муҳиббий аш-Шариф 440
Амир Хисрав Дехлавий 22, 51, 53, 72
Ашрафий Мукаддима 70, 73
Аҳмад Ясавий 54
Бадиуззамон 45, 51, 53, 59, 72
Бадриддин Ҳилолий 47, 67,
Базилевский А.А. 456
Баҳоуддин Нақшбандий 67
Баҳром Мирзо 84
Бойсункур Мирзо 78
Бурнашов Тимофей Степанович 73,
74
Бутенев Константин Федорович 76
Буюк Екатерина II 55
Волин Семен Львович 77, 402
Восифий 85, 87
Гадоий 64
Галеркина Олимпиада Исаевна 77, 85,
86, 93
Грибоедов Александр Сергеевич 75
Давлатшоҳ 62
Дарвешали 59
Долгоруков Дмитрий Иванович 76, 358
Долгорукова Евгения Дмитриевна 76,
336, 358
Дорн Борис (Бернгард) Андреевич 75
Дубровский Пётр Петрович 56
Дьяконова Наталья Васильевна 77, 88
Дўстмуҳаммад 84
Ёдгор Муҳаммад 60, 238
Ёрий Музаҳхиб 79, 82, 85
Иванов Анатолий Алексеевич 79, 80,
93, 318
Илёс Низомий Ганжавий 67
Исмоил I 75, 82
Камолиддин Бехзод 63, 86, 87, 83, 90
Корф Модест Андреевич 55
Лутфий 64
Масъуд ибн Усмон Кўхистоний 90
Махмуд II 184
Махмуд Музаҳхиб 87
Мир Али Ҳаровий 79
Мир Имод Қазвиний 95
Мирзо Абдул-Ваҳоб Мусавий 186
Мирзо Бойкаро 59
Мироншоҳ 59
Мирхонд 62
Мулла Муҳаммад ...саҳхоф 238
Муҳаммад Жаъфар Кашоний 90
Муҳаммад замон ибн Мирзабек Табри-
зий 96, 436
Муҳаммад Мўмин 61
Муҳаммад Назариддин ибн Муҳаммад
Ёдгор Девонбеги 238
Муҳаммад Худобанда 410
Назар Али Файзий 95, 434
Николай I 75, 76, 184
Оленин Алексей Николаевич 55
Осафий 63
Сайфи Бухорий 63
Сайфиддин Исоқ Ардабийлий 74
Саккокий 64
Сенковский Осип Иванович 76
Симс Элеанор 81
Смирнов Василий Дмитриевич 77,
319

Соммирзо 93	Фаридиддин Аттор 71, 91, 418
Стасов Владимир Васильевич 77	Фатх Али шох 76, 186
Сулаймон Хамид 77, 86	Фирдавсий 70
Сулаймонова Фозила Камиловна 77, 86	Френ Христиан Данилович 75, 186
Султон Али Қоиний 79, 80	Фролов Пётр Козмич 73, 74, 248
Султон Али Машхадий 78, 79, 80, 72, 85, 86, 91, 93, 94	Хаников Николай Васильевич 76, 77, 236
Султон Али мужаллид 84	Хондамир 62
Султон Али Хиравий мужаллид 79, 84	Хусрав Мирзо 76
Султон Мухаммад Нур 79, 94, 388	Чағман Филиз 93
Султон Мухаммад Хандон 63, 64, 79, 318	Шайбонийхон 63, 85
Султон Хусайн. Хусайн Бойқарога қаранг 60, 61, 65, 67, 69, 86, 87, 88	Шайхи Ноий 63
Сухтелен Павел Петрович 75	Шармуа Ф.Ф. 75
Сухтелен Петр Корнильевич 75	Шох Музаффар 63
Танинди Зерен 94	Шохрух 59, 78
Тахмосп I 83	Юнусхўжа 74
Топчибашев Мирза Жаъфар 75	Қосимали 63
	Ғиёсиддин кичкина 59
	Хусайн Бойқаро 60, 63, 64, 78, 86, 88, 93
	Хусайн Кошифий 70
	Хусайн Удий 63

INDEX OF NAMES

Abbas I 117, 135, 200, 310, 388, 402, 410, 343, 436	Badr al-Din Khilali 105
Abbas-Mirza 117	Baha al-Din Naqshband 105, 108
Abd al-Rahman Jami 105, 128	Baysunghur-Mirza 120
Abd al-Rahim Khwarazmi 120	Bu Sa'id Chang 102
Abdallah Hatifi 105	Burnashov T.S. 114
Abdallah Marvarid 105	Butenev K.F. 118
Abu Sa'id 102, 107, 120	Alexander I 99
Abu'l-Khair-Khan 127, 130	Catherine II 99
Abu'l-Mansur Farhad-Khan Qaramanlu 117, 136, 434	Charmoy F.B. 117
Abu'l-Qasim Babur 102	Çağman Filis 133
Khoja Ahmad Yasavi 112	Darvish Ali 102
Akimushkin O.F. 121, 133	Dawlatshah 105
Ali Riza-yi Abbasi 135, 136	Dolgorukov Dimitryi Ivanovich 118, 358
Aliev 119	Dolgorukova Evgenia 118, 336, 358
Arifi 125	Dorn B. 117
Asafi 105	Dubrovsky Peter P. 99
Ashrafi 127, 130	Dust Muhammad 125
Badi'al-Zaman 104	Dyakonova N.V. 119, 129
	Farid al-Din Attar 112
	Fath-Ali Shah 117, 184

-
- Firdawsi 111
Frahm Ch.D. 117, 186
Frolov Petr Kozmich 114, 115, 248
Galerkina O.I. 119, 126, 127, 132
Ghiyath al-Din Kichkina 102
Griboedov Aleksandr Sergeevich 117
Husain Bayqara (Sultan-Hasain) 102, 103, 105, 120, 127, 128, 129, 133
Husain Kashifi 111
Husain Udi 105
Ilyas Nizami Ganjavi 108
Isma'il I 117, 124
Ivanov A.A. 121, 132, 318
Kamal al-Din Bihzad 105, 127, 128, 129, 131
Khanykov Nikolai Vasilievich 118, 236, 418
Khosraw-Mirza 117, 118
Amir Khosraw Dihlavi 108, 109, 110, 129
Khwandamir 105
Kildi-Muhammad (Muzaffar al-Din Muhammad) 127, 128, 129, 130, 248
Korf M.A. 99
Mahmud-muzahhib 128
Mas'ud ibn Usman Kuhistani 130
Mir Ali Haravi 121
Mir Imad Qazvini 135, 136
Miranshah 102
Mirkhwand 105
Mirza Bayqara 102
Mirza Jafar Topchibashev 117
Muhammad Ja'far Kashani 131
Muhammad-Mu'min 104
Muhammad-Zaman ibn Mirza-bek Tabrizi 136, 436
Nazar Ali Faizi 136, 434
Nicholas I 115, 117, 118, 184
Olenin A.N. 99
Qasim Ali 105
Sa'di 112
Safi al-Din Ishaq Ardabili 115
Saifi Bukhari 105
Shah-Muzaffar 105
Shah Rukh 102, 120
Shaibani-Khan 105, 127
Shaikhi Nai 105
Sims Eleanor 123
Smirnov Vasilyi Dmitrievich 119, 318
Stasov Vladimir Vasilyevich 119
Suchtelen Pavel Petrovich 115, 117
Suchtelen Peter Kornilievich 115
Suleiman Hamid 119, 127
Suleimanova Fazila 119, 127
Sultan-Ali-mujallid Haravi 121, 125
Sultan-Ali Mashhadi 105, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 127, 132, 133
Sultan-Ali Qa'ini 121, 122
Sultan-Muhammad Khandan 105, 121, 132, 318
Sultan-Muhammad Nur 121, 133, 388
Suyunj-Khoja 127
Tahmasp I 124, 125, 131, 132, 133
Tanındı Zeren 133
Ulug-bek 127
Va'iz Kashifi 127
Mulla Vali 124
Volin S.F. 119, 125, 402
Yadgar-Muhammad 103
Yari-muzahhib 121, 123, 126
Yunus-Khoja 115
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас I 158, 177, 311, 389, 403, 411, 437
Абд ал-Гафар 425
Абдаллах Марварид 145
Абдаллах Хатифи 145
Абд ар-Рахим Хваразми (Аниси) 161
Абдурахман Джами 48, 145, 149, 152, 153, 170, 173
Абу-л-Касим Бабур 142, 143
Абу-л-Латиф-хан 172
Абу-л-Мансур Фархад-хан Караман-лу 125, 178, 435
Абу-л-Музаффар Султан-Мухаммад (Кельди-Мухаммад) 168, 169, 170, 172, 249
Абу-л-Хайр-хан 168, 172
Абу Саид 142, 143, 148, 161
Акимушкин Олег Федорович 162, 163, 175
Алай ибн Мухибби аш-шариф 457
Александр I 139
Александр II 159
Алиев 160, 319
Али Риза-и Аббаси 177, 178
Амир Хосров Дехлави 149, 150, 151, 171, 178
Асафи 145
Ахмад Ясави 153
Ашрафи Мукадимма 169, 171
мирза Абд ал-Ваххаб Мусави 187
Бади аз-Заман 144, 150, 151, 158
Базилевский А. А. 419
Байсонкур-мирза 161
Баха ад-Дин Накшбанд 150
Бахрам-мирза 167
Бурнашов Тимофей Степанович 155, 157
Бу Саид Чанг 142
Бутенев Константин Федорович 159
Васифи 168, 170
Волин Семен Львович 84, 160, 167
Гадаи 147
Галеркина Олимпиада Исаевна 160, 168, 169, 174
Гийас ад-Дин Кичкине 142
Грибоедов Александр Сергеевич 158
Давлатшах 145
Дарвиш Али 142
Долгорукова Евгения Дмитриевна 159, 337, 359
Долгоруков Дмитрий Иванович 159, 337, 359, 425
Дорн Борис (Бернгард) Андреевич 158
Дубровский Петр Петрович 140
Дуст Мухаммад 167
Дьяконова Наталья Васильевна 160, 171
Екатерина II Великая 139
Иванов Анатолий Алексеевич 162, 163, 174, 178, 319
Илйас Низами Ганджави 149, 150, 151, 163, 165, 167, 171, 172, 173, 177
Исмаил I 158, 165
Йадгар-Мухаммад 143
Ёри-музаххиб 162, 165, 168
Йунус-ходжа 157
Камалиддин Бехзад 145, 169, 170, 171, 173
Касим Али 145
Корф Модест Андреевич 139
Лутфи 147
Масъуд ибн Усман Кухистани 172
Махмуд II 185
Махмуд музаххиб 170
Мир Али Харави 162
Миранпах 142
Мирза Байкара 142
Мир Имад Казвини 177, 178
Мирхонд 185
Музаффар ад-Дин Мухаммад 168
мулла Мухаммад ... саххаф 239
Мухаммад Джафар Кашани 173
Мухаммад-Заман ибн мирза-бек Табризи 178, 437
Мухаммад-Мумин 144
Мухаммад Назар ад-Дин бен Мухаммад Ёдгар диван-биги 239
-

Мухаммад Худабанда	411	Сухтелен Петр Корнильевич	158
Назар Али Фаизи	178, 435	Танынды Зерен	175
Николай I	157, 158, 185	Тахмасп I	165, 166, 173, 174, 175
Оленин Алексей Николаевич	139	Топчибашев Мирза Джафар	158
Сайфи Бухари	145	Фаруддин Аттар	153, 173, 419
Саккаки	147	Фатх-Али-шах	158, 185, 187
Сам-мирза	174	Фирдауси	152
Сафи ад-Дин Исхак Ардабили	157	Френ Христиан Данилович	158, 187
Сенковский Осип Иванович	159	Фролов Петр Козмич	155, 157, 249
Симс Элеанор	164	Бадр ад-Дин Хилали	145, 166
Смирнов Василий Дмитриевич	160, 319	Ханыков Николай Васильевич	159, 237, 419
Стасов Владимир Васильевич	160	Хондемир	145
Сулейманова Фазила Камиловна	160, 168, 169	Хосров-мирза	158, 159
Сулейман Хамид	160, 168, 169	Хусейн Байкара	142, 143, 146, 161, 168, 169, 171, 174, 175
Султан-Али Каини	162, 163	Хусейн Кашифи	152
Султан-Али Машхади	145, 161, 162, 163, 165, 168, 174, 175, 185, 201, 311	Хусейн Уди	145
Султан-Али Харави муджаллид	96, 100	Чагман Филиз	175
Султан-Мухаммад Нур	162, 175, 389	Челеби	166, 337
Султан-Мухаммад Хандан	145, 162, 174, 319	Шайхи Наи	129
Сухтелен Павел Петрович	158	Шармуа Ф. Ф.	158
		Шах-Музаффар	145
		Шахрух	142, 143, 161
		Шейбани-хан	146

UZ

Cultural legacy of Uzbekistan лойиҳаси ёрдамида китоб ҳақида кўпроқ маълумот олинг

1-қадам: Cultural legacy of Uzbekistan иловасини юклаб олинг ва ўрнатинг

2-қадам: Смартфон камерасини QR-кодига йўналтиринг 

3-қадам: Экспонатларни интерактив режимда ўрганиш учун қўшимча контентни юклаб олинг

EN

Find out more about the book with Cultural legacy of Uzbekistan Application

Step 1: Download and set up Cultural legacy of Uzbekistan Application

Step 2: Point the smartphone camera at the QR code 

Step 3: Wait until the additional content for the collections online encounter is loaded

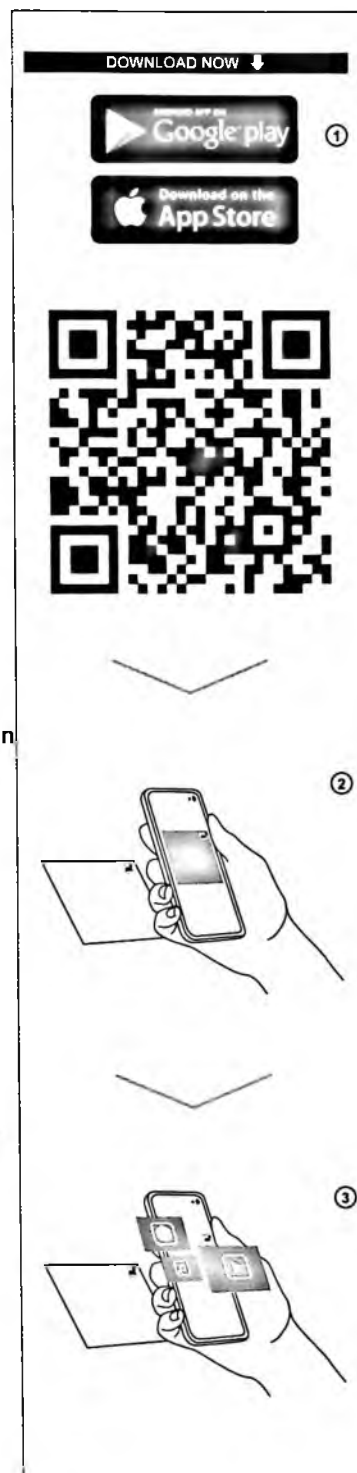
RU

Узнайте больше о книге с приложением Cultural legacy of Uzbekistan

Шаг 1: Скачайте и установите приложение Cultural legacy of Uzbekistan

Шаг 2: Наведите камеру смартфона на QR-код 

Шаг 3: Дождитесь загрузки дополнительного контента для знакомства с коллекциями в интерактивном режиме



МУНДАРИЖА • CONTENTS • СОДЕРЖАНИЕ

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси ҳақида Э.В. Ртвеладзе, Ф.Ф. Абдухаликов	5
About the project "cultural legacy of uzbekistan in world collections" E. V. Rtveladze , F.F. Abdukhalikov	14
О проекте «культурное наследие узбекистана в собраниях мира» Э.В. Ртвеладзе, Ф.Ф. Абдухаликов	23
Навоийшуносликка қўшилган хисса Н.М. Махмудов, Э.З. Очилов	36
Big contribution to Navoi studies N.M. Makhmudov, E.Z. Ochilov	41
Большой вклад в Навоиведение Н.М. Махмудов, Э.З. Очилов	46
Санкт-Петербургдаги Россия Миллий кутубхонаси	55
The National Library of Russia in St. Petersburg	99
Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге	139
Алишер Навоий — асрлар даҳоси	57
Alisher Navoi — a genius of the centuries	101
Алишер Навои — гений на века	141
Низомиддин Мир Алишер — давлат арбоби, қурувчи, фан ва санъат ҳомийси	59
Nizam al-Din Alisher — statesman, builder and patron	102
Низамиддин Мир-Алишер — государственный деятель, строитель и меценат	142
Навоий — «Илҳом куйчиси»	64
Navoi — "the inspired singer"	106
Навои — «вдохновенно поющий»	147
Россия миллий кутубхонасидаги Навоий қўлёзмалари: тўпламлар тарихидан	73
Navoi's manuscripts in the National Library of Russia: the history of the collection	114
Рукописи Навои в Российской национальной библиотеке: из истории собрания	155
Навоий асарлари китоб санъатида	78
The works of Navoi in the arts of the book	120
Произведения Навои в книжном искусстве	161
«Илк девон», 1465–1466 йй.	78
The «Early Divan» of 1465–1466.	120
«Ранний диван» 1465–1466 гг.	161
«Хамса», 1492–1493 йй.	79
Khamsa of 1492–1493	121
Пятерица 1492–1493 гг.	161
1521–1522 йй. миниатюрами Куллиёт	85
Kulliyat with miniatures of 1521–1522	127
Куллийат с миниатюрами 1521–1522 гг.	168
«Мажолис ун-нафоис» ва XVI аср Девонлари	91
Majalis al-Nafa'is and the Divans of the 16 th c.	132
«Маджалис ан-нафаис» и Диваны XVI в.	174
Куллиёт, 1592–1596 йй.	96
Kulliyat of 1592–1596	136
Куллийат 1592–1596 гг.	162

Каталог.....	181
Catalogue	181
Каталог.....	181

Халкларни бирлаштирувчи мерос. Китоб-альбомни нашрга тайёрлашда иштирок этган олимларга миннатдорлик	464
Heritage uniting peoples Acknowledgement to the scholars participated in the publication of the book-album	467
Наследие, объединяющее народы. Благодарность ученым, принявшим участие в издании книги-альбома	470

Адабиётлар	474
Bibliography	474
Литература.....	474

Исмлар кўрсаткичи	482
Index of names.....	483
Указатель имен	485



ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИНИ ЎРГАНИШ, САҚЛАШ ВА ОММАЛАШТИРИШ БЎЙИЧА БУТУНЖАҲОН ЖАМИЯТИ

ИЛМИЙ КЕНГАШИ

Эдвард Ртвеладзе – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, Бутунжаҳон жамияти илмий кенгаши раиси, илмий муҳаррир,

Акмал Саидов – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, юридик фанлар доктори, тахрир хайъати раиси,

Анатолий Сагдуллаев – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор, тарих фанлари доктори,

Александр Наймарк – тарих фанлари доктори, профессор (АҚШ),

Александр Седов – тарих фанлари доктори (Россия Федерацияси),

Баҳром Абдуҳалимов – тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон),

Владимир Грусман – педагогика фанлари доктори (Россия Федерацияси),

Ефим Резван – тарих фанлари доктори, профессор (Россия Федерацияси),

доктор **Маттиас Рёсслер** (Германия),

Пьер Лериш – профессор (Франция),

доктор **Роберт Брейси** (Буюк Британия),

Роик Баҳодиров – фалсафа фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон),

Рустам Сулаймонов – тарих фанлари доктори, профессор (Ўзбекистон),

доктор **Томас Кунце** (Германия),

доктор **Франсис Ришар** (Франция),

Жерар Фюссман – профессор (Франция),

доктор **Фредерик Старр** (АҚШ),

Шоҳин Мустафоев – академик, тарих фанлари доктори, профессор (Озарбойжон),

Шокиржон Пидаев – тарих фанлари номзоди (Ўзбекистон),

Эльмира Гюль – санъатшунослик доктори, профессор (Ўзбекистон).

БОШҚАРУВ КЕНГАШИ

Фирдавс Абдухолиқов – раис (Ўзбекистон Республикасида хизмат кўрсатган журналист),

Баҳтиёр Фозилов – раис ўринбосари,

Азиз Абдуҳакимов – «Ипак йўли» Халқаро туризмни ривожлантириш университети ректори,

Криста Пиккат – ЮНЕСКОнинг Олмаотадаги Кластер Бюроси директори,

Ирина Попова – тарих фанлари доктори, профессор (Россия Федерацияси),

Камола Акилова – санъатшунослик доктори (Ўзбекистон),

Шоазим Миноваров – Ислом цивилизацияси маркази директори (Ўзбекистон),

Кетлин Гёбель – Cultur-cooperation International e.V. фонди директори (Германия),

Павел Лурье – филология фанлари номзоди (Россия),

Сергей Лаптев – тарих фанлари номзоди (Япония).



«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ»

муаллифлик туркуми

«АЛИШЕР НАВОЙИ АСАРЛАРИ XV-XVI АСРЛАР КИТОБАТ САНЪАТИ ДУРДОНАЛАРИДА»

(Россия миллий кутубхонаси тўпламидан, Санкт-Петербург, Россия)

китоб-альбоми

Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

Илмий муҳаррир

Эдвард Ртвеладзе

(Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси академиги, профессор)

Туркум муаллифи, лойиҳа раҳбари

Фирдавс Абдухолиқов

(Ўзбекистон Республикасида хизмат кўрсатган журналист)

Бўлимлар муаллифлари

Ольга Васильева (матн муаллифи, тузувчи) – Россия Федерацияси.

Низомиддин Махмудов, Эргаш Очилов

(«Навоийшуносликка қўшилган хисса» мақоласининг муаллифлари) – Ўзбекистон Республикаси

Ташкилий гуруҳ

Екатерина Соболева (Ўзбекистон бўйича координатор),

Игорь Портнягин (Россия Федерацияси бўйича координатор)

*Альбом учун фотосуратлар Россия миллий кутубхонаси томонидан тақдим қилинган
(Санкт-Петербург, Россия).*

Тасвирга олиш гуруҳи

Шахноза Ғаниева (китоб-альбомнинг видео талқини муаллифи), Насиба Фахриддинова (ижрочи продюсер),

Шамил Юсупов (монтаж режиссёри), Козим Хотамкулов, Жанат Нурбаев (операторлар),

Шухрат Зокиров (бастакор)

Таржимон, муҳаррир ва мусахҳихлар

Шахноза Бозорова, Масъуд Махсудов, Рустам Жабборов, Хосият Ражабова (ўзбек тилига таржима ва таҳрир),

Чарльз Мелвил (инглиз тилидаги матн таҳрири), Виолетта Цилицкая, Дмитрий Костюшкин,

Диана Месропян (инглиз тилига таржима ва таҳрир);

Мирзаахмед Алимов, Лилиана Гуревич (рус тилларидаги матн таҳрири ҳамда мусахҳихлиги)

Охирги таҳрири ва мусахҳихлиги – «SHARQ» НМАК

Компьютер саҳифаловчиси, дизайн, нашрга тайёрлаш, 3D-эффектлари

Александр Варламов, Тарас Монченко, Абдусаттор Абдубаннопов, Барчина Рискиева

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳасининг ижодий гуруҳи ушбу лойиҳани амалга оширишда кўрсатган ёрдами учун Ўзбекистон Республикаси ҳукуматига миннатдорлик билдиради.

Лойиҳа хомийси



ХАЛҚАРО НЕФТЕСЕРВИС
ГУРУҲИ



ЎЗБЕКИСТОН ЭЛЕКТРОН МАМЛАВИЙ
АХБОРОТ ВОСИТАЛАРИ АССОБИЯШИ
АССОБИЯШИ (ЎЗЭОАВИА)



ЮНЕСКОНИНГ
ЎЗБЕКИСТОН ШАҒИ
ВАКОЛАТХОНАСИ

Tashkent
Office



ЎЗБЕКИСТОН
РЕСПУБЛИКАСИ ТУРТИНЧИ
РИВҚАЛАШТИРИШ ДАВЛАТ
ҚУМБАСИ



ЎЗБЕКИСТОН
РЕСПУБЛИКАСИ ТУРТИНЧИ
РИВҚАЛАШТИРИШ ДАВЛАТ
ҚУМБАСИ



ЎЗБЕКИСТОН САНЪАТЛАРИ
МИНИСТРЛИГИ



РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА



SEVMILTI TV



«DARAKCHI INFORM SERVICE»



ЎЗБЕКИСТОН РЕПУБЛИКАСИ ВАМИРЛАР
МАККАМАСИ ХУЗУРЛАШ ҲАМДА
ОШҚОҚЛАШТИРИШ МАДАНИЙ
БОЛИКЛАРИНИ ТАДБИҚ ЭТИШ МАККАМАСИ



ЎЗБЕКИСТОН
РЕСПУБЛИКАСИ
ФАЙЛАЛ АКАДЕМИЯСИ



ЎЗБЕКИСТОН РЕПУБЛИКАСИ
ВАМИРЛАР МАККАМАСИ
ХУЗУРЛАШТИРИШ
МАККАМАСИ



WORLD SOCIETY FOR STUDY, PRESERVATION AND POPULARIZATION OF CULTURAL HERITAGE OF UZBEKISTAN

ACADEMIC COUNCIL

Edward Rtweladze – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Chairperson of Academic Council of World Scientific Society, Scientific Editor,

Akmal Saidov – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of Law, Chairman of the Editorial Council,

Anatoliy Sagdullayev – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor, Doctor of History,

Aleksandr Naymark – Doctor of History, Professor (USA),

Alexander Sedov – Doctor of History (Russian Federation),

Bakhrom Abdukhalimov – Doctor of History, Professor (Uzbekistan),

Vladimir Grusman – Doctor of Pedagogics (Russian Federation),

Efim Rezwan – Doctor of History, Professor (Russian Federation),

Doctor Matthias Roessler (Germany),

Pierre Leriche – Professor (France),

Doctor Robert Bracey (UK),

Roik Bakhodirov – Doctor Philosophy, Professor (Uzbekistan),

Rustam Suleimanov – Doctor of History, Professor (Uzbekistan),

Doctor Thomas Kunze (Germany),

Doctor Francis Richard (France),

Gérard Fussman – Professor (France),

Doctor Frederick Starr (USA),

Shain Mustafayev – Academician, Doctor of History, Professor (Azerbaijan),

Shakirjon Pidayev – Ph.D. of History (Uzbekistan),

Elmira Gyul – Doctor of Art History, Professor (Uzbekistan).

EXECUTIVE COUNCIL

Firdavs Abdukhalikov – Chairman (Honored Journalist of the Republic of Uzbekistan),

Bakhtier Fazilov – vice-chairman,

Aziz Abdukhakimov – Rector of the International University of Tourism «Silk Road»,

Krista Pikkat – Director of the UNESCO Cluster Office in Almaty,

Irina Popova – Doctor of History, Professor (Russian Federation),

Kamola Akilova – Doctor of Art History (Uzbekistan),

Shoazim Minovarov – Director of the Center for Islamic Civilization (Uzbekistan),

Kathleen Goebel – Director of the Cultur-cooperation International e.V. (Germany),

Pavel Lurje – Ph.D. of Philology (Russia),

Sergey Lapteff – Ph.D. of History (Japan).



Author's book series
"THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN"
Book-album
THE WORKS OF ALISHIR NAVAI IN FINE BOOKS
OF THE 15TH-16TH CENTURIES
(from the collection of the National Library of Russia, Saint Petersburg, Russia)
In Uzbek, English and Russian

Scientific editor
Edvard Rtveladze
(Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Professor)

Author of the series, Head of the project
Firdavs Abdukhalikov
(Honored Journalist of the Republic of Uzbekistan)

Author
Olga Vasilyeva (text author, compiler) – Russian Federation.
Nizomiddin Makhmudov, Ergash Ochilov
(authors of the article "Big Contribution to Navoi Studies") – Republic of Uzbekistan

Organizing group
Ekaterina Soboleva (Coordinator for Uzbekistan),
Igor Portnyagin (Coordinator for Russia)

All photos courtesy of the National Library of Russia, (Saint Petersburg, Russia).

Film crew
Shakhnoza Ganiyeva (author of video version), Nasiba Fahriddinova (executive producer), Shamil Yusupov (editor),
Kozim Hotamkulov, Jannat Nurbekov (cameramen), Shukhrat Zakirov (music composer)

Translation, Editing and Proofreading
Shakhnoza Bazarova, Masud Makhmudov, Rustam Jabborov, Khosiyat Rajabova (translation, editing and proofreading of the Uzbek text); Charles Melville (English text editor), Violetta Tsilitskaya, Diana Mesropyan, Dmitriy Kostushkin (translation, editing and proofreading of the English text); Mirzaahmed Alimov, Liliana Gurevich (editing and proofreading of the Russian text)

Final editing and proofreading – PPJSC "SHARQ"

Computer page-proofs, design, preparation for printing, 3D effects
Alexander Varlamov, Taras Monchenko, Abdusattor Abdubannapov, Barchina Riskieva

The creative group of the project "Cultural Legacy of Uzbekistan in World collections" expresses gratitude to the Government of the Republic of Uzbekistan for the support in the implementation of the project.

Project sponsor





ВСЕМИРНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ, СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УЗБЕКИСТАНА

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Эдвард Ртвеладзе – академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, председатель научного совета Всемирного общества, научный редактор,

Акмаль Саидов – академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, доктор юридических наук, председатель редакционного совета,

Анатолий Сагдуллаев – академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, доктор исторических наук,

Александр Наймарк – доктор исторических наук, профессор (США),

Александр Седов – доктор исторических наук (Российская Федерация),

Бахром Абдухалимов – доктор исторических наук, профессор (Узбекистан),

Владимир Грусман – доктор педагогических наук (Российская Федерация),

Ефим Резван – доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация),

доктор Маттиас Рёсслер (Германия),

Пьер Лериш – профессор (Франция),

доктор Роберт Брейси (Великобритания),

Роик Баходиров – доктор философских наук, профессор (Узбекистан),

Рустам Сулейманов – (доктор исторических наук, профессор (Узбекистан),

доктор Томас Кунце (Германия),

доктор Франсис Ришар (Франция),

Жерар Фюссман – профессор (Франция),

доктор Фредерик Старр (США),

Шаин Мустафаев – академик, доктор исторических наук, профессор (Азербайджан),

Шакиржон Пидаев – кандидат исторических наук (Узбекистан),

Эльмира Гюль – доктор искусствоведения, профессор (Узбекистан).

ПРАВЛЕНИЕ

Фирдавс Абдухаликов – председатель (заслуженный журналист Республики Узбекистан),

Бахтиер Фазылов – заместитель председателя,

Азиз Абдухакимов – ректор Международного университета туризма «Шелковый путь»,

Криста Пиккат – директор Кластерного Бюро ЮНЕСКО в Алматы,

Ирина Попова – доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация),

Камола Акилова – доктор искусствоведения (Узбекистан),

Шоазим Миноваров – директор Центра исламской цивилизации (Узбекистан),

Кетлин Гёбель – директор фонда Cultur-cooperation International e.V. (Германия),

Павел Лурье – кандидат филологических наук (Россия),

Сергей Лаптев – кандидат исторических наук (Япония).



**Авторская серия
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА»
Книга-альбом**

**«ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛИШЕРА НАВОИ В ШЕДЕВРАХ
КНИЖНОГО ИСКУССТВА XV-XVI ВЕКОВ»**

(из собрания Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия)

На узбекском, английском и русском языках

Научный редактор

Эдвард Ртвеладзе

(академик АН Республики Узбекистан, профессор)

Автор серии, руководитель проекта

Фирдавс Абдухаликов

(заслуженный журналист Республики Узбекистан)

Автор

Ольга Васильева (автор текста, составитель) – Российская Федерация

Низамиддин Махмудов, Эргаш Очилов (авторы статьи «Большой вклад в навоиведение») – Республика Узбекистан

Организационная группа

Екатерина Соболева (координация по Республике Узбекистан),

Игорь Портнягин (координация по Российской Федерации)

Фотографии для альбома предоставлены Российской национальной библиотекой (Санкт-Петербург, Россия).

Съемочная группа

Шахноза Ганиева (автор видеоверсии), Насиба Фахриддинова (исполнительный продюсер),

Шамиль Юсупов (режиссер монтажа), Козим Хотамкулов, Жанат Нурбаев (операторы),

Шухрат Закиров (композитор)

Перевод, редактора и корректура

Шахноза Базарова, Масъуд Махсудов, Рустам Джаббаров, Хосият Раджапова (перевод и редактора узбекского текста); Чарльз Мелвил (редактор английского текста), Виолетта Цилицкая, Дмитрий Костюшкин, Диана Месропян (перевод и редактора английского текста); Мирзаахмед Алимов, Лилиана Гуревич (редактора и корректура русского текста).

Контрольная редактора и корректура – ИПАК «SHARQ»

Компьютерная верстка, дизайн, подготовка к печати, 3D-эффекты

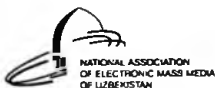
Александр Варламов, Тарас Монченко, Абдусаттор Абдубаннапов, Барчина Рискиева

Творческая группа проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» выражает благодарность Правительству Республики Узбекистан за поддержку в реализации проекта

Спонсор проекта



МЕЖДУНАРОДНАЯ
НЕФТЕСЕРВИСНАЯ ГРУППА



НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ УЗБЕКИСТАНА
(НАЭММ)



ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ЮНЕСКО В УЗБЕКИСТАНА



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАНА ПО РАЗВИТИЮ
ТУРИЗМА



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАНА



НАЦИОНАЛЬНАЯ
АССОЦИАЦИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА



РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА



SEVIMLI TV



«DARAKCHI INFORM SERVICE»



ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАНА
ЗА РУБЕЖОМ



АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАНА



ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАНА



ВСЕМИРНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ, СОХРАНЕНИЮ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УЗБЕКИСТАНА

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Эдвард Ртвеладзе – академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, председатель научного совета Всемирного общества, научный редактор,

Акмаль Саидов – академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, доктор юридических наук, председатель редакционного совета,

Анатолий Сагдуллаев – академик Академии наук Республики Узбекистан, профессор, доктор исторических наук,

Александр Наймарк – доктор исторических наук, профессор (США),

Александр Седов – доктор исторических наук (Российская Федерация),

Бахром Абдухалимов – доктор исторических наук, профессор (Узбекистан),

Владимир Грусман – доктор педагогических наук (Российская Федерация),

Ефим Резван – доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация),

доктор Маттиас Рёсслер (Германия),

Пьер Лериш – профессор (Франция),

доктор Роберт Брейси (Великобритания),

Роик Баходиров – доктор философских наук, профессор (Узбекистан),

Рустам Сулейманов – (доктор исторических наук, профессор (Узбекистан),

доктор Томас Кунце (Германия),

доктор Франсис Ришар (Франция),

Жерар Фюссман – профессор (Франция),

доктор Фредерик Старр (США),

Шаин Мустафаев – академик, доктор исторических наук, профессор (Азербайджан),

Шакиржон Пидаев – кандидат исторических наук (Узбекистан),

Эльмира Гюль – доктор искусствоведения, профессор (Узбекистан).

ПРАВЛЕНИЕ

Фирдавс Абдухаликов – председатель (заслуженный журналист Республики Узбекистан),

Бахтиер Фазылов – заместитель председателя,

Азиз Абдухакимов – ректор Международного университета туризма «Шелковый путь»,

Криста Пиккат – директор Кластерного Бюро ЮНЕСКО в Алматы,

Ирина Попова – доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация),

Камола Акилова – доктор искусствоведения (Узбекистан),

Шоазим Миноваров – директор Центра исламской цивилизации (Узбекистан),

Кетлин Гёбель – директор фонда Cultur-cooperation International e.V. (Германия),

Павел Лурье – кандидат филологических наук (Россия),

Сергей Лаптев – кандидат исторических наук (Япония).



Авторская серия
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА»
Книга-альбом
**«ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЛИШЕРА НАВОИ В ШЕДЕВРАХ
КНИЖНОГО ИСКУССТВА XV-XVI ВЕКОВ»**

(из собрания Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург, Россия)

На узбекском, английском и русском языках

Научный редактор
Эдвард Ртвеладзе
(академик АН Республики Узбекистан, профессор)

Автор серии, руководитель проекта
Фирдавс Абдухаликов
(заслуженный журналист Республики Узбекистан)

Автор
Ольга Васильева (автор текста, составитель) – Российская Федерация
Низамиддин Махмудов, Эргаш Очилов (авторы статьи «Большой вклад в навоиведение») – Республика Узбекистан

Организационная группа
Екатерина Соболева (координация по Республике Узбекистан),
Игорь Портнягин (координация по Российской Федерации)

Фотографии для альбома предоставлены Российской национальной библиотекой (Санкт-Петербург, Россия).

Съемочная группа
Шахноза Ганиева (автор видеoverсий), Насиба Фахриддинова (исполнительный продюсер),
Шамиль Юсупов (режиссер монтажа), Козим Хотамкулов, Жанат Нурбаев (операторы),
Шухрат Закиров (композитор)

Перевод, редакция и корректура
Шахноза Базарова, Масъуд Махсудов, Рустам Джаббаров, Хосият Раджапова (перевод и редакция узбекского текста); Чарльз Мелвил (редактор английского текста), Виолетта Цилицкая, Дмитрий Костюшкин, Диана Месропян (перевод и редакция английского текста); Мирзаахмед Алимов, Лиана Гуревич (редакция и корректура русского текста).

Контрольная редакция и корректура – ИПАК «SHARQ»

Компьютерная верстка, дизайн, подготовка к печати, 3D-эффекты
Александр Варламов, Тарас Монченко, Абдусаттор Абдубаннапов, Барчина Рискиева

Творческая группа проекта «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира» выражает благодарность
Правительству Республики Узбекистан за поддержку в реализации проекта

Спонсор проекта



МЕЖДУНАРОДНАЯ
НЕФТЕСЕРВИСНАЯ ГРУППА



НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ УЗБЕКИСТАНА
(НАЭСМУ)



ТАШКЕНТ
ОФИС
United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ЮНЕСКО В УЗБЕКИСТАНА



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ ПО РАЗВИТИЮ
ТУРИЗМА
УЗБЕКИСТАНА



МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАНА



НАЦИОНАЛЬНАЯ
АВИАКОМПАНИЯ «УЗБЕКИСТАН
АЙРВэйз»



РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА



SEVMILTI TV



«DARAKCHI INFORM SERVICES»



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ ПО РАЗВИТИЮ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА
ТАШКЕНТ



АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАНА



ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
КОДИФИЦИРОВАНИЯ
УЗБЕКИСТАНА

УЎК 027.54(470)

КБК 78(2)

A 15

A 15

«Ўзбекистон маданий мероси» муаллифлик туркуми: «Алишер Навоий асарлари XV–XVI асрлар китобат санъати дурдоналарида» китоб-альбоми / Ф.Ф. Абдухоликов, Э.В. Ртвеладзе, О.В. Васильева, Н.М. Махмудов, Э.З. Очилов. Тошкент: «Silk Road Media», «East Star Media» МЧЖ, «Darakchi inform servis» МЧЖ буюртмасига кўра, 2020. – 496 б.

ISBN 978-9943-4713-0-6

УЎК 027.54(470)

КБК 78(2)

«ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ»
муаллифлик туркуми
«АЛИШЕР НАВОИЙ АСАРЛАРИ XV–XVI АСРЛАР КИТОБАТ САНЪАТИ
ДУРДОНАЛАРИДА»
китоб-альбом
Ўзбек, инглиз ва рус тилларида

«Ўзбекистон маданий мероси жаҳон тўпламларида» лойиҳаси
«Darakchi inform servis» МЧЖ томонидан амалга оширилмоқда.
Оригинал макет «Zamon-Press-Info Nashriyot Uyi» МЧЖ базасида тайёрланди.
Нашр лицензияси AI №289, 04.11.2016.
«Silk Road Media» МЧЖ, «East Star Media» МЧЖ.

Тайёр макетдан босишга рухсат этилди 06.03.2020. Бичими 60×90 1/8.
«Book Antique, Myriad Pro» гарнитураси.
Офсет босма. Шартли босма табоғи 62,0. Адади 3000. Буюртма рақами №376-Ж.
Нархи шартномада келишилган.

ISBN 978-9943-4713-0-6



9 789943 471306 >

«КОЛОРОПАК» МЧЖ босмахонасида чоп этилди.
100060, Тошкент шаҳри, Элбек кўчаси, 8-уй.



**ЎЗБЕКИСТОН МАДАНИЙ МЕРОСИ
THE CULTURAL LEGACY OF UZBEKISTAN
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА**